

№1. 2013

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера

Мы часто повторяем, что о человеке судят по его делам, но забываем иногда, что слово тоже поступок. Речь человека — зеркало его самого. Всё фальшивое и лживое, пошлое и вульгарное, как бы мы ни пытались скрыть это от других, вся пустота, чёрствость или грубость прорываются в речи с такой же силой и очевидностью, с какой проявляются искренность и благородство, глубина и тонкость мыслей и чувств.

Л.Н. Толстой

Октябрь. 2013. №1

Содержание

Слово к читателю	3
Публицистика	
Алексей Дмитрировский. Русский мир: заметки к определению	4
Россия и ее идентичность. Обзор публикаций	8
Поэзия	
Александр Гахов. Взираю в глубину седых времён	10
Владимир Шемшученко. В предчувствии первого снега... Стихи	42
Игорь Ерофеев. Я родился русским... Стихи	92
Николай Василевский. Перед дорогой. Стихи	99
Проза	
Александр Грибков. Библиада, или Литературный герой. Роман	13
Виктор Геманов. Ход конем. Повесть	44
Юрий Крупенич. Синемурий. Рассказ	96
Дмитрий Воронин. Поздняя месть. Рассказ	100
Сергей Угренинов. Игаш. Рассказ	104
Литературные пародии	
Светлана Супрунова. Пародии	107
Молодые авторы	
Катя Котова. Время «Ч»	109
Леонид Бондарь. Цикл стихов	111
Юбилейные даты	
Александр Солженицын. Слово о Валентине Распутине	113
Лидия Довыденко. «Внутреннее оформление человечества»	116
Лилия Маринна. Прусские невесты и российский престол	119
История и краеведение	
Георгий Набатов. С белым флагом по Кенигсбергу	122
Виталий Шевцов. Судовая роль	125
Олег Щеблыкин. Крестный отец тельняшки	130
Переводы	
Йорам Вольман. Ожидание Джульетты	135
Экономика	
Лидия Довыденко. 400 лет лоцманской службе России	138
Православие	
Неонилла Пасечник. Крестный ход к Почаевской Лавре	142
Критика	
Павел Рейдов. Тема черного берета	149
Леонид Владимиров. «Беспокойное море» творчества Виктора Геманова	151
Виктор Каргатский. И форма, и содержание (сердитые заметки)	153
Наши авторы	156
Фото на обложке: Валентины Архиповской	

Слово к читателю

Уважаемый читатель! Вы держите в руках первый номер журнала «Берега». Люди с древних времен, прежде всего, селились на берегах морей, рек и озер. Раскрыв журнал, Вы ступаете на берега литературы, культуры, истории России и Калининградской области.

Наш журнал во многом уникален, потому что своим содержанием ориентирован на людей мыслящих, которые устали от «чтива» и «глянца», на тех, у кого есть желание и возможности следить за культурными, общественными явлениями глубокого содержания. Потребность не только заглянуть, но и поселиться на широких берегах того, что сложилось в нашей духовно-нравственной генетике, в отечественной философии: понятия соборности, всеединства, общего дела, общей жизни, русской культуры, в частности, культуры Янтарного края - велика. Мы от всей души любим свой край с влажными ветрами Балтийского моря, со своеобразием архитектуры разных столетий, с удивительной историей, в какую вплелось столько разных культур разных народов, с возрождающимся великолепием европейского облика городов с русской душой.

Выход первого номера приурочен к 19 октября. Как известно, в России, да и во всем мире, День Царскосельского лицея, давшего столь много выдающихся выпускников, среди которых гений русской поэзии - А.С. Пушкин, стал литературным праздником. В Калининградской области в это время открываются Дни литературы, когда писателей ждут в библиотеках, школах, вузах, на кораблях Балтийского флота.

Журнал преследует, прежде всего, просветительские цели, знакомство читателей с современными авторами не только в области художественной литературы, но уделяет внимание фундаментальным проблемам развития России и русской цивилизации, проблемам сохранения и поддержки русского языка и литературы, богатейшего наследия российской культуры, Янтарного края, его улучшения и обустройства.

Редакция журнала стоит на позициях русскости, России, Православия, но открыта всем гуманным культурам мира, открыта для всех, сохраняющих «человеческое в человеке» в условиях информационного общества. Духовное бытие сегодня полно драматического напряжения, в каждой точке жизни мы стоим перед выбором: быть носителями нравственности, этики, культуры, просвещенности или проигнорировать их.

Культура – это лицо нации. Культура – это то, что возвращает пассионарный состав народа, чтобы реализовать его в собственной семейной и трудовой жизни и возвести на уровень общегосударственного и мирового закона.

На страницах «Берегов» Вы, уважаемый читатель, встретитесь с маститыми авторами и молодыми. Рубрика «Наши авторы» рассказывает, сколь широко они представлены географически (от Калининграда до Москвы, Санкт-Петербурга, Киева) и в области их творческих достижений: победы на международных литературных конкурсах, солидные числа изданных и востребованных читателями книг.

Мы уверены, ознакомившись с первым номером «Берегов», Вы, как и редакция журнала, вместе будем готовиться к встрече в следующем номере с новыми и полюбившимися авторами, делиться своими размышлениями.

Мы рады новым партнерам, новым героям и новым заинтересованным читателям!
Главный редактор Л. Довыденко

Публицистика

Алексей Дмитриевский

Русский мир: заметки к определению

Обозначение Русского мира вошло в общественное сознание на наших глазах. Оно вызвано к жизни острейшими проблемами современного русского существования и тревогой за его будущее, где на чашах как отечественных, так и мировых весов оказываются одновременно, по самому крупному счёту, общее спасение и также общий апокалипсис. Для нас, русских, понятие Русского мира представляется, на первый взгляд, самоочевидным, поскольку это все мы, русские люди, в разумно-целесообразном, а в идеале - дружественном и братском сосуществовании со всеми народами родной страны и народами всей земли, что, кстати, и получает подтверждение в нынешней Российской политике многополярного мира, противостоящей односторонней глобализации по американскому ранжиру. Вместе с тем, понятие Русского мира для обеспечения всестороннего жизненного самоутверждения требует теоретического обоснования на всех уровнях: историческом, нравственно-психологическом, культурологическом, религиозном. Эта работа сейчас ведётся учёными и публицистами, а поскольку понятие Русского мира было введено в обиход на высшем государственном уровне, то уже сама собой предусматривается гарантия его осмысления и реализации как одного из приоритетов государственной политики. Так, В.В.Путин в своей программной статье «Россия: национальный вопрос» подчеркнул государствообразующую роль русского народа в нашей многонациональной стране, а русской культуры как ядра и стержня общероссийской цивилизации. Всё это тем более требует теоретической проработки основных, константных свойств русского народа как феномена общегосударственного и мирового бытия, также во всех аспектах истории, культуры, религии в единстве настоящего, прошлого и самой будущности.

Физическую структуру русского мира, по данным на 2010 год образует более 127 миллионов человек, из которых 86% живут в России, составляя 81% населения собственной страны. Но около 30 млн. русских сейчас проживает в странах ближнего зарубежья и более 15 млн. в дальнем зарубежье. Притом Россия была и остаётся «родиной всех русичей, рассеянных по белу свету, составляя их историко-родовую память и являясь центром их постоянного культурно-этнического и духовно-нравственного притяжения. Но возникает центральная проблема - определение Русского мира в константах (термин А. Проханова) духовно-нравственного самосознания, менталитета, образующих наше коллективное народно-национальное лицо, уникальное и, одновременно, роднящее нас со всеми другими народами. В русской классической философии едва ли не первое место в решении этой задачи принадлежит И.А.Ильину. «Русская идея, - писал он, - есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Сердца, созерцающего свободно и предметно; и передающего своё видение воле для действия, и мысли для осознания и слова», - а в современной общественной мысли конкретизацию этого определения осуществил литературовед-пушкинист В.С.Непомнящий, декларировавший русскую духовность в свойстве совести, переживаемой как «драма вины», или «совестное страдание». Верность этого наблюдения подтверждается не только всей русской литературой, начиная от «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона (XI в.), до Пушкина, и от Пушкина до Солженицына, но и всей историей русского народа и Российского государства, столь же великой в свершениях совести, сколь и трагической в её совестных бедах. Но признавая совесть эпицентром общей жизнестроительной энергии и контрольно-регулирующей инстанцией поведения в гармоническом сочетании собственного и всеобщего блага, мы в полной мере отдаём себе отчёт, во-первых, в великом общечеловеческом значении русской духовности и, во-вторых, в особо трудных путях его осуществления в условиях буржуазно-материалистического мира с его односторонней распалёмо-чувственной аффектацией и насильственно насаждаемой в международной практике неокальвинистской и социал-дарвинистской регуляцией.

Но также приходится признать, что драматизм русской духовности внешнеполитического порядка осложняется её собственной неустойчивостью, тем, что её величайшая типизация в художественной классике и её столь же великие международные свершения в справедливых освободительных войнах и во внутреннем строительстве систематически перемежались периодами упадка народного духа, а то и вовсе самоубийственными действиями, что особенно наглядно сказалось в катастрофическое для народа и государства Смутное время конца XVI – начала XVII вв., в расколе XVII в. и в гражданских распадах XX века, в его начале и конце. И сейчас мы свидетели явно болезненного состояния, в котором пребывает Русский мир в целом и, в первую очередь, на своей родине в России, что сказывается в росте отрицательных показателей гражданского состояния фактически по всем позициям физического и

нравственного порядка, имея в виду пьянство, наркоманию, семейно-родовое разрушительство, брошенные дети, самоубийства, грабежи, насилия, преступное небрежение к работе (в медицине, на транспорте), приводящее к гибели людей, невиданная доселе коррупция, разъедающая, как ржавчина, государственный организм. Распространяется такое нравственно-психологическое состояние, когда людям вдруг всё становится «по барабану». Таким образом, проблема Русского мира - это проблема нашего самосохранения, духовного и физического самоутверждения и достижения процветания на собственной национально-исторической основе и в творческом содружестве со всеми другими национально-государственными мирами на благо себе и всем.

Главная двуединая проблема, боль и тревога нынешнего Русского мира - это наш генофонд и демография. Статистика свидетельствует, что с 1992 года у нас по нарастающей шло физическое убывание народа, но вымирающий народ заведомо лишается исторического будущего. Сейчас принятые на государственном уровне меры по материальному вспомоществованию семьям («материнский капитал») дали положительный результат, и это по-настоящему обнадеживает. Но в целом решение демографической проблемы коренится не в материально-бытовой, а в духовно-бытийственной сфере, в архетипе бессмертия, как лично-генетического, т.е. семейно-родового, так и исторического общенационального, что достигается единством творчески созидательного труда и расширяющегося деторождения. Но для восстановления этой глубинно-сущностной культуры человека, которая в патриархальные времена бытовала на инстинктуальном уровне, обеспечивая непрерывно-поступательный физический рост народа, а потом была едва ли не целиком порушена в гражданско-цивилизационных падениях, у нас делается очень мало, и даже имевший у нас место Год семьи оказался по своему содержанию не более, чем моментом словесно-рекламного ритуала.

Выживание и процветание народа обеспечивается средствами бережного сохранения, укрепления и постоянного обогащения физического и духовно-нравственного генофонда, и здесь нам надо учиться не только у своих прямых предков русичей, явивших пример высочайшей жизненной пассионарности, заселивших огромные территории и создавших великую державу, но и у других собратьев по жизни. Вот опубликованы данные, согласно которым самый мощный генофонд в мире - китайский, а в своём нравственно-психологическом складе народы Индии, Китая, Кореи, Японии обнаруживают благодатную способность жить в каждом серьёзном жизненном действии всей историей сразу, от своих многотысячелетних начал до сего дня и одновременно – в перспективе вечности. Это народы с одинаково фундаментальным культом предков и потомков и самосознанием своего внутринационального родства как на интеллектуальном, так и на подсознательном уровне. В результате они сумели сохранить в неприкосновенности свой патриархальный родовой потенциал, органически совместив его с самоновейшим цивилизационным гражданским и технологическим прогрессом. Не менее того важен пример мусульманских народов с их национально благодатным культом многодетности. В нашем кризисном, а точнее - болезненном - состоянии народа национальный генофонд, как жизненная база, которая создается веками в смене поколений и восстанавливается после катастрофических разрушений тоже отнюдь не за одно десятилетие, требует тем более постоянной и кропотливой работы над собой на всех уровнях: от государственной политики до личной семейно-родовой заботы каждого русича. Не пить, не курить, беречь себя для семьи, для богато-здорового потомства. Но главным бичом русского народа остаётся дьявольский алкоголь. «Литературная газета» приводила следующую ужасающую статистику на этот счёт. По данным Всемирной организации здравоохранения, при годовом потреблении 8 литров алкоголя на душу населения начинается необратимое угасание этноса, а в России, как выясняется, уже в 2000 году было выпито 18,5 литров, а ныне мы допиваем уже 25-ю литровку. Но что предпринимается у нас по настоящему действенного для спасения народа от алкогольной смерти? Ни-че-го!

Также перед русским народом стоит задача критической самопроверки внутреннего нравственно-психологического самообеспечения. Страшные выводы на этот счёт сделал ушедший недавно от нас великий мыслитель А.А.Зиновьев. Выводы столь беспощадные и, вместе с тем, истинные, что даже со скидкой на несомненную авторскую гиперболизацию воспроизводить их, цитировать нет сил. Нужно читать про себя, содрогаясь при этом за судьбу народа и страны. Но одну из его инвектив приведу: «Такую массовую эпидемию самоуничтожения, антипатриотизма и пораженчества, какая имеет место сейчас в нашей стране, не допустил бы ни один европейский народ. Более того, этого нет и среди других народов нашей страны». Всё верно и тем более страшно, поскольку международно уважаемы и исторически перспективны лишь те народы, которые сами осознают и оценивают себя в самых высоких и предельно требовательных к себе благодатно-жизнесозидательных свойствах, а не те, кто... (далее читай «Катастрофку»).

Несомненно, просчитанную роль в распространении этого национально-мазохистского греха порока играют наши собственные средства массовой информации и особенно телевидение, скатившееся под фиговыми листками «свободы творчества» и софизма «не хочешь – не смотри» в болото самоиздевательской эстрадной попсы и уголовно-насильнической сюжетики голливудского разлива, где эффект зрительского сопереживания и катарсиса вытесняется гламурно-кайфовым отпадом-щекоткой с различием лишь - ниже пояса или выше плинтуса. И вот, кстати, приговор, столь же крутой, сколь и справедливый. Если мы не будем беспощадны по отношению к пропаганде порока на ТВ, то сгинем, как

Содом и Гоморра, ещё раньше Парижа и Лондона, где контроль общества над телевидением несравненно более суров, чем в России.

Мы крайне мало информированы о жизни русских зарубежных общин. Они тоже заслуживают немалых упреков в части аполитичности, допускающей глумление над собой как гражданами второго сорта. Например, в Латвии и даже на Украине, где при вашингтонском крышевании и в нарушение всех норм международного права проводится шовинистическая политика подавления русского самосознания: закрытие русских школ и даже насильственные переделки русских фамилий. Но одновременно выясняется, что русские люди за рубежом всё более зарекомендовывают себя как ревностные хранители традиций русской культуры и русского национального характера в его традиционно лучших, совестных свойствах. Этой проблеме посвящены книги калининградского писателя Е.А.Лушева «Русское рассеяние. Аргентина». - Калининград, 2007, и «Память», 2010. Так вот оказывается, что в старообрядческой среде алкоголя нет и в помине, а семьи в составе одиннадцати и даже восемнадцати детей - это обычное явление жизни.

И вот проблема русского языка, нашего главного народно-национального показателя. Наш смертный грех - это небрежение своим языком, что могло бы составить ещё одну обвинительную статью в вышеупомянутых инвективах А.А.Зиновьева. В самом деле, русский язык, как один из величайших в мире, оказался ввергнутым самим же языкотворцем, своим создателем и носителем, самим народом в позорище ненормативной лексики и иноязычной варваризации. Вот издаётся универсальный 12-томный словарь мата, демонстрирующий превращения родного языка в подобие невозделанного огорода, захламленного и заросшего сорняками. В стране отсутствует государственная служба русского языка. Государственная Дума пребывает в бессилии касательно закона о государственном статусе русского языка, хотя разговоры ведутся давно. Но здесь та же нынешняя болезнь подмены дела словами, подмена решения проблем самогипнотизирующим пребыванием в них.

Сложилось странное положение, при котором лингвистическая наука действительно на громадном подъёме, а народная речь при этом в катастрофическом распаде, и в школе учителя-словесники самоотверженно учат детей «великому, могучему, правдивому и свободному», а дети тут же матерятся. Так значит, возрождение русского народа должно начинаться с обеспечения единства слова и дела, и введения, по возможности, - как говорил Белинский, - строгого выполнения хотя бы тех законов, которые уже есть. Вот принимались у нас правительственные пятилетние программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» И что же? Об их выполнении ни слова. И как они выполнялись, если даже не были изданы массовым тиражом, хотя были призваны быть рабочим документом для каждого руководителя и предметом постоянной общественной заботы и отчётности. И у нас Калининградская областная Дума приняла в свое время отличный закон «О защите русского языка на территории Калининградской области», - 21 декабря 1995 года. Но кто знает этот закон, кто им руководствуется, и как он в целом осуществляется в жизни?

Необходимо развитие и культивирование широкой речетворческой деятельности на собственной русской и общеславянской корневой основе, гениальное начало которой ещё в XVI111 веке положил Ломоносов, полезно поучиться, как эту работу осуществляют сейчас французы на собственной латинской базе (отказались даже от английского «компьютера» в пользу национального «ординатора»), у которых, кстати, в речевом обиходе, как публиковалось в ЛГ, нет ни одного матерного слова. Так вправду, «уж если рождены мы всё перенимать», то как раз у французов и англичан нам следует занять приёмы мудрого словотворчества. Вот, мы, извините, «собезьянили» чуждые для своего слуха «ноутбук» и «ноу-хау», а ведь по-английски - это значит «записная книжка» и «знать как». Преклоняюсь перед английской словесно-речевой мудростью. Но в то же время – «воскреснем ли когда от чужевластья мод?»

Перестроечная вакханалия породила новые лексемы двусмысленного, а то и провокационного порядка. Вот, к примеру, «новые русские», при которых фактически весь русский народ молчаливо-лукаво предполагался устаревшим, или «русскоязычные», которыми объявляются теперь все подряд русские жители зарубежья. Вроде как это уже не наши кровные и духовные братья, а какие-то там «язычные», и, что вовсе невероятно, этот термин проникает во внутренний обиход, и в разных телевизионных тусовках уже проскальзывает в качестве нашего самоназвания!? И ещё зуд периодически возникающих провокационно-залихватских «даёшь!» по замене кириллицы латиницей, что вправду могло бы стать завершающим актом англо-американской языковой колонизации Русского мира. Ну, а пока у нас явочным порядком идут «невинные» замены на городских вывесках и в афишах отдельных русских букв латинскими или ёрнические языковые коктейли типа «Наша Раша». Здесь тоже поучителен пример Китая, сохраняющего в неприкосновенности свою многотысячелетнюю иероглифическую систему, как условия и гаранта национально-культурной идентичности. Сконструировали у себя даже особый компьютер в составе двух тысяч иероглифических знаков и при этом успевают дать нам фору в развитии наукоёмкой промышленности, в нравственной культуре, территориальной целостности и прочности государственного строя.

Так, идея Русского мира предусматривает нашу реальную жизнь и работу в нём самом и с ним в нас самих при его постоянном развитии, обогащении и защите, в соборности всех современных русичей и в

самосознании нашего историко-культурологического единства и идентичности, начиная от Кирилла и Мефодия и – в масштабах Вечности.

Но Русский мир - это также политическая проблема взаимоотношения-взаимодействия исторической матери-Родины и русских зарубежных общин-диаспор. В первую очередь, это взаимная объективно-надёжная информационная связь. Мы знаем, какой извращённый образ нашего народа, включая прямую русофобию, навязывают мировому общественному мнению посредством искусных аудио-визуальных технологий американско-глобалистские массмедиа и шовинистически заикленные элиты в некоторых странах, и от нас требуются соответствующие финансовые вложения для адресного, т.е. для русских общин в конкретных странах, распространения правдивой российской информации, а на русские зарубежные общины, в свою очередь, ложится ответственность по ознакомлению местного населения с благодатными свойствами исконной русской духовности и созданию в странах, ставших в силу обстоятельств их второй родиной, положительно-притягательного образа России. Точно так же востребована наша внутренняя периодика о современном русском зарубежье, тем более что есть немало того, чему мы можем и должны поучиться у зарубежных собратьев. В целом политика российского правительства должна обеспечивать в рамках существующего международного права вестороннюю и действенную поддержку русских зарубежных общин. Немалая нагрузка ложится здесь на дипломатические службы.

Ясно, что для полного возвращения нашего народа на стезю пассионарного жизнотворчества нужны руководители – гении, а сам народ должен обрести своё второе и третье жизнотворческое дыхание. Во многом нужно даже заново учиться жить. А вместо того тут большая беда, так называемая «утечка мозгов», когда, в результате допущенной нами же самими разрухи, сотни тысяч высококлассных учёных и целые научные школы легко переместились за рубеж, включившись там в экономическое и политическое спасение режимов, зачастую даже не скрывающих своих враждебных намерений в отношении нашей Родины, а интеллектуальный уровень собственного народа при этом резко снижается.

Русский мир для благодатного процветания нуждается в самоутверждении-идентификации в своих духовно-родовых основах, исторически образуемых вот уже 1025-летним православием, причём даже вне зависимости от его функционального состояния: церковно-религиозного предстоятельства или культурно-нравственного обихода, что целиком остаётся в пределах личной совести каждого. В этой связи большая надежда возлагается на введение в общеобразовательных школах курса «Основ православной культуры», равно как и на открытие воскресных православных гимназий. Не менее того наши братья и сёстры нуждаются в объединительных авторитетных внутренних и международных организациях и соответствующих периодических изданиях. И они есть. Это, в первую очередь, Всемирный Русский Народный Собор, естественно объединяющий весь Русский мир. Большие надежды возлагаются теперь на специальный фонд «Русский мир», центры которого уже создаются за рубежом, и на одноименное издательство. Назрела необходимость периодического издания «Русский мир» для внутреннего и международного чтения. Но обо всём этом у нас нет достаточной информации, равно как и о работе предельно близкого и родственного нам Международного Славянского комитета, хотя мы, русские славяне, должны не только знать, но и активно участвовать в их работе. А ещё мы знаем о существовании международного литературно-художественного журнала «Всероссийский собор», выходящего в Санкт-Петербурге. Но тоже его не читаем. В чём дело?

Публицист Олег Верещагин сформулировал пять принципов политики Русского мира, суть которых сводится к следующему: официальное объявление русских разделённой нацией, принятие реальной программы поддержки и пропаганды русского языка во всём мире, открытие на деньги Центра русских школ везде, где проживают соотечественники, предоставление выпускникам этих школ мест в российских средних и высших учебных заведениях с последующим предоставлением работы. И необходимо действенное объединение всех здоровых национальных сил - государственных, общественных, религиозных – для систематической работы по сбережению-спасению родного народа, по преодолению его болезненных искривлений и пагубных свойств. Что же касается исторически сложившегося главного нерва русской духовности как «совестного страдания», то общей стратегической задачей Русского мира в масштабах Вечности должно стать его превращение в «совестное торжество». И вот наш Калининград, как самая западная русская земля, выдвинувшаяся в западноевропейский мир и по своему геополитическому положению, наиболее благоприятная для делового решения проблем Русского мира в их планетарном аспекте.

Россия и ее идентичность

Обзор публикаций

Какой должна быть Россия, кто вообще такие россияне и кем мы хотим стать? Ответы на эти вопросы пытались найти участники международного дискуссионного клуба «Валдай» в сентябре 2013 года.

На площадке «Валдая» в Новгородской области российские и зарубежные интеллектуалы-политики (отставные и действующие), политологи, философы, журналисты, деятели культуры и науки - встречаются с 2004 года. Клуб был создан РИА «Новости» и Советом по внешней и оборонной политике «для формирования в мире независимого и объективного представления о процессах, происходящих в России». В этом году состоялось заседание десятое, юбилейное. Количество участников - 250 человек. Они приехали из 38 стран, чтобы обсудить непростую тему: что необходимо сделать для укрепления единства общества, государства и нации?

По мнению С.Минина (http://www.ng.ru/politics/2013-09-20/1_identity.html), «Владимир Путин считает необходимой дискуссию о российской идентичности с привлечением представителей всех политических сил. Границами, за которые нельзя заступать в определении национальной идеи, являются суверенитет и целостность страны. Говоря о проблеме идентичности, Путин вновь позиционировал себя в качестве консервативного политика.

Он выступил на пленарном заседании клуба «Валдай» с небольшой программной речью, в которой затронул темы будущего, национальной идентичности, ценностей и политической культуры. По словам президента, национальная идея не появится, если государство не станет над этим работать, самоустранится. Именно это, по мнению Путина, происходило в 90-е годы и было выгодно той части национальной элиты, которая «предпочитала воровать». Россия, заявил Путин, не может двигаться вперед без культурного и духовного самоопределения. При этом ей не подходят три типа идеологии. Первый из них – идеология советского времени, от которой общество ушло навсегда. Второй – монархизм и фундаментальный консерватизм тех, кто идеализирует дореволюционную Россию. Наконец, третий тип идеологии, неприемлемой для России, – это западный ультралиберализм. Глава государства призвал представителей различных политических течений к дискуссии о российской идентичности: «Нам всем – и так называемым неославянам и незападникам, государственным, и так называемым либералам, всему обществу – предстоит совместно работать над формированием общих целей развития».

Недавно, беседуя с корреспондентом Associated Press, Владимир Путин назвал себя консерватором. И на заседании Валдайского клуба он выступил в амплуа европейского консерватора, но не британского, а скорее континентального и даже восточноевропейского типа. Для этой позиции характерна, прежде всего, ревностная защита суверенности страны: граждане и политики могут придерживаться любых взглядов, но принципиально важно, чтобы их никто им не навязывал извне. Другая черта путинского консерватизма – собственно, консерватизм социально-этический. В последнее время, на волне новых законодательных инициатив, касающихся секс-меньшинств, этот акцент в публичных выступлениях президента звучит все чаще. Он декларирует уважение к правам меньшинств, но, в то же время, приоритетным считает принцип воспроизводства, который позволяет цивилизации выжить, а людям – сохранить человеческий облик государства. «Для создания нации, - считает А.Механик (http://expert.ru/expert/2011/09/natsii-ne-sozdayutsya-tolerantnostyu/?cmt_page=2), - нам не хватает образа будущего и стратегии его достижения. Ясно, что народ не создает образа и стратегии. Их не может создать и один президент. Этим должна заниматься ответственная элита, объединенная в политические партии, предлагающие свои варианты будущего, основанные на разном понимании общих ценностей.

Отсутствие сколько-нибудь вдохновляющего видения будущего России у правящей элиты очень хорошо иллюстрирует предлагаемая реформа образования, которая, отказываясь от традиционной для российско-советской школы цели формирования гармонично развитой личности, заменяет ее ложно понятой рациональностью: учить только тому, что потребуется в суженной до функциональности жизни».

Как заметил Руслан Хестанов, «такие бурные, спонтанные проявления недовольства, какие произошли на Манежной, во всем мире сопровождали перепролетаризацию населения в период мощных технологических перестроек экономики и всего общества. Но если в Европе это было связано с научно-промышленным скачком, то у нас - с деиндустриализацией и архаизацией экономики и социальной структуры». Архаизация общества, вызванная в том числе идущим с 1990-х годов процессом распада экономики и системы образования, формирует новый тип ненужного человека и в Москве, и в русской провинции, и на Кавказе.

Чувство заброшенности и ненужности очень сильно во всей российской провинции, особенно в национальной и особенно среди интеллигенции. Это чувство отверженности поддерживается СМИ, прежде

всего, телевидением, преподносящим под видом псевдоюмористических передач оскорбительный образ как провинциального русского обывателя, так и «кавказского человека». «Ответственность за создание политической нации, - продолжает А. Механик, - лежит не на государстве и чиновниках, а на тех, кого принято называть интеллектуалами, на тех, кто формирует общественное мнение, независимо от того, к какой социальной группе они относятся: творческой и научной интеллигенции, специалистам, предпринимателям, сотрудникам СМИ. Но когда одни представители интеллектуальной элиты России готовы пожертвовать половиной страны ради ложно понятого принципа самоопределения народов, как будто эти народы проявили какое-то желание самоопределяться; когда другие готовы вытолкнуть «инородцев» из России из-за любой драки хулиганствующей молодежи; наконец, когда все эти интеллектуалы готовы терпеть потоки разрушающей Россию оскорбительной глупости, которую постоянно преподносят СМИ, в отношении всех народов страны, в лучшем случае брезгливо отворачиваясь от них, трудно говорить об ответственности.

Создание российской политической нации станет возможным, когда интеллектуальная элита, отказавшись от столь любимой в России позы иронически отстраненного отношения к собственной стране, сможет сказать о ней, как когда-то сказал об Индии Джавахарлал Неру: «В ней есть что-то неуловимое, что-то от древней легенды. Кажется, что какие-то чары владеют ее душой. Она - миф и идея, мечта и видение и в то же самое время нечто совершенно реальное, осязаемое, осязуемое... Но она в высшей степени достойна любви, и никто из ее детей не может забыть ее, куда бы ни забросила их судьба и какая бы необыкновенная участь ни выпала на их долю». Индия еще более сложная страна, чем Россия, но ей удается сохранить единство, в том числе благодаря возвышенному отношению к ней индийской интеллектуальной элиты».

Поэзия

Александр Гахов

Взираю в глубину седых времён...

(Венок сонетов)

*Посвящается моему другу и земляку
Владимиру Хлобыстину*

Взираю в глубину седых времён...
На рубежах – холмы курганов давних.
Молитву слышу в плаче Ярославны
Души, прозревшей под набатный звон.

Среди врагов, чьё имя - легион,
Единый Бог понятен в самом главном:
В укрепе духа на пути державном, –
Незримость лика в отблеске имён.

История нас ничему не учит,
Рим с Византией – тривиальный случай,
Пришли-ушли, оставив пыльный след.

Когда временщики стоят у власти,
В стране возможны всякие напасти,
Мой отчий дом – заложник смутных лет.

1.

Взираю в глубину седых времён,
Грааль Руси я вижу в вечном круге.
Земля моя: варины, росы, руги,
Вандалы, скифы, кровь иных племён.

Звенели серебром дружин кольчуги, –
Полмира шло к ней с данью на поклон.
Князей владеть звал вечевой закон,
И вспенивали гладь речную струги.

Тень русских княжеств нагоняла страх,
В болотах прятал след литвин и лях,
И рыцарь в замке запирает все ставни.

Царьградский грек, что из ума был сшит,
Зрил на вратах Олега красный щит, –
На рубежах – холмы курганов давних.

2.

На рубежах – холмы курганов давних.
Владимир, Днепр, крещения обряд,
Но меч острит уже на брата брат,
Совсем не чтя канонов православных.

И потому глаза святых скорбят,
Взирая с фресок в мир с печалью явной.
На стрежень жизни, протекавший плавно,

Лет временных пролит целебный яд.

И Нестор – летописец и монах,
И князь Руси Великой – Мономах,
Для вечности – лишь вехи среди славных.

Неправдой переписанной строки
Власть выпала из высохшей руки,
Молитву слышу в плаче Ярославны.

3.

Молитву слышу в плаче Ярославны,
Её мне ветры шепчут по ночам.
Пороки открывают свой колчан,
Где каждый грезит быть единоправным.

Коль серебро затмило свет очам,
Мужи не служат Отчине исправно.
Ни славы, ну, а доблести – подавно
Там не найти, где пафос льнёт к речам,

Гроза степей – неведомые орды.
От крови в Калке покраснели воды,
И Русь рабыней повели в полон.

И взвились дымом города и веси,
Но не понять врагам печали песен
Души, прозревшей под набатный звон.

4.

Души, прозревшей под набатный звон,
Не запугать во мраке пораженья.
И Коловрат, и Невский – отраженье
Присущих ей таинственных сторон.

Пергамент стерпит мифа сотворенье:
Над полем Куликовым – мгла и сонм.
Русь черпала не раз шеломом Дон,
Увидеть чтобы свет освобожденья.

О, летописцев поздних откровенья!
Триумф порой подобен пораженью,
Победа Пирра – погребальный сон.

Медведица-земля залижет раны,
И будет страх гулять на поле брани

Среди врагов, чьё имя – легион.

5.

Среди врагов, чьё имя – легион,
Наследника Мамаю хвостоплёт
Кровавые водили хороводы,
От слова к дыбе мерили закон.

Шла Русь вперёд, нащупывая броды,
С круч низвергаясь, сдерживала стон,
И дали открывали горизонт,
И в храмах выше поднимались своды.

Когда о прошлом говорить срамно,
Безликое встаёт: «давным-давно»,
И служит утешением безправным.

За эту землю Сергей нёс свой крест,
И Аввакум клал двуединый перст, –
Единый Бог понятен в самом главном.

6.

Единый Бог понятен в самом главном,
«По вере нашей» – заповеди свет.
Не сгинуть с ним в огне пришедших бед
Во времени, воистину бесправном.

Находникам – что им земле обет?
Отрепьевы во власти своенравны, –
И пеплом улетят во тьму бесславно,
Придя из мглы, как зноя тяжкий бред.

Без крайности загадочную Русь
Аршином общим мерить не берусь,
В ней истина гвоздём прибита ржавым.

Пока не грянет гром над головой,
Мужик не шевельнёт своей рукой
В укрепе духа на пути державном.

7.

В укрепе духа на пути державном
Порукой кровь для предержавных масть.
Под топором рожала плаха власть,
Великий Пётр стал повитухе равным.

Незримую плетя святую вязь,
Средь мятежей и гнусностей коварных,
Внимала Русь всю горечь слов зазданных,
На купола седых церквей молясь.

Век золотой. Насилием жестоким
Земли родной наполнены истоки,
И кровенит нарядный шёлк знамён.

Империю лелеял дым сражений,
И проявлялся и талант, и гений, –
Незримость лика в отблеске имён.

8.

Незримость лика в отблеске имён, –
Так море образуют, слившись, реки.
И миг, и вечность в каждом человеке, –
Зерно всепоглощающих времён.

Среди живых останется навеки,
Кто на алтарь сердцами вознесён.
Железный век – кровавый Рубикон.
В своей державе не нашли мы Мекки.

Прищур лукавый затаив в глазах,
Сжигая искрой Бога в небесах,
Фанатики страну столкнули с кручи.

Когда вожди выходят наперёд,
Приносится в закланье народ, –
История нас ничему не учит.

9.

История нас ничему не учит –
Печалющий банальностью итог.
Звездой «Полынь» взошёл над Русью рок,
Бессмысленной жестокостью дремучей.

Террор любого цвета – не порок.
Закон в стволе для каждого – поштучно.
Коль рубят лес, то не жалеют сучья.
Проливой крови вновь течёт поток.

Когда на брата брат наточит нож,
А сын отца поставит на правёж,
Приходит время ненависти жгучей.

Коль Бога нет в Отечестве своём,
Мы из вождей кумиров создаём,
Рим с Византией – тривиальный случай.

10.

Рим с Византией – тривиальный случай,
Не предпочли ни Запад, ни Восток.
Россия, испытала ль ты восторг,
Несовместимость слив в Союз могучий?

Не выбросить из старых песен строк.
Отчизна приносила в жертву лучших.
Победный май вселил надежды лучик,
Что рушится незыблемый острог.

Крылатый век, твои шипы и розы
Дорогой мифов уводили в грёзы,
В быль превращая сказку много лет.

Менялись ветры, плакали капли,
Отцы народов, что со стен глядели,
Пришли-ушли, оставив пыльный след.

11.

Пришли-ушли, оставив пыльный след,
Что ветры перестроечные сдуют.
Ведь дети вертухаев знают всуе:

Нет человека и проблемы нет.

Вновь «разделяй и властвуй» торжествует,
И рабский лозунг: хлеб и интернет.
О, истина, ответь, какой портрет
С тебя художник-время нарисует?

Встаёт вопрос: когда же будем жить,
Коль всё до основания развалить,
Отдав державу похоти и страсти.

Когда знамёна брошены к ногам, –
Чего не удалось в войну врагам, –
В стране возможны всякие напасти.

12.

В стране возможны всякие напасти,
От подлости предательств до войны.
Ни на кого не ляжет тень вины,
Когда среди чумы вершится праздник.

Где совесть, честь и жизнь уценены,
Там лезут зубы из драконьей пасти.
Постель и доллар свой проводят кастинг,
И беспределом города полны.

Вновь старый храм возводим на крови, –
Ни веры, ни надежды, ни любви,
Лишь дымный ладан призрачного счастья.

Клубнично-мыльный длится сериал,
Русь-золушка – духовный идеал,
Когда временщики стоят у власти.

13.

Когда временщики стоят у власти,
Не верь, не жди, не бойся, не проси.

Жить хорошо, известно на Руси,
Мошенникам, причастным к высшей касте.

С лихвой на бедах денег накопив, –
Известно: в мутных водах легче красть им, –
Чтоб в сытой жизни продолжать участие,
На Запад уплывают «караси».

Туманный рай – в святые не попасть им,
Там выживают те, кто позубастей,
Ведь в Альбионе тоже правды нет.

Спать не дают проблемы индивидов
Старателям, романтикам всех видов.
Мой отчий дом – заложник смутных лет.

14.

Мой отчий дом – заложник смутных лет,
Промозглых дней и стылого ненастья.
Вплету следы свои незримой вязью
В большак народных радостей и бед.

В большом незримо малое участие, –
Константа поражений и побед.
Я словом тороплю скупой рассвет,
Что мглу ночей стирает, словно ластик.

В звенящей тишине мне слышно явно:
О, Русь моя, ты вечно – Ярославна,
И неизбывен твой и плач, и стон.

Я продираюсь через сонм сомнений,
И Родина мне ближе, откровенней.
Взираю в глубину седых времён

Проза

Александр Грибков

Библиада, или Литературный герой

Публикуется по настоянию автора в его собственной редакции

Глава 1

Мы будем скитаться мыслью и в
конце скитаний придем туда, откуда вышли, и увидим
свой край впервые.

Т. Элиот «Литтл Гидинг»

От

От грядущих событий заранее тени видны.

Д. Джойс «Улисс»

- Какая опера страдает хромотой?

- Опера? – сфинксоподобное лицо мистера

О'Мэддена Берка еще более озагадочилось. Ленехан
объявил торжественно: «Роза Кастилии». Уловили соль?

Рожа, костыль. Гы!..

Д. Джойс «Улисс»

Аурилиано уже знал, что в пергаментях

Мелькиадеса написана и его судьба.

Г. Маркес «Сто лет одиночества»

Вы, дорогой друг, в сущности, хотите, чтобы
жизнь еще громче кричала вам ответы в ухо.

Г. Мейринк «Голем»

Зайдя в лес, он, как обычно, прежде чем побежать, сделал несколько гимнастических упражнений, попрыгал, присел, потом потянул с себя вниз тренировочные штаны... да так и застыл, потому что в этот самый момент затрещали кусты, и на лужайку выпорхнула девица. Увидав его, она отпрыгнула в испуге, едва не наступив на выкатившуюся за нею болонку (девица выгуливала собаку). А Кобецкий - тот изобразил мирный жест, разведя в стороны руки. Он всей печёнкой ощутил ужас девы, потому что более дурацкой и двусмысленной ситуации было трудно вообразить – раннее утро, лес и со спущенными штанами мужик.

В таких случаях, самое лучшее – это исчезнуть, потому что тут ничего не объяснишь, и Кобецкий, стащив трико и демонстрируя свои ярко-желтые спортивные трусы, затрусил по тропе, не обращая внимания на опомнившегося пса.

Он именно затрусил, а не побежал, всячески демонстрируя, что он только застигнутый врасплох физкультурник, а совсем не то, что могло взбрести ей в голову.

Настроение у него было испорчено с самого утра. Проснувшись, он первым делом перечитал то, что насочинял о «капитане Булыгине» накануне. Прочитал и в ярости разорвал всё на мелкие кусочки. Ничего из написанного не годилось. А потом вдруг спохватился. Соседку, собиравшуюся уже выносить ведро на помойку (она всегда вставала чуть свет), он перехватил у самых дверей. Расстелив на кухне газету, он вывалил на неё содержимое ведра и минут двадцать, вроде Димки, собирающего по фрагментам на кубиках зайца или медведя, восстанавливал написанное из обрывков. Теперь он опять думал о своем сне, не понимая: зачем он и к чему, потому что всё происшедшее накануне походило на чудо. В библиотеку вчера он отправился не столько за книгами, сколько в читальный зал. После изучения процедуры репатриации по роману Слепухина «Южный крест», ему представлялось совершенно необходимым выяснить адрес советского посольства в Париже – именно там (по его мысли) после заморских скитаний и должен был появиться у него перед возвращением на родину «Булыгин». А заодно он хотел установить, какая змея могла того укусить, ибо накануне, в полудреме ему странным образом привиделось, что его «Булыгин» (по ходу

своих мытарств) чуть не умер от змеиного укуса на одном из заморских островов. Проснувшись, он подумал, что им могла быть Мартиника, а госпиталь, в котором он мог лечиться, находится в городе Форде-Франс.

Что касается посольства, то он без труда обнаружил его адрес там, где и предполагал – у Ильи Эренбурга. А дальше и произошло это чудо. Все его познания относительно мира рептилий Центральной Америки ограничивались скудной информацией, почерпнутой у кубинца Куфиньо, у которого он вычитал про обитающую на Кубе неядовитую «маху», и тем, что он еще помнил из джеклондоновских «Сердец трех». В Панаме сначала Леонсию кусала неядовитая «лабарри», а потом от укуса «ехидны» погибал сын того старика майя. Самое главное, что он ведь предполагал: чего-чего, а уж ядовитых-то гадов в тех краях кишмя кишит. И вот библиотекаря, дай бог ей здоровья, сначала огорошила его книгой, в которой он прочитал, что на островах Карибского моря вообще нет ядовитых змей (нету – словно их изгнал святой Патрик!). А потом она помогла прояснить ситуацию, и он уже из другой книжки узнал, что единственное островное государство, где они обитают, – именно то, которое он и вообразил. Остров Мартиника! И он даже установил, что это могла быть за змея. Это могла быть «кайсака» – двухметровая тварь из рода копьеголовых!

И это было первое чудо. Фактическое подтверждение истинности его сна. Но это была не последняя удача. Попутно он решил выяснить и насчет, привидевшегося ему в этом же сне, кита. Во сне у него китовая туша (кою отбуксировало в порт судно Булыгина) почему-то оставалась на плаву, а проснувшись, он вспомнил, что не тонут, погибая, одни кашалоты, которые, однако, не обитают в тех высоких широтах, в которых разворачивалось у него романное действо. И, опять же, библиотекаря извлекла откуда-то из закровов цветной, иллюстрированный атлас, и он (вероятно, это был день чудес!) прочитал, что, оказывается, помимо кашалота существует и еще один вид почти что истребленного ныне кита, который, погибая, не тонет. И, самое удивительное, что этот кит обитал именно там, где и было ему необходимо – в Баренцевом и Норвежском морях. Это был, достигающий семнадцати метров в длину, гренландский кит – тот, которого Мелвилл в своем «Мобби Дике» называет «Настоящий кит». Воистину это был тот самый случай, «когда фантастика становилась реальнее самой действительности». И, вероятно, нечто подобное и имел в виду Оскар Уайльд, когда уверял, что «жизнь выстраивается согласно книгам».

И вместе с тем книга у него не выходила. А потому и недоумевал Кобецкий: зачем и к чему ему этот сон, потому что все эти чудеса ничем ему помочь, в сущности, не могли. Роман не получался. И дело было совсем не в сложности того эзопова языка, который он при этом изобретал, и не в отсутствие таланта. Надеяться на напечатание книги с его фантастической, не от мира сего темой не приходилось. И в этом было всё дело! Кобецкий даже плюнул в сердцах. Раздражение его росло, и он уже не трусил, а несся, и разбухшая земля гулко отдавалась под его ногами.

У забора – крайнего двора у реки – он перешел на шаг, отдуваясь, спустился по пригорку вниз, прошел сквозь густые заросли ольхи и вышел на берег речки. На мостках какая-то женщина полоскала бельё. Услыхав шаги, она обернулась, бросив на него удивленный взгляд – в этот час и в сентябре сюда заходили разве что рыбаки. По едва различимой тропке Кобецкий взял по берегу выше, почти к самой плотине – здесь у него был любимый уголок. Небольшую поляну окружали кусты, был удобный подход к воде, и у берега – песчаное дно. Скинув трусы и футболку, он остался в плавках; минуту-другую, остывая после бега, походил, а потом, охая, полез в воду. Вода в первые секунды обожгла, но, привычное к таким процедурам, тело быстро теряло чувствительность. Преодолевая небольшое течение, Кобецкий поплыл по направлению к плотине. Ничто так не умиротворяет, не приводит в порядок нервы, как вода. И Кобецкий чувствовал, как радость и глубокое удовлетворение наполняет каждую клеточку его существа.

А потом он вдруг забыл, где он и что с ним, и ему вдруг припомнился Шекспир – «*принц Датский*», пытавшийся «*проследить благородный прах Александра Македонского, пока не находил его затыкающим бочечную дыру*».

- «*На какую низменную потребу мы можем пойти, Горацио!*» - восклицал Гамлет.

- «*Рассматривать так - значило бы рассматривать с л и ш к о м п р и с т а л ь н о*», - отвечал

Горацио.

Вот и Кобецкий вдруг подумал о том, что вся грандиозность и всё величие человеческой истории рушатся при ближайшем и пристальном рассмотрении. Та же история вдруг предстаёт гротескным «Островом пингвинов» Анатоля Франса. Нечто похожее на аберрацию (заблуждение) Дон Кихота – вещи, кажущиеся возвышенными и романтическими, при ближайшем рассмотрении превращаются в более чем обычные, малоинтересные и даже отвратительные.

«Да, да, - думал он, изо всех сил работая руками и ногами. - Как говаривал Честертон – «*гляди себе девятьсот девяносто девятижды, но бойся тысячного раза - не дай бог увидишь впервые!*»!

Ключевыми словами поразившей Кобецкого мысли – были слова: *слишком, крайне, чересчур, чрезмерно, очень.*

«... Или взять того же Гоголя, - летело у него в голове. – Как мыслил его Кифа Мокиевич?.. «*Не совсем поймешь натуры, как побольше в ней углубишься!*»

А потому не к тупику ли в своем развитии приближаются точные науки? - думал он. - Если бог – в деталях, то дьявол - в *крайностях*. И чем более разум разлагает природу на составные части (*слишком* углубляется и *слишком* заостряет проблему), тем более сложной и даже непостижимой для разума оказывается она.

«*Думать до конца никогда нельзя*», - ведь так полагал тот персонаж из куваевской «Территории»?

Мысли так и летели в голове у Кобецкого, и он даже не успевал понять: откуда это у него? И что это?.. У него было чувство, что это и не его мысли...

Теперь он, кажется, понимал, почему в старославянском языке смыслы *слишком*, *очень*, *весьма* могли передаваться словами зло, злобь, зыло, зело!..

Сейчас ему хотелось выкрикнуть на весь свет, выкрикнуть и предостеречь: не портите себе понапрасну жизнь, а лучше предоставьте докапываться до истины таким, как он, уже приоткрывшим ящик Пандоры и в преизбытке познавшим разочарование и скорбь!

Размашистым кролем Кобецкий грёб к берегу. Память у него не хуже, чем у *Хью Фостера* (героя Ирвина Шоу), не хуже, чем у гофмановского *Тусманна*, она у него - просто из ряда вон, но какую-то деталь из того, что открылось ему сейчас, он мог и упустить.

На поляне он вспугнул прыгающих вокруг его одежды ворон (одна норовила подцепить клювом приглянувшиеся ей труссы), не мешкая, скинул мокрые плавки и оделся. Он очень спешил.

... Заскочив домой, он сразу же извлёк из шкафа толстую тетрадь, именуемую по-лесковски - «Однорум», и уселся за стол. Минут десять он описывал всё, открывшееся ему там, на реке. Затем, поставив точку, написал слово в о р о н а, разделил на слога: в о р - о н а и, переставив их местами, получил: о н а - в о р.

О н а - в о р.

«Общеизвестен интерес в о р о н ы к блестящим предметам, - записал он. – Мы так и говорим - «тащит всё, как в о р о н а»».

Было не совсем ясно. То ли название птице было дано из-за её «воровских» привычек, то ли самоё в о р о н а «подчинялась» «року слов»?

Но раздумывать было некогда (всё походило на вдохновение).

... «В о р о б е й», - крупно написал он с новой строки и, разделив слово на части, переписал: «в о р а - б е й».

Тут было яснее, и он пытался оформить мысль. Она касалась времен китайской «культурной революции» - кампании по уничтожению сельскохозяйственных вредителей - воробьёв. Безусловно, подтверждалась его идея о том, что Бог разговаривает с человеком на языке *русском*, и ни малейших сомнений не оставалось в том, что печальные для воробьёв события были предвосхищены именно этим словосочетанием «*вора бей*».

Проследив трагическую судьбу воробьиного племени, Кобецкий припоминал своё детство и отрочество. Что побуждало их, подростков, лупить из рогаток именно воробьев и не трогать синиц? Что руководило их соседом, когда он, подкармливая хлебными крошками синиц и голубей, гнал от кормушки «жидов» (так он называл воробьев)? Разумеется, именно это словосочетание - в о р а - б е й!

Ольга стояла на пороге, а он лихорадочно писал и, упреждая любые ее слова, машинально повторял: «Сейчас ... одну минуту... Сейчас...». «*Духовное обновление*, - выливалось с его пера, - *к которому я пытался приобщить мою жену, не удалось в большей мере потому, что с её стороны не последовало ни малейшего отклика. Как существо, не умеющее мыслить теоретически* (он захлебывался от вдохновения), *прозябающее почти полностью на уровне ощущений и чувств, она, вероятнее всего, не может да и не сможет смириться с тем, что я есть*».

Он писал по памяти, цитируя английскую писательницу. Нет, он не принял чужие мысли за свои чувства. Просто его в очередной раз потрясло сходство вымысла и реальности. Перед его мысленным взором стоял тот самый, вымышленный Айрис Мэрдок, чудака, судьбу которого теперь, в другой стране и в другое время, *повторял* со своей драмой он. И он опять вспомнил парадокс Оскара Уайльда - писателя, которого совсем не любил:

«*Не книги следуют за жизнью, а, наоборот, жизнь выстраивается согласно книгам*».

Ещё с минуту он сидел зачарованный блестящей натяжкой, которую только что открыл, и которую было грех не употребить.

Жена что-то говорила, а он рассеянно бормотал: «Сейчас, я же сказал, сейчас...». Другое теперь волновало его: неужели то, до чего он додумался сегодня, родилось именно в *его* мозгу, вышло из *его* головы, как Афина из головы Зевса?..

Было уже около девяти часов, когда Кобецкий вышел в Шахове из электрички, у автостанции спросил, как ему добраться до «посёлка строителей», и сел в указанный автобус номер «двадцать шесть». Одновременно с ним в автобус вошел высокий, хорошо одетый мужчина (он тоже только что сошел с этой же самой электрички и тоже искал этот же самый автобус).

Кобецкий уныло и безразлично глядел в окошко. Напротив, - в глазах мужчины светился интерес.

Хорошо одетый мужчина был гражданином Соединенных Штатов. Его звали Джон Смит, но настоящее его имя было Иван Васильевич Коваленко. Он был из поколения «детей войны», и его судьба во многом походила на судьбу, задуманного Кобецким, «Булыгина». В СССР он мечтал побывать давно, но удерживал страх. Газеты приводили пугающие факты жизни в СССР - настоящего полицейского государства. И у мистера Смита давно сложился образ советского человека - сверхбдительного атеиста, члена партии и агента КГБ.

Несколько лет назад в СССР побывал человек из их прихода - Майкл Дудикофф, и впечатление его тоже было не из приятных. Имевший русские корни, тот был потомком эмигрантов, перебравшихся в Америку еще до революции, и ездил не как турист, а со специальной миссией - после поездки он должен был написать в «Евангельском вестнике» статью о положении с верой в СССР, основанную на интервью и фактах. Теперь то же самое, во второй раз должен был проделать и мистер Смит. Руководители общества «Евангельский свет» мистер Свинбурн и мистер Смит, - предложили ему (как этническому «русскому») оплачиваемую поездку, но он согласился не сразу. Мистер Смит очень беспокоился за своё прошлое: ведь если на Западе он оказался не по своей воле, то остался там, всё-таки, по своей, а потому опасался мести в случае возможного разоблачения. Он чувствовал себя, как разведчик перед заброской во вражеский тыл.

Мистер Смит посетил церковь Муди в Чикаго, долго молился, испрашивая совета Господа. Перечитал и книгу известного евангельского миссионера Петра Дейнеки: того отговаривали в свое время от поездки в СССР, но он решился, благополучно проехал всю страну, и теперь эта книга вдохновляла.

В конце концов, мистер Смит согласился. Его снабдили адресами нескольких молельных домов и рекомендательным письмом к пресвитеру баптистской общины в Подмоскowie.

В Москве, в аэропорту, пока ожидали багаж и приходили таможенный осмотр, его била нервная дрожь, и он истово мысленно молился и без конца повторял слова апостола Павла: «если Бог за нас, кто против нас»!

В первый день он так и не вышел из отеля. Он выглядывал из окна номера, видел высокие дома, вереницы машин и поток идущих внизу людей. Для него, выросшего в украинском селе, всё было чужим и незнакомым.

А на другой день, когда он направлялся на встречу с пресвитером, произошло нечто совершенно его поразившее. Мистер Смит услышал, как вошедший в тамбур вагона электрички мужчина, опуская на пол мешок, ясно и отчетливо произнес: «Слава Богу!». Он не поверил ушам. По словам мистера Дудикоффа, в атеистическом СССР славят только КПСС, а о боге тут не говорят вообще.

Заговорить с мужчиной и выяснить ситуацию мистер Смит, однако, не решился. Если он в поле зрения КГБ, то всё могло быть спланированной провокацией, а потому только глубже уткнулся в газету «Правда», которую таскал для конспирации.

И вот сегодня была его третья вылазка.

... «Поселок строителей» был конечной остановкой автобуса и окраиной Шахова. Сойдя с автобуса, мистер Смит огляделся. Прямо перед ним высились высокие дома, справа от дороги желтело колхозное поле, а слева виднелись крыши деревни - всё, как и объяснял пресвитер.

В сторону деревни и направлялся теперь мистер Смит. Ему был нужен храм Николая Угодника. Он шел послушать популярного проповедника.

Вот и упомянутая пресвитером речка. Мистер Смит перешел по шаткому мостику на другой берег и увидел ромашковое поле, пяток коров, собаку-друга и деда-пастуха, сидящего в тени огромной ивы.

От представшей перед ним картины у мистера Смита сжалось сердце - он ощутил себя в родном селе, тем босоногим мальчишкой, каким еще помнил. Чем-то родным веяло от увиденного. Красное от выпитого, веселое лицо деда, приветствовавшего его, как старого знакомого; радостно вилявший, облепленный репьями, хвост «Дружка», бросившегося навстречу...

Растроганно улыбаясь (внутреннее напряжение ушло), мистер Смит с чувством поздоровался, погладил вертевшую у ног дворняжку.

Указатель у дороги свидетельствовал, что это действительно деревня «Лепёшки».

Пока мистер Смит вытирал о траву ботинок (в одну из «лепёшек» он первым делом и угодил), дед, не переставая, пытался что-то объяснить - но что именно, мистер Смит не понимал.

На вопрос, как пройти к церкви, тот махнул рукой в сторону деревни.

«До свидания!», - попрощался мистер Смит. Дед кивал ему головой и что-то говорил.

Грунтовая дорога шла мимо тенистого кладбища. Старые липы. Тихий шелест листвы. Обойдя кладбище, мистер Смит вышел на асфальтированное шоссе, и сразу же за деревьями сверкнули кресты храма...

- ... Я хотел бы покреститься, - произнес Кобецкий заранее приготовленные слова. Женщина, продававшая крестики, иконки и свечки, смерила его взглядом и спросила паспорт. Он предъявил документ, купил алюминиевый на голубой шелковой ленточке крестик и свечку. Крестили его не в самой церкви, а в «сторожке» - так называли, находящееся неподалёку, барачного типа зданье, а крестил священник «отец Лев» - стройный, бледный красавец с иссиня-черными волосами и аккуратно подстриженной бородкой.

Одновременно с ним крестили и младенца, в небольшую комнатку набилось несколько человек (родители и крёстные), а потому Кобецкий чувствовал себя неловко. Великовозрастным балбесом.

Его крестообразно мазали елеем. Трижды облили спину водой. Потом одна из помогавших священнику «магушек» выстригла у него на голове несколько волосинок и закатала в воск, а священник отвел его в храм, и он, на глазах у прихожан, поднимался к иконостасу и целовал указываемые священником иконы святых.

На этом обряд и кончился, однако ему было наказано дожидаться в храме конца службы, чтобы «причаститься».

Кобецкий скромно стал в уголке. Он не знал молитвы, слова вырвались у него сами собой. Это были стихи Пастернака:

... Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси...

Он просил искренне, в полной уверенности, что его услышат, услышат и, быть может, откликнутся, вкладывая в слова иной, собственный и, несомненно, понятный Богу смысл.

... Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь...

Он просил потому, что с некоторых пор не понимал Бога. И не только в отношении себя, но – и в масштабах человечества. Не понимал - как Вольтер.

... Но как постичь Творца, чья воля всеблагая,
Отцовскую любовь на смертных изливая,
Сама же их казнит, бичам утратив счёт?

Он просил помощи и просил прощения. За свои сомнения. За безумные мысли, не оставившие его даже в этот, судьбоносный момент.

«А что если религия - миф, выдумка, бесплодная человеческая мечта?»

И ему в который раз припомнился Мережковский:

«В сердце Распятого, в сердце Креста, скрещиваются две линии: горизонтальная, земная, и вертикальная, небесная. Вот Крестного Знамени Божественная геометрия...».

Однако теперь (здесь, в церкви) у Кобецкого даже сердце закололо от этой мысли и от открывающейся гибельной пустоты - бесконечной, как геометрическая прямая. Он в который раз мысленно обращал слово Х р и с т в слово К р е с т. Неужели в этом и весь секрет? – пронзало его с новой силой. - И Х р и с т о с - не Бог, - а одна «геометрия», производное от слова к р е с т? Прodelка программ подсознания, дополненная и оформленная сознанием в красивую легенду и бесплодную мечту о некоем распятом и воскресшем затем Боге? И он, сознавая себя страшным грешником, отгонял эти мысли прочь. «Сколько раз прощать брату моему, согрешившему против меня? До семи ли раз? - Не говорю тебе до семи, но до седмижды семидесяти семи раз».

И опять возвращался к мысли, что Крест или крестная смерть Христа могли быть р о к о м Е г о и м е н и. Воплощением Божественной воли, отмеченной простым словом. И опять «молился». Каялся. За свое малодушие и не крепость в вере. За минутную слабость. Словами – Рильке:

... Я жду, чтоб Высшее Начало
Меня все чаще побеждало,
Чтобы расти Ему вослед...

... Людей в церкви было немного. Человек двадцать. В подавляющем большинстве - женщины. Служил литургию - «популярный проповедник» отец Борис. «...Горе имеем сердца!» - вещал тот, раздумывая над тем, какая нужда привела к нему районного уполномоченного? А уполномоченного, Якова Платоновича Осадчего, только что появившегося в храме, привела такая нужда. Предписание Шаховского райисполкома о выделении пятисот рублей в Фонд мира храм почему-то проигнорировал (прошло уже более месяца), и теперь уполномоченный приехал «разобраться». Он смотрел на о. Бориса, ругался, что опоздал (приехал, когда служба уже началась) и собирался выйти покурить. Но внимание его привлёк этот, только что крестившийся (это о нём шептались бабки), и теперь Яков Платонович, не веривший ни в бога и ни в черта, глядел на Кобецкого и недоумевал.

Не мудрено, что тот оказался в центре всеобщего внимания. Патриарх Сергей, утверждавший когда-то, что церкви закрываются из-за отсутствия верующих, оказался пророком, но пик атеизма пришелся не на те годы, когда толпы «воинствующих безбожников» низвергали с куполов кресты, а на это внешне спокойное время, получившее позднее название «застоя». С самой Пасхи в церкви Николы крестилось не более десяти человек (родители крестили своих малолетних чад) и то, что пожелал креститься человек взрослый, было событием для прихожан храма.

Разные это были люди. Один из них, Андрей Степанович Раков, житель Горелово, как и Кобецкий (и даже, «кажется, где-то его выдавший»), тоже думал в эти минуты про него и наполнялся душевной радостью за «брата». Простонародная у него была вера. Люди, выйдя на пенсию, занимаются кто чем. Кто посвящает себя воспитанию внуков, кто придумывает себе хобби, а Андрей Степанович добивался «святости». Так получилось, что, выйдя несколько лет назад на пенсию, он заболел и заболел так, что уже стал готовиться к самому худшему. Но неожиданно выздоровел и после этого уверовал. Он начал читать Библию, не пропускал ни одной службы, каясь в грехах, подолгу простаивал на коленях, а от хворей лечился постом и молитвой. С удовольствием он припоминал теперь рассказ покойницы-матери, женщины религиозной, о том, что когда его грудным ребенком принесли первый раз в храм, то он сорвал с головы чепчик. И теперь Андрей Степанович почитал этот случай за предзнаменование. Жизнь его сложилась так, что своей семьи он не создал, но долгие годы проработал на Севере и скопил немалые деньги. «Вера без дел мертва», и, добиваясь праведности, Андрей Степанович неожиданно решил стать бесребреником. Он стал помогать нуждающимся, жертвовал на храм, покупал сладости детворе, за ним закрепилась слава чудака, раздающего деньги, и к тихому дому на улице Дачной потянулись забулдыги. Теперь он был гол, как сокол, но на душе у него бывало неизменно хорошо. Ему снились легкие, счастливые сны, во снах он умирал и оказывался в раю.

Вот таким был один из прихожан храма Николы. Сейчас, слушая краем уха отца Бориса, он нашептывал одной из прихожанок рецепт лечения болей в пояснице. Он советовал читать сорок дней «Скоропослушницу». «Сначала дух нечистый ломать будет, а потом, как рукой снимет», - пояснял он, и старушка согласно кивала. Больная поясница мешала той бить поклоны, и она, когда кланялась, то потихоньку охала. По-своему верила и она. Сын у неё страшно, запоями, пил, лечился, и не помогало, а потом бросил, и бросил без посторонней помощи, сам. Бедная мать восприняла это, как великое чудо и теперь иногда заходила в церковь поставить свечку.

Был тут и Георгий Васильевич Городничий - инженер одного из строительных трестов. И симпатичная девушка Лара - выпускница ВУЗа и тайно влюбленная в отца Бориса. Оба - члены его воскресного кружка. Был и судья Михаил Иванович Решетов, человек веры тихой и осторожной, давно тяготившийся должностью, ибо «не судите, да не судимы будите», но отчего-то продолжавший тянуть ляжку. Некоторых привело в церковь тяжкое одиночество, других - любопытство, и они, хоть и старательно, но механически крестились.

Царские врата распахнулись. «Со страхом Божиим и верою приступите!..» Взгляд пронизательных серых глаз о. Бориса на мгновение задержался на Кобецком и скользнул дальше по молящимся. Время от времени его начинала терзать старая его болезнь, и сегодня новообращенный разбередил рану. «Горе имел он сердца». Муки совести. Острое сознание своего недостойнства. И недостойнство его - сам факт его нахождения в обители Божией, в святая святых, - казались ему не только непостижимой иронией судьбы, но и опровержением бытия Бога. А потому-то его так и интересовала чужая душа, потому что только она и могла укрепить его в вере, ибо своя ему уже сказала всё. Но чужая душа, как известно, потёмки. И отец Борис это с грустью сознавал. Так думал и так чувствовал «популярный проповедник», и в его серых, выразительных глазах появлялись слезы, которые столько раз уже могли видеть прихожане и всегда принимали за одержимость или за особое посвящение в веру - непроверяемые знаки «святости».

В свете происшедшего, конечно, не мог не обратить внимания на Кобецкого и мистер Смит. И, конечно же, и он был чрезвычайно рад за «брата». Но расстраивала общая картина. Похоже, пресвитер был прав. Религиозная жизнь едва теплится. «Нет верующих», - так утверждал тот, и подтверждение его слов - эта сегодняшняя служба. Выходной день - и всего какая-то пара десятков молящихся. И это у популярного проповедника (сколько собирает Билли Грэм?). На район - три действующие церкви. В среднем - двадцать человек на храм. Полсотни - на целый район. Капля в море. И, практически, нет молодых. Новообращенный, девушка, вон там, дальше - беременная... Считаю - никого. Невесёлая была арифметика, и мистер Смит недоумевал. Атеистическое общество изумляло его. Оно отнимало любую надежду, а надежда эта - жизнь вечная. Похоже «коммунистический рай» - это место, где Бог потерпел сокрушительное поражение, ибо целые поколения людей уже убеждены, что «рай» может быть и без Бога. Существовала своя коммунистическая доктрина (по сути - религия), и мистер Смит допускал, что она не лишена привлекательности и логики эта доктрина, но как быть с другим? С жизнью вечной? Ведь человек без веры в неё - как приговоренный к казни. И казнь эта - сама жизнь. Страдания, а во имя чего? И если, как кое-кто утверждает, нет смысла ни в чем, то как можно без смысла жить? И для чего тогда добродетели и почему зло - это «плохо», если завтра всем суждено исчезнуть без следа? Такова была вкратце собственная доктрина мистера Смита и его собственный «смысл жить».

... Кобецкий - «причастился»: ему дали из ложечки сладкого вина, и он приложился к протянутому батюшкой кресту. Несколько женщин подошли поздравить его.

- С днем рождения вас! - с чувством произнесла одна и пояснила, - Духовного рождения! Вторая протянула «просвирку». А третья попросила:

- Только не кури сегодня, сынок ...

На паперти (когда выходил) Кобецкий увидел сидевшего на коленях горбатого нищего. Он зачерпнул в кармане мелочь, высыпал в лежащую перед ним кепку. «Спаси бог и помилуй», - забормотал тот, склоняя кудлатую голову.

Мистер Смит появился за ним следом (он рассчитывал поговорить с «молодым человеком» - в свете его миссии, беседа с ним представляла особый интерес), но ещё в притворе его сначала задержал уполномоченный Осадчий, на которого он налетел в дверях, а потом отвлек нищий. Пятирублевая бумажка полетела в ту же самую кепку, но, подхваченная ветерком, метнулась в сторону. Сорвавшись с места, стоя на карачках, горбатый пытался прихлопнуть бумажку, но она, точно живая, ускользала. Одновременно, то же самое ногою пытался сделать и мистер Смит. Наконец, уже на земле, ему это удалось. Чрезвычайно смущенный, он вернулся к горбуну и, заменив пятерку на десятку, передал её из рук в руки.

- Простите меня!

- Спаси и помилуй! спаси и помилуй!.. - забормотал нищий, сгибаясь до земли. Он не мог поверить своему счастью - никто никогда ему таких денег не давал!

Мистер Смит скорым шагом вышел на дорогу, но молодого человека уже не было. Он - исчез...

...Под навесом остановки дождалась автобуса пожилая пара. Оказалось, что автобус будет только через полчаса («Сейчас у них обед», - объяснил мужчина).

Потоптавшись, Кобецкий решил идти пешком. До станции, приблизительно, километров семь-восемь. Около часа ходьбы. Теперь спешить ему было некуда.

Родился ли он заново, Кобецкий не знал, но ничего особенного он не ощущал. Ощущение исполненного долга. И не более того.

Не доходя до станции, он решил свернуть к колхозному рынку. Там всегда было пиво.

... Мистер Смит увидел его из окна подъезжавшего к станции автобуса и счёл это за знак. Поднявшись с места, он стал пробираться к дверям, стараясь не потерять «молодого человека» из вида. Следуя за ним, он прошел сквозь, налитанный аппетитными запахами, павильон и вышел там, где, полукольцом охватывая рынок, располагались «Закусочные».

... Кобецкий взял пару пива, бутерброд с селедкой. Отхлебнул, поставил кружку. Протянул руку к селёдке.

- ... Здравствуйте.

Перед ним стоял улыбающийся, хорошо одетый мужчина. - Извините, пожалуйста... Мы были с вами в одном храме. Вот случайно вас увидел и решил подойти...

Кобецкий кивнул. Он видел этого человека.

- Прошу, - он пододвинул к нему кружку.

- О, нет, благодарю! - мистер Смит приложил руку к сердцу. - Наоборот, я удивляюсь, глядя на вас: зачем нужно в светлый день крещения омрачать праздник души алкоголем?

На всякий случай мистер Смит опять улыбнулся.

- А есть ли он вообще этот праздник? - Кобецкий и сам удивился той злости, которая вдруг закипела в нем.

- То есть как?..

- ... Я неудачно выразился... - Кобецкий досадовал на свою вспышку. - Пришлось к слову. Помните, Шукшин в «Калине красной» - то же самое говорил? «Праздника душе» искал...

Мистер Смит отрицательно покачал головой. Глаза его не выражали ничего.

- ... Что, не смотрели «Калину красную»?

- Нет.

Кобецкий с сомнением взглянул на странного субъекта.

- Вы, простите, по национальности кто?

- Русский.

- Русский?

- Русский.

Кобецкий понимающе кивнул, взялся за кружку. «Прибалт, наверное, - подумал он, отхлёбывая, - косит под русского, но акцент-то куда денешь?» Не нравился ему этот человек. Чего ему нужно?

- ... А по профессии?

- Врач, - солгал мистер Смит. Он назвал первое, что ему пришло в голову - престижная профессия, да и санитаром он как-никак работал; ну нельзя ему было рассказывать, что он иностранец и всё прочее - последуют ненужные вопросы. А, главное, это могло насторожить и оттолкнуть человека, а человек этот был ему нужен и полезен, ведь у приезда его в эту страну была цель.

- Вот я и спросил вас про «праздник», - продолжал Кобецкий. - Вы такой с виду благополучный, что невольно приходит на ум: у этого человека жизнь - праздник. Я серьезно...

Теперь кивнул мистер Смит. Он понял. И поспешил перевести разговор в нужное русло.

- Мы все можем жить очень счастливой жизнью, если примем условие, которое поставлено в первом послании Иоанна: «И, чего не попросим, получим от Него, потому что соблюдаем заповеди Его и делаем богоугодное пред Ним». Ведь, делая богоугодное, мы делаем так, что молитвы наши бывают услышаны. «Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего не пожелаете, просите, и будет вам».

Молитва! Вот единственное средство. Чаще - молитва. И Бог услышит. И даст нуждающимся. Мы говорим так: «молитва меняет вещи». Потому, что есть вещи, которые не купишь ни за какие деньги...

- Здоровье...

- Совершенно верно. Потеряно здоровье - потеряно всё. И вот тут цена молитвы огромна. Что нас может уберечь от коварной болезни? Только богоугодная жизнь и молитва. Постоянная молитва.

- Ну, за здоровье-то можно выпить. - Кобецкий опять пододвинул мистеру Смиту кружку, которую тот тем же движением возвратил на место.

- Врач отказывается выпить за здоровье? - усмехнулся Кобецкий. - Я шучу, - добавил он. - Буркова-то помните в «Иронии судьбы»? Когда водку пьют в бане? «Врач и отказывается пить за здоровье? Это же нонсенс!». «Иронию судьбы» -то смотрели?

По глазам мистера Смита было ясно, что и «Иронию судьбы» он не смотрел.

- Как, и этот фильм не смотрели?

- Нет.

- Ни «Калины красной», ни «Иронии судьбы»?

Мистер Смит отрицательно покачал головой.

- А есть хотя бы один русский, который их не смотрел? - Кобецкий решил брать быка за рога («почему этот человек выдает себя за русского?») - И вы утверждаете после этого, что вы русский?

Мистер Смит почувствовал, что влип. Как говорят русские, - его «раскололи». Только почему так произошло, он не знал. Неужели лишь потому, что он не видел какие-то кинофильмы? Народные драмы? «Бонни и Клайд»?.. Он облизнул, сразу ставшие сухими, губы, вопросительно взглянул на Кобецкого, а следующим его очень удивил.

- ... Разрешите? - он показал пальцем на кружку.

- Конечно!

Кобецкий проследил, как мистер Смит отпил.

- Вот видите как, - улыбнулся он. - Какая штука судьба. Совершенно нельзя иной раз предвидеть, что будешь делать буквально через несколько секунд. Теперь вся его злость улетучилась. Улетучилась без следа. И он испытывал к незнакомцу едва ли не симпатию. Выпитая кружка уже ударила ему в голову, и его захватил обычный порыв откровенности.

- Просто мне очень плохо, - пожаловался он, когда мистер Смит поставил кружку. - Потому-то я и здесь. ... Как вас зовут?

- Джон.

- Иван, то есть... Американец?

Мистер Смит кивнул.

- А где научились русскому?

- Я из Нью-Йорка. Живу на Брайтон-бич. Там полно русских эмигрантов, и все говорят по-русски.

- А как сюда занесло?

- Приехал, как турист. Посоветовали послушать известного проповедника. Я верующий, баптист.

- Отца Бориса?

- Да.

... Через час они стояли у столика, заставленного кружками, и перебивали один другого. Мистер Смит не узнавал самого себя - с кружки пива потерять всякую бдительность!.. Пускай кругом одни пьяные, но вести разговоры о Боге очень неосторожно. Да и кощунственно в таком месте. Оправдать его могло только одно. Посылая его в эту страну, Господь, несомненно, предвидел, что его здесь ждёт: и эту пивную, и то, как он дал маху. А потому свою миссию он теперь понимал, как дело спасения «брата». Между тем Кобецкий уже успел бегло рассказать мистеру Смицу об универсальном законе мира Божьего - «законе повторенья» (о «правиле круга») и перешел к «сексуально проявленному космосу».

- Потихе... - просил мистер Смит, и оба оглядывались по сторонам.

- Как говаривал ваш земляк Хемингуэй - «болтать всегда плохо», да? - смеялся Кобецкий.

Мистер Смит пытался начать своё, но остановить его нового знакомого было невозможно. Кобецкий говорил и мысленно полемизировал то с Гегелем, то с Аристотелем, рассматривавшем вещи изолировано, без взаимосвязи (факт - в котором, по его мнению, и заключался источник всех ошибок его философии), и чувствовал своё неизмеримое превосходство.

- По Демокриту - мир возник случайно из-за сцепления атомов - яркий пример рассмотрения предмета изолировано, ибо в контексте взаимосвязи сразу возникает мысль о не случайности и логический вопрос: а откуда взялись атомы, и отчего они вдруг пожелали сцепляться? Давно подмечена схожесть закона Ньютона - закона всеобщего тяготения и закона Кулона – закона взаимодействия электрических зарядов, ибо и тут - взаимосвязь: сексуальность, пронизывающая весь Космос, частные случаи которой - всеобщее тяготение и взаимодействие разноименно заряженных частиц. Взять разноименно заряженные полюса. Само слово «полюс» - производное от слова «пол». Мужской и женский. А на латыни «пол» - секс. Всё существует всегда в полной взаимосвязи, не исчезая, а только трансформируясь и меняя формы существования. Ничего «не существующего» нет. А основа существования - слова. То, о чем нельзя сказать ни слова - просто не существует. Проза и стихи (текст) - суть результат сексуального взаимодействия, связанных между собой слов, сообщающего энергию, трансформируемую в эмоции, вдохновения, удовольствия или негодования, вызывающие изменения, как внутренние, так и внешние. Внутренний, обращенный к душе, вопрос Нехлюдова (не читали «Воскресение»?) «для чего я жил?» - изменял его мир внешне, и его порыв спасти Катюшу - трансформация изменений внутренних во внешние действия...

... Бессознательное, его содержание - вот чем Кобецкий уже давно был поглощён. Оно стало объектом его пристального интереса. Он вдруг почувствовал, что опять оказался на пороге чего-то чрезвычайно важного. Превосходящего по важности даже его «идею». Он опять стал задумываться о феномене слова. Он опять искал тот единый закон словообразования – свой «философский камень», - ибо давно уже не сомневался: все народы думают на одном «всеобщем языке». Размышляя над понятием слово, Кобецкий пришел ещё к одному выводу. Раз имеет место такое понятие, как судьба, то есть если события преуказаны наперёд, значит, логично допустить, что и книги «написаны» наперёд, и к ним «наперёд» подобраны слова, как события – к судьбам, а не наоборот, как это легко может показаться. И убеждали его в этом не только логика и интуиция, но и какой-никакой опыт. Ведь в отличие от читателя, полагающего, что можно написать, что хочешь и как хочешь, сам он уже знал, что не только мысль, но иной раз невозможно вставить и слово, чтобы не разрушить всё. Иными словами, существуют законы словотворчества, которые не обойдешь, как законы физики или химии. Подобно иудеям, выявляющим неопределённость Божию при помощи внешних проявлений Его творческих сил - «сефирот» и облекающих её в «Адама Кадмона», Кобецкий лепил его языковое подобие. Общий (верный для всего на свете) принцип у него был - «одно заключает в себе другое, и одно рождается из другого». А последней его догадкой стало то, что анаграмма (перестановка букв в слове) – частный случай этого принципа – является принципом человеческого мышления. И помог ему в установлении этого факта не далее, как позавчера, Димка. Чистота эксперимента была абсолютной - ведь значений слов тот не знал. Воспользовавшись отсутствием Ольги (она отправилась с Юркой в магазин), Кобецкий совершил настоящее открытие. Слово «барсук» (вызывающее почему-то у сына слезы) он, посредством анаграммы, переделал в «кусбар» и поместил его в ряд других слов. Димка играл с игрушками, а Кобецкий время от времени называл его то «ехидной», то «гадюкой», то «сколопендрой», то «аспидом» (чего не сделаешь ради науки). Однако слова эти (незнакомые Димке, но имевшие негативный смысл) не вызывали у сына никакой реакции. Но стоило ему произнести «кусбар», и тот бросил игрушки: у него задрожал подбородок, он всхлипнул, а на глазах навернулись слезы. Получалось, что не имеющий никакого жизненного опыта Димка знаком с правилом анаграммы! Продолжив эксперимент со словами, содержащими «бар», «раб» (барракуда, баран, раб, араб), и не получив результата, Кобецкий вышел на «сук», «кус». Разумеется, он уже догадывался, что причина слёз - это звук, но какой звук? Звук, состоящий из чего? К каким только ухищрениям не прибегал он. Он маскировал это «сук» («кус») то в «уксусе», то в «искусе», то в «суккубе», то в любимом словечке Алексея Толстого «ибикус», но всякий раз Димка безошибочно его распознавал. Довести эксперимент до конца ему помешала Ольга. Она возвратилась в тот самый момент, когда слышав «ибикус», Димка уже готовился разреветься.

- Ты что ему сделал?

- ... Ты не поверишь, я сказал только: «и-би-кус» ...

- А что ты ещё можешь сказать! - Ольга подхватила на руки сына, который отреагировал на повторное «ибикус» плачем.

- Ты же знаешь, что он плакса, - попытался оправдаться Кобецкий.

Нитевидные брови Ольги взлетели вверх.

- Он - ре-бё-нок!.. А папаша его пыльным мешком трахнутый!

Она ушла с Димкой на кухню, а Кобецкий подвел итоги эксперимента. Совершенно ясно, что вызывало у того слезы это самое «сук» («кус»). Что-то было связано у него с ним в его бессознательном, а так как жизненного опыта тот пока не имел, то резонно было предположить, что негативная реакция на этот звук связывается у него с опытом предыдущим - опытом *прежнего воплощения* или *опытом загробной жизни* – опытом пакебытия!

Есть речи - значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волнения
Внимать невозможно...

Нет, за свою голову в этот момент Кобецкий был горд. Он был горд за свой индуктивный метод! Мысль перескакивала у него с пятого на десятое, преодолевала пространство и время. Откуда вообще взялись слова? Не навязаны ли они извне? Не пришли ли вместе с человеком, с его глубинной памятью души из мира иного? То, что процесс словообразования объективен, можно судить хотя бы потому, что все попытки произвольно изменить его всегда терпели неудачу. Вероятно, субъективными были такого рода попытки у Лескова, Маяковского, Велимира Хлебникова или адмирала Шишкова. Кобецкий вспоминал опыты Шуручки и Ромашова из купринского «Поединка» - то, что он и сам проделывал со словом «стул». Стоило «забыть» его истинное значение (повторив мысленно несколько раз), и в его сознании неизменно возникал образ чего-то длинного, горбатого и унылого. «СУКкуба (женский демон), СУКа, КУСать, подавиться КУСком, не пройти исКУС, поКУСиться»... - ломал он голову. - В подавляющем большинстве случаев буквосочетание это СУК (КУС) - несёт негативный оттенок. Чем-то грозным веет от этого СУК (КУС)... «Что же всё-таки выражает это СУК (КУС)? Фридрих Ницше в «Заратустре» полагал, что *«смешение языков в добре и зле», «символы – вот имена добра и зла: они ничего не выражают, они - только знаки. Безумец, кто хочет познать их!»* Что ж, Кобецкий был согласен на риск и даже на безумие он был согласен, но просил он у Бога лишь одного - не карать его прежде, чем он раскроет тайну. Следуя только что возникшей своей теории по открытию истины, он рисковал - он, как мог, *заострял* проблему, пристальнее вглядывался в слово, отыскивая глубинный смысл строительного его камня - буквы. Эксперимент тот его с Димкой состоялся утром, а после обеда к ним зашли школьники из близлежащего пионерлагеря. Три подростка. В руках у них были, перевязанные бечевкой, стопки старых газет и ненужной бумаги. Это был пионерский рейд по сбору макулатуры. То, что в ней иной раз можно найти самое настоящее сокровище, Кобецкий, конечно же, знал, а потому, прежде чем отпустить пацанов, он исследовал имеющийся у них бумажный хлам. И не ошибся. В одной из стопок обнаружилось несколько старых журналов. Журналы относились к двадцать шестому году, и упустить такую ценность он, конечно, не мог. Кобецкий выменял их у школьников на электрический фонарик. Журналы - их было пять штук - «Искра», «Самообразование», «За новый быт» - так они назывались - содержали массу интереснейшей информации, и Кобецкий, отложив все дела, принялся изучать их содержание. Размышляя об огромных переменах, происшедших за исторически мизерный срок - каких-то шестьдесят лет (ну разве можно сегодня вообразить дискуссию между читателями и редакцией по поводу: «возможно ли появление на свет гибрида человека и коровы?») или - «может ли в желудке у человека жить, случайно им проглоченная, жаба?»), Кобецкий наткнулся на заметку, которая привлекла его особое внимание, и он живо припомнил Север, Мурманск, траулер «Лебёдка» и себя восьмилетней давности. «Организации молодежи деревень Парской волости. К сожалению, не на все поставленные Вами вопросы мы в состоянии ответить достаточно прямо и полно. Таковы вопросы: «почему щекотка вызывает смех?» или «откуда взялись матерные ругательства?» Вопрос о причинах и значении смеха для организма вообще ещё недостаточно ясен науке, и по этому поводу не существует какой-либо общепризнанной теории. Точно так же у нас нет сведений о первоначальном происхождении различного рода ругательных слов. Может быть, этот вопрос и имеет какое-либо историко-культурное значение, но мы не видим в нем большого интереса. Можно думать попросту, что желание нанести возможно более глубокое оскорбление вызывало эту брань, так как она затрагивает самое естественное чувство в человеке - любовь к матери». Кобецкий глядел в пожелтевший от времени лист, а перед глазами стояло печальное лицо негритянского парня из Сенегала - матроса-практиканта Маламина Тьяна («Миши»). Тогда на судне их странная дружба, долгие беседы не могли ни привлечь внимания. Как-никак, Миша был представителем того самого общественного строя, которым в этой стране так пугали. Стоило ему остаться с Мишей наедине, как немедленно появлялся третий. Это был новенький с их вахты. Появился он на судне одновременно с Мишей и при таких обстоятельствах, что невольно возникла мысль, что он к нему приставлен. Словом, Кобецкий не удивился, когда через некоторое время его вызвал к себе помполит. Помполита интересовало, «о чем они беседуют?» Он выглядел очень серьёзным, и Кобецкий поспешил заверить, что секретов родной страны он не выдаёт, а помогает иностранцу в изучении языка, и что общение их может служить только вящей пользе государства, так как способствует, выражаясь по-ленински - «экспорту революции». Тогда Мишу очень интересовал этот самый вопрос - вопрос о значении и происхождении матерных слов. Он никак не мог взять в толк: как, каким образом, используя несколько однокоренных слов, русские ухитряются выразить абсолютно любую и абсолютно всем понятную мысль? И это не давало покоя Мише. Помогая ему по возможности разобраться с матерщиной, Кобецкий попытался тогда, с его, иностранца, помощью выяснить для себя другой вопрос: «есть ли какая-нибудь связь между языками народов мира»? Почему (удивительное дело!) даже тесное и многовековое соседство двух наций совершенно не несёт смешения двух культур, всякий народ сохраняет своеобразие и самобытность? Уж, казалось бы, сколько веков вместе Прибалтика и Россия, Россия и Финляндия, Германия и Польша, Франция

и Германия, Италия и Франция, Индия и Китай и - ничего похожего? Чем это объяснить? Именно тогда он впервые и предпринял попытку расшифровать «вавилонскую башню», ибо, подобно, следовавшему литературному источнику и открывшему затем Трюю, Шлиману, понял библейские строчки о смешении языков буквально. Побудил его в тот раз диалог из Шекспира, с томиком которого он коротал время, когда налетали шторма, и в рутинном распорядке промысла появлялось окно. «Виола: Привет тебе и твоей музыке, дружище. Что ж, так и отбарабаниваешь всю жизнь? Фесте: Скорее отхрамываю, сэр. Виола: Разве ты хромой? Фесте: Нет, сэр, я имел в виду, что живу неподалёку от храма, потому и говорю, что отхрамываю. Виола: Выходит, если король живет неподалеку от реки, он отрекается? А если ты стоишь недалеко от церкви в колпаке, она тебя околпачивает?». Р е к а – от р е к а ется, х р а м - от х р а м ываю, в к о л п а к е - о к о л п а ч ивает... – Кобецкий ломал голову над игрой, переведенных с английского, слов. Получалось, что такая же игра должна иметь место и в языке английском. Пускай существует известная вольность перевода, но каким образом у того же Шекспира и - «бодливой корове бог рогов не дал», и - «без царя в голове», и - «шито белыми нитками», и - «как аукнется, так и откликнется», и - «грубая липа», и - «всяк сверчок знай свой шесток» - образные выражения, звучащие на английском совершенно иначе (например, «водить за нос» - у англичан: «дергать за ногу»), но, однако, и в переводе, самым тончайшим образом, соответствующие моменту. Общась с Мишей, Кобецкий использовал роман Пьера Даниноса «Записки майора Томпсона», по которому изучал особенности французского и английского языков, и консультантом тут выступал Миша. Кобецкий обращал его внимание на тот факт, что слово «свобода» на языках стран Западной Европы имеет один корень и начинается на букву «ф» (то, что Данинос называл «чудесным предзнаменованием»). Его взор парил над границами и государствами, но Миша упорно возвращал его на грешную землю. Признавая этот факт по-своему интересным, он обращал внимание Кобецкого на куда более примечательный факт - на гениальное по простоте языковое решение русских свести всё многообразие языка к нескольким однокоренным, начинающимся на две или три буквы словам - то, до чего, как и до строительства коммунизма, не додумался ещё никто. В общем, как выражался Пьер Данинос, «швейцарцы - они, швейцарцы», а «русские - непостижимы». Именно Миша и заставил Кобецкого впервые задуматься над природой мата. К бытовавшей версии о его тюркском происхождении, о которой он и поведал Мише, сам он, тем не менее, относился скептически. Он никак не мог с нею согласиться. Половая сфера - слишком важная часть жизни человека, чтобы у славянских племён до контакта с Ордой не существовало бы своей терминологии. А не является ли «первословами» слова из половой сферы? - думал теперь он. Он видел, как в сказках Даля умирают от старости слова, но ведь если и сохранились в языке «праслова», то те, с которыми связан сильнейший и важнейший инстинкт, и должны быть этими реликтами. И если существует глубинная память человека (а она, несомненно, существует), то не является ли его дурное желание заменить литературное слово нецензурным - бессознательным копированием самого себя первобытного - и определенным указанием на скрытую сексуальную символику самого слова - того самого сокрытого «зла» и «добра», о котором и говорит Ницше? Не является ли м а т е рщина, как и м а т е рь - прародительницей слов?

... Мистер Смит ни черта не понимал. А у Кобецкого никак не получалось сформулировать или облечь в ясную форму то, чего он хочет добиться от иностранца, которого ему послал не иначе, как Бог.

- ... Что такое анаграмма? - объяснял Кобецкий. – Перестановка букв для образования другого слова. Наверное, слышали? Но я имею в виду не анаграмму типа: бук - куб. Слова эти никак не связаны. Я имею в виду анаграмму, имеющую смысл. Например, переставив местами буквы в слове р е м о н т, мы получаем название человека, связанного с ремонтом, м о н т е р. Или же из корня слова видеть - в и д мы, переставив местами буквы, получаем корень украинского слова дивиться (смотреть) д и в. Анаграмма - это общий принцип мышления. Вон, взгляните. - Кобецкий кивнул на соседний столик. – Пачка сигарет. Называются - П р и м а. Если мы переставим местами буквы, то можем получить, помимо прочего, - П а м и р. Я не знаю, какие сигареты появились первыми. Допустим, что первыми появились П р и м а, но те люди, которые давали название сигаретам П а м и р (почему-то именно - Памир, а не, скажем, - Урал или Карпаты?), подсознательно оперировали словом П р и м а. То же самое - и с иностранными словами. Сравните связанные анаграммой, означающие звезда, греческое слово а с т р и английское слово с т а р... Вы скажете, что человеку, говорящему по-английски, это не может прийти в голову? Отнюдь. Так (анаграммами) мыслят все. И так же все - уверяю вас - мыслят по-русски. И даже вы, американец. И я это сейчас докажу.

Про лающую собаку мы, русские, говорим: она брешет. Наверное, знаете?.. Мистер Смит рассеянно кивнул.

- ... С другой стороны, в просторечии слово брешет означает у русских - лжет. Отсюда - слово брехня, то есть - ложь. Но тогда получается, что собака, которая лает (то бишь - брешет) - «лжет». То есть лай, получается – это ложь... Как известно, по-английски ложь - это лай... Кобецкий наслаждался произведенным эффектом...

- Вы не знаете названия самой знаменитой из дошедших до нас «песен» эпохи Карла Великого?

- ...?

- «Песнь о Роланде»... Так вот, анаграмма имени Р о л а н д дает нам скандинавское имя А р н о л д, означающее певец...

Или - нет. Так вы не поймете. Возьмем лучше поговорку: г о р б а т о г о м о г и л а и с п р а в и т. Не слышали?

Мистер Смит пожал плечами.

- ... Откуда она? Вы думаете её истоки «сознательны»? Такого рода остроумие? Отнюдь! Она – из того же подсознания. Откуда - всё. И я это опять докажу. Сравните слова: г о р б - г р о б. Анаграмма? Да. А дальше вступает в действие мышление образно-ассоциативное - истинное мышление, которое всегда использует приём анаграммы. Следует - ассоциативный ряд: г о р б - г р о б - с м е р т ь - м о г и л а. Вы поняли?..

Или - вот. Возьмем, например, расхожую присказку: д о к а з ы в а й п о т о м, ч т о т ы н е в е р б л ю д! Почему фигурирует именно верблюд, а не какие-нибудь там осел, или, скажем, лошадь? А дело вот в чем. Как известно, доказательства требуются там, где нет веры (для того и доказывают, чтобы согласились с верностью того, что собираются доказать). «Человек слова» - говорим мы в отношении того, кому можно верить (доверять). Вот и китайский иероглиф «верить» образуют два иероглифа: «человек» и «слово». В е р б на латинском языке означает слово, а корень слов: людской (то есть, - человеческий) или, скажем, людьна (на украинском языке - человек) - л ю д - мы принимаем за выражение понятия человек. Отсюда и появляется это самое в е р б - л ю д. А, иначе говоря, - «человек слова». А, иначе говоря, - «верить»!.. Вы понимаете, что для человеческого духа не существует такого понятия, как языковой барьер! Скажем, откуда происходит жаргонные слова с а л а г а, с а л а г и?.. А корень этих слов - анаграмма, означающего мальчик, испанского слова с а г а л. А почему мы произносим: черта характера? А потому, что в греческом языке слово характер означает черта. У нас есть мужская шутка в отношении того, кто делает что-либо плохо (в силу своего неумения), но ссылается при этом на какие-нибудь надуманные обстоятельства, мешающие делать хорошо: «плохому танцору я...а мешают». Так вот, откуда она?.. Из того же греческого языка! В греческом языке корень орхе (анаграмма греческого корня хоре, означающего танец), помимо значения плясать (!), имеет и такое значение - мужское яйцо... Вот так и получается, что в каждой шутке - только доля шутки! ... Или - вот. Выражение: ч т о т ы с м о т р и ш ь к а к б а р а н н а н о в ы е в о р о т а... (Нет, это не к вам... Это - выражение). ... Так вот, откуда оно? Оттуда же! Из - подсознания! Ибо почему - баран? Почему - новые? И почему - ворота? А потому, что б а р а н - это то же, что и о в н, одна из анаграмм которого дает нам н о в - корень слов: новое, новый, новые. А, в свою очередь, одна из возможных анаграмм слова б а р а н - буквосочетание б р а н а - означает на чешском (славянском) языке ворота...

... Мистеру Смигу (он уже был не рад встрече) показалось, что он понял, что хотел сказать незнакомец.

- Все слова происходят от греческого и латыни. - Он, впрочем, не настаивал. - Например, слово пипл (народ) от латинского народ - попул, а популярность, популизм - от латинского популярис (народный)...

- Важно то, откуда само слово попул, - отрезал Кобецкий. - Я могу согласиться только с тем, что от слова популизм происходит русское выражение о подхалимаже, лести, заискивании, пресмыкательстве – лизать задницу. Вот оно, действительно, происходит от латинского попу (попы)-лизм (лизание). И это, опять же, пример того самого мышления, о котором я говорю. Но мы сейчас говорим о другом. Если для человеческого духа не существует такого понятия, как языковой барьер, то для слова (какого бы то оно ни было происхождения) не существует препятствий в виде того же человеческого духа. Вам не приходилось слышать о защитниках Брестской крепости?.. Во время войны они погибли – предпочли *смерть* сдаче в плен немцам, и стены этой крепости испещрены предсмертными надписями: «*умираю*, но не сдаюсь». Вы не знаете немецкого языка?.. На немецком *умирать*, *смертный* - корень sterb(штерб). – И Кобецкий нарисовал в воздухе слово. - Так вот одна из возможных анаграмм sterb - brest. «Б р е с т». (Немецкое Ш - это русское С; сравните русское «стул» и немецкое «штуль», русское «спорт» и немецкое «шпорт»). И если слово Брест (получается) мы можем соотнести со словами *умирать*, *смертный*, то это самое слово Брест (получается) оказалось п р о р о ч е с к и связано с реальным фактом гибели Брестского гарнизона, *обессмертившего*, как у нас говорят, свое имя. И этот феномен я называю «роком слова»...

Мистер Смит смотрел с недоверием и даже с испугом. Теперь ему показалось, что он понял всё.

- Я хорошо понял вас! - он нежно и успокаивающе прикоснулся к руке Кобецкого. - Ваше это... Такое... Как это сказать?.. Tiff. Размолвка! С самим с собой у вас оттого...

- Говорите громче! - взмолился Кобецкий. - «Философские оттенки, за которые ставят к стенке» уже в прошлом, уверяю вас!..

-... Это оттого, что вы ещё не мертвы для греха, - зашептал мистер Смит. - Что говорил апостол Павел? А апостол Павел говорил: «Я умираю каждый день». Мы тоже должны умирать. Умирать каждый день. Потому, что мертвого ничем нельзя обеспокоить. Мы можем говорить о нем плохо или хорошо, но ему все равно. Потому, что он мертв. Когда-то я не говорил по-английски (тут мистер Смит перешел на едва

различимый шёпот) и мог сказать только: «Шур, олайт», «конечно, хорошо». Если кто-то говорил что-то про меня, меня это не могло обеспокоить, я не понимал, я был мертв для английского языка (сейчас мистер Смит - выпитое ударило ему в голову – даже не замечал, что разоблачает себя). Вот и вы будете победителем и счастливым человеком только в одном случае - если станете мертвы для того, что вас окружает. Потому и плохо вам, что Господь не устает внушать: «умри для окружающего, умри для зла!» И если вы спрашивали, глядя на меня, о «празднике», то это оттого, что я узнал секрет победоносной христианской жизни через молитву, с которой постоянно общаюсь с Господом!..

- ... Вот вы говорите, что слова происходят от греческого или от латыни, - не унимался, гнул свою линию Кобецкий (он думал о своём и даже не заметил промашки «американца»). - Вы считаете греческий и латынь праязыками. А я приведу такой пример. В старославянском языке калига - башмак, калиги - башмаки. И то же самое – в древнегреческом: калига (башмак), калиги (башмаки). И так же в латыни. На латыни калига и калке - сапог. Отсюда и, например, прозвище Гая Калигулы, древнеримского императора. Сын Германика, он вырос в Германии среди римских солдат, которыми командовал его отец и с детства носил солдатскую обувь, сделанную под его ногу. Отсюда и Калигула (сапожок) - от слова калига (сапог) и латинского уменьшительно-ласкательного суффикса ул. И тот же уменьшительно-ласкательный суффикс (обратите внимание) и в русском языке: папуля, кисуля. Возникает вопрос: что первично? Кто у кого позаимствовал? Я имею в виду слова калига, калиги. Я полагаю, что греки и римляне переняли эти слова от славян. Обратите внимание на то, что греческие слова калига (единственное число) и калиги (множественное число) повторяют правило славянского языка: рука - руки, пушка - пушки, ласка - ласки. Что же касается происхождения этих слов калига, калиги (а они связаны с передвижением), то они того же корня, что и старославянское слово коло - круг, колесо. Колесо связано с движением потому, что круглое. Сравните с однокоренными словами (столь же связанными с движением) колобродить (скитаться), коломька (бродяга), калика (странник). А что касается суффикса га (ги) калига (калиги), то они обычны в русском языке (серьга, серьги, барыга, барыги). Сравним также слова калига, калиги с однотипными (образованными таким же образом) словами коллега, коллеги. Они происходят от польского слова колега, имеющем и латинский аналог - коллега. Но корни его, опять же, славянские. Кто такой коллега? Это товарищ, тот, кто находится (скажем - в силу профессиональной деятельности) рядом, *около*. Но слово около этимологически связано с тем же словом коло (*круг*). Вспомним выражение «вокруг да около». Кстати, то же самое можно сказать и относительно многих ваших слов. Английские слова *gus* (гусь), *brow* (бровь), *plough* (плуг), *soup* (суп) - всё это русские слова. Или возьмем, например, ваше слово *смит* (кузнец). Распространенная у вас фамилия. Да? У нас она тоже распространена. Кузнецов, Ковалев (коваль - кузнец) или Коваленко. Так откуда ваша фамилия (то бишь слово) «смит»?..

Мистера Смита парализовало.

- ... Несомненно, - продолжал Кобецкий, - оно родственно древнегерманскому слову *сמיד*, на котором означает и кузнец, и медь. Медь (мед, мид) - это первый из открытых металлов. Отсюда и слово *сמיד* (кузнец). По типу слова *смак* - на старославянском языке *мрак*. Или сравните также старославянское слово *кол* и, означающее кол, греческое слово *скол*... Или возьмем ту же фамилию Коваленко. Она соответствует белорусской Коваленок. Как нетрудно заметить, они различаются только окончаниями «нко» и «нок», которые связывает та же самая анаграмма, о которой я говорил. То есть Коваленок - это то же, что и Коваленко. То есть то же самое, что и ваше Смит...

Коваленко-Смита била мелкая дрожь. Но его испуганные глаза Кобецкий истолковывал, как неподдельное изумление, а потому взгляд американца вдохновлял. Не было, не было человека, которому он мог поведать о наболевшем. Жена была недосыгаема, а друзей у него не было никогда. Он был одинок, как самурай!

Мистер Смит молчал. Он понял только одно: его настоящая фамилия Коваленко - известна незнакомцу, и означало это конец!.. Всё походило на чудо, в которое мистер Смит, как христианин, конечно же, верил. Но то, что произошло с ним, было больше, чем чудо. Получалось, что он сам, по своей собственной воле, ища встречи с этим человеком, шел навстречу своей гибели. И теперь его палач (несомненно - агент КГБ) стоял напротив, нес околесицу про языки, а на самом деле, просто издевался над ним - своей жертвой. Мистер Смит думал, как быть. Но выхода не было. Широкие плечи «палача» вкупе с молодостью исключали возможность спасения, и он мысленно капитулировал.

Молчал и Кобецкий. Он был удовлетворен. Он посматривал на мистера Смита, улыбался и потягивал пиво. Столбняк мистера Смита он истолковывал, как свою окончательную победу.

... Они распрощались уже в электричке, и до самого последнего мгновения (Кобецкому нужно было выходить) мистер Смит ожидал слов об аресте. Однако, к своему изумлению, ничего подобного он не услышал. Незнакомец извинялся, благодарил за компанию, восхищался его «русским», желал ярких впечатлений и всяческих успехов.

... Тоска навалилась на Кобецкого, едва он только остался один. Он попытался сразу же, по свежим следам, осмыслить случившееся, но у него плохо получалось. Откуда-то принесло иностранца. Вроде того «Ван дер Стула». И везет же ему на них! И это было столь же странным обстоятельством. «Воплощением написанного»? «Повторением»? Ведь и у него был столь же похожий и вымученный им персонаж -

«Булыгин»... Они так и не поняли друг друга. Американец доказывал ему, что у него только один выход - «умереть», а он вспоминал Ольгу. «Неужели всё-таки одному?..»

Кобецкий замедлял шаг, вглядываясь в безмятежное, уже начинавшее принимать осенние краски небо, вспоминал «пророчество», вспоминал, что «любимую студент терял». «Неужели всё-таки одному?..»

Поравнявшись со «Шпалой» (так именовалась у местных, расположившаяся у железнодорожных путей, пивная), он свернул вправо. Внизу он увидел «пресвятую троицу»: Гену, Ваню и Деметриади. Они расположились неподалеку от пивной - через дорогу, на берегу гнилого, изжелта-зеленого озера. Крякали утки, квакали лягушки. Разливал («банковал») Кобецкий.

- Сколько наливать?

- Ты что, краёв не видишь?

«Ты мне побольше, себе - поменьше, - какие твои годы, успеешь еще», - шутил Гена. Или: «куда ему столько льешь - у него рожа, как английский флаг треснет». Относилось это к Деметриади. Деметриади когда пил, то зажимал пальцами нос. Этот вспоминал, доброй памяти, прошлое - прекрасные и исчезнувшие ныне портвейны № 11,12,13, замечательные вина: «Массандру», «Букет Абхазии», «Черные глаза», настоящую водку, которая издревле делалась только из пшеничного зерна, а не из «опилок», как в теперешнее время. Кобецкий же доказывал, что не следует идеализировать старину, ибо «бормотуха» («бормута» - как выражались Деметриади и Гена) существовала всегда, и в доказательство цитировал Пушкина: *«Борис ещё поморщится немного, как пьяница пред чаркою вина»*. Но ему очень хотелось сделать что-нибудь приятное для Деметриади, и он вспомнил Хадзипанагиса - футболиста ташкентского «Пахтакора», обладавшего, как известно, неповторимой техникой. Он назвал грека футбольным гением и совершенно растрогал Деметриади. Кобецкому хотелось сделать приятное всем. Но он не знал, как. «Самые добрые люди у нас и самые пьяные», - цитировал он Достоевского. И довёл Деметриади до слез. Кобецкого распирало, как царя Мидаса, и он, наконец, поведал своим новым друзьям о своем горе - об измене жены. Его подняли на смех. Он рассмешил даже невменяемого Ваню. По словам Деметриади, это такой пустяк, что о нем не стоило и говорить - изменяют всем и вся. А сиволопый Гена заверял Кобецкого, что неверность - это закон природы. Каждый приводил примеры из своей собственной жизни, и, странное дело, - Кобецкому вдруг сделалось легко.

Затем они пели. Точнее, пел только Кобецкий, а Деметриади и Гена немного подпевали. Всё из Есенина. «Отговорила роща золотая», «Не жалею, не зову, не плачу». Он горланил так, что перекрыл хор лягушек.

Дальнейшее Кобецкий помнил смутно. Уже было темно. Временами принимался накрапывать дождь. Ему помнилось, что они куда-то тащили бесчувственного Ваню. Потом Вани не было, не было и Деметриади. Но был Гена. В одном месте Гена повалился и сломал забор. Кто-то что-то кричал, остервенело лаяли собаки. Потом Кобецкий был один. Его мотало по каким-то темным переулкам, из которых он никак не мог найти выхода. Он простирали руку, как пророк и повторял: «Люди добрые!..»

Потом перед ним оказалась не то молодая женщина, не то девица, лица которой он никак не мог рассмотреть, и он бегло, в нескольких словах поведал ей об открытой им великой тайне любви:

Ты, знаешь ли какая малость,
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?..

Кобецкий опустился на колени, коснулся лбом земли, а когда поднял голову, никого уже не было. Девицу, как ветром сдуло. Потом он иносказательно (словами Ницше) рассказывал кому-то о себе и о своей семейной жизни: *«Ах, эта бедность души вдвоем! Один вышел, как герой, искать истину, а в конце добыл себе маленькую нарядную ложь. Своим браком называет он это»*.

Потом он опять кому-то что-то говорил, и кто-то на него сильно обижался. Он говорил: «Люди добрые!..» А ему говорили: «Иди, иди, пока не накостыляли!» Он не помнил, как попал домой, как оказался с Ольгой в кровати, как что-то произошло - их руки сплелись, их губы соединились... Он помнил лишь удар тока. И дальше - гремющий по подоконнику дождь и себя, почти протрезвевшего и обалдевшего от счастья - счастливейшего из смертных! - он был... ч е л о в е к о м ..

Под утро он проснулся оттого, что его мутило. И первое, что он вспомнил: ОН - ЧЕЛОВЕК! Кобецкий перелез через Ольгу (он почему-то спал у стенки), метнулся в ванную, и его сразу же вырвало. С кровью или нет, он разобрать не мог - рвало «Рубином», а он - что чернила. Наверняка - с кровью, потому что болело то, «рвущееся» место под диафрагмой. Но не это сейчас было главным. «Человек!» - снова подумал Кобецкий. Он открыл воду и снова подумал: «человек!» Глянул на себя в зеркало. Посредине лба - пятно, засохшая глина. Он что, так и ходил вчера по поселку?.. Кобецкий смотрел на себя в зеркало и силился вспомнить, где его вчера носило? Мелькали какие-то люди, незнакомые лица... Помимо «Шпалы» и компании у озера (что было потом, он не помнил) вдруг всплыл автобус. Он ехал в автобусе, и на лбу у него было вот это?.. Желудок спазматически дернулся, и Кобецкий опять склонился над раковиной. На этот

раз «Рубин» кончился, была кровь. Но её появление не произвело на него обычного гнетущего впечатления: он был переполнен одним: ЧЕЛОВЕК!

Отплевавшись, он умылся, прополоскал рот, почистил зубы и тут же из-под крана напился. Немного подождал. Нет, кажется, больше не тошнило. Он вернулся, лег.

- Дурак, - Ольга не спала. Сонная, теплая, только что не мурчащая кошка. - Зачем вот напился?

- Потому, что дурак.

Ольга хмыкнула, провела ладонью по его щеке. В неясном свете её глаза казались темными, почти черными.

- Иди ко мне... - позвала она.

Она придвинулась горячим телом и непреодолимое, как позыв к рвоте, желание накрыло его с головой.

...Во второй раз он проснулся уже в двенадцатом часу. Ольги не было. Через занавеску просвечивало солнце. За окном звучали детские голоса. Ритмически ухал магнитофон. Всё было, как всегда. Только вот почему-то помалкивал дог. Молчала и пианистка. Но сегодня Кобецкий извинил бы и дога, и пианистку. Мысли его были об одном: человек! А вот голова побаливала. Он поднялся. Круговыми движениями, как советуют йоги, потёр виски. Обошёл квартиру - никого не было, он был один. Умылся. Побрился. Сделал бутерброд, налил чаю. Душа пела: человек!

Он стоял у окна, прихлёбывал горячий, крепко заваренный чай и торжествовал. Бормотуха» победила всё. Страх, все сомнения и отчаянье. У него - «получилось», как у того, напившегося «зулуса» у Харвуда в «Одинаковых тенях», и лишь потому, что он, как и тот, н и ч е г о ш е н ь к и не помнил. А на самом деле он всегда оставался «человеком», только его мнительность взлетела до небес, после того его ошеломляющего *видения*, родившего страх. Он напился, как свинья, а стал - человеком. Он и сейчас... Кобецкий тихо засмеялся. Только подумать! Ещё вчера его отчаянье было беспредельным, и он завидовал какому-то жуку, дятлу... Хотя нет, - он всегда продолжал верить. Он ведь надеялся. Как и - «калиф Хасид». И вот это уже не сказка, а быль. «М у т а б о р»! Магическое слово! М-у-т-а-б-о-р... Автоматически, он переставил буквы в слове и... не поверил себе. Перепроверяя, он попробовал еще раз и запутался. Он решил не спешить. Он намеренно не думал о слове, сдерживая себя. Он очень боялся ошибиться. В аптечке он поискал «от головы» и, не найдя цитрамон, проглотил таблетку анальгина. И только после этого взял бумагу и ручку. МУТАБОР. Рука у него задрожала так, что не получилась буква «Т», но он уже видел: он не ошибся. БОРМУТА!.. И теперь уже задрожал весь Кобецкий. Если верить сказке Гауффа, то «волшебное слово мутабор», сделавшее «калифа Хасида» «человеком», было этим же самым словом, которое сделало «человеком» и его! Ведь именно так - «бормута» - по поводу «Рубина» («бормотухи») - говорили вчера и Деметриади и мордovorот Гена! Ему стало жарко.

БОРМУТА! всё было в этом слове! И - Глас Божий. И - «жизнь выстраивается согласно книгам»! И - рок слов! И - воплощение слова! Всё заключало в себе это МУТАБОР!.. И он разом припомнил - когда вдруг впервые у него возникла нелепая и фантастическая мысль о том, что строчки литературных творений могут предвозвещать и чужую, совсем не относящуюся и к месту, и ко времени, совсем постороннюю судьбу.

Сначала - «Халиф-аист» Михая Бабича. *«И это были самые мучительные минуты моей жизни. Жизни Халифа-аиста. Я терзался этим еще в детстве. Меня изначально влекли, манили к себе слова, незнакомые, приятные уху слова, чужие слова, казавшиеся при этом странно знакомыми, словно бы я когда-то давно их слышал, но потом забыл... слова - и буквы, из которых я мучительно складывал эти дивные слова, - они-то и превратили меня в неудовлетворенное существо, несчастное существо»*. А затем в его руки попал и другой «аист» - «Халиф Хасид» Вильгельма Гауффа, в котором рассказывалось о человеке, превратившемся в «аиста», но мечтавшем вновь стать «человеком», но позабывшем заветное и спасительное слово «м у т а б о р». А затем - и «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» Сельмы Лагерлёф. Когда он вдруг почувствовал себя и этим «Нильсом», «понимавшим языки каждой твари», но оттого и «несчастливым», как этот Нильс, потому, что вместе с Нильсом вдруг с потрясающей ясностью осознал: «мне это даром не пройдет». «Могу ли я радоваться? Ведь со мной случилась самая страшная беда». «И ему никогда не стать человеком». «Никогда не найти ему ту девушку, которая захочет стать его женой». И он так хотел узнать то «заветное и спасительное словечко», которое шепнул Нильсу на ухо мудрый ворон «Батаки»: «Ну, вот и всё, после этих слов ты снова станешь человеком»...

И он - у з н а л!..

Кобецкий уже не мог оставаться на месте. Он бросился ходить. На кухню и - обратно в коридор. И из коридора - обратно на кухню.

Но тогда она ведь з а п л а н и р о в а н н а я вчера была его попойка! - доходило теперь до него. - БОРМУТА!.. Получается, что ему и с л е д о в а л о напиться!.. А значит - и с л е д о в а л о дойти до отчаянного своего положения. Чтобы в с ё п о н я т ь, чтобы суметь расшифровать и убедиться: МУТАБОР - это то же, что и БОРМУТА! А иначе бы до него просто не дошло!.. Получается, так... И дело, разумеется, - не в слове. Не - в «бормуте». Ему просто демонстрируют п р и н ц и п. Анаграмму (подтверждают его мысль). А заодно и - рок слов. Его обучают, убивая сразу нескольких зайцев. То есть тогда это была никакая

не сексуальная неудача, а напоминание о христианском ПОСТЕ, который и должен отныне стать правилом его жизни! Как и сказано: *«Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте...»*. *«И не предавайте членов ваших греху в орудие неправды...»*. А они с Ольгой не воздерживались никогда. Ненасытностью чувств не уступали друг другу. И с неутолимостью их страсти могла совладать только катастрофа. Говоря по-другому, - в их интимных отношениях и присутствовала та, чреватая определениями *слишком, чересчур, чрезмерно* (злом), к р а й н о с т ь. И теперь он, кажется, понимал. И ведь его заранее п р е д у п р е ж д а л и. (Всё, несомненно, «подброшенное» ИМ!) У Умберто Константини фигурировал мрачный импотент *«Аид»*. А у Золя - потерпевший фиаско с проституткой *«доктор Паскаль»*. И у Германа Броха - столь же несчастный *«Андреас»*. И изобиловали сексуальными неудачами *«Дикая роза»* и *«Алое и зеленое»* Айрис Мэрдок (*«Рэндл»*, *«Эндрю»*, *«Барнабас»*). И Эльза Триоле, и Султан Орбелиани, и Кэнзабуро Оэ - чтобы он не открывал - все, словно сговорившись, рассказывали о его грядущей беде. Кобецкий поднял голову, обвел взглядом потолок и вдруг, повинувшись внезапному порыву, заскочил в комнату, оглядел плотно составленные ряды книг. Но на этот раз он знал, где *это* лежало. Повинувшись непреходящей и абсолютной внутренней убежденности, он взял одну из трех библиотечных, которые принес накануне и еще не открывал - у него не было ни малейших сомнений... **«Я НИКОМУ НЕ ЖЕЛАЮ ВРЕДА, Я ТОЛЬКО ХОЧУ ОТКРЫТЬ ВАМ ГЛАЗА...Я МОГУ ДАТЬ ВАМ ВСЁ»**.

Фамилия автора ни о чем не говорила ему. Оксанен, финка... Получалось, как у Владимира Мономаха, - *«взял Псалтырь в печали, разогнул и вот что мне вынулось: «о чем печалишься, душа моя?»*. С благоговейным чувством Кобецкий положил книгу на место. Он был потрясён. Ему было просто неловко сознавать ту степень интимности, которая складывалась у него с ИМ. Ну *«какое общение у котла с горшком?...»*

Глава 2

Кто находит удовольствие в трате времени за вином, тот в доме своем оставит бесславию. *Притчи Соломоновы 12:12*

Вино - глумливо, сикера - буйна; всякий, увлекающийся ими, неразумен.

Притчи Соломоновы 20:1

Для всякого пророка Мы сделали врага из грешников.
Коран 25:33

Ибо и пророк и священник - лицемеры; даже в Доме Моем Я нашел нечестие их, говорит Господь.
Иеремия 23:11

Этот закон, вероятно, имеет и всеобщий характер: всякий делающий всегда порождает и то, и другое - и благо, и зло.

А. Солженицын «Раковый корпус».

Зло? Я думал, ты не признаешь различия между добром и злом.

А. Рюноскэ «Жизнь идиота».

Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.

М. Лермонтов. «Журналист, читатель и писатель».

А чертей у тех не видел? - спросил отец Феррапонт.
Ф. Достоевский «Братья Карамазовы».

... Так когда начиналась его вера? - вспоминал Кобецкий. Да, он был когда-то согласен с Прустом – с тем, что *«не лишено основания, что Бергот умер не навсегда, ибо есть в этом известная доля вероятности, хотя религиозные догмы и не могут доказать, что душа после смерти остается жива»*. Так что ни лишена основания мысль, что и мама с папой умерли «не навсегда», а, согласно *«тральфамадорским понятиям»*, лишь летают пока где-то во времени, как *«Билли Пилигрим»* - так когда-то рассуждал он. Так с чего началась его вера? - вспоминал Кобецкий. – С жизнеописания Блэза Паскаля? Или же – с Марка Твена, называвшего Новый Завет *«злом»*. *«Истинна или ложна религия, вы ничем не рискуете, признавая её истинной, но рискуете всем, считая её ложной»*. Это сказал Паскаль. И он, Кобецкий, был еще стопроцентным атеистом, когда прочитал у Мариенгофа его вирши:

Кровью плюем зазорно
Богу в юродивый взор...

Но и тогда, атеистом, он знал: так нельзя. А сейчас ему кажется, что Мариенгоф совершил нечто ужасное...

... Твердь, твердь за вихры зыбим,
Святость хлещем свистящей нагайкой,
И хилое тело Христа на дыбе
Вздыбливаем в чрезвычайке.
Что же, что же, прощай нам грешным,
Спасай, как на Голгофе разбойника,
Кровь Твою, кровь бешено
Выплескиваем, как воду из рукомойника!
Кричу: Мария, Мария кого вынашивала,
Пыль бы у ног твоих целовал за аборт,
Зато теперь на распеленутой земле нашей
Только я - человек горд.

Каково?.. Так с чего началась его вера?..

На полянке, где он и планировал расположиться с отцом Львом, оказалась кампания - трое сидели на траве за бутылкой и о чем-то спорили.

- Здесь рядом есть хорошее место, - сказал Кобецкий.

Они обошли густые заросли малины. Но и на другой поляне тоже были люди. Девочка, лет десяти, крутила хулахуп, а молодая женщина, видимо её мать, бросала шишки, за которыми носился пудель.

Кобецкий взглянул на отца Льва. - Там дальше (метров двести) еще одно место. Может туда?..

- Дальше - лека! - крикнул Димка (он не выговаривал «р»).

Женщина взглянула в их сторону. - Тоша!.. Ко мне! - позвала она собаку.

- Вы не меня, девушка? - «откликнулся» отец Лев.

- Разве вы Тоша? - взглянула на него женщина и опять позвала: Тоша!..

- Меня мама тоже Тошей зовет. Антоша - я. А вас как? (сейчас уйдут, - бросил он Кобецкому).

- Даша, пойдем! - позвала женщина девочку, и та ухватилась за обруч.

- ...Вся и недолга! - сказал отец Лев, когда поляна опустела.

Они уселись на траве под ель, выпили, и отец Лев сказал:

- Только не смотри на меня такими глазами - мол, священник и со стаканом ...

- Я и не смотрю, - сказал Кобецкий. На самом деле, он только об этом и думал: «человек, у которого он крестился, и со стаканом!..».

- *«Веселие на Руси пити и другого не быти!»* - неожиданно засмеялся отец Лев. - Так?.. Нет, нет, - он стёр с лица улыбку. Большинство понимают этот процесс в смысле праздном: *«Откупорить бутылку шампанского и перечитать «Женитьбу Фигаро»*». А здесь всё не так просто. Застолья, как известно, не избегал и Сам Христос. Вспомни «первое чудо в Кане» - брачный пир в Кане Галилейском. Всё было выпито, и Иисус обращает в вино воду. Пил ли он Сам? Не только пил, но и, согласно Евангелиям, любил это дело. *«Ибо пришел Иоанн, ни ест ни пьет; и говорят: «в нем бес». Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: «вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам»* (Евангелие от Матфея, глава 11). Или - *«сказываю вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего»* (Евангелие от Матфея, глава 25). Так почему Христос прибежал к вину? Застолья с учениками всегда сопровождалась поучениями, апостолы набирались знаний. Не помнишь окончание стиха *«пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: «вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам?»*

- ?..

- *«И оправдана премудрость чадами ее!»*.. Другими словами, питье связывается с мудростью. Как говорили древние *«in vino veritas»*, истина в вине. А они знали, что говорили. Не знаешь, что означало на старославянском языке слово квас?.. Так вот, у него сразу несколько значений. Кислый напиток. Закваска. Опыняющий напиток. Попойка. А также – у ч е н и е и т о л к!.. Я не шучу - есть такой «Словарь древнеславянского языка» Старчевского. ... Как видишь, - действительно *«оправдана премудрость чадами ее»*. Вот и у меня особое и, если хочешь, творческое отношение к алкоголю. Легкое опьянение – род медитации... - Отец Лев пошевелил пальцами (Кобецкий кивнул). - Состояние, когда алкоголь ослабляет колебания нервных импульсов в нашем мозгу. (И нас начинает тянуть на подвиги! - засмеялся Кобецкий). Засмеялся и отец Лев. - И это верно. Но это уже в следующей стадии. Я подчёркиваю: лёгкое опьянение! - И он поднял палец вверх. - Разум, вечно занятый внешними предметами, успокаивается (забывает о них), и тогда наступает момент возможный для духовного просветления, открытий и даже пророчеств. В психоанализе он называется инсайт. Момент, когда сознание способно постичь подсознание. Познание истин, как известно, возможно только изнутри, а не извне. *«Царство Божие внутри нас»*. Это дар божественного порядка, построившего внутри нас свой храм. И это подсознательно чувствует художник. Можно назвать сколько угодно людей, использовавших алкоголь в творческом процессе: Эдгар По, Джек Лондон, Мусоргский, Бетховен, Саврасов, Гоген, Блок, Есенин, Модильяни, Хемингуэй, поэты-символисты... Правда, с тем или иным результатом и последствиями. Тут судьба. Не человек выбирает, а *«назначает хозяин виноградника»*. Бог. Алкоголик потому и алкоголик, что таковы его карма и дхарма. А нужна - золотая середина. Возьмем древнегреческий язык. Бог питания у греков - Бакх (Вакх). Бакхей - «вино», а также – «иступленный», «восторженный», «вдохновенный». «Восторженный» же по-гречески также маник. А это слово, в свою очередь, от слова мания, - «вдохновение» и «сумасшествие». А оно, в свою очередь, родственно слову «ман», означающему (обрати внимание) «нечастый», «редкий», и слову манет - «редкость». И с ними же, в свою очередь, связано слово мантей, означающее «пророчество» и «предсказание».

Как видишь, «нечастое», «редкое» питье приводит к «вдохновению» и способности «предсказывать», «пророчить», а превышение этой меры - к «сумасшествию». Потому, что алкоголь - оружие обоюдоострое. И в этом смысле есть три состояния человека: «А» - трезвое, обычное или нормальное состояние. «В» - лёгкое опьянение или эйфория вдохновения, соответствует, условно говоря, «гению», необычное или творческое состояние (можно назвать его и ненормальным). И «С» - перебор, состояние абсолютного ненормального, именуемое в просторечии свинским, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Просто

природа позаботилась об особой значимости пункта В, для чего и существует пункт С. А научно перебор - это ни что иное, как слишком глубокое погружение в подсознание, где человек уже зверь. О чем и писал Омар Хайям - *«ты зверь и человек, злой дух и ангел ты»*... Вот и я в своей жизни (а любая жизнь, даже самая прозаическая, это - творчество) «творю», не выходя из пункта «В». Ни сколько и не только расслабляюсь, сколько набираюсь ума, как это ни странно звучит.

Отец Лев замолчал, взялся за бутылку, хмыкнул, стер улыбку («нет, нет, я серьезно») и стал разливать.

- ...Дима, Юра, не уходите далеко! - крикнул сыновьям Кобецкий.

Они выпили ещё (причем, Кобецкий сделал это с особым чувством), и отец Лев продолжил.

- ... И в этом смысле, питье - процесс духовный. Да-да! Процесс самопознания и познания мира. Ты не смейся! (Кобецкий и не думал смеяться. Он внимательно слушал, попутно отмечая, что его «разум успокоился», и об Ольге он и не думает вовсе, вспоминал: озаряло ли его когда по пьяному делу, и припоминались ему одни позывы к тошноте, провалы в памяти, все ужасы похмелья и опять Ольга. Вероятно, ему был ведом один пункт «С». Вероятно, таковы были его «карма» и «дхарма»).

А отец Лев цитировал ибн Сину:

Вино - твой друг, коли тверез, а если пьян - то враг,

Змеиный яд оно, коли напился, как дурак.

Немало может быть вреда во многом, дорогой,

А в малом прок великий есть, что знать обязан всяк.

«Вино полезно для жизни человека» - сказано в книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова. И если у Исаяи - *«горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорячают себя вином»*, то по какому поводу? Цитирую дальше: ... *«А на дела Господа они не взирают, и о деяниях рук Его не помышляют»*. Так что неслучайно вино в Церкви - главный элемент обряда. Символ причащения крови Христовой (кровь - вино) - символ духовного прозрения и обретения тайн небесных. Заметь, как сказано у Верхарна - *«опьянение в меня вселило бога»*. Бога!.. И когда от безысходности человек пьёт, подсознательно - это акт признания того, что своим умом ситуацию он разрешить не способен и бессознательно ожидает помощи свыше, от Бога. (Как говорится, слышим Божий глас - только с пьяных глаз. Так? - отец Лев хохотнул, но тут же опять посерьёзней). И в этом смысле действительно не только вино, но и любое вещество, обладающее наркотическим действием. Даже такое элементарное, как табак. Волнуясь, курящий незамедлительно лезет за сигаретой - он бессознательно (а потом уже и сознательно) ищет выхода из взволновавшей его ситуации. Подсказки свыше, которая, на самом деле - внутри, в его бессмертной душе, в нём. Тот же литературный персонаж - размышляющий над загадочным преступлением Шерлок Холмс. Бессознательно или сознательно Конан Дойль помещает его в кресло с трубкой в зубах. Обрати внимание - сколько среди писателей (мыслителей вообще) курящих. Есть и исключения, но которые лишь подтверждают правило. Оноре Бальзак не способен был написать ни строчки, не опившись кофе, напитка, обладающего, как известно, слабым наркотическим действием. Тут куда ни глянь... Шаман, вдыхающий наркотика перед тем, как впасть в транс и слышать духов. Рок-музыкант, с помощью наркотика пытающийся уловить мелодию. Да та же самая обыкновенная беседа - посиделки с чаем, с кофе, с сигаретой. Что это? Бессознательная медитация. Обращение не только к собеседнику, но и к самому себе. А по-другому всё, о чем я говорю, это - самадхи или - обретение сверхчувственного восприятия. По Дзен, из всего живого, в обычном своем состоянии «А», самадхи не владеет лишь человек, и феномены предвидения и пророчества у него лишь дхармические исключения. - Отец Лев сощурил глаза. - Кажется, у Чехова, в его «Скучной истории» есть попытка эти феномены объяснить... («да, да», - в нетерпении поддакнул Кобецкий). А вот животные, в той или иной степени, владеют самадхи все, потому что, в отличие от человека, сознание у животного (а сознанием, пусть и примитивным, оно обладает) и его подсознание не имеют того «барьера», который имеется у человека, и потому оно только зверь. Что такое сумасшедший? Это человек, у которого сознание, образно говоря, глубоко в подсознании, в inferнальном, в адском. И потому у него так много от зверя. Зверем может быть и сильно напившийся (пункт «С»), и алкоголик (белая горячка, психозы), потому что «медитации» того и другого слишком глубоки. Мысли о сумасшествии так часто посещают мыслителя, философа, психоаналитика, всякого «глубокого» художника уже только потому, что он волей-неволей вынужден переступать «барьер» и совершать «спуск». Но, так как всё это происходит у него на уровне подсознания, то «сознательно» он ничего не «помнит». Однако в подсознании (в глубинной памяти) неизбежно остается след. И тут ключевым словом становится слово фобия или, по-русски говоря - страх. Эти люди бессознательно ощущают всю жуткую притягательность открывшейся тайны бытия (так тянет к краю пропасти), и потому среди них так много самоубийц. Обрати внимание, по Соломону - *«страх есть ничто иное, как лишение помощи от рассудка»*!.. То - о чем я и говорю. То есть - продолжительная оторванность от сознания. Заметь, что прежде чем стать символистом, Рембо написал «Пьяный корабль», а Бальмонт, прежде чем стать еще большим символистом, совершил попытку самоубийства, грохнувшись из окна на мостовую. Сказано: «Падаешь, но открыты глаза твои»! «И был на Валааме дух Божий и сказал притчу: «говорит муж с открытым оком, говорит слышащий слова Всемогущего, который п а д а е т, н о о т к р ы т ы г л а з а з а е г о». «Говорит, слышащий слова Божии, имеющий видение от Всевышнего, который в и д и

т в и д е н и я Всемогущего, п а д а е т, н о о т к р ы т ы о ч и е г о». Вот ведь какая штука! А?.. Истина она - и райская, и адская, но в целом она едина (правда - одна!), и только боги способны вынести её до конца. Человек же слишком слабое существо (слабо его сознание, слабы ум и нервы), и потому так опасны для него глубокие и продолжительные погружения. Но погружения осторожные и неглубокие - только во благо...

«Потрясающая логика! - думал Кобецкий.

... Во благо! - ещё раз повторил отец Лев. Он, не мигая, во все глаза смотрел на Кобецкого, и тому вдруг показалось, что вдохновением (виновато ли «вино» или этот самый пункт «В») просияло его лицо.

- ...Послушай, ты ведь читал Библию, неужели тебе не приходило в голову, что Зло и Добро это - Одно?..

- То есть как?.. - Кобецкий непонимающе глядел на отца Льва. - Как «одно»?

- ... По большому, конечно, счёту.

- Добро не может быть Злом.

- Добро Злом быть не может, но я говорю о том, что Добро и Зло сосуществуют. Как и - в человеке, который по «образу и подобию». Мы столь же «едины», и доброе столь же нам присуще, как и злое. И только единая природа Творца (Добра и Зла) может что-то объяснить. Не помнишь: «Творец, всеведущий, всемогущий и *единый*», Он - «причина и следствие», «альфа и омега» - предтеча всего и вся. А значит и Добра и Зла. Ты не читал Исайю? «Я образу свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю всё это». То же и у Иисуса, сына Сирахова - «доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство – от Господа». И то же самое в Коране: «Когда пожелает Аллах людям зла, то нет возможности отратить это».

- Вы... ты и Коран читал? - запинаясь и с невольным почтением спросил Кобецкий.

- Разумеется!

Кобецкий с завистью качнул головой.

- ... «И истребишь (Израиль) все народы, которые Господь, Бог твой, дает тебе; да не пощадит их глаз твой» - это в Библии, Второзаконие. (Слова Творца).

А вот Коран (слова Аллаха): «И убивайте их (неверных), где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас». «Для вас в возмездии жизнь». «И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а вся религия будет принадлежать Аллаху». Разве это не Зло? С одной стороны, - призывы Аллаха: «для вас в возмездии жизнь» и «сражайтесь с теми из неверных, которые близки к вам» (Зло!). А с другой, - «и ты не перестаешь узнавать об измене с их стороны, кроме немногих из них. Прости же и извини, - ведь Аллах любит добродетельных». «Я (Аллах) не прошу у вас за это награды, а только любви к ближним; кто совершит доброе, тому мы прибавим к этому благое» (Добро!). То есть - то, о чем я и говорю: Зло и Добро сосуществуют в Одном («доброе и худое», «свет и тьма»). Как - и в человеке, Его «подобии». А отсюда и «человеческая недалёковидность» Творца. Как сказано в Коране о Коране, это - «книга со сходными, повторяющимися местами». И противоречия в нем объясняются так: «всякий раз, когда Мы отменяем стих или заставляем его забыть, Мы приводим лучший, чем он». Отсюда и термин «ал-Бада», означающий в шиитской догматике изменение божественного мнения, вызванного появлением новых обстоятельств. Каков Творец - таковы и творения. Разгром фашизма - благо или зло?.. Благо!.. А те двадцать миллионов, принесенных во имя этого жертв?.. Что?.. Зло!.. То есть, Зло, оборачивающееся Добром и Добро, оборачивающееся Злом... А что такое открытие Америки? Во благо оно или во зло? Если во благо, то что есть скальп с головы индейца, за который правительство платило колонистам шестьдесят центов? Что есть охотничий промысел, устраиваемый на людей? А помнишь Панглоса у Вольтера? «Отдельные несчастья создают общее благо»?.. Или - Канта: при ближайшем рассмотрении - зло, а при дальнем - благо? («моё, а не Канта!» - пронеслось у Кобецкого в голове). При ближайшем рассмотрении, это трагедия, а в историческом масштабе - благо. Реки крови могут быть благом. Благо через Зло. Ты не понял? (всё, решительно всё Кобецкий понимал). Воистину, как у Рюноске - «не будь сифилиса, не было б шоколада и кошенили!» Одно!.. А что есть любовь?.. Добро!.. А слышал такое: «любовь зла, полюбишь и козла»? Так что есть любовь?.. Одно!.. Одной рукой тебя благословляют, а другой давят, как вошь!.. Всё - Одно, - и Добро и Зло... «Боже мой! - с тоской думал Кобецкий. - Это же мои мысли, мои сомнения, мои слезы!..» Он автоматически открывал бутылку и разливал.

- ... А что такое похмелье? - продолжал отец Лев. - Да то же самое - и зло, и добро. У похмелья глубокая воспитательная роль. Это когда и katzenjammer (когда муторно с перепоя) и когда taedium vitae (когда отвращение к жизни). Но «при печали лица сердце делается лучше». Вспоминаешь вчерашнее (какие фортели выкинул) и узнаешь, кто ты на самом деле есть. И, естественно, хочется стать лучше. И говоришь себе: софитеог (каюсь). Тоска и печаль - это неудовлетворенность, но она и - движитель: побудительная причина. Удовлетворенные не способны созидать, а потому для мыслителя, всякого серьезного художника, похмелье (горькое похмелье) – просто необходимо. То есть, мы опять видим как из зла (пьянства) получается добро (воспитывающее похмелье). ... Ты вот в прошлый раз о пороке говорил, но ведь не человек же этот порок сотворил. Одно! И – о «слезе ребёнка» у Достоевского. Но мысли о детях - это мысли любого нормального человека. Стихи Кайсына Кулиева - это вопль о том, чтобы не умирали дети. Или - слова доктора Риз у Камю о том, что и на смертном одре он не примет этот «мир божий», где истязают

детей. Так вот, мысли Достоевского, и Кулиева, и Камю - это тоже Одно. А с другой стороны, Одно - и тысячи малышей, сожженных в фашистских концлагерях. А?.. Потрясает всеядность этого Одно! Мы говорим о какой-то окончательной победе. Но кого над кем? Если Добра над Злом, то как это представить у Того, кто есть Одно?.. Сотворить, чтобы потом победить? Можешь ты это объяснить?.. Говоря о Добре и Зле, ты пытаешься расчленив Истину, которая есть Одно. Потому, что не способен представить её целиком, ибо все мы, человеки, только тускло улавливаем её частности. «Я (Бог) возвещаю от начала, что будет в конце, и от древних времен то, что ещё не сделалось» (это у Исайи). «И нельзя сказать «это хуже того», ибо всё в своё время будет признано х о р о ш и м» (это у Сираха). То есть, получатся то, о чем я говорю. Плохое есть Хорошее. Или Зло есть Добро. Quod est demonstrandum (что и требовалось доказать)... Ну, чего молчишь? Думаешь? Думай!

И отец Лев отсалютовал наполненным стаканом.

Кобецкий выпил, поднялся и пошел взглянуть, чем занимаются дети - за деревьями он слышал их возбужденные голоса.

Голову отец Лев ему заморочил, думал он. Возразить ему было чем, но возразить он мог только в частности, а возразить в самом главном не мог. Ему было бы легче признаться, что он ошибся в существовании Бога, но никакие сомнения и противоречия библейских текстов уже не могли поколебать его веры. И это было ужаснее всего. Он хотел верить в ЛЮБЯЩЕГО ОТЦА, а не в гностическое РАЗУМНОЕ и РАВНОДУШНОЕ с высот космической целесообразности НИЧТО!

Дети сидели на корточках у огромного муравейника и внимательно наблюдали за тем, как муравьи управляются с крупным кузнечиком. Тот был живой, шевелил лапками и пытался освободиться, но могучая, тащась в лилипутах, сила неумолимо продвигала гулливера к муравейнику.

Вот и тут - Одно! - подумал Кобецкий. - Как они с ним всё-таки похожи, - думал он об отце Льве. Одни и те же мысли. Даже слова... Он опять вспомнил об Ольге.

- Дима, ты - старший, дальше муравейника ни на шаг, - предупредил Кобецкий. - Скоро пойдем домой.

Про дом он сказал больше для порядка. Теперь он и сам не знал, когда они туда попадут. Он вернулся к отцу Льву. Его поразило то, что вино (когда он уходил в бутылке оставалась треть) было допито, и теперь отец Лев, открыв последнюю, третью бутылку портвейна, опять наливал себе. Это было уже настоящим свинством. Но вино-то его, - попытался подавить Кобецкий вспыхнувшую неприязнь, - он его покупал.

- Нет, пока не хочу, - остановил он движением руки отца Льва, который хотел налить и ему. Неужели этот поп алкоголик? - думал он.

Отец Лев отставил бутылку.

- Я как-то с одним говорил, - продолжал тот. - Так же вот спорили. Он - духовное лицо и действительно верующий.

- А что разве среди духовных есть и неверующие? - перебил Кобецкий.

- Разумеется! - отец Лев улыбнулся изумлению на лице собеседника. - Чему ты удивляешься? После войны священников обкомы назначали.

Конечно, он не верует в Бога, - пронеслось у Кобецкого. - Даром, что священник!

-... Фамилия его, кстати, Иудин, ха-ха! - продолжил отец Лев. - Я не шучу! Какие только у нас, у духовных, не попадают. Слово в насмешку. Иеромонах Феодосий в миру - Грешило. Другой, протодиакон - Ересько. Ха-ха!.. Так вот, он мне, этот Иудин, возражает. Иова мне цитирует. «Он причиняет раны и Сам обвязывает их». Бог, мол, и - ж а л е т! Ты понимаешь? Истребил миллиарды, но - «жалеет»! Вот такой бог у христиан. И это официальная точка зрения! «Бог дал, бог взял». И - наоборот. Так, отче, жалеют дохлую ворону, говорю. И излагаю примерно то же, что и тебе. Подвожу к Соломонову - «Ты (Бог) любишь всё существующее, ибо не создал бы, что ненавидел». Но так как, мол, существует и Зло, то получается, что и Зло создал Бог и, мало того, - «любит» его (в божественном, разумеется, смысле). Протопоп мой аж взвился. Так там такое было!.. - Отец Лев усмехнулся, покачал головой, махнул рукой. - Но, как сказано - «веровал и потому говорил». Приспосабливаться, поддакивать, повторять вслед за кем-то то, во что я не верю, я не могу (если я заблуждаюсь, то заблуждаюсь сам). Например, я разделяю веру индуистов и буддистов в перевоплощение. И не боюсь об этом говорить, потому что о перевоплощении говорят и Евангелия. Например, у Матфея о казненном Иоанне Крестителе, сказано: «Если хотите принять, он есть Илия, которому должно прийти». Или же - слова о «слепорожденном» у Иоанна. «И проходя, увидел человека слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви! Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» Совершенно же понятно, что речь идет о его прошлой жизни. Как мог согрешить тот, кто только родился? Разумеется, апостолы спрашивали о грехе, который имел место в прежнем воплощении и который перешел в новое бытие возмездием, кармой (последствием). Однако Христианство о возможности перевоплощения молчит (считается, что человек живет один раз, попадая после смерти в ад или в рай) и, тем самым, порождает законный скептицизм (неверие). Ибо, как с этой точки зрения объяснить, почему один - как сыр в масле, с талантами и со здоровьем, а другой - нищий калека, живущий в вертеле и обреченный самою судьбой попасть в ад? Понимаешь, им... - разумеется, тем, кто во что-то верит,

- они тоже в душе согласны, что не всё ладно в «датском королевстве», а сказать вслух страшно, и долдонят своё: «свят бог». На всякий случай. Это как про советскую власть: в душе клянёшь, а вслух - не решаешься, боишься. А я не боюсь не только думать, но и, как видишь, говорить... (Кобецкий во все глаза смотрел на него). ... Жалеть может мать, у которой умирает её малыш! (отец Лев одним махом проглотил содержимое своего стакана). ... И жалеть могу - я! ... У меня от рака умирала мать (теперь он глядел на Кобецкого в упор). Она уже не вставала и знала, что жить остаётся считанные дни. Впереди был гроб и два метра земли сверху, и я не знал, чем её утешить. И, словно в насмешку, у неё был д е н ь р о ж д е н и я. Ты можешь себе вообразить?.. И я сказал: «с днем рождения, мама». А что я ещё мог сказать?.. «С днем рождения», а?.. Ты можешь представить мои и её чувства?.. «С днем рождения» - когда жить остаётся два дня!.. - Голова отца Льва опустилась и опять поднялась. И теперь в его глазах стояли слёзы.

- ... Да, она была верующей, но вера это вера, а - смерть... Я - сказал (о, будем прокляты и я, и Тот, кто это устроил!), и она поблагодарила движением ресниц - говорить она уже не могла... О, если б ты видел, какая смертная тоска была в её глазах!..... Мом... ма... - отец Лев хотел ещё что-то произнести, но не смог. И две беззвучные слезы выкатились у него из глаз. У Кобецкого перехватило горло. Отец Лев молча вытирал щёку. - Так вот я - жалею!.. - вдруг рыдающим голосом выкрикнул он. - ... Миллиарды и миллиарды растоптанных, растерзанных, уничтоженных. «Страдание, страдание без конца, страдание во всевозможных видах и формах - вот в чем вся суть», - так писал Вересаев. И - пожирание себе подобных. Ты только вдумайся - жизнь, где непереносимое её условие – пожирание одними других!.. И ещё кто-то смеет называть эту жизнь «прекрасной»! О, как я ненавижу... (отец Лев сжимал кулаки и скрипел зубами). Бесчувственные камни! Ненавижу!..

Теперь взор отца Льва был обращён к небу. - Когда же ты обожрешься нашей крови! И - захлебнёшься, вурдалак!..

Пить, пить, пить... - потрясенно думал Кобецкий. - До конца дней. Чтобы забыться, не видеть и не слышать. И сдохнуть!..

- Зачем же вы служите? - тихо спросил он. Он был «растоптан», «растерзан», «уничтожен».

- Зачем?.. - отец Лев вдруг подмигнул ему, сладко улыбнулся, и этим совершенно потряс - всё походило на гениальный артистический приём: горе и отчаяние, и тут же моментальный переход к полному удовольствию.

Кобецкий смотрел на него, не сводя глаз, и смотрел, как на дурочка.

- ... не «зачем», а Кому. ... Богу!..

-...?

... Я же говорил, в Кого верю (отец Лев отщипнул от буханки хлеба и кинул кусочек в рот). Подсказать истину может только сердце, бессмертная душа - хранительница и «очевидец» Добра и Зла. Не помнишь у Борхеса - «он искал мира добра в мире лжи, а только в конце жизни понял, что этот мир в нем самом»? Сказано: «Царство Божие внутри вас есть». Вот и сердце моё хранит добро. Значит, Добро есть, оно существует. Как - и абсолютное Зло, которое, уж конечно, не булгаковский симпатяга Воланд. Существует абсолютное Зло и абсолютное Добро. Ему я и служу. Служу - Богу!

- А как же Христос?

- И - ему, разумеется. Разве Он Зло? Он – Аватар - воплощение и нисхождение на землю Добра. Мне не важно, Кто Он - бог («Я и Творец одно») или пророк, как говорит об этом Коран. Мне важно, что Он – Добро. И проклиная творение (а это чисто человеческие чувства), я проклиная Зло. Ты удивлен тому, что я тебе сказал относительно Христа?.. – опять улыбнулся отец Лев. - Я - не учитель, Олег. Что есть вера? Простая человеческая надежда. По Вернадскому, вера в Бога - не вопрос о существовании Его, не вопрос о Боге, как таковом, а - глубоко эгоистическая мысль о вероятности собственного бессмертия. Я такой же, как и ты. Из таких же сомнений и страхов. Я сам учусь. Docento discimus (уча, мы и учимся сами). Навуходоносор видал два чуда, сошел с ума и снова поумнел, прежде чем уверовал, и если бы я сказал, что у меня не бывает сомнений, то я бы солгал. Доказательства в области идеального - «постулат Евклида» - над этим можно биться всю жизнь. Затея для безумных, потому, что безумная по сложности задача... Да, согласно Библии, Христос – Бог. Так имею ли я основания не доверять ее писателям (пророкам и евангелистам)? Суди сам. Как говорится, - «сличение их не может не вызвать изумления». («Это о «Мастере и Маргарите» - стукнуло в голову Кобецкому. Этот текст он знал почти что наизусть). В послании к Римлянам апостол Павел утверждает, со ссылкой на Святое Писание, что «весь Израиль спасется», глава 11, стих 26. И в этом же самом послании он, опять же, со ссылкой на Святое Писание, на пророка Исайю, в частности, утверждает прямо противоположное: «хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, только остаток спасется», глава 9, стих 27. «Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать» - утверждает Павел, глава 11, стих 32. И противоречит не только себе, но и пророку Ездры: «Многие сотворены, но не многие спасутся». 3-я книга Ездры, глава 8, стих 3. Так что же получается? Полная не состыковка, да еще по такому важному, основополагающему вопросу. С другой стороны, если одно из приводимых утверждений - правда, то противоположное ему – ложь... Получается, что Писание лжет!.. А?.. Так получается! Или сравни слова того же Павла. В послании к Римлянам он убеждает: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога

установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение», глава 13, стихи 1,2. А вот слова того же Павла в послании Ефессянам: «Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств [!], против властей[!], против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной», глава 6, стих 12. Как это соотносить? И что значат слова «откровения Иисуса Христа», обращенные к Иоанну Богослову (во второй главе Апокалипсиса)? «Ангелу Ефесской церкви напиши... Знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое, и то, что ты не можешь сносить развратных, и испытал тех, внимание!, которые называют себя Апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы»!!! Для справки. В Ефессе писал свое Евангелие апостол Иоанн, и несколько лет жил апостол Павел. А?.. ... Он же, апостол Павел, говорит: «И до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона» и «я не иначе узнал грех, как посредством закона, ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: «не пожелай»». Однако еще до «Моисеева закона» Господь «вменил грех», пролив на Содом и Гоморру огонь и серу. Противоречия - с первых библейских строк. Например, в первой главе книги Бытия сказано, что Бог создает сначала пресмыкающихся, птиц, рыб, скотов, гадов, зверей и только потом человека - мужчину и женщину. И тут же, во второй главе говорится о том, что сначала Бог создает мужчину, затем всех животных и всех птиц, и только потом женщину. Да и у Христа. С одной стороны, - «возлюбил ближнего» и - юродивое: «ударили по одной щеке, подставь другую». А с другой, - крайнее неприятие не то, что ближнего, но и ближайшего, родного. «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее», и «враги человеку домашние его». Так что это? Если по словам апостола «*всё* писание богодухновенно»? Если оно так и называется Святое (то есть непорочное) Писание? Путаница человека или Духа Святого?.. Как видишь, я имею основание не доверять Библии. И не только я.

Писали слишком мудро:
То есть и холодно, и темно,
Что очень стыдно и грешно.

Это Пушкин, о Библии. А доктрина божественного искупления? Как её можно принять? Дескать, дал Творец маху - ошибся в предвидении. Сотворенное им человечество оказалось настолько пристрастным злу, что только заклание собственного Сына могло искупить совокупный земной грех. Допустим, что это так. Но тогда, с учетом последующего роста населения в геометрической прогрессии (и соответствующим ростом совокупного греха) Христа нужно распинать каждые 250 лет. Я не верю в расступившееся Красное море. Не верю в манну небесную. Не верю в стены Иерихона, рухнувшие от трубного звука. Не верю в то, что Авраам и Ревекка разговаривали с Богом. Я не верю в гласы небесные, о которых свидетельствуют апостолы: «Се Сын Мой возлюбленный», «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?». Не верю в материализовавшихся ангелов. Всё это - от людей. Хотя - и из лучших побуждений. Христа (Бога Добра) досоздали достойнейшие (лучшие люди) - те, кто понимал: так, как жили до сих пор (в непрестанном зле) - жить более нельзя... Согласно Евангелиям, Христос говорит апостолу Петру о том, что тот «прежде нежели дважды пропоёт петух, трижды отречётся от него». И далее, после ареста Иисуса, Петр, согласно евангелистам Матфею, Марку, Луке, Иоанну, на самом деле трижды клянется в том, что не знает Христа и дважды поет петух.

А такого не могло быть. Во времена Христовы (1-й век нашей эры) куры не были известны ни грекам, ни евреям. Их завезли из Индии и начали разводить только в раннем Средневековье. Так свидетельствует наука! Так что это? Ответ очевиден. Евангельская история о петухе - это поздняя и не умная, как убеждаемся, вставка. Правки? Их - не счесть. И тоже - не от большого ума. В старой Острожской Библии 16-го века, во втором послании Иоанна, использовано слово «хартея», что означает пергамент. А в современном тексте стоит слово «бумага». Для чего было нужно исказить текст? Так бы и писали - пергамент. Все хорошо знают, что при Иоанне использовали пергамент, а слово бумага (от греческого слова бум, что означает хлопок) появилось спустя несколько веков. Еще на Церковном Соборе 1553 года, в связи с ересью Матвея Башкина, обсуждался вопрос об издании «выверенных книг» Святого Писания взамен «испорченных», «Апостола» - в частности. Об этом, например, - в изданном Троице-Сергиевой Лаврой «Житии Святителя Макария, Митрополита Московского и всея Руси». Ты только вдумайся, Святое Писание (то, что написано по наущению Святого Духа) собираются «выверять»! Но, видимо, «выверять» было нужно, необходимо. Неслучайно немецкие протестанты (представители тюбингенской школы) отвергали большинство книг Нового Завета, считая их подложными. Они признавали подлинными только Апокалипсис и четыре послания апостола Павла. Очевидно, «подложными» и посчитали ряд книг Нового Завета, о которых сохранились одни названия: Криница, Лапсаик, Козма Индикоплов, Козма Халкидонский, Максим Исповедник.

Если мы сравним текст канонического Евангелия от Иоанна с его древним текстом (с Остромировым Евангелием, середина 11-го века), то они значительно отличаются. И точно так же отличаются старые тексты Библии от современных. И речь идет не о слове бумага, а о целых предложениях. Например, в Острожской Библии, в главе одиннадцатой, ничего не сказано о городе Вавилон (упоминается лишь «земля смешения»). А в современном тексте появляется уже целое предложение. «Посему дано ему

имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле». И такое, заметь, - не только в Христианстве. Но и в Исламе. Если сунниты верят в первозданную чистоту текста Корана, то шииты отрицают подлинность ряда сур и считают «Усманову» редакцию Корана фальсификацией. И имамиты также убеждены, что сподвижники Магомета частично изменили, а частично исказили Коран.

А почему отвергает Коран Библию? Хотя сам же Аллах признает Себя её автором. (Вообще - «всякой вещи»). «Ниспослал Он (Аллах) Тору и Евангелие раньше в руководство людям».

Но - нет. «И никогда не будут довольны тобой ни иудеи, ни христиане, пока ты не последуешь за их учением. Скажи: поистине, путь Аллаха есть настоящий путь!».

А ведь так не должно быть по определению. Если истина одна (как один Бог), то Святые Писания, данные одним Богом (Тем, Кто и владеет истиной), могут только дополнять, но никак не отвергать друг друга.

Представь себе, от имени Аллаха заявляется об истинности Ветхого Завета («Торы») и об истинности Иисуса («Исы») - «мы его послали». То есть под сомнение не ставится ни Тора, ни Евангелия, ни миссия Христа - «ниспослал Он (Аллах) Тору и Евангелие раньше в руководство людей». И тут же идет полная дискредитация Христианства, как многобожия (у нас это раньше называлось «савелианской ересью»). Аллаха больше всего обижает, что Иисусу поклоняются, как богу - «не подобает Милосердному брать себе сына». «Мессия - сын Аллаха. Эти слова в их устах похожи на слова тех, которые не веровали раньше. Пусть поразит их Аллах!» Сто раз повторено в Коране, что у Бога нет и не может быть «сына», и это Тем, Кто выдает себя за источник не только Евангелия, но и вообще «всякой вещи», Кто, как свидетельствует «Его» же Евангелие, Сам же прежде и объявил: «се Сын Мой возлюбленный!».

Говорится: «Не следует просить прощения у многобожников». «Не берите иудеев и христиан друзьями; они друзья - один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них».

И всё это, в конечном итоге, против кого? Против - «Кроткого». Который возвестил: «возлюби» и «не убий». Один («Кроткий») говорит: «кто из вас без греха, пусть первым бросит в неё камень». А другой («Милосердный») - «прелюбодейку побивайте сотней ударов и пусть не владеет вами жалость». Так Кому и во Что верить?.. Отец Лев замолчал, а Кобецкому вдруг представилась, побиваемая камнями, Ольга.

- ... Ну и каков из сего вывод? Для чего понадобился *такой* Коран? Не забывай: Аллах - Творец, а Творец - не только из Добра, но и Зла.

- ... Для вражды?..

Заметно осоловевшие глаза отца Льва победоносно сверкнули.

- По крайней мере, до сих пор это было именно так!

Мысль всасывала Кобецкого, тянула за собой, как тряпина, и он погружался в неё всё глубже и глубже...

- ... Да, мы можем отмахнуться от «священных писаний», - разбудил его голос отца Льва, - можем сказать себе: «сказки древних», и я «не верю». Но мы - если только способны мыслить, - никак не можем отмахнуться от тех всеобъемлющих и планетарного масштаба последствий (негативных и позитивных), которые и доказывают божественное происхождение этих писаний. А если мы способны чувствовать, то и не можем остаться равнодушными к словам. «Дух и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет: прииди! Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром» - человеку невозможно сказать с такой силой! Но так каков из всего вывод?.. А вывод таков. В Космосе действуют две равновеликие и бесконечные во времени и пространстве Силы: Абсолютное Добро и Абсолютное Зло, каждая из которых - Бог; закон их существования - неустанное противоборство; а результирующая этого противоборства - Единство - то, о чем я говорил. И всё это и есть «Одно» или, говоря проще, - то, что мы называем словом Творец. Отсюда, к слову - и диалектика Гегеля - триада в процессе развития: теза, антитеза, синтез. «Троичность мира»? Да! Но не Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой - эта формула ничего не выражает. А Бог - Добро («теза»), Бог - Зло («антитеза») и Они же - «синтез»: Творец!.. То же самое - что и индуистская Троица Тримурти (древние были мудрее): Бог-Вишну (охранитель), Бог-Шива (разрушитель) и Бог-Брама (Творец). Я ведь неслучайно заговорил о противоречивости, откровенной путанице и провокациях в «священных писаниях». И теперь, с этих позиций, всё это объяснимо: без вмешательства Зла и тут не могло обойтись. Оттого и существует на свете тайна. Оттого так тяжело и добывается истина. Ориген, вдохновившись Евангелием от Матфея, оскотил себя в юности, а потом долго каялся. Вот что такое - понять буквально. Так не ошибаемся ли мы, доверяя всецело букве? Пусть даже и «священного писания»?.. Боже упаси безоглядно доверять и понимать всё, как есть. Читать-то читай, но всегда спрашивай свое сердце - храм истины там. «Что у тебя на сердце, делай, ибо с тобою Бог». Только помня о Зле и - с обязательной поправкой на Него. Ибо есть то в человеке, что способно отличить Добро от Зла и Правду от Лжи - «Царство Божие внутри вас есть». Это - дух. А отсюда - и человек «духовный». И - о нем в апокрифическом Откровении апостола Петра: «Ибо помню тех, кто силен духом, и они могут услышать слово Мое (Творца) и отличить слова неправды и беззакония (sic!) от праведных речей и, услышав слова истины, в коих заключена плерома, обретают блаженство и царствие». Так и сказано: «будьте душою детьми, но не умом», ибо «будет в челюстях народов узда, направляющая к заблуждению». Ибо - «не было, чтобы Аллах говорил с человеком

иначе, как в откровении, или позади завесы (скрывая правду)», - так говорится в Коране. Но не все, однако, «сильны духом», а потому и принимают аберрации за истину. Принимают - «мертвую букву». Принимают - и погибают. Разумеется - им в этом помогают. Помогает и память прежних воплощений. Помогает и собственная греховность. Помогает - рок. В данном случае, индусы бы сказали так - «помогает» карма. Вот так и получается, что «если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих ... у которых бог века сего (Дьявол) ослепил умы». А вот как объясняется введение в заблуждение в Исламе: «Аллах вводит людей в заблуждение сотворением заблуждения в сердце заблудших; это – следствие Его справедливости, а ведение верным путем - следствие Его милости». ... Или - вот так: «Что желает Аллах этим? Он вводит этим в заблуждение многих и ведет прямым путем многих. Но сбивает он этим только распутных». Всё - как говорится об этом же в Библии: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое». А ведь тогда понятно и Христово - «не мир я вам принес, а меч»... Возьмем ту же легенду о Начале Зла - об отпавшем от Бога ангеле Люцифере. Как мог допустить такое Всеведущий, если «Ему, Господу, известно было всё прежде, нежели сотворено было» и если «прежде всего произошла Премудрость»? Ты ведь читал?.. И как мог ангел вообще пасть? Куда ему было падать, если во Вселенной существовало только Добро, и он никак не мог ведать Зла? Или же было *то*, куда он мог склонить голову? Существовало *то*, которое боится света и предпочитает пакостить из тени? Существовало Зло? ... Так почему же мы, не понимая из Ветхого Завета почти ничего (в котором добра-то кот наплакал, а зло так и прёт), соглашаясь с тем, что язык его во многом эзопов, вдруг принимаем за абсолютную истину (буквально) кусок его текста? «Бог сотворил!»... Нет, дорогой мой, творят Двое! Чему учит нас диалектика? Только тогда, когда имеет место конфликт (Добра и Зла), есть и побудительная причина, и она-то и является источником всякого движения вперед. Или - источником развития во времени и пространстве. Это космический закон. Неотъемлемое, как кислород, составляющее жизни. «На то и щука в воде, чтобы карась не дремал!» Так понимает и выражает сие человек. И понимает верно. Даже у тех, кто называют себя атеистами, суть космического противоборства ясно выражена в философии: «закон единства и борьбы противоположностей», «закон отрицания отрицания»... Зло не кончится никогда, а иначе тогда не будет «трения», не будет «сцепки», и жизнь, которая есть «вечное движение», остановится. Потому, что тогда будет построен «вечный двигатель»! Отец Лев сделал паузу, улыбнулся и заключил:

- Нет света без тени, нет красоты без уродства, нет добра без зла. А потому и Творец может существовать только в двух богах. Вот и мой Бог. Бог – Абсолютное Добро. Ему я и служу...

- Я верую в этого Бога... - прошептал Кобецкий. Он был бледен; в голове у него шумело от вина и мыслей; и только что абсолютно всё для него разрешилось.

- Ха-ха-ха-ха! - весело рассмеялся отец Лев; он по-приятельски пихнул Кобецкого в грудь. - Нет, ну почему ты так вдохновляюще действуешь на меня?..

- Вот видите, а вы...

- «Ты»! - возмущенно вскричал отец Лев. - Сколько же можно повторять!..

- Ты... говорил, что не стоит докапываться до истины. Всё - открыто...

- Ха-ха-ха! - опять засмеялся отец Лев. - Я только хотел предупредить, что не всякому по силам. Я цитировал Писание: «сначала Премудрость пойдет с ним путями извилистыми, наведет на него страх и боязнь и будет мучить его водительством своим, доколе не уверится в душе его и не искусит его своими уставами...

- ... но потом она «выйдет к нему на прямом пути и обрадует его, и откроет ему тайны свои»! – подхватил Кобецкий.

И оба, глядя друг на друга, рассмеялись.

«Конечно, чего же он ещё для себя хотел! Ведь - «путями извилистыми» и - «будет мучить»! - несло у Кобецкого в голове. - И «учить» - так похоже на слово «мучить»!» «Кто с хлебом слёз своих не ел, кто в жизни целыми ночами на ложе плача не сидел, тот не знаком с небесными властями», - ведь так об этом у Гёте...

- ... Так что не надо искать серный запах, - продолжал объяснять отец Лев. - Он всегда рядом. И излюбленное положение Зла там, где его легко спутать с Добром. Как и сказано: «благими намерениями выложена дорога в ад». Это можно назвать и искушением. Человек идет на властный зов жизни, а получает нокаутирующий удар.

- А где в это время Бог?

- Там же, где и Зло!

- Сказано, что искушать может только сатана. Сказано - Бог не искушает.

- А что Он в этот момент делает?.. Эх, Олег, мы ж только говорили... Разве будущее еврейского народа в устах Иеговы не искушение? Зачем Валаам благословлял евреев, когда ему хотелось проклясть их? Оно и искушает - Одно. То, что мы называем «Творцом», а Библия - «Богом»!.. «И было, после сих происшествий Бог и с к у ш а л Авраама и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я. Бог сказал: возьми сына единственного твоего, которого ты любишь, Исаака, и поиди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе». Книга Бытия, глава двадцать вторая. А вот

Второзаконие, глава тринадцатая: «Не слушай слов пророка сего, или сновидца сего; ибо через сие и с к у ш а е т в а с Господь, Бог ваш...»

Отец Лев не успел договорить. Из-за кустов донёлся отчаянный крик Юрки, и перепуганный Кобецкий бросился на его голос. Тот сидел на муравейнике и орал не своим голосом.

- Что? Что такое? Зачем ты сюда влез? - он снял младшего с кучи, поставил на ноги.

- О-он то-олкнул! - Юрка заливался слезами и показывал на Димку и вдруг завизжал, как резанный, запрыгал на одном месте, сжав кулачки и трясясь всем телом.

- У, идиот!.. - закатав затрещину старшему, Кобецкий быстро спустил младшему трусики, снял майку и принялся снимать, бегающих по телу, муравьёв.

- Он мулавьёв убива-ал! - выл Димка.

- Что случилось? - на крики подошел и отец Лев.

- Вот взял его и в муравейник посадил, додумался!..

- Ты зачем это сделал?

- Он... он мулавьёв убивал! - всхлипывал и твердил сквозь слезы Димка.

- Всё, теперь - домой. Марш! - объявил Кобецкий, закончив с Юркой. - Обедать и спать!

- Как спать? - не понял отец Лев. - У тебя, у творческого человека, есть ещё время спать?

- Не мне. Им - спать, - подтолкнул Кобецкий детей.

- Боже упаси тебе приучиться спать днем... (отец Лев налетал на Кобецкого сзади, наступал на пятки). Вспомни Чехова... «У него было нехорошее лицо человека спящего днем»...

Отец Лев был пьян. Пока Кобецкий отсутствовал, он успел допить свой стакан. Оставалось ещё полбутылки, и ее разлили на двоих. Захмелел между тем и Кобецкий. Но в магазин они зашли. В магазине отец Лев неожиданно воспротивился намерениям Кобецкого ограничиться одной бутылкой вина и категорически настоял на том, чтобы взять две. Всю дорогу до дома он продолжал без устали говорить, и теперь его темой стали «сновидения».

- ... Да, святому Серафиму Саровскому довелось на «малом входе» увидеть шествие Богородицы в сопровождении ангелов, но он, как говорится, был «в духе». Как и в «Откровении» - Иоанн. А иначе - в самадхи. И его самадхи - санкция свыше. А мы, грешные, «род лукавый и прелюбодейный, тоже ищущий знамений» можем для этой цели прибегать ко сну. Что такое полёты лермонтовского Демона? Это сны Лермонтова. Но сны, которые есть самая настоящая правда. Ведь сны, если хочешь знать, в чем-то большая истина, чем явь. Вспомни историю Периодического закона Менделеева. Менделеев открыл его во сне. Или озарение Кекуле? По этому поводу у Николая Телешова есть хорошая сказка. Его Изольде приснился очень страшный сон. Она проснулась, перевела дух: «это только сон!» «Нет, сон твой - правда», - сказал ей король, которому она рассказала про сон. Вся трудность в расшифровке символов - кои есть сон. В понимании его языка. Его символов или архетипов. Толкование снов - верное толкование - великая вещь. Неслучайно Иосифа, толковавшего сны, фараон поставил над всей землей египетской. Почему в Библии много про сны? Тот же самый сон Навуходоносора у Даниила?.. Это - указание на его значимость. Но, опять же - язык! И тут должны быть способности. Помнишь пророческий сон Аввакума? «Чей корабль?» - «Твой корабль». Сон его был не что иное, как образное сообщение ему о его миссии. Важно понимание законов этого языка. Взять хотя бы сон Раскольникова. Помнишь, когда на его глазах (во сне) убивают лошадь? После убийства старухи-процентщицы и Лизаветы? Сводных сестёр? Сводных! Это важно. Помнишь их портреты у Достоевского?.. Лизавета - восьми вершков росту, высокая, неуклюжая, смиренная девка, работавшая день и ночь (так и напрашивается сравнение: как лошадь). Ужасно нескладная, с как бы вывернутыми ножищами, всегда в стоптанных козловых башмаках. Козловые - козёл - копыта... Ты чувствуешь ассоциативный ряд?.. А копыта - и лошадь. А?.. Лошадь!.. То есть, образно, символически, Лизавета - «лошадь»! Одна лошадь - кроткая, безответная, тихая (я всё о Лизавете), трепетавшая перед сестрой и «терпевшая от неё даже побои», с «добрыми глазами»... И обрати внимание на фразу у Достоевского (там, где сон Раскольникова) «их (лошадей) больно бьют всегда мужики кнутами» и «по глазам»... А?.. Если одна (сестра) - «лошадь», то, очевидно, «лошадью» является и сестра вторая (сводная). (Так и лошадей «сводят» - заметь - запрягают в пару). А теперь возьмем портрет лошади, которую убивают во сне. «Лядащая лошаде́нка». Старая кляча. Одр. Сравни с портретом старушки-процентщицы. Алена Ивановна - стара и плюгава. В точности - как и приснившаяся Раскольникову лошаде́нка. Маленькая клячонка и огромный воз, который она не может сдвинуть с места. (Я про сон Раскольникова). По иному, непосильный воз - это символ старухиного богатства, от которого нет проку. И когда лошаде́нку во сне бьют, она начинает брыкаться (так и старуха у Достоевского кусает от бессилия Лизавету за палец!). То есть, образно говоря, эта клячонка - старуха Алёна Ивановна, другая «лошадь». Другая сторона одного образа, заключенного в слове «лошадь». Таким образом, в зверском убийстве лошади (сне Раскольникова) - символически, образно, «сводно» передана информация о его жертвах. Максимум информации, минимум средств - закон языка бессознательного. Закон языка души. И я уверяю тебя: всё, о чем я сейчас сказал, Достоевский об этом и не подозревал. Он писал вдохновенно, не отдавая отчета, - по подсказке бессознательного. Я ведь сам-то с чего начинал? С чего мне в голову-то взбрело? Как-то давно, еще до психфака, я Библию в первый раз читал и, видно, запомнил и подлого Каина, и премудрого Соломона, потому что среди ночи проснулся. И что ты думаешь мне приснилось?.. Мои

дневные переживания. Я - в к и н о. И кино это – про Л о м о н о с о в а. Почему «кино» и почему про «Ломоносова»? А?.. А я тогда сразу понял. Анаграмма! Закон бессознательного. Перестановка местами букв. К а и н - к и н а (к и н о) - «о» и «а» - заменяемые буквы (мы говорим – кинафильм или кинасценарий, хотя правильно – кинофильм и киносценарий). И С о л о м о н - Л о м о н о с (Л о м о н о с о в). По - типу: Иванов, Петров, Сидоров. Понял?.. Максимум информации - минимумом средств!..

Кобецкий был настолько ошарашен услышанным, что даже остановился. Отец Лев говорил о е г о и д е е! (анаграмма - принцип мышления). Оказывается, этот поп уже давно знал то, что он полагал за своё собственное открытие! Он так и застыл, открыв рот, а вдохновленный отец Лев буквально захлебнулся.

- Помнишь, ты в прошлый раз говорил о Достоевском, и немножко поспорили о «пострадать хочу»? Я ведь что хотел сказать - да, прав ты был, прав! - но я просто совсем о другом в тот момент думал... Вспомни его многочисленные «сны» - «Сон смешного человека», сны Ипполита, «Дядюшкин сон»...

Кобецкий уже читал (он знал) ход мысли отца Льва (сейчас должно было прозвучать столь им выстраданное «жизнь выстраивается согласно книгам»), а потому первое слово теперь должен был сказать он.

- Всё дело в том... - подхватил было он, но его перебил отец Лев. - Да не о том я! - отмахнулся тот. - Да, да, застрелиться боялся не персонаж Левин, а сам Толстой, это ясно, достаточно почитать его «Исповедь»!..

- Да и я не о том! Сон Обломова, сны Блока или Бальмонта...

- Символистов! - подсказал отец Лев.

- Да не о символистах я, а - о «воплощении написанного»!.. У Достоевского - «в Европе восстает народ на богатых уже силой, и народные вожаки повсеместно ведут его к крови и учат, что прав гнев его».

- А я о чем?.. Об - убийстве процентщицы, повторившем (уже после) всё, о чем написал Достоевский! ... Или – Гоголь. Написал «Записки сумасшедшего» и тоже - того... А Рюноскэ... «Впереди его ждало безумие или самоубийство» и - напророчил...

- ... А у Кеведо, у испанца - «он весь мир завоевал, дон Капитал». И написал еще в семнадцатом веке, когда...

- ... А «призрак бродит по Европе, призрак коммунизма»?..

Они стояли посреди проулка, не обращая внимания на прохожих, каковые, впрочем, были редки..

- ... А - Маяковский? Написано в 1914 году:

Где глаз людей обрывается куцый,
Главой голодных орд,
В терновом венце революций
Грядет шестнадцатый год...

- ... А эпиграмма «Шевыреву» Каролины Павловой. Написано еще раньше «Манифеста» Маркса.

Преподаватель христианский,-
Он духом тверд, он сердцем чист;
Не злой философ он германский,
Не незаконный коммунист!

- ... А - «Первое свидание» Андрея Белого. 1921 год. Атомной бомбы еще не было и в проекте.

Мир рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой
На электронные струи
Невоплощенной гекатомбой

- А - Лермонтово:

Я начал рано, раньше кончу,
Мой ум немного совершит...

-А - «я умру в крещенские морозы»?..

- «... Я умру, когда трещат берёзы!»! - подхватил отец Лев. - Николай Рубцов!..

- И ведь напророчил!

- А Гаршин? Писал о самоубийстве, как бы приутоворяя себя. И что? В итоге и сам бросился...

- ... А история с Кракатау, с вулканом?.. Сон американца Сэмсона, журналиста - совпавшего до деталей с реальной катастрофой на другом конце земли!..

- Да я сам! - вдруг выпалил Кобецкий. - Я, как мадам Хохлакова у Достоевского - «о чем подумаю, то и случится»!..

Но отец Лев не обратил внимания.

- ... А похищение Людмилы Черномором?.. Сколько лет было Пушкину, когда он писал? Двадцать лет?.. Да Натальей Гончаровой ещё и не пахло! Ты скажешь, что она - не «Людмила». А «Сказка о рыбаке и рыбке»? Это о ком?.. О бедном старике и о сумасбродной старухе?.. Как бы не так! «Ну что мне с проклятой бабой делать!» Это чей «воплъ»? Это Пушкина вопль! Много чего захотелось Натали! Блестящий гвардеец (я - о Дантесе), красавец, богач, француз, сын дипломата. И мораль сей басни? Баба - у «разбитого корыта». Много хочешь - мало получишь! Самое настоящее пророчество! Бессознательное, выбалтывающее судьбу! Если хочешь - сбывшийся «сон»!..

- Вот-вот, воплощение, рок слов... - бормотал вконец растерявшийся Кобецкий. Ему никогда не приходило в голову рассматривать эту сказку под таким углом зрения. Оригинальная идея, над которой, правда, ещё следовало поразмышлять; она несколько не согласовывалась с его точкой зрения по поводу жены поэта, сложившейся после прочтения, оправдывающей Гончарову, статьи Ободовской и Дементьева, но зато очень гармонично вписывалась в его новейшую концепцию: закон воплощения слова.

- ... Сон, конечно, сбывшийся сон, - бормотал он. - Как у Кальдерона: «жизнь - сон». Бессознательное, творчество, пророчество и сон - одно, одна кухня...

Но теперь он думал не о «законе», а о только что подсказанных отцом Львом следствиях из него. Получалось, что, основываясь на творчестве человека и зная «язык бессознательного», можно было открывать не только черты характера автора и не только разбираться в его сложных жизненных коллизиях (основываясь на затаенных мыслях, вытесняемых сначала в подсознание, а затем неизбежно выдаваемых, образно и символически, в творчестве), но и предвидеть самую судьбу! «Пророчить»! Да, конечно! Как он мог такое упустить!..

... Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?..

Рок ли здесь слов? Напророчил ли Пушкин свою гибель? Или в этих строках - другое: бессознательно поэт «знал» о своей насильственной смерти! Но а, главное, получается, что абсолютно прав отец Лев, а не правы ни Ободовская с Дементьевым, ни Алексей Новиков в «Последнем году», и вина Гончаровой в гибели мужа неоспорима!.. Было и другое, что не менее занимало сейчас мысли Кобецкого. Это, подсказанная отцом Львом, анаграмма Соломон – Ломонос. Если действует «рок слов» (а он - действует), то неслучайна и схожесть дара Соломона и Ломоносова. Ибо если со словом Соломон связано понятие «мудрость», то «рок имени» Ломоносов можно истолковать как ту же «мудрость». А что, как не «мудрость» и характеризует гениального ученого-энциклопедиста! После открытого им «рока имени» Христа - «Крест», Кобецкий сумел увязать собственный «рок имени» со старославянским словом «кобь», означающим предугадывание. Однако сомнения в верности теории оставались. Но теперь подсказанная отцом Львом анаграмма убедительно свидетельствовала в пользу его догадки. И отныне он с полным правом мог говорить о феномене «рока имени» - частного случая «рока слов». Кобецкий не без зависти взглянул на отца Льва. Дьявольски умен! И как они всё-таки с ним похожи! И своими мыслями, и словами. Вот она, воплотившаяся его мечта о друге, которую он не иначе, как «материализовал»! И он прощал ему все его мелкие прегрешения, безусловно, имевшие место, настоящие и будущие. Наперёд!

Они потихоньку приближались к дому, отец Лев говорил, а Кобецкий слушал и думал о своем открытии, и о том, как, рассказывая о Бульгине, разоблачал, по существу, самого себя.

- ... Расскажи мне свои сны, и я скажу кто ты, - в порыве не иссякающего вдохновения вдруг объявил отец Лев. - Сон - это когда отсутствует сознание, и бессознательное вступает в свои права. Тут вся твоя душа, всё самое сокровенное, во сне ты весь, как на ладони. Но нужно знать символы, архетипы, эмблемы, знаки. Например, деньги - это дерьмо, это точно установлено. Заметь, эмблема медицины - обвившая чашу змея. Почему и откуда? Из - бессознательного! Змея - это символ болезни. И ещё - мясо. Так что когда тебе упорно снятся мясо или змея - дело к болезни. Человек, его сознание ещё не замечают изменений в организме, а бессознательное - самадхи - уже сигнализирует символами, и человеку снятся змеи или мясо. В природе все символично. Символизирует каждое мгновение, но человек, вечно занятый внешними проблемами, плохо прислушивается к себе и поэтому не замечает этих знаков. Хорошо владел языком символов Наполеон. Помнишь его - «дрожание моей левой икры есть признак несомненной удачи»? Потому-то он и верил признакам - знакам и символам. Он мало спал - не более четырех часов в сутки. Когда хотел получить ответ на мучавший его вопрос, то сразу ложился спать и неизбежно этот ответ получал. И после этого уже не мог спать, вставал и начинал действовать. Почему пьяному снятся кошмары? Да потому, что сон уже сам по себе «погружение». А тут, образно выражаясь, еще дополнительно давит, обладающий «погружающей» способностью, алкоголь, и человеческое сознание оказывается уже в адских пределах. По

Дзен, это уже не «кенсё», а «макё» - дьявольское наваждение, только Дзен - ошибается. Это не «дьявольское наваждение», а дьявольская реальность. Да, да, - реальность! Самая истина. Почитай про историю психоанализа. Психоаналитики пачками сходили с ума, наглядевшись на черные ямы человеческой души. И я в ней копаюсь ежедневно, и сам удивляюсь, как ещё не сбрендил.

- Папа, папа, ну иди же скорее! - из подъезда выглядывал Димка. И даже ногой топал от нетерпения.

Дома никого не было. За дверью у нового соседа было тихо, дверь - закрыта. Кобецкий поставил разогреваться обед, умыл и передел детей. А отец Лев всё ходил за ним по пятам и говорил...

- ... Зигмунд Фрейд создал психоанализ, ставя опыты на себе, вызывая самадхи кокаином, после того, как разочаровался в гипнозе. Вот и я, сколько себя помню, только и делал, что ставил опыты на себе. Как Монтень. Как ты думаешь, почему все эти «белые горячки» связаны именно с чертями?.. «Серая мышь» Виля Липатова - это исключение, а в основном - чёрт?.. Ты его, гада, и не видел-то никогда, а тут - он... Почему не хищные осы, не какие-нибудь псы или гиены, а черти? Мы его и в глаза не видели, он - в преисподней, но мы точно знаем его портрет. Черный, с рогами и хвостом. А?.. Да потому, что «чёрт» этот - та же реальность! Проступающая из адского мрака, выхваченная духовным зрением (самадхи) алкоголика - реальность... Ты думаешь, где ад?.. Где-то там!.. - И отец Лев неопределенно махнул рукой. - Нет, ад - где и мы. Чуть ниже. Тут! - И он ткнул пальцем себе под ноги. Как - у Гёте:

Мир духов рядом, дверь не на засове,

Но сам ты слеп...

Да, мы ничего не видим (слепы), потому, что это мир других измерений. А человек, обладающий самадхи, фрагментарно может увидеть... Вот я, например, раз увидел...

- ... Что... увидел?..

Отец Лев насмешливо глядел на Кобецкого.

- Чёрта...

- Как... чёрта?.. - Кобецкий попытался усмехнуться, но у него не получилось, и он со страхом и сомнением взглянул на отца Льва.

- самого обычного: шерсть, рога, хвост, копыта, злые такие глазки. Похож на козла. Козья морда!..

- ... И что же он?.. - осторожно спросил Кобецкий.

- А ничего, я его видел-то только несколько секунд. Появился и опять исчез.

И отец Лев быстро перекрестился.

Кобецкий, вытаращив глаза, смотрел на отца Льва.

- ... Я понимаю твоё изумление и твои чувства, - снисходительно улыбаясь, продолжил тот. - Представь себе Левенгука, впервые увидавшего в свою линзу микробов, а потом ткнувшего в пустое место пальцем и объявившего: здесь живые существа! Как бы на него посмотрели? Да, да, это реальность. Как говаривал Лаэрт: *«Враг есть и там, где никого вокруг»*. И я теперь верю и Лютеру, увидавшему чёрта, когда переводил Библию (находился в самадхи), и блаженному постнику отцу Феропонту в «Братях Карамазовых», прищемившему черту хвост. Ты веришь своим «видениям», как реальностям. А почему ты не допускаешь, что они могут быть и у других? А в химеры Гоголя ты веришь?..

Ум заходил за разум у Кобецкого. Логика в словах отца Льва, безусловно, была, и в самадхи он верил, и, проступающую из потусторонних сфер реальность, он допускал. И в химеры Гоголя... Но всё это было слишком отвлеченным. А тут - чёрт?..

(Продолжение в следующем номере)

Поэзия

Владимир Шемшученко

В предчувствии первого снега
Трепещет больная душа.
И ночь хороша для побега.
И вольная мысль хороша.
Бреду по сиротской дороге
Под мертвенным светом луны...
Мы все вспоминаем о Боге,
Когда никому не нужны.

Петербург

На продрогшем перроне и пусто сегодня, и гулко.
Милицейский наряд прошагал безучастный, как снег.
Точно так же глядел сквозь меня, выходя на прогулку,
Насосавшийся крови двадцатый сдыхающий век.

Ах, ты память моя – я прощаю, а ты не прощаешь,
Отпусти же меня, помоги мне обиду забыть.
Ничего не даёшь ты взамен – даже не обещаешь,
Кроме ветхозаветного – быть!

Славный выпал денёк, с ветерком – до костей пробирает!
Гололёдец такой, ну, совсем, как у Данте, в аду...
Я всем мозгом спинным понимаю – меня забывает
Полусонный вагон, убывающий в Караганду.

Он забудет меня, одиноко ржавея на свалке,
Как забыли меня те, кому я тепло раздарил...
Здесь в не сломленном городе люди блокадной закалки
Отогрели меня, когда жить уже не было сил.

Смейтесь, братья мои – нам ли нынче стонать и сутулиться!
Смейтесь, сёстры мои – вы затмили достойнейших жён!
Посмотрите в окно: Кто метёт и скребёт наши улицы? –
Это дети оравших в безумии: «Русские, вон!»

Другу

Как много в городе снега!
Бери и стихи пиши.
В вагоны метро с разбега
Прыгай, буянь, греши.

До хрипоты с судьбою
Спорь – не теряй лица.
За женщину – только стоя!
За Родину – до конца!

И пусть второму – корона,
А третьему – соловьи...
Ты первый! Крылья грифона –
Твои!

Взлетай и лети... Так надо!
Не возвращайся назад –
Писательские заградотряды
Поэзию не щадят.

Мироточат иконы.
Кровоточат слова.
Колокольные звоны
Над тобою, Москва.

Я устал торопиться
И перечить судьбе.
Окольцованной птицей
Возвращаюсь к тебе.

Постою у порога,
Где толпится народ.
...Кольцевая дорога
Никуда не ведёт.

Памяти поэтов, рождённых в 50-х

Как хотелось нам жить! Что ни спор – Новгородское вече!
Как ходили мы слушать известных поэтов гуртом!
Осень тихо вошла, положила мне руки на плечи...
Умный пёс не залаял – вильнул виновато хвостом.

Вот ещё один день и такой же безрадостный вечер.
(За такую строку изругают в заштатном лито).
Мы толпились в дверях, разменяли таланты на речи –
Из прихожей в Поэзию так и не вышел никто.

Дождь походкой гуляки прошёлся по облаку,
А потом снизошёл до игры на трубе.
Он сейчас поцелует не город, а родинку
На капризно приподнятой Невской губе.

И зачем я лукавую женщину-осень
С разметавшейся гривой роскошных волос
Ради музыки этой безжалостно бросил?
Чтоб какой-то дурак подобрал и унёс?

Я по лужам иду, как нелепая птица,
Завернувшись в видавшее виды пальто...
Этот сон наяву будет длиться и длиться –
Из поэзии в жизнь не вернётся никто.

Из небесной реки пьют небесные кони
И копытами бьют – звёзды сыплются вниз.
Открываю окно. Окунаю ладони
В тёмно-синюю ночь и встаю на карниз.

Не желаю стихи, как жаркое на блюде.
Господам подавать, демонстрируя прыть.
Если я упаду, ничего мне не будет –
Между небом и мной – неразрывная нить

Проза

Виктор Геманов

Ход конем

Повесть.

ДЕРЗКИЙ ПОБЕГ

По извилистому шоссе, огибающему молодую каштановую рощу, мчались две закрытые машины. Их колеса то шелестели по огромным серым заплатам гладкого шоссе, то легко подпрыгивали на матово поблескивающих кирпичях брусчатки, отполированных тысячами шин и подошв.

На небольших подъемах тяжелые автомобили ревели, будто загнанные звери, и натужно выплевывали из глушителей клубы едкого сизого дыма. Обитые жестью кузова, обезображенные пятнами камуфляжа, дребезжали и скрипели. Казалось, еще немного, и машины рассыплются, словно старые, побитые годами рыдваны.

Однако шоферы не давали двигателям ни минуты передышки. Они остервенело нажимали на педали акселераторов. И, содрогаясь от мощи десятков лошадиных сил, заключенных в моторах, машины мчались дальше, продолжая раскачиваться из стороны в сторону и, тяжело ухая, подпрыгивать на выбоинах.

Давно перевалившее за полдень солнце упрямо лило раскаленное золото «бабьего лета» на лобовые стекла машин. От этого слепящего блеска, от душного жара, поднимавшегося в кабине от двигателя, веки шоферов то и дело смыкались, а руки их, лежавшие на шершавых колесах баранок, слабели. Усталость брала свое.

... В последние дни не только шоферы фронтных и тыловых частей рейха, но и водители частных компаний и городского хозяйства Кёнигсберга, столицы Восточной Пруссии, непрерывно выполняли рейс за рейсом. По несколько раз в день гоняли они свои машины, перевозя сотни солдат, многие тонны боезапаса, массу каких-то тщательно упакованных грузов то к городу Тильзиту, то к Инстербургу – туда, где все отчетливее слышался плотный оружейный гул наступающих советских дивизий.

... Ефрейтор Франц Ланге, шофер спецмашины, чувствовал себя неважно. Если точнее сказать – плохо. Накануне он на спор со своим приятелем одним духом «хватил» литровую кружку пива, холодного как лед. Вот и знобило ефрейтора сейчас, бросало в жар, сводило болью руки.

Еще до поездки Франц хотел обратиться к ротному фельдшеру, да не успел. Запыхавшийся солдат-посыльный сообщил, что его вместе с водителем крытого автомобиля срочно требуют в жандармское управление. С этим не шутят! Вот и не успел Франц.

- Вам предстоит выполнить срочное и важное задание! – встретил ефрейтора Ланге дежурный. – Немедленно отправляйтесь в Гумбиннен. Нужно доставить из отделения службы безопасности пленного русского разведчика. На вашей машине – группа охраны...

Теперь и подавно Франц не смел заявить о плохом самочувствии. Откровенно побоялся, что начальство поймет это как уклонение от служебного долга. Даже подумать страшно, чем такое могло закончиться! Франц своими собственными глазами видел раскачивающиеся под ветром трупы несчастных, повешенных на придорожных деревьях. Так поступали с предателями, с врагами рейха!..

Вот и мучился теперь ефрейтор. Бросало его из жара в холод. Перед глазами Франца то и дело мелькали ротенфюрер, дежурный из жандармерии, тот солдат-спорщик... Потом появлялись картинки из казарменной жизни подразделения.

Вообще-то каждое летнее утро в казарме фельджандармерии начиналось с привычного резкого звонка. Перед самым рассветом этот звонок безжалостно выбрасывал дежурного унтер-офицера из его крохотного бокса, и тот надрывно вопил на всю казарму:

- Ахтунг! Штейн ауф! Внимание! Подъем!

По какому-то странному стечению обстоятельств в тот памятный день все пошло по-иному. Разумеется, был треклятый звонок. Звучали привычные команды. Только если в предыдущие дни сразу после этого солдаты обязательно делали физзарядку, потом небольшую пробежку, на этот раз, едва солдаты ополоснули лица водой из стоящих возле казармы жестяных рукомойников, их посадили за длинные досчатые столы в столовой. Дымился в фарфоровых кружках эрзац-кофе, соблазнительно желтели тонкие ломтики хлеба с мармеладом... Сам фельдфебель, будто на часах стоявший у дверей, поторапливал:

- Шнель! Шнель! Цум крафтваген! Быстрее! Быстрее к машинам!

Это настораживало. Солдаты догадывались, что где-то что-то случилось. Ведь сломан твердо заведенный порядок. Нарушено неколебимое правило: «Аллес ист орднунг». Почувствовал настроение солдат и ротенфюрер из фельджандармерии, проводивший инструктаж.

- Вижу, что некоторые из вас недоумевают, более того – недовольны происходящим! – обратился он к строю. – Запомните, так надо! Наш фюрер, наш фатерлянд в этот исторический момент требуют от вас, верных сынов Великой Германии, новых усилий. Мы не можем, мы не имеем права расслабляться и жаловаться на трудности!..

«Недоучка из Альбертины», как между собой звали солдаты ротенфюрера, еще некоторое время скрипучим противным голосом растолковывал солдатам, что они «должны и обязаны». Только на этот раз завершил он свою речь быстро.

- Гордитесь, потомки Нибелунгов! Вы участвуете в величайшей битве века. На вас смотрит весь немецкий народ. Вы – на переднем рубеже битвы с большевиками. Вы помогаете нашей доблестной армии не пустить русские орды на священную территорию рейха! Вот почему каждое, даже самое нелегкое задание вы должны воспринимать с радостью. Хайль Гитлер!..

В общем-то, он повторял главные положения совсем недавно зачитанного приказа гаулейтера и имперского комиссара обороны Восточной Пруссии Эриха Коха. О том, что настало самое ответственное время, что надо создать мощный оборонительный вал, иначе «большевистские орды уничтожат наши города и деревни, замечательные творения древней немецкой культуры».

Конечно, Франц Ланге многого не знал, но много слышал и видел во время своих рейсов по восточным районам Пруссии, поэтому представлял, как во исполнение того приказа к линии фронта, к промежуточным опорным пунктам и укрепленным районам тянулись десятки железнодорожных составов. На платформах и в вагонах везли тысячи тонн колючей проволоки, противотанковых и противопехотных мин, бетонных надолбов и стальных крестовин. Погромыхая на стыках, спешили состав за составом с танками, орудиями и минометами.

Мотаясь по проселочным дорогам и шоссе, Франц видел тысячи собранных отовсюду автомашин – от огромных, как мастодонты, многотонных «Бюссингов» до юрких малолитражек. Плотными рядами заполнив кузова грузовиков и салоны автобусов, к фронту торопились подразделения солдат и фолькштурмистов. В ближайшие тылы мчались легковушки со снабженцами и штабными офицерами. Даже пароконные упряжки, мобилизованные у бауэров, крестьян, поспешно рысили к линии окопов и обратно. Даже шоферы фельджандармерии, которых в обычные дни никто не смел отвлекать от исполнения прямых обязанностей по службе, совершали подобные рейсы наравне с другими...

... Ревел мотор. Поначалу Франц краем уха слышал, как там, за спиной, в кузове машины, гудели оживленные голоса. Наверное, спорили за места солдаты. Потом голоса исчезли. Видимо, удобно устроившись, они погрузились в привычное дремотное состояние. Хотя, вполне возможно, Францу мешал что-либо слышать все еще не прошедший жар. У Ланге по-прежнему ломило виски, позванивало в ушах.

Между тем лента шоссе все катилась и катилась под колеса машины. Старший группы охраны – штурмфюрер Отто Ланс – верзила с бычьей шеей и выпуклыми серо-голубыми глазами на одутловатом лице, сидя рядом с шофером второй машины, довольно улыбался. Все для него получается превосходно: прежде всего, теперь-то он наверняка получит долгожданную награду. Ведь задание, в общем-то, уже выполнено. Пленный в его руках. Вернее, в кузове его машины. Так что дело за наградой. А вот награда для Отто Ланса не столько приятна, сколько просто-напросто необходима. Ведь ему хотелось не только покрасоваться перед приятелями и сослуживцами, особенно перед новичками, этими молокососами, чтобы утереть им нос, чтобы заставить уважать своего начальника и старшего товарища.

Разумеется, Отто Ланс хотел бы этой наградой, как результатом усердия, заслужить особое доверие начальников. Но самое главное – с наградой Ланс связывает надежду на счастливые перемены в своей судьбе. Он уверен, что теперь-то Матильда, напропалую кокетничающая с господином начальником фельджандармерии, наконец-то глянет и на него, штурмфюрера Отто Ланса. И тогда уж он не оплошает, черт побери!

Отто Ланс, парень из далекого баварского села, был, в общем-то, не промах. Он, конечно, понимал, что Матильда – далеко не красавица. Но это Лансу было не так уж и важно. Штурмфюрер Отто Ланс во что бы то ни стало хотел породниться с отцом Матильды. Ведь этот своенравный старик владеет богатым фольварком. А фольварк расположен рядом с городком, в котором Ланс вот уже почти четыре года руководит отделением службы безопасности.

Почти четыре года Отто любовался хрюкающими на фольварке десятками упитанных боровов. Ах, какие это прекрасные создания! Гладкие, лоснящиеся от жира и щетки, которой их каждое утро моют и чистят.

Тот, кто жил в деревне, поймет Отто Ланса. Как не радоваться, глядя на веселящие сердце и желудок создания, из которых получают превосходные колбасы и шпик? До последнего времени Отто Ланс никому не признавался, что ему давно уже хочется вернуться к привычному крестьянскому делу. Это война помешала ему стать хорошим бауэром. Но ведь война когда-то кончится. Надо думать о будущем. А начинать надо не с пустого места, не с нуля. Ну, а когда он станет хозяином, тогда...

Разумеется, хорошим хозяином, гроссбауэром, ему поможет лишь женитьба на Матильде. Ланс тщательно продумал план. Прежде всего, считал он, надо понравиться Матильде. Как только это произойдет, она быстро настроит своего папашу на доверительное и уважительное отношение к ее будущему мужу. А остальное – дело Ланса.

Беда только в том, что Матильда – взбалмошная девица. Она почему-то вбила себе в голову, что ее суженый – большой начальник, красавец. А Отто Ланс... Уж как он не крутился возле нее, развлекая разговорами, а однажды даже подарил цветы, – Матильда оставалась не очень-то с ним ласковой. Это раздражало и обижало Отто. Он видел, что Матильда явно проявляет благосклонность к начальнику фельджандармерии. А у того, конечно, преимущество перед штурмфюрером. Так чем же растопить неприступно холодное сердце девицы?

И вот однажды совершенно случайно Ланс узнал, что сердце Матильды, закованное в броню равнодушия, открыто только для героев! Подружке она проговорила, что готова боготворить заслуживших Железный крест! Вот тогда-то и возникла у Отто Ланса мысль: во что бы то ни стало получить награду. Пусть и не Железный крест. В конце концов – медаль. Лишь бы только награду.

Но Отто Лансу фатально не везло с подвигом. Да и как было отличиться в небольшом провинциальном городишке, где за годы войны не появлялся ни один чужак?

Да что там чужак! Свои и то прятались за дверные засовы, едва наступали сумерки. По вечерам городок словно вымирал. И неизвестно, сколько бы ждал Отто Ланс исполнения своего желания, если бы внезапно не выпала вот эта возможность отличиться.

Помнится, несколько месяцев назад Ланс получил из Кёнигсберга, из Управления безопасности, директиву. Начальство предупреждало полицию и фельджандармерию, руководителей местных организаций национал-социалистической партии о том, что «в связи с продолжающимся выравниванием линии фронта» не исключается появление в их районах вражеской агентуры. Предлагалось быть предельно бдительными, постоянно мобилизованными на решительные и быстрые действия по ликвидации чужаков.

Разумеется, штурмфюрер Отто Ланс тщательно изучил документ. Правда, при этом не мог отделаться от одной весьма опасной мысли. Отто недоумевал: ну чего это там, наверху, фантазируют? Где это видано, чтобы русские агенты появились в Восточной Пруссии, на территории самой Германии? Разве они настолько наивны, что рискнут сунуться в населенные истинными немцами районы? Ведь здесь не было, нет, и не будет никакой возможности для работы вражеской агентуры. Прежде всего, потому, что здесь заселен чуть ли не каждый квадратный километр территории. Везде города, деревни, фольварки, господские дома... Ну, где расположиться той агентуре, где ей базироваться?

И еще одно немаловажное соображение: все жители Восточной Пруссии, и в этом Ланс убедился за годы службы здесь, – добропорядочные люди. Они воспитаны так, что каждый посторонний человек вызывает у них подозрение.

Как учили Ланса в школе СС, русские, как все коммунисты, рассчитывают, прежде всего, опираться на рабочих. Но ведь кому неизвестно, что в опекаемом Лансом городке не было, нет, и не будет промышленных рабочих? Это не Кёнигсберг, не Инстербург, в конце концов, не Тильзит, в которых есть заводы, фабрики, железнодорожные узлы, порты.

Впрочем, даже те немногие из пролетариев, которые были связаны с красными, частично находятся на военном положении, а большинство, которое было с их вожаким Тельманом, – давным-давно арестованы и находятся в концлагерях. И уж будьте уверены: вряд ли кто возжелает попасть туда на «перевоспитание».

Словом, штурмфюрер Отто Ланс был твердо уверен, что агентуре в прусской глубинке не на что надеяться. А уж что касается основного населения – бауэров, крестьян – их ничем не оторвешь от их собственного клочка земли. Никакими посулами, красивыми сказками, даже деньгами. Бауэры как огня боятся политики, а уж о предательстве своего рейха, своего обожаемого фюрера и речи быть не может. Немецкие граждане – бюргеры и бауэры – уважают законы и порядки.

И еще одно забавляло Отто Ланса, когда вчитывался он в поступившую директиву: если предположить невероятное и русские все-таки забросят в Пруссию своих агентов, где им жить и прятаться? По всему выходит – только в лесу. В городах и поселках им места не найти. А вот в лесу... Но прусские леса – совсем не подходящее место для вражеских агентов. Леса аккуратно разбиты на пронумерованные квадраты, отделенные друг от друга широкими просеками. Они тщательно очищены от валежника и кустарников. За всем этим постоянно наблюдают лесники и егери. Недаром леса, как и городские улицы, составляют предмет особой гордости немцев. Леса – образцовое хозяйство образцового народа!

Уверенный в своей правоте, Отто оставался в приподнятом настроении даже тогда, когда из Управления сообщили, что на днях были заброшены советские разведчики в район Тильзита, а чуточку позднее чужие были обнаружены недалеко от Инстербурга. Получив эти сообщения, Ланс не очень-то взволновался, поскольку его городок был довольно далек от Тильзита и Инстербурга. К тому же он хорошо понимал: те вражеские разведчики не успеют нанести существенного вреда, не успеют стать опасными – их вскоре обезвредят.

Такого рода операции уже не раз проигрывали специальные группы подготовленных профессионалов. Эти поисковые отряды, усиленные резервными подразделениями, а порой и фронтовыми

частями, после обнаружения разведгруппы врага сразу же создавали вокруг района двойное кольцо. А потом, неотвратимо сжимаясь, кольцо уверенно выполняло свою удушающую роль. Чаще всего на месте оставались только трупы. Лишь иногда – раненные, обессиленные люди. Их брали в беспамятстве...

От таких, несмотря на умение специалистов фельджандармерии, а особенно – гестапо, «разговорить» схваченных, к сожалению, не удавалось добиться ничего, поэтому из Управления требовали разведчиков брать только живыми!

...На рассвете перед дверями полицейского участка притормозил заляпанный грязью велосипед. Соскочивший с него егерь опрометью бросился к дежурному.

- Господин лейтенант, в лесу – чужие! В нашем лесу неизвестные!!

Телефонный звонок сорвал штурмфюрера Отто Ланса с постели, безжалостно вытащил из-под теплого пухового одеяла.

- У аппарата Ланс, - недовольно пробурчал он. – Что случилось?

- Господин штурмфюрер, обнаружены вражеские разведчики!

- Где и когда? – Сонливость будто рукой сняло. Выслушав торопливый ответ, распорядился:

- Объявить в городе тревогу. Проведем контрольное прочесывание леса. Да-да, всеми силами!

Бросив телефонную трубку, Отто Ланс несколько раз энергично присел, разводя и сводя руки. Это была его малая программа физзарядки. Затем ополоснул лицо и руки холодной водой. Теперь можно было заняться завтраком. Все рассчитано и выверено по минутам.

Ланс неторопливо пил кофе и представлял, как по узким улочкам, поднятые телефонными звонками и специальными оповестителями, спешат к управлению вооруженные охотничьими ружьями горожане, бюргеры, как из ближайшей казармы строем движутся фельджандармы, как из уютных квартир выбегают заспанные полицейские. Штурмфюрер мог не смотреть на часы. Он знал положение дел на каждую минуту, а потому через четверть часа, спокойно закончив завтрак и выйдя на крыльцо, увидел застывший в ожидании его строй.

«Вот – настоящий порядок, настоящая организация» - удовлетворенно отметил про себя Ланс. – И в этом наша сила».

- Майне геррен! Господа, - обратился штурмфюрер к подчиненным, едва дежурный доложил ему о готовности к поиску. – Пришло, наконец, испытание вашей смелости и умения, стойкости и мужества, вашей верности фюреру и рейху. В нашем лесу обнаружены чужие люди. Кто они? Что им здесь надо? Я полагаю – это агенты врага. Нам предстоит обезвредить их. Таков ваш святой патриотический долг, долг истинных немцев. Я лично поведу вас, господа!

Спустя 10 минут, получив последние указания, группа за группой начали стягиваться к указанному егерем району леса. Отто Ланс не только хорошо знал свое дело, он отлично знал и отведенный ему район. Он видел его будто на карте – каждый уголок сразу! По приказу штурмфюрера группы неторопливо и надежно перекрывали все лазейки, затыкали все дырки, через которые могли выскользнуть русские. А потом, когда район был обложен со всех сторон, и доклады об этом поступили к Лансу, он дал по рации сигнал. Группы начали сужать кольцо облавы.

Несколько часов медленно, осторожно и тщательно прочесывали они квадрат за квадратом. С педантичной дотошностью обследовали каждый куст, склоны каждой дренажной канавы, каждую кочку и бугорок... Ни людей, ни их следов!

И вдруг со стороны крутого берега ручья прогремели выстрелы...

Вспомнив об этом, Ланс зябко передернул плечами и тут же глянул в крохотное оконце на задней стенке кабины.

В кузове на измятой соломенной подстилке ничком лежали трупы двух русских разведчиков. Один совсем еще молодой, безусый мальчишка с вихрастым затылком. Обильные бурые пятна запеклись на его одежде. Когда разведчика схватили, он был раненым, почти трупом. И все-таки не дался живым. Непослушными уже пальцами нажал спуск пистолета... Это потом, всердцах, солдаты и полицейские продырявили неподвижное тело мальчишки автоматными очередями.

Второй – крупный и широкоплечий парень – был поднят мертвым. Он долго отстреливался из десантного автомата. Бил скупыми очередями. Долго не подпускал подбадривающих себя криками «Хох, хох!» солдат и полицейских. И только меняя позицию в очередной раз, нарвался на пули. Когда подброшенный, будто пружиной, перелетел разведчик через просеку, несколько пуль впились в его тело. Видимо, одна из них отыскала сердце. Смерть наступила мгновенно. Даже мертвые, эти двое вызывали у Ланса если не страх, то почтительное уважение. Уважение к поверженным героям.

Штурмфюрер перевел взгляд на охранников. Мельком скользнул по их лицам и сразу понял, что автоматчики, стерегущие третьего разведчика, схваченного живым, старались не глядеть на трупы. Солдаты молча качались на откидных скамеечках возле самой двери и судорожно сжимали лежащие на коленях «шмайсеры». Пленный сидел напротив них, спиной к окошечку, и Отто Ланс видел только его затылок да стянутые за спиной руки, перехваченные у запястья тонким сыромятным ремешком.

Сам, собственными руками скрутил штурмфюрер этого разведчика! Да, да, Отто Ланс отличился, наконец, по-настоящему. Приятно вспомнить, как сгреб разведчика, сжав его в медвежьих объятиях.

«Даже кости хрустнули у русского, - самодовольно улыбнулся Отто Ланс. – Как же по-глупому попался мне этот птенец. Спасибо ему – уж теперь-то моя мечта сбудется...»

Штурмфюрер отвернулся от окошка, строго взглянул на склонившегося над рулем шофера.

- Давай, давай, Франц! В Управлении давно ждут нас. Там очень нужен наш «птенец»... Уж он-то заговорит. Это я гарантирую!

В общем, пленный разведчик с виду ничего не представлял. Одетый в цивильное платье, без шляпы, он вполне походил на обыкновенного немца. Такой же белобрысый и голубоглазый. Ни ростом, ни комплекцией он не выделялся. Нормальный, средний, обычный немец.

Сейчас, когда Отто взглянул на затылок русского, ему даже показалось, что тот напоминает кого-то знакомого. Кого? Откуда? Профессиональная память сразу же услужливо прокрутила перед его мысленным взором десятки портретов, однако тот самый так и не высветила. Может быть, Ланс и ошибся, может быть, ему показалось?.. Или знакомство было очень давнее, полузабытое. Ну, да он еще вернется к этому, чтобы убедиться – показалось или не показалось.

Отто Ланс уверен только в одном: хоть и выглядит тот русский далеко не богатырем, силу он имеет необыкновенную. Это Ланс прочувствовал на себе.

Штурмфюрер невольно погладил левое плечо, которое чудом успел подставить под рукоять пистолета, спасая голову.

... Как видно, в горячке боя русский не заметил, что расстрелял все патроны. Лишь услышав сухой щелчок, понял он, что обойма пуста. А заменить ее было некогда. Именно в этот момент из-за деревьев и выскочил Ланс. Безоружный разведчик бросился на штурмфюрера, видимо, надеясь нарваться на пулю. Больше ему не на что было рассчитывать. Но Отто Ланс – не мальчик. Он не первый год служит в СД и хорошо знает: поддайся тогда минутному настроению, ухлопай в горячке этого русского – началась бы такая карусель, что света не взвидишь!

Хватит с него упущенных чужаков по глупости Делингов. Хороший был урок! Ланс не позволит себе повторить прежнюю ошибку. Надо быть совершенным глупцом, чтобы упустить, потерять пленного разведчика, держа уже его в своих руках. Штурмфюрер понял это в какие-то доли секунды и тут же, нисколько не колеблясь, подставил плечо под удар.

Плечо ноет до сих пор. Рука почти не действует. Но зато теперь Отто Ланс – герой. Схватить русского разведчика! О-о, это много значит. Только сильные выходят победителями, и им по заслугам принадлежит все. Так говорит обожаемый фюрер. А сегодня победитель – я!..

Мерно рокотал двигатель, шелестели шины. Это навевало благодушное настроение, и мысли штурмфюрера постепенно повернули в другое русло.

- Ах, черт побери, дорого бы я дал, чтобы сейчас, именно сейчас взглянуть на Матильду! Как она воспримет весть о том, что толстяк Отто собственными руками скрутил русского разведчика? Вот уж теперь-то, наверняка, она заговорит с Лансом по-другому. Должна же понять, что скоро на мундире штурмфюрера появится медаль за храбрость, а то и крест за отличие...

Мимо окон кабины стремительно пронеслись придорожные деревья. Их стволы, тщательно выбеленные снизу почти до роста человека, мелькали так, что рябило в глазах. Вдали, за придорожными деревьями, то бежали, то медленно проплывали небольшие перелески, господские дома и хозяйственные постройки с красными кирпичными крышами.

Если бы не трупы убитых за спиной, не вороненые стволы автоматов в кузове, Отто Ланс бесконечно любовался бы идиллической картиной, разворачивающейся перед глазами, наслаждался бы теплом, зеленью, покоем.

Но Отто Ланс ни на секунду не забывал о разведчике, о том, что сам он не на прогулке.

Штурмфюрер вздрогнул, стяхивая с себя расслабленность, навеянную мирными картинками. Его взгляд снова стал острым, сосредоточенным. Он впился в дорогу, с каждой минутой приближающую его к Кёнигсбергу. Скоро, скоро долгожданный миг. Удостоиться похвалы самого гауляйтера Эриха Коха или хотя бы его заместителя Фердинанда Гроссхера, принять из их рук награду – разве это не предел мечтаний верного солдата фатерлянда?

Заходящее августовское солнце спускалось все ниже и ниже. То и дело, будто оплавляя листву каштанов и лип, ровной строчкой бегущих вдоль шоссе, оно прорывалось сквозь пышные кроны. Тогда его лучи ярко вспыхивали на лобовых стеклах кабины, на мгновение ослепляли водителя и штурмфюрера. Это начало раздражать Ланса.

- Опустить солнцезащитный фильтр! – не выдержав, рявкнул он, наконец, шоферу.

От неожиданности нога Франца, непроизвольно дернувшись, вдавила педаль акселератора. Мотор взвыл. Машина резко рванулась, но тут ее переднее колесо нырнуло в глубокую выбоину. «Майн готт! – внутренне ждался шофер, – штурмфюрер убьет меня, если машину тряхнет!»

Франц слишком хорошо знал нрав Отто Ланса и тяжесть его кулаков. Чтобы хоть чуть-чуть смягчить рывок и удар машины, шофер попытался сбросить газ. Но напряженная нога снова предательски дрогнула и на этот раз сорвалась с педали акселератора на - тормозную...

Противно взвизгнули тормоза. Штурмфюрера с силой бросило на лобовое стекло. Звякнули, разлетаясь, осколки.

- Доннер-веттер! – заорал Отто Ланс, хватаясь за лоб. – О чем ты думаешь своими пороссячьими мозгами!?

Штурмфюрер отпрянул от разбитого стекла и, всем телом повернувшись к растерянному водителю, замахнулся на него кулачищем. Ожидая дробящего зубы удара, Франц в страхе зажмурил глаза. Но вдруг в кузове машины загрохотала гулкая автоматная очередь.

- Вас ист лос?! Что случилось?!

Отто Ланс повернулся к заднему окошку кабины. И тут же, будто ужаленный, вскочил с места. Возле настежь распахнутой двери лежал автоматчик и, не целясь, послал куда-то очередь за очередью. Ни пленного разведчика, ни второго автоматчика в кузове не было...

ШТУРМФЮРЕР ОТТО ЛАНС

- Благодарение Богу, ты не глуп, мой мальчик! – не раз говорил папаша Ланс, поглаживая голову сына тяжелой, шершавой ладонью. – Только помни, сынок, быть умным – очень хорошо, но этого мало. Надо быть еще и сильным! Очень сильным. Тогда добьешься и уважения, и почестей. Я верю в тебя, Отто!..

Отто Ланс, девятнадцатилетний крепыш с покатыми мощными плечами, смотрел на отца с обожанием. Вообще-то папаша Герберт не был самым богатым в деревне. Обыкновенный простой лавочник в небольшой деревеньке под Гамбургом. Один из многих. Тем более, что магазинчик, занимавший первый этаж небольшого дома, не был забит всяческими товарами. Однако Отто не раз с удивлением и радостью видел, как перед отцом почтительно снимали шляпу и более зажиточные бауэры. Даже сельский староста снисходил к Лансу, первым протягивая руку.

- Гутен морген, герр Ланс, гутен морген! – дребезжащим от старости голосом повторял он, а небольшие, поблекшие глаза его при этом внимательно вглядывались в лицо папаши Ланса – краснощекое и энергичное. Видимо, староста понимал, что именно Ланс скоро сменит его на не очень-то хлопотном и обременительном посту.

Так уж сложилось издавна – бауэры почтительно относятся к любой, даже самой маленькой власти. А староста – это настоящий отец и Бог и даже, страшно такое сказать, - фюрер деревни! Вот почему Отто до сих пор удивлялся, с чего это староста так почтителен с его отцом, почему другие бауэры кланяются ему, снимая шляпу. Но однажды Отто краем уха услышал разговор двух соседей и с удивлением узнал, что местным партийным ляйтером с некоторых пор является его отец. И ведь папаша Ланс до сих пор не говорил ему ни слова об этом, ничем не подчеркивал своей огромной власти.

- Морген, морген! – обычно добродушно отвечал отец на приветствие старосты, неторопливо снимая шляпу. – Рад Вас видеть здоровым!

Ну, здесь-то папаша Ланс кривил душой. Отто хорошо знал, как отец ненавидел старосту. Однажды, вернувшись домой, он так хватил кулаком по столу, что тот, жалобно скрипнув, закачался на дубовых ножках.

- Это не староста, а сморчок. Безвольный и бессильный сморчок! У него духа не хватает настоять на своем. Ему не под силу потребовать, приказать, проявить волю. Разве такому быть старостой? Размазня и слюняй!..

Папаша Ланс в тот вечер долго не мог успокоиться. Он не хотел и не мог мириться с тем, что этого тщедушного старичка бауэры избрали руководителем деревни.

- Как же, мудр по-житейски, благожелателен к каждому! - язвительно передразнивал он кого-то. – Да разве это нужно старосте? Сила, уверенность, крепкая хватка – вот что надо ему! Так говорит фюрер. Значит, во главе деревни должен стоять сильный человек! И я добьюсь этого! Только сильные достойны уважения и власти. В силе их право!

... Отто было всего десять лет, когда отец переехал из-под Гамбурга в Эстляндию, на окраину города Таллинна, где жил кто-то из дальних родственников. Там понял Отто, что отец не только сильный, но и жестокий человек.

Как говорилось в школьных учебниках, с незапамятных времен почти вся Прибалтика была в руках тевтонских рыцарей. Потомки этих рыцарей жили здесь и сейчас, рядом с эстонцами и русскими. Папаша Ланс ни с эстонцами, ни с русскими не знался, хотя и жил рядом с ними. Он часами пропадал в клубе землячества. Что там делал отец, Отто не знал. Вход в клуб чужакам и детям был запрещен раз и навсегда. Да Отто и не пытался туда попасть. У него были свои дела.

Семья Лансов жила неплохо. Умерший вскоре после их переезда родственник оставил наследство – собственный домик с лавчонкой на улице Пикк и небольшим садиком во дворе с цветником, где рдели тюльпаны, выписанные из Голландии. Отто ухаживал за цветами, пропалывал и поливал. Он любил их и тянулся к ярким, солнечным, красивым растениям.

Мать свою Отто не помнил. Она умерла, когда ему не было еще и пяти. Это произошло там, в Германии. В памяти мальчика осталось о матери только что-то мягкое, нежное, ласковое. До сих пор ему чудится порою, будто слышит ее теплое, счастливое:

- Оттик, майн кюхельхен, майн клингельн!

Эти ласковые «цыпленочек» и «звоночек» долго еще всплывали в памяти Отто. Оставшись дома один, отбросив учебники в сторону, он порою долго сидел перед окном, глядя на цветы.

Нельзя сказать, что ему приходилось плохо. Нет, отец по-своему любил сына и позволял ему многое. Даже водиться с одним русским мальчишкой, жившим неподалеку. Надо же с кем-то быть Отто, если матери нет, а отец занят важными делами!

Обычно папаша Ланс с самого утра уходил в лавочку, исправно стоял за прилавком до обеда. Ровно в час – минута в минуту – он возвращался домой, чтобы неторопливо, со вкусом съесть свои любимые габерсуп и сосиски с капустой, предварительно пропустив рюмочку шнапса. Потом, выкурив сигарету, он снова уходил на привычный свой пост.

Но в памятное июньское утро Герберт Ланс почему-то изменил привычке. И надо же было тому случиться, что как раз в это утро к Отто пришел его приятель – русский мальчик Михель.

- Ты чего такой невеселый? – встретил его Отто.

- Мама заболела... С постели не встает. Кашляет сильно...

- Не горюй, Михель. Давай нарвем ей цветов. Твоей мамочке будет так приятно, и она выздоровеет! – тут же отозвался Отто.

Взявшись за руки, мальчишки заторопились в садик.

- Принимайся за дело! – подтолкнул Михеля Отто. – Сначала нарвем букет, потом немного погуляем.

Приятель склонился над грядками. Одной рукой перехватив стебель у самой земли, другой они сгибали его, пока, мягко шелкнув, тот не отделялся. Вскоре большой, пышный букет ярко пламенел в руках Михеля. Но когда мальчишки подходили к калитке, там стоял папаша Ланс.

- Ах вы, негодяи! – вскипел он, увидев в руках Михеля цветы. – Да как вы смели? Мои цветы! Мои цветы! О, майн готт!

Задыхаясь от возмущения, он злобно отшвырнул дверцу в сторону и бросился навстречу мальчишкам. Увидев его перекошенное злобой и ненавистью лицо, Отто дернул Михеля за рукав.

- Бежим! Скорее!

Но куда бежать, если сад обнесен глухим забором, а калитку загородила широкая фигура папаши Ланса, потрясающего здоровенными кулаками?

- В сарайчик! – пискнул Отто, увлекая за собой приятеля. - Торопись!

Он надеялся, что отсидится за крепким засовом. А потом, когда отец успокоится, ему можно будет все объяснить.

- Откройте, щенки! – завопил папаша Ланс, колотя кулачищами по двери сарая. – Откройте, или взломаю дверь!

Легкие стенки сарайчика сотрясались под бешеным натиском грузного тела. Жалобно звякал засов. Упруго гнулись дверные доски. Наконец, дверь не выдержала, с грохотом слетела с крепких металлических петель. Отец разъяренным медведем ввалился в сарайчик, огромными своими ручищами сгреб мальчишек за шиворот и выволок во двор.

- Я вам покажу, как воровать! Я вам покажу, как поднимать руку на чужое!!

Тяжелые кулаки отца не пощадили не только Михеля, но и родного сына, Отто. Папаша Герберт умел бить – это Отто Ланс понял сразу. Понял и помнил об этом всю жизнь...

А с годами Отто узнал, что отец умел бить не только кулаками.

Было это в сороковом году. И тоже летом. Тогда в Таллинне произошло что-то непонятное. На улицах появились какие-то люди с красными флагами. Самое странное было в том, что полиция не только не стреляла в них, но даже не разгоняла, как прежде, по домам и подворотням.

В тот день папаша Ланс вернулся домой очень поздно. Пришел расстроенный, встревоженный.

- Сынок мой, Отто, завтра мы уезжаем домой, в свой фатерлянд, в нашу милую Германию. Фюрер зовет нас к себе. И мы поедем, обязательно поедем. Но сначала стукнем кулаком...

Отто долго ждал отца в тот вечер. Уснул, так и не дождавшись его. Папаша Герберт возвратился только под утро. Пришел он, пропахший керосином, с руками, покрытыми черной копотью. Наскоро умывшись, он принялся собирать чемоданы: бросал в них столовое серебро, золотые цепочки и кольца, пачки денег, кружева и пушистые шкурки. Перетягивал чемодан ремнями и выстраивал их рядом вдоль стены. Потом, взяв топор, пошел в лавочку. Вскоре оттуда донесся грохот и звон стекла...

Когда, спустя полчаса, погрузив чемоданы в подоспевший грузовик, они поехали в порт, над городом тянулся огромный черный хвост дыма, несший керосиновый запах.

- Что это, мой фатер?

- Горит нефтехранилище, сынок. Советам не досталось ничего. Мы все-таки стукнули кулаком. И хорошо стукнули!..

В первое время после возвращения в Германию папашу Ланса, казалось, ничего не интересовало. Он приехал в небольшую деревеньку под Берлином, купил домик, снова завел лавочку, опять возвращался домой поздно вечером.

- А знаешь, сынок, - пропустив как-то рюмочку шнапса, завел он разговор с Отто, - тебе, пожалуй, пора идти на службу. Я уже стар. Мне достаточно лавочки. А у тебя – будущее. И большое. Я верю в это. Давай подумаем, чем тебе заняться...

- Может быть, поступить в институт?

- Только не это! Я говорил о тебе кое с кем из моих приятелей. Они предлагают очень хорошее место. В Кёнигсберге есть школа СС. Знай, сынок, именно в СС твое будущее. Это – сила, это – власть. Послушай меня, старика, не пожалей!

Так Отто Ланс оказался в «шущтаффельн шуле». Огромное трехэтажное краснокирпичное здание с высокой черепичной крышей, стоящее на Штрессман-штрассе, поразило Отто. Было оно чуть не в четверть километра длиной. В глаза бросилось обилие окон и высокий каменный забор, окружающий здание с трех сторон. Еще больше удивился Отто, пройдя высокие ворота, выкованные из железа.

Стоящий возле ворот часовой, нажав кнопку электрического звонка, доложил дежурному офицеру о посетителе. Присланный им унтер-офицер повел Ланса в канцелярию. Во все глаза рассматривал Отто широкие каменные ступени лестницы, огражденные железными перилами, длинные коридоры, выстланные гранитными плитками...

Так началась новая жизнь Отто Ланса.

В бесчисленных классных комнатах и аудиториях над учебниками и конспектами по утрам и вечерам склонялись такие же, как и он, парни – голубоглазые и светловолосые, высокие и плечистые.

По субботам и воскресеньям эти парни в полуподвальном помещении школы разминали свои застоявшиеся крепкие мускулы. Они швыряли друг друга на борцовские маты, делали сальто на перекладине или бились на ринге кожаными перчатками. И вокруг вспыхивал рев зрителей – таких же парней, горячих и нетерпеливых, требующих острых ощущений. Они любили, когда после очередного удара у соперника хлопала кровь из носа, или когда слабейшему заворачивали руку за спину, и тот кричал от боли. В школе СС воспитывали сильных людей – людей без нервов, без плаксивой сентиментальности, людей дисциплинированных и исполнительных.

Отто Лансу очень шла форма. Черный мундир под ремнем, погончик с белой окантовкой, такие же петлички с серебристыми молниями, черные галифе и высокие хромовые сапоги. Красиво и внушительно!

Учиться было, в общем-то, не очень трудно. Курсантов «шущтаффельн шуле» не утомляли разными сложными науками. Прежде всего, они должны были назубок выучить «Майн кампф» своего любимого фюрера. Эта книга должна была стать по-настоящему настольной. Кроме того, курсантов учили контролировать поведение населения, учили методам психологической обработки, умению задерживать преступников, врагов рейха, метко стрелять, владеть приемами джиу-джитсу и бокса...

- Пусть никого из вас, мальчишки, - говорил бригадефюрер СС, начальник школы, - пусть никого не смущает, что вас, истинных борцов за великий рейх, верную гвардию нашей партии, обучают и полицейской науке. Знайте, мальчишки, это тоже обязательно надо уметь. Однако всегда помните, главное – мы являемся охраной нашего любимого фюрера. Мы его ударные отряды. Сила, мужество, верность фюреру – вот наш девиз!

Такая наука давалась Отто Лансу легко. Особенно нравились ему ежедневные тренировки на полосе препятствий, в гимнастическом зале, на футбольном поле. Однако занятия в борцовском зале и на боксерском ринге захватывали юношу больше всего. Отто быстро входил в раж. Он буквально зверел от вида крови, от сопротивления противника и набрасывался на него всей своей мощью, сминал и бил, не жалея кулаков. Дошло даже до того, что постепенно многие однокашники стали уклоняться от встреч с Лансом на ковре и ринге.

Глупцы! Они теряли радость ощущения превосходства и вседозволенности, которое приносит сила в мышцах. А вот Отто Лансу очень нравилось размяться в хорошей свалке. Вложив всю силу в удар, он испытывал настоящий восторг, видя как соперник падает, будто подкошенный – с бессмысленным взглядом, с безвольно опущенными руками. Отто знал, куда ударить! Он метил в солнечное сплетение, в подложечку. Но излюбленный, коронный удар Ланса вскоре узнали все – в шею, под подбородок, в сонную артерию. Редко кто успевал уклониться от этого резкого, стремительного удара.

Вот когда Отто Ланс до конца понял своего отца – почувствовав радость физического превосходства над другими. Это была радость познания силы, дремлющей до поры до времени в налитых мышцах.

Как это все-таки верно: быть сильным – удел избранных, удел отмеченных богом. Таким все разрешено, все позволено и все прощается, лишь бы они хранили верность фюреру.

... В первый же отпуск Отто приехал в гости к отцу. Казалось, тот совсем не постарел. Наоборот, шаг его стал упругим, а глаза – более цепкими, будто заглядывающими глубоко-глубоко, в самую душу. Теперь уже папаша Ланс был старостой деревни. Бауэры смену власти восприняли как должное, как неизбежность и, казалось, даже были довольны, что Герберт Ланс держит их в крепких руках.

Ближе к вечеру Отто решил прогуляться по улицам деревни. Здесь он не был почти год. Возле кирхи, как всегда, толпились старики и женщины. Чуть поодаль собрались благочестивые, смиренные девушки. Напротив них – о чем-то тихо разговаривающие парни.

Когда Отто поравнялся с ними, завязанный деревенский острослов Ганс, которого Отто хорошо знал прежде и даже водил как-то с ним дружбу, дурашливо крикнул писклявым голосом:

- Вы посмотрите-ка, как он вырядился! Настоящий гусь!

Парни дружно захохотали. Девушки смущенно прыснули в платочки, зажатые в кулачках. Отто, не говоря ни слова, повернул к парням. Не спеша подошел к Гансу, посмотрел ему в глаза и коротко, почти без замаха, ударил ребром ладони по шее. Это было так неожиданно и так сильно, что тот мешком свалился на землю. Оторопелые парни, опасливо переглядываясь друг с другом, начали расходиться по домам...

О-о, сила творит настоящие чудеса! Отто хорошо знал, что в деревне все любят Ганса. Знал, что за него бауэры готовы проломить голову обидчику. Но вот на глазах у всех Отто обидел их любимца, однако парни спасовали. Спасовали перед силой его кулаков, перед силой его черной формы, перед авторитетом его отца – старосты и лэйтера деревни.

Это приятно щекотало нервы, льстило самолюбию Отто. Ну, разве не счастье – быть сильнее всех, быть главнее всех? Никто не смеет возражать, перечить, в чем-то не соглашаться. Перед ощущением такой власти, пожалуй, блекнет даже мамино «кюхельхен» и «клингельн»...

Но Отто Ланс недолго наслаждался обретенной в деревне властью. Наступила середина июня сорок первого года. В один из дней Отто вывали в школу.

А еще несколько дней спустя курсантов построили во внутреннем дворе, мощеном камнем.

- Мои мальчики, - обратился к ним бригадфюрер, - радуйтесь, мои мальчики! На днях наш любимый фюрер начинает войну с Советами. Вот когда перед вами открывается великая возможность - прославить себя и имя фюрера. Схватка с колоссом на глиняных ногах, как фюрер называет Советы, будет недолгой. Чтобы вы успели побывать на поле битвы, прочувствовать опьянение боем, наш любимый фюрер разрешил произвести досрочный выпуск курсантов школы. Сегодня вы получите назначения. От души поздравляю вас, мои мальчики, и желаю боевой удачи под знаменами прославленных дивизий фюрера «Великая Германия» и «Адольф Гитлер», «Викинг» и «Мертвая голова»... Зиг хайль!

- Зиг хайль! – рявкнули сотни глоток. – Зиг-зиг хайль!

Отто Ланс надеялся, что его-то определенно назначат в ударный батальон эсэсовской дивизии. Однако совершенно неожиданно он получил приказание - прибыть в небольшой городок Шлобиттен, приютившийся на стыке шоссе, железной дороги и реки Прегель под Кёнигсбергом. Штурмфюреру Отто Лансу приказали возглавить местное отделение СД – службы безопасности.

«Почему?» - не раз задумывался впоследствии Отто. Потом понял, что такое назначение не обошлось без вмешательства отца. Видно, старик сумел побеспокоиться о своем единственном наследнике.

Разумеется, папаша Герберт Ланс об этом ни словом не обмолвился в письме, которое вскоре пришло в городок.

«Помни, сынок, - писал старый Ланс, - почетно пасть в бою за нашего обожаемого фюрера. Но еще почетнее – искоренять везде и всюду, в том числе и в тылу, его врагов – коммунистов и социал-демократов, евреев и всяких неустойчивых интеллигентов. Гордись, сынок, что тебе выпала эта почетная обязанность. И верь, что я всегда рядом с тобой...»

Со временем Отто Ланс понял, что ему очень повезло с назначением. Как ни говори, служба в тылу – далеко не то, что на фронте. Меньше угроз жизни. Правда, и наград меньше. В этом Ланс убедился довольно скоро. От друзей, оставшихся в Кёнигсберге, он то и дело узнавал, что кто-то из однокашников отличился в России, получил Железный крест или повышение в чине. Но ведь приходили вести и о том, что кое-кто уже сложил голову за фюрера и рейх...

А у Отто Ланса в городке все было тихо, спокойно. Первый год войны прошел для его подопечных горожан словно сплошной праздник. Радио и газеты взахлеб сообщали о новых и новых победах немецкого оружия. С фронта почти еженедельно приходили посылки. Солдаты доблестного вермахта присылали своим милым мутти, верным женам и послушным детям сало и золотые кольца, отрезки шелка и туфельки, шоколад и кружева. Почти в каждой семье радовались успехам своих сыновей на фронте. А если и приходило когда извещение о героической гибели кого-либо из них на фронте, то вести такие терялись в хоре благодарственных молебнов за победы.

В каждом доме приветливо встречали проходящего в гости Отто Ланса. Правда, на второй год настроение горожан несколько испортилось. Как-то сразу прибыла в город целая дюжина похоронных извещений и цинковых гробов. Заметно сократился поток посылок. Теперь в домах, где раньше радовались приходу Ланса, его встречали сдержанно, со скрытым недовольством.

А в третий год войны к Лансу пришло письмо. Точнее, письмо было подброшено в почтовый ящик управления. Один из верных слуг фюрера, как он подчеркнул это в письме, сообщал, что как-то поздно вечером увидел в окне соседа, Курта Делинга, фигуру солдата. Когда же на следующий день он, мол, спросил у соседа, не сын ли приехал на побывку, тот, изменившись в лице, промямлил:

- Что вы, герр Бахман, мой сын на фронте. Он сражается за фюрера и рейх...

Это вызвало у Бахмана подозрение: почему сосед скрывает приезд сына. Уж не покинул ли Петер Делинг фронт? Вот об этом он, герр Бахман, почтительно докладывает герру уполномоченному СД.

В тот же вечер, прихватив с собой двух фельджандармов, Отто Ланс нагрязнул в дом Делингов.

Герр Делинг и фрау Делинг ужинали в своей крохотной, сверкающей чистотой кухоньке. Отто Ланс по долгу службы хорошо знал, что фрау Делинг всегда безупречно выполняла предписания властей и безукоризненно помнила, что удел женщины рейха – киндер, кюхе и кирхе – дети, кухня и церковь. Она исправно посещала кирху, обращаясь с горячими мольбами к Богу о спасении сына на русских просторах; а остаток времени не покидала крохотной своей квартиры со сверкающей кухонькой, продолжая думать все об одном и том же – о сыне, о родном своем Петере.

- Где ваш сын? – неторопливо окинув взглядом комнату, спросил штурмфюрер. – И, кстати, почему он не отметил свой отпуск в комендатуре?

- Какой сын? Какой отпуск? – забеспокоилась фрау Делинг. – Вы что-то путаете, уважаемый герр Ланс...

- Еще раз повторяю, - повысил голос Отто Ланс, - где ваш сын Петер Делинг?

- Вы ошибаетесь, герр офицер, - подал, наконец, голос хозяин. - Сына дома нет. Он на фронте.

Тихое, мягкое и вежливое упрямство Делингов взбесило Ланса.

- Обыскать дом! - приказал он, побагровев от гнева. – Тащите сюда их щенка!..

Фрау Делинг рухнула в обморок. Пытаясь успокоить ее, герр Делинг стал дрожащими руками наполнять стакан водой. И тут вдруг в соседней комнате раздался истошный крик. Дверь рывком распахнулась. Разъяренные фельджандармы втащили и бросили через порог щупленького паренька в солдатской форме, с окровавленным носом и огромным синяком под правым глазом.

- Прятался в кладовой, герр штурмфюрер!

- Ах ты, мразь! Доблестные солдаты фюрера проливают кровь на фронте, а ты за маменькин подол держишься!

Тяжелый кулак штурмфюрера обрушился на голову солдата. Тот странно икнул и рухнул на пол. Со звоном рассыпался стакан, выпавший из рук герра Делинга. Сам он, серея лицом, медленно оседал, из последних сил цепляясь за стену.

- Всех в машину! – хлопнул дверью Ланс.

Но везти осталось только фрау Делинг. Герр Курт Делинг скончался от разрыва сердца, а сын его умер, не придя в сознание...

После этого штурмфюреру был большой нагоняй от начальства. А Отто Ланс надеялся тогда заслужить нужную ему награду!

ОПАСНОЕ ЗАДАНИЕ

... Кончалась вторая неделя, как разведгруппа капитана Михаила Жаркова высадились в фашистском тылу. Шел уже тринадцатый день. И все это время разведчики непрерывно перемещались из одного лесного квадрата в другой, нигде не задерживаясь больше, чем на три-четыре часа. После очередного радиосанса, укороченного настолько, чтобы только сообщить самое важное из обнаруженного и установленного, они немедленно меняли место.

В условиях Восточной Пруссии не подходила прежняя тактика разведки. Здесь нельзя было днями наблюдать за вражескими тылами, не покидая выгодной позиции где-нибудь на опушке леса или на вершине вышки возле шоссе, а ночами отлеживаться в глубине лесов, в чащобе. Здесь нельзя было надеяться на то, что, нанеся все данные на карту разведки, с этой самой картой на руках можно пробраться домой через линию фронта. Нет и нет! Надежды на благополучный длительный поиск не могло быть. Не было для этого условий. А потому собирать по крохам, накапливать добытые сведения было недальновидно и опасно. Надо было сразу же передавать все эти крупницы сведений по радию.

Капитан Жарков отчетливо представлял, что здесь, в Пруссии, огромна вероятность провала. Однако выхода не было. Только с помощью радиации можно обеспечить командование разведанными – в этом он не сомневался.

- Лучше немного, чем ничего! – сказал себе Жарков, когда решен был вопрос о его участии в поиске, и он размышлял уже о тактике поиска. – Так будет вернее!

И в самом деле, иначе действовать разведчикам здесь было невозможно. Вся территория Восточной Пруссии как бы находилась под многослойным наблюдением населения, армии, полиции. Особую опасность представляла сеть радиопеленгаторов. Едва радист разведчиков выходил в эфир, поблизости появлялись машины с автоматчиками. Начинилось прочесывание местности. Подразделения специально обученных солдат высылались по наведению радиопеленгаторных станций. Такие подвижные отряды находились в постоянной готовности в городах, удаленных друг от друга на примерно равное расстояние. Этим обеспечивалась своевременная подброска помощи в случае необходимости.

Фашисты тщательно берегли тайну укрепленного района на подступах к Кёнигсбергу. Передовые укрепления, идущие полосой от Тильзита, Гумбинена и Гольдапа, были своеобразной ночной рубашкой

Восточной Пруссии. И немцы не жалели сил и средств, чтобы оборудовать эти укрепления по самому последнему слову фортификации. «Ночная рубашка» должна была надежно укрыть Пруссию от нескромного взгляда соседей, обеспечить ее неприкосновенность.

Гитлеровцы, надеясь на многомесячную оборону, буквально каждый квадратный километр этой полосы напичкали металлом и взрывчаткой, оборудовали хитрыми системами заграждения, изрезали окопами и траншеями...

Штабные офицеры в тиши своих кабинетов подсчитали, что только противотанковых рвов было вырыто здесь ровно столько, чтобы, если вытянуть их в одну линию, добраться от Кёнигсберга... до Мадрида.

А сколько вырыто окопов, сколько устроено проволочных заграждений, сколько выставлено минных полей!

Между тем советским разведчикам предстояло выяснить все эти тонкости, все нюансы, определить, какая опасность ждет готовые к наступлению части, уточнить места их и срочно сообщить в штаб.

Жаркову с товарищами не удавалось поспать хотя бы два-три часа в сутки. Двенадцать дней на ногах. Двенадцать дней в постоянном движении. Такое нелегко выдержать даже отменным здоровьям. И усталость сказалась. Разведчики начали допускать ошибки. Неприметные, малозначащие на первый взгляд. Но на тринадцатый день, действительно несчастливый, одна из таких ошибок сыграла роковую роль. Их обнаружили.

Всего на десять-пятнадцать минут задержались бойцы, переходя просеку. Вот здесь-то их и приметил кто-то. Узнал об этом Жарков слишком поздно: кольцо облавы к тому времени почти замкнулось. И не было никакой надежды вырваться...

Разумеется, еще собираясь в поиск, капитан отчетливо представлял себе, как велик риск. Знал, что не исключен, а если говорить точнее - весьма возможен провал. Причем, провал именно по мелочи. Если разведчик способен на крупные ошибки - он не разведчик, а совершенно случайный в разведке человек, и чем скорее его оттуда уберут, тем вернее гарантируют разведку от провалов и напрасных жертв. Но ошибки малые вполне возможны, тем более в состоянии смертельной усталости...

Жарков хорошо знал, что возглавив разведгруппу, он принимает на себя нелегкую ответственность. Однако пошел на рискованное задание без всяких сомнений, даже, казалось, и без особых раздумий.

Накануне выброски группы у Михаила состоялся трудный разговор с армейским разведначальством.

- Наши войска уже на границе с Восточной Пруссией. Мы, конечно, знаем, что там создан сильный оборонительный вал. Однако подробностей до сих пор нет. Никаких. Какие типы сооружений? Сколько их и где они расположены? Какие силы стянуты к прусской границе? Ничего этого мы пока не знаем. Таково положение на сегодня, - начал разговор подполковник Русин, едва вызванный им капитан Жарков, повинувшись повелительному жесту, сел на стул. - За последние дни мы послали туда несколько групп. К сожалению, от них нет никаких вестей... Конечно, работать в здешних условиях не сахар. Я это хорошо понимаю. Но... Михаил Николаевич, армия готовится к большому наступлению, и мы не можем, не имеем права оставить ее слепой. Не мне объяснить вам, что каждая строчка сведений, каждый дополнительный знак на разведкарте - это сотни, тысячи спасенных жизней наших солдат и офицеров. Я понимаю, что у вас может возникнуть вопрос, почему это задание, которое под силу лишь армейской, поручается дивизионной разведке. Вопрос справедливый, и я отвечу на него. Во-первых, в разведчиках у нас большие потери. А во-вторых, у разведчиков вашей дивизии - богатый опыт выполнения сложнейших заданий. Именно поэтому я надеюсь, что командира разведгруппы и рядовых разведчиков найду у вас. Мы же можем дать только классного радиста... Вот так, дорогой мой капитан. Что вы ответите на это?

Подполковник неторопливо потер покрасневшие от недосыпания глаза, встряхнул головой, отгоняя навалившуюся усталость, повторил:

- Так что вы ответите, Михаил Николаевич?

Капитан Жарков - невысокий и белобрысый, вроде бы не слыша вопроса, молча разглядывал расстеленную на столе карту. В общем-то, ему, начальнику разведки дивизии, эта карта была хорошо знакома. Не один день просидел Михаил Николаевич над нею, повторяя в памяти выведенные черной краской названия городков, поселков и господских дворов; запоминая извивы голубых жилок, изображающих речки, речушки и каналы; вглядываясь в сине-зеленые наплывы озер и болот; изучал бесформенные пятна лесов, перелесков и рощиц. Местность была сложная. Очень сложная. И в то же время, и капитал отдавал в том себе отчет, каждый ее уголок находится под наблюдением. Кругом вражеские глаза. Укрыться негде... Никогда за всю войну не встречал Жарков более сложного задания!

- Ну так как же вы смотрите на обстановку, Михаил Николаевич? - напомнил подполковник.

Капитан медленно оторвал взгляд от карты. Три раза кряду повторенные имя и отчество сказали ему больше, чем, может быть, того хотел начразведупра армии.

- Товарищ подполковник, я понимаю обстоятельства, заставившие сделать такой выбор, и рад, что пал он на нашу дивизию. Понимаю и значение разведсведений сейчас. Если иных вариантов нет, я готов пойти за линию фронта сам...

Русин поднял голову, настороженно глядя на капитана, будто сомневался – услышал он эти слова, или они почудились ему.

- Ты это что, серьезно? Как это сам? Ты же начальник разведки дивизии!..

Жарков молча потер переносицу, словно отгоняя навязчивые мысли. Он понимал недосказанное подполковником. Мол, чего лезешь не в свои дела? У тебя есть подчиненные. Вот из них и надо подобрать наиболее достойных – опытных, умелых, способных выполнить нелегкое задание. И не только подобрать, но и продумать детали, облегчающие работу посылаемой группы.

«Вот чего я жду от тебя, капитан! – читал Жарков невысказанные мысли Русина. – Именно этого, а не бравого заявления. Знаю, ты смел и отважен. Знаю, ты хитер и находчив. Знаю, что ты способен на подвиг. Ты проберешься во вражеское логово и выполнишь задание, во что бы то ни стало. Но ты – начальник разведки...»

Конечно же, капитан внутренне был согласен с доводами Русина. Он и не посмел бы ему возражать, будь задание хотя бы чуточку проще. Он с милой душой доверил бы это дело лейтенантам, если бы разведку предстояло бы произвести на нашей территории. Там каждый кустик спрячет. Там можно рассчитывать на помощь населения. А в Пруссии – все чужое, все незнакомое и враждебное. Надеяться на пролетарскую солидарность, о которой мы часто вспоминали в самом начале войны, не приходилось. Не то место, не те люди. В Пруссии надо буквально на лету схватывать обстановку, ориентироваться по мельчайшим признакам, уметь использовать любую, самую минимальную возможность, чтобы разобраться, чтобы выяснить все, что составляет суть задания. Осторожность и осмотрительность, наблюдательность и смекалка, выдержка и выносливость – вот что требуется здесь от разведчиков. Надо помнить: там никто не подскажет, не поправит в случае чего. И даже лес – давний друг разведчиков – там становится врагом. А уж о людях нечего говорить. Значит, каждую минуту возможна неожиданность...

В такой обстановке главное – не растеряться. Сумеет справиться с заданием только бывалый разведчик. Жарков, понимая это, не мог предложить иного решения. Не мог, потому что в дивизии сейчас не осталось ни одного офицера-разведчика, имеющего хотя бы годичный стаж. Нелегко дались дивизии сотни километров, с боями пройденные через Смоленщину, Брянщину, Литву. Сейчас начальники разведки полков – молодые лейтенанты. Всего полгода назад сменили они своих старших товарищей, павших в боях или выдвинутых на штабную работу. А самый опытный офицер-разведчик в дивизии – командир роты разведки – неделю назад, провожая очередную группу в тыл врага, напоролся на случайную пулеметную очередь. Нелепая и оттого кажущаяся еще более трагичной смерть! Так самым опытным офицером-разведчиком в дивизии, причем единственным, оказался капитан Жарков. И он знал наверняка: разведгруппу на такую сложную задачу без опытного офицера отправить нельзя.

Работа с картой, умение анализировать увиденное за линией фронта, делать грамотные выводы, исходя из существующей организации немецких войск – это не каждому по силам.

Вот и выходит: хочешь, не хочешь, а самая подходящая кандидатура на командира группы и к тому же единственная – он сам...

Придя к такому выводу, капитан Жарков успокоился. Подняв васильковые свои глаза на замершего в ожидании подполковника, он как можно равнодушнее сказал:

- Я готов пойти...

- Вы? Но объясните хотя бы, почему именно вы?

- Так ведь больше некому, товарищ подполковник, - просто, даже как-то обыденно ответил капитан. – Рисковать новичками я не могу, да и, говоря по совести, не имею права. Морального права. Как человек, как коммунист, наконец. Приказать, конечно, можно. Но это уже формальная сторона. А нам нужно дело. Нужны разведанные. Значит, действовать надо наверняка, не экспериментировать...

Русин несколько секунд помолчал, глядя на паутину разноцветных линий, испещривших карту, потом поднял глаза на Жаркова.

- Михаил Николаевич, я понимаю ваши чувства. Но давайте рассуждать здраво, логично. Прежде всего, не забывайте, что вы сами лично давно не ходили в разведку. А ведь, сами понимаете, как важно сохранить в нелегком этом ремесле живые навыки.

- Разумеется, навыки до некоторой степени мной утрачены. Но я надеюсь на опыт. И давайте откровенность на откровенность, товарищ подполковник. Что вы можете предложить взамен моего варианта? Ведь я знаю: в других дивизиях с разведчиками не лучше. Так что нет смысла отвергать мое предложение. Повторяю, я готов пойти. Только... - капитан на секунду замолчал. – Только одна просьба: группа должна быть самой малочисленной. На мой взгляд, достаточно троих: я, помощник и радист. Большой группе труднее прятаться... Тройка мобильнее дюжины...

- Добро! – минуту помедлив, с видимым облегчением отрубил Русин. – Соглашаюсь с твоими доводами, Михаил. Сколько времени надо на подготовку?

- Если по совести и по правилам – не меньше недели. Но, принимая во внимание обстоятельства, думаю – дня три. Разведчик-сержант у меня есть хороший. А вот радиста жду от штаба армии.

- Радист будет. А теперь давай поколдуем над картой... Подполковник и капитан склонились над расстеленной на столе картой, обмеривая ее циркулем от края до края, обмениваясь одним им понятными фразами, делая пометки...

... Именно та, памятная, трижды в том вечер произнесенная Жарковым фраза: «Я готов пойти!» - до сих пор пульсировала в мозгу капитана. Упрямая и самонадеянная, она сжимала его стыдом. От нее было больно и муторно на душе. «Уверял, что готов, а сам... Так прохлопать, так по-глупому попасться! Как мальчишка, как новичок»... - казнил он себя.

Ныло все тело. Казалось, не осталось ни одной косточки, не переломанной сапожищами битюга-штурмфюрера, когда разведчика схватили.

«Вымещал злобу за пятерых, уложенных мною. Жаль, что так быстро расстрелял все патроны. Надо было хотя бы один побережь – не для себя, так для него», - с запоздалым сожалением думал капитан.

От духоты, наполняющей нагретый под солнцем кузов автомобиля, его мысли начали путаться. В памяти то и дело возникали провалы. Однако Жарков усилием воли заставлял себя снова и снова припомнить подробности случившегося. Ему почему-то казалось, что именно в этом, ускользающем, заключается причина провала. И думалось, что если он найдет причину, все изменится. Как? Этого он еще не знал. Он просто вспоминал...

... Закончили сеанс. Начали сматывать антенну. Она зацепилась за ветку. Дергали уже втроем, изо всей силы. Ветка сломалась. Потом смотали антенну. Осмотрелись – никого. Точно, вокруг никого. Я смотрел вправо. Сержант – влево. Радист упаковывал рацию. Так... Пока возились с этой веткой, пролетело минут десять. Потом быстренько перемахнули через просеку...

Стоп-стоп! А ветка... Куда мы дели эту ветку? Куда мы ее дели? Ну-ка, восстановим события... Значит, так. Радист побежал первым, оттолкнув ветку ногой. Она мешала, валяясь поперек просеки. За радистом, подхватив рацию, бросился помощник. Последним – я. Я пробежал мимо... Пробежал.. мимо! Черт возьми, значит ветка осталась валяться на просеке? Значит, нас выдала именно она – сломанная ветка!?

Сломанная и небрежно брошенная... Это же совсем не по-немецки. Надо было аккуратно поломать ее на равные части и сложить на просеке... Какая непростительная небрежность!..

Капитан прикрыл глаза. Хотя он и установил причину провала, спокойствие не пришло. Сознание вины за этот промах еще больше взбудоражило Жаркова. Уверял, что справится, а сам же и допустил ошибку! Не слишком ли много для опытного разведчика?.. Погубил товарищей, да еще и сам попался в руки этому битюгу!..

Едва Жарков вспомнил о штурмфюрере, в памяти возникло что-то ускользающее, связанное с ним. Усилиями воли капитан стал опять «прокручивать» события только-что закончившегося боя.

... Появилась цепочка фельджандармов с автоматами в руках. Медленно шагают они, внимательно оглядывая каждое дерево. Значит, мимо не пройдут. Цепь захватит группу своим крылом. Попытаться прорваться? Оглушить выстрелами, смять, промчаться мимо. Пока сообразят, перестроятся, организуют погоню...

Капитан поймал на мушку ближнего. Грянул выстрел. Сразу же, с небольшим доворотом – в другого, третьего... Сержант бежал и бил короткими очередями, расчищая дорогу.

И тут из-за дерева выскочил верзила с пистолетом в руке. Щелкнул курок. Магазин пуст! Я замахнулся. Эсэсовец отпрянул, присел, подставляя руку. От резкого движения у него слетела фуражка. Рукоятка пистолета опустилась, но не хрустнул проломленный череп. Под рукоятку попало плечо фашиста. А голова... Стоп-стоп! Светлые волосы, проборчик, одутловатое лицо... Лицо, напоминающее какого-то знакомого. Только кого? Кого оно напоминает?

... Ровно гудел мотор. Машина, то и дело подсакивая на выбоинах, мчалась уже несколько часов. Автоматчики, сидящие возле двери, поначалу настороженно таращили глаза, опасаясь каждого движения схваченного разведчика. Этот непонятный русский был им страшен даже со скрученными руками. Но он сидел спокойно, вроде бы дремал. Это успокаивало. Постепенно солдат начало убаюкивать. Они медленно-медленно кивали носами, потом, испуганно вздрагивая, вскидывали голову. Очнувшись, таращили помутневшие глаза. И снова головы их постепенно клонились книзу. А Михаилу не дремалось. Он все еще пытался разгадать преподнесенный памятью ребус. Мешала тряска. Толчки, броски, рывки отдавались режущей болью в избитом теле. От этого снова и снова рвалась нить памяти.

«Нет, не могу вспомнить. Не могу!» Сжав зубы, чтобы не вскрикнуть, капитан прищурил глаза. Внешне безвольный и равнодушный, безразличный к окружающему, он стал внимательно следить за охранниками. Конечно, бежать он уже не надеялся. В чудеса Жарков не верил. Но он дорого бы дал за шанс получить пулю. Капитан хорошо представлял, как умеют пытать в гестапо. Как выдержать, как устоять под пыткой? Вдруг боль помутит сознание? Вдруг сработает инстинкт самосохранения?

Капитан не боялся смерти, хотя и рановато было погибать в двадцать пять лет. Он боялся не выдержать, проронить хоть одно слово. После этого, даже живой, он был бы мертв для себя, для товарищей...

Но еще больше переживал Жарков за сведения, которые не успел передать по радию. Они остались на карте, а карту капитану пришлось сжечь в последнюю минуту, когда обнаружил облаву.

Теперь эти данные таились только в его памяти. Погибни он, и командование никогда не узнает, что плотины и шлюзы на реках подготовлены к взрывам, что задвижки дамб могут быть подняты в любое мгновение, и тогда тысячи тонн воды хлынут навстречу наступающим войскам... Не узнает командование и о железобетонных колпаках, в шахматном порядке расставленных на угрожаемых участках, и о бетонированных орудийных площадках в фольварках и господских дворах... Не узнает оно и о подтянутых уже резервах. Ничего этого он, капитан, уже не сможет сообщить, как не назовет и номера дивизий и полков, занявших позиции на очередных рубежах обороны...

Луч света, проникающий сквозь крохотное окошко в передней части кузова, за спиной Жаркова, снова и снова выхватывал наглухо закрытые, зарешеченные боковые окошечки, сквозил по фигурам автоматчиков со «шмайсерами» на коленях, то и дело освещал дверь со щеколдой.

Когда машина подпрыгнула на очередной колдобине, капитан неожиданно заметил: язычок щеколды дернулся, чуть-чуть приподнялся, а затем бесшумно опустился вниз. Михаила бросило в жар. Он почувствовал, как вспотели ладони скрученных за спиной рук. «Заметят или нет? Еще такой толчок – и дверь свободна. Рвануться – и была не была!» - Мысли запрыгали, заторопились, засуетились. «Спокойно! – одернул себя капитан. – Спокойно! Думай!»

Думать было над чем. Судьба посылала Жаркову совершенно неожиданный шанс, шанс, который нельзя не использовать до конца. Если не повезет – он просто схлопочет пулю в спину при побеге. Ведь солдаты, будучи в шоке, обязательно начнут стрелять...

Ну, а если повезет? Капитан боялся даже подумать об этом. Убежать! А куда? Со связанными-то руками? Немцы сразу же устроят облаву, и снова поймают... Но при облаве можно тоже получить пулю. Значит, и так, и этак – риск. Зато наверняка немцы лишатся пленного. Не пойти на этот риск – непростительно...

Мысли капитана перебил дикий рев мотора, пронзительный визг тормозов, резкий рывок машины. Автоматчиков, будто катапультой, сорвало со скамеечек, бросило к передней стенке кузова. Только заведенные за спину руки спасли капитана – он крепко ударился затылком о стенку. Спружинивая руками, Жарков успел заметить: выбитая силой удара, щеколда освободила дверь! В ту же секунду, не раздумывая, оттолкнувшись всей спиной, Жарков головой вперед нырнул в проем. Привычно сгруппировавшись в полете, вскочил, едва коснувшись дороги. Мгновение – глаза с фотографической четкостью запечатлели: слева, под небольшим откосом – огромное хлебное поле, окаймленное строчкой высоких деревьев. Еще мгновение – взгляд скользнул по густому лесу, что вдалеке за полем.

«Вперед, парень!» - скомандовал Жарков сам себе.

В следующее мгновение Михаил, будто в воду головой, бросился вниз, в спасительную волну высокой пшеницы. Он бежал, низко согнувшись, чтобы спина и затылок не представляли удобную мишень для охранников. Бежал, и колосья, цепляясь за плечи и локти, с шелестом смыкались над его спиной. Жарков бежал почти не глядя перед собой. Быстрее, быстрее!

Сейчас главное – добраться до леса, пока немцы организуют погоню. Что будет потом, Михаил не думал. Он знал, что новое решение возникнет у него уже там, на опушке леса.

Конечно, для опытного разведчика этот побег, не продуманный до конца, не подготовленный как следует, был опрометчивым. Как бы сказал подполковник Русин – «неоправданный риск». Но Жаркову ничего не оставалось. Другого такого же счастливого стечения обстоятельств может просто не быть...

Капитан продолжал продираться сквозь колосья, хватающие за ноги, петлей перехватывающие шею, цепляющиеся за лохмотья пиджака. Прерывалось дыхание. Во рту жгло. Язык, казалось, распух. Пот заливал глаза. И нечем было смахнуть его.

Как-то вдруг, сразу, навалилась усталость. Она сковала тело. Хотелось упасть – и черт с ним, будь что будет! Но, снова и снова пересиливая себя, Жарков бежал, будто заведенный механизм. Он знал: только в движении его спасение. Стоит только запнуться, он упадет, как подкошенный. Подняться уже не хватит сил... Надо бежать, пересиливая себя. Надо терпеть. Скоро придет второе дыхание!

Автоматные очереди стрекотали за спиной. Пули шмелями свистели то справа, то слева. С резким хлопанием выбивали фонтанчики земли почти под ногами, перебивая стебли пшеницы...

- Выходи, обещаем жизнь! – на чистом русском языке донеслось до Михаила. – Выходи!

РАЗВЕДЧИК МИХАИЛ ЖАРКОВ

Капитан продолжал бежать, шумно дыша и уже не оберегая от шершавых стеблей исцарапанное, исхлестанное ими лицо. А за спиной кто-то невидимый с тупым упорством повторял на чистейшем русском одну и ту же фразу: «Выходи, обещаем жизнь! Выходи, обещаем жизнь!»

Эти слова сверлили мозг. Слушая их, Жарков болезненно морщился, будто нудной, изматывающей болью ему схватило зубы. «Ложь! Наглая ложь! – твердил он себе. – Вот сволочи!». Уж кто-кто, а Михаил Жарков знает немцев. Всяких их повидал. Видел довоенных, мирных, когда сам жил в Таллинне. И тогда

еще понял, что когда немцы живут рядом, по соседству, то они, как правило, бывают порядочными, честными во взаимоотношениях друг с другом. Объяснение этому чисто прозаическое: жить-то рядом! Зато как меняются они, если встречаются с незнакомым, а того более – с человеком, от которого никак не зависят! В этом случае пренебрежение – не самый худший вариант отношений. Если же кто-то скомпрометирован в глазах начальства – это конченный человек! Он, по сути, – вне закона.

Что же касается русских, и вообще славян – для таких немцев они недочеловеки. Об этом сказано в официальных документах, утвержденных фюрером.

То, что сейчас фашисты обещают ему жизнь – точно рассчитанный психологический обман. Кто не поддастся на такую удочку? Как можно не поддаться, если речь идет о жизни! Жить – значит, видеть солнце и деревья, траву и небо. Жить – значит слышать пение птиц и людской говор, плеск волны и шепот листьев. Жить – значит радоваться цветам, наслаждаться запахами весны, наконец, просто-напросто – жить! Как не задуматься, не поверить обещанию, если не знать и не понимать психологию немца? А вот Жарков знает, что обещать русскому можно, исполнять – совершенно не обязательно. Ведь сдерживается слово, данное человеку!..

Конечно, капитан Жарков дорого дал бы, чтобы получить отсрочку смерти хотя бы дня на три-четыре. Но не только потому, что ему хочется жить, испытывать радость жизни, которой не по своей вине не довелось ему пока что испытать. Дело было в другом. Дело было в долге, в могучем «надо». Михаилу Жаркову надо было во что бы то ни стало добраться до своих. Ведь теперь никто, кроме него, не может сообщить подполковнику Русину сведения, так необходимые штабу армии. Те самые сведения, которые нанесены были на сожженную карту. Те самые сведения, ради которых погибли сержант Белов и молодой радист Саша. Те самые сведения, ради которых сейчас подвергается смертельному риску сам капитан. Эти сведения в его памяти, в его мозгу.

Огромна, невыносимо огромна их цена. Или армия спасет жизни тысяч, или заплатит ими сполна, пробиваясь через этот проклятый муравейник, через эту напичканную железом и бетоном полосу земли.

Еще с того момента, как Михаила Жаркова забросили в кузов автомашины, он никак не мог понять, почему «провалились» разведчики, что стало причиной тому. Все больше и больше мысль его утыкалась в один и тот же факт: небрежно брошенная ветка.

В этот злополучный день капитан Жарков уже не один раз возвращался в мыслях к тому случаю, клял свою неосторожность и выдавшую разведчиков ветку, думал о павших боевых товарищах, но больше всего сокрушался он о неиспользованных возможностях, «козырях», как любил подчеркнуть начальник разведотдела армии.

Козыри, на которые рассчитывали Михаил Жарков и подполковник Русин и о которых они долго толковали в тот памятный вечер в штабе, были на самом деле серьезные, убедительные.

Прежде всего, Михаил Николаевич прекрасно знал немецкий язык. Он отлично разбирался в привычках и обычаях немцев, да и сам похож был на обыкновенного заурядного немца. Для разведчика такое сочетание значило немало! Но... не повезло! «А могло быть иначе?» - в который уж раз задумывался Жарков. – «Могли ли быть другие шансы?»

Капитан теперь уже с сожалением думал, что, может быть, надо было согласиться с предложением подполковника – нарядиться в егерскую форму? Тогда группа могла сойти за усиленный лесной патруль. Правда, неизвестно, как пришлось бы объяснять вторжение в чужие владения, если бы встретили настоящего егеря, хозяина этого леса... «Правильно ли я поступил, не послушав совета?!» - мучился сомнением капитан.

Вспомнив советы подполковника, Жарков как бы приоткрыл для себя пропущенные, для него несущественные тогда подробности долгого разговора, когда он пытался убедить подполковника послать в разведку именно его. Капитан заново восстанавливал в уме свои доводы и возражения Русина.

- Михаил Николаевич, - говорил Русин, - вы же знаете, что Восточная Пруссия – территория перенаселенная. На каждом шагу городки, деревеньки, господские дома. Неминуемы нечаянные встречи с жителями...

- Правильно, - поддерживал его Жарков и тут же приводил свои аргументы. – Только такая встреча завершится провалом разведчика, внешность и поведение которого будут отличаться от внешности и поведения типичного жителя этих мест. Провалом завершится такая встреча, если разведчик не сможет говорить по-немецки. А я гарантирован от такой неудачи...

«Гарантирован... - горько усмехнулся Жарков, вспоминая эту хвастливую фразу. – Вот тебе и гарантия. Самонадеянный глупец!»

Второй раз в жизни ругал себя Жарков именно такими словами. Первый раз – в далеком детстве, памятном ему до сих пор.

Жили Жарковы тогда в небольшой чистенькой комнатке почти у самого залива Копли, в Таллинне. Памятные картинки того времени – Миша сидит на коленях отца, бывшего солдата. Отец рассказывает о памятных боях и походах. Говорит неторопливо, попыхивая трубкой. А рядом сидит счастливо улыбающаяся мать с каким-то рукоделием в руках...

Из таких вот неторопливых бесед узнал Михаил, что отец его был не просто солдатом, а неплохим солдатом. Воевал в первую мировую. За лихие штыковые атаки вручил ему на поле боя Георгиевский крест старенький генерал, командир стрелкового корпуса. Но где-то в перелесках под Гумбинненом, в Восточной Пруссии, рванул неподалеку от идущей в атаку цели снаряд. И очнулся солдат Николай Жарков а Ревельском госпитале. Нogu ему спасли. А хромота осталась на всю жизнь.

Так и списали молодого солдата Жаркова из армии вчистую. Домой, на Рязанщину, он не поехал. Остался в Эстонии, в Ревеле. Поступил работать слесарем на судоремонтный завод Беккера. Очень уж не хватало тогда рабочих рук. А вскоре встретилась ему молодая и красивая эстонская девушка Линда...

Мать!.. При одном упоминании о ней Михаил как бы ощутил ласковое прикосновение ее теплых ладоней. Услышал ее удивительно мягкий голос. Жарков не помнит случая, когда бы мать сердилась на него или ругала отца. Тихая, незаметная, неизменно ласковая, она, управившись с делами по дому, принималась обучать Мишу эстонскому языку. Непривычно мелодичный, он поначалу давался Мише с большим трудом. Потом, правда, сам не заметил, как наловчился не только говорить, но и думать по-эстонски...

... Мысли капитана перескакивали с эпизода на эпизод полузабытого уже детства. В очередном эпизоде он вспомнил вдруг белобрысого увальня - немецкого мальчика Отто. Так уж получилось, что в те годы рядом жили не только русские и эстонцы, но и немцы. Много их осталось в Ревеле с незапамятных времен. Говорят – с крестовых походов тевтонских рыцарей на Прибалтику. И нет ничего удивительного в том, что когда Миша пошел в школу, он в первые же дни подружился именно с немецким мальчиком, сыном лавочника с соседней улицы.

Нельзя сказать, что семья лавочника была в восторге от такой дружбы. Отец мальчишки сразу же заявил, что не потерпит у себя дома «этот грязный русский поросенок».

Тогда мальчишки пошли на хитрость: они не очень-то показывали другим, что дружны. Особенно в присутствии взрослых. А вот когда ни родителей, ни вообще взрослых рядом не было, с увлечением играли в казаков-разбойников, в прятки и пятнашки, копались во всяком металлическом хламе, которого у Мишкиного отца было вдоволь. Но чаще всего изображали занятия в школе.

Обычно Отто - так звали немецкого мальчика - старательно выговаривая русские слова, называл попадавшие на глаза предметы, а Миша повторял их, только уже по-немецки и по-эстонски.

Вот так, в общем-то, играючи, оба вскоре научились говорить сразу на трех языках – бегло и довольно чисто. В дом друг к другу мальчишки старались не ходить. Чаще всего, закончив школьные занятия, они убегали к памятнику - броненосной лодке «Русалка», что находится возле парка Кадриорг. Там, на низком песчаном берегу, они бегали взапуски или загорали под скудным северным солнцем, а то заплывали к далеким, выступающим из воды камням. Вылезали на их теплые скользкие спины и блаженствовали. Ни до кого им не было дела, как, впрочем, и другим до них.

Такая детская дружба продолжалась довольно долго.

- Ну, как, не поссорились еще? – не раз допытывался отец у Миши. – Неужто ни разу не поругались?

- А чего мы с ним не поделили? – недовольно отвечал мальчик. Миша никак не мог понять, почему он должен поругаться, поссориться с Отто. Из рассказов отца Миша, вообще-то, знал, что у взрослых всегда найдется много поводов для ссор, даже для вражды. Ну, это-то как раз понятно: одни люди живут бедно, еле сводя концы с концами, обходятся порой куском хлеба с похлебкой. Другие каждую неделю едят мясо, может быть, и каждый день! В Мишкином представлении это было верхом достатка. И уж совсем роскошно жилось тем, чьи дети приносили в школу шоколад в блестящих обертках. Удивлялся им Миша, но не завидовал.

«Ну и что из того? – рассуждал он. – Мой отец - простой слесарь. У Отто отец – лавочник. А у Эвальда – полицейский. Они же богаче моего отца. Вот и едят лучше. Так и должно быть. Каждому – свое».

- Нет, сынок, так быть не должно! – будто подслушав мысли Михаила, завел с ним как-то разговор отец. - Пойми, сынок, каждый должен получать столько, сколько вкладывает сил в работу. Это несправедливо, что лавочник наживается за наш счет. Какую он заломит цену, столько и платим. Вот и подсчитывает дармовые капиталы, хотя труда-то у него - поклониться, да «чего изволите?» спросить. Или взять того же полицейского. Он разве работает? Ходит по ратушной площади, посвистывает в свисток, чтобы не толпились люди, да побрякивает шашкой. Работы-то! А платят ему куда больше, чем рабочему, который целый день стоит за станком. И потому платят много, что он хозяев, богачеев охраняет от таких, как мы. Как бы неприятностей не было! Вот это, Миша, и называется неравенством. И поверь мне, настоящей дружбы между такими людьми быть не может...

- Э-э, батя, - не согласился тогда Миша. – Но мы-то дружим. И Отто, и Эвальд, и я. Что-то ты неправильно говоришь!

- Молодой ты еще, сынок. Опыта жизни у тебя мало. А я уверен, что дружба ваша до поры. Это пока никто из вас не задел интересы другого. Посмотрим, что будет, когда дело коснется чьего-либо добра!

Отец словно в воду глядел...

Однажды Миша вернулся домой избитым, весь в синяках.

- Что случилось? - забеспокоился отец. – Где это тебя угораздило?

- Сыночек мой, кто это тебя? – тихонько заплакала больная мать, лежавшая в постели. – Кто тебя?..

- Господин Ланс, отец Отто... - нехотя буркнул Миша.

- А за что?

- Да мы с Отто нарвали маме цветов...

- Ну, кровопивец! – скрипнул зубами Жарков-старший. – Обеднял он из-за букета. Ничего, сынок, мы ему это еще припомним. Придет наше время!

Так Миша Жарков предметно получил первый урок политграмоты. Кулаки господина Ланса заставили мальчишку посмотреть на мир другими глазами.

- «Глупец, какой же я глупец! – корил себя мальчишка. – Кому поверил? На что надеялся? Да они за свое добро глотку перегрызут!..»

После этого Михаил более внимательно вглядывался в жизнь, не переставал удивляться, мол, как это не замечал раньше, сколько вокруг несправедливости и подлости, сколько унижений и обид. Будто ходил до этого в розовых очках, видел все в какой-то дымке. Люди-то, оказывается, совсем разные. Не только добрые, как мама, или строгие и внимательные, как отец. Есть злые и надменные, есть жадные и нечестные...

Понял Михаил, что судить о человеке надо не по его словам, а по поступкам. А еще понял мальчишка, что прежде чем довериться другому, надо узнать, чем живет тот человек, что за характер у него, чего от него можно ожидать, на что он способен.

Порой для этого достаточно было один раз поглядеть в глаза. Правда, как он это понял позднее, иногда не хватало и многих месяцев, чтобы разгадать человека...

Когда к власти в Эстонии пришли фашисты, пареньку исполнилось пятнадцать лет. Заметно возмужавший, вытянувшийся ростом, с копной русых волос, Михаил рядом с отцом выглядел вполне взрослым.

- Я, пожалуй, пойду на завод! – заявил он однажды отцу.

- Правильно, сынок! – одобрил тот. – Для рабочего человека хватит и семи классов образования. Остальное получишь в школе жизни...

В токарном цехе, куда Михаила Жаркова приняли учеником, жужжали электромоторы, визжали сверла и фрезы. Около станков, расставленных ровными рядами, стояли рабочие. Никто не разогнул спины, не оторвал глаз от сливающейся в спираль сизой стружки. Никто вроде бы не заметил прихода юноши.

Но вот прогудел сиплый заводской гудок. И тотчас, будто поперхнувшись, замолчали станки. Доставая из висящих рядом со станками сумок бутылки с молоком и бумажные свертки, рабочие потянулись к стоящему поодаль небольшому столу.

- Ну что, парень, пришел в рабочий класс? – проходя мимо, спросил Михаила пожилой мужчина в круглых очках, прихваченных на затылке черной тесемкой.

- Не робей, научим делу! – хлопнул его по плечу молодой парень, в улыбке показавший крупные белые зубы.

- Зовут-то как? – осведомился парнишка таких же, как Жарков, лет.

- Мишка, Михаил...

- Петр прав, - снова подал голос пожилой. – Не робей. Держись нас. В обиду не дадим. Ты чей будешь-то?

- Жарков.

- Не Николая ли Жаркова сын?

- Его...

- Вот это хорошо. Приятно познакомиться, - обрадовался белозубый. – Вечерком домой вместе пойдём. Нам как раз по пути...

За разговором дорога к дому, хотя шли они пешком, показалась короткой. И разговор, как потом вспомнил Михаил, был какой-то бессистемный. То об одном, то о другом. Вроде бы, приглядывался к нему Петр.

- Дружишь-то с кем?

- Друзьями назвать не могу, встречаюсь с Отто Лансом и Эвальдом Пирном...

- Кто это такие?

Выслушав, долго молчал, что-то соображая. Потом улыбнулся задорно.

- А что, может быть это и хорошо. Ты, приятель, отношения с ними поддерживай... Батя-то как поживает? – тут же перевел он разговор.

- Ничего. Работает...

- Ну, где он работает, я знаю. Хорошо знаю...

Так и расстались в тот вечер Михаил с Петром, вроде бы поговорив обо всем и ни о чем. А через несколько дней Петр подозвал его.

- После смены пойдём в гости.

- К кому?

- Потом узнаешь...

Идти надо было совсем недалеко. На следующей же улочке, под углом вышедшей к шоссе, ведущему в Копли, они постучались в дверь небольшого домика под железной крышей.

- А-а, это ты, Петро? – открыл дверь какой-то паренек. – Проходи.

В первой комнате не было никого. Из второй доносились неясные возбужденные голоса. «Вечеринка, что ли?» - подумал Михаил.

- Пришли. Добро! – поднялся из-за накрытого стола пожилой, знакомый Жаркову рабочий. – Садитесь, ребята.

Михаил осмотрелся по сторонам. Если считать вместе с ним, в комнате было шестеро. Остальные, кроме Петра и пожилого, незнакомы. Хотя, вроде бы где-то встречались. Возможно, на заводе.

- Так вот, Михаил, - откашлявшись, продолжил пожилой. - Собрались мы здесь не на посиделки-вечеринки, а на заседание революционной подпольной группы. Буду краток: твоего отца мы хорошо знаем, к тебе за эти дни пригляделись. Считаю, что ты вполне подходишь для нашей организации. А дело вот в чем. Ты хорошо владеешь эстонским и немецким. Знаком с некоторыми людьми из нынешних хозяев. Это очень важно. Нам надо больше знать о том, какие среди них идут разговоры, какие планы строятся. Обстановка за последнее время очень изменилась. Эстонские фашисты создают так называемые отряды кайцелигов, им помогают немецкие обыватели. Они что-то замышляют. Наверняка, против нас - рабочих и бедноты. Между тем из сообщений по радио, если вдуматься и анализировать, можно понять, что назревают большие события. Нам хотелось бы, чтобы ты больше сдружился с Пирном и Лансом, с их друзьями. Надо проникнуть в их тайны... Разумеется, для них ты должен стать своим, чтобы они тебе доверяли...

... В компанию Ланса Михаил попал довольно легко. Видно, Отто чувствовал себя в какой-то мере виноватым за отца, избившего Михаила несколько лет назад, поэтому представил он Жаркова своим приятелям, как сына немецкого колониста, недавно приехавшего из провинции. Мол, семья его небогатая, но воспитанная в истинно арийском духе... Этого для начала оказалось вполне достаточно.

А вот сблизиться с Эвальдом долго не удавалось, хотя тот хорошо знал Линду Жаркову, знал ее богатых родителей.

Помог случай. В последнее время к Михаилу частенько стал навещать паренек из слесарного цеха. Невысокий, остроносый, щупленький, со странными зеленовато-серыми бегающими глазами. Постоит неподалеку, перебирая беспокойными пальцами пуговицы пиджака, постоит и уйдет, так и не решившись ничего сказать. А однажды не выдержал все-таки, подошел в перерыв, тронул Михаила за рукав.

- Миша, дело есть!

- Чего надо?

- Отойдем в сторонку...

- Ты знаешь, - заторопился паренек, едва зашли они в пустую еще курилку, - надо бы хозяевам насолить. И я знаю, как это сделать. Можно станок испортить или кое-какие инструменты стащить... Я же знаю, ты в организации, вот и выполним задание организации. За братьев наших - рабочих!

- Ты чего это говоришь? – возмутился Жарков. – Какая организация? А вот насчет инструмента – это ты здорово. Пригодится инструмент. Ладно, обмозгуем это дело. Завтра встретимся... Здесь же.

Еле дождался Михаил, пока прогудел заводской гудок. Бросился к Петру. Рассказал о разговоре с тем парнем.

- Чую, пахнет провокацией. – заинтересовался Петр. – Ничего сам не делай. Завтра ответ дам – посоветуюсь с руководством. И о том паренке справку наведу...

- Так вот, дружок, - встретил его наутро Петр неподалеку от проходной. – Парень тот – «подсадная утка» полиции. Расчет такой: станок выведешь из строя, вместе с тобой арестуют группу рабочих нашего цеха. Постараются обезглавить организацию. То же самое с инструментом.

Но здесь вариант возможен. Мы решили, что ты дашь согласие, а сам сообщишь о готовящемся воровстве в полицию. Тем временем мы субчика того схватим с поличным и передадим властям. Так что лопнет афера-то...

Так и сделал Михаил. Согласился с планом остроносенького. А вечером, после работы, зашел к Эвальду, взволнованный, таинственный.

- Дома отец?

- Зачем он тебе?

- Посоветоваться.

- В участке еще. А что стряслось?

- Да вот, штука какая... - начал рассказывать Жарков.

- Слушай, а ты молодец! – обрадовался Эвальд. – Не ожидал даже. Бежим к отцу!..

Вечером следующего дня торжествующий Пирн-страший вел от заводской проходной схваченного рабочими «воришку»...

Начальство, разумеется, поблагодарило своего бдительного и предприимчивого служаку-полицейского, ни словом не обмолвившись о том, что за «птица» им изловлена. А довольный Пирн-старший резко изменил свое мнение о Жаркове-младшем. И даже в разговоре с сыном заметил:

- Неплохой парень - этот Михаил. С ним можно иметь дело...

С того дня Михаил Жарков стал если не своим среди кайцелитов, то уж отношение к нему явно улучшилось. Конечно, в организацию вступить он не мог, так как работал на заводе. Но именно это обстоятельство неожиданно помогло. Вероятно, молодым фашистам лестно было иметь в своем активе рабочего человека. Словом, они ничего не имели против его довольно частных приходов по вечерам. «Проверенному» полицейской службой они доверялись больше и больше. Чаще и чаще слышал Михаил обрывки разговоров, которые интересовали комитет. Не подавая вида, что это для него важно, Жарков иногда подхватывал разговор. Чаще же отмалчивался...

Когда грянули июньские дни сорокового года, оставшиеся еще немцы срочно убыли в Германию. А вот кайцелиты так и не смогли помешать приходу к власти народного правительства. Может быть, в том есть маленькая заслуга и Михаила? По крайней мере, его помощь оценили по достоинству.

Когда Советская власть установилась, Михаила вызвали в Центральный комитет партии.

- Пойдете на специальные курсы, - твердо сказали ему. – Республика пока еще становится на ноги. Ей нужны кадры, хорошо знающие местные условия, понимающие национальные обычаи, владеющие эстонским языком. Предстоит большая работа: очистить республику от явных и тайных врагов...

- Раз надо, пойду, - только и ответил Михаил.

Учеба у него шла неплохо. Все отчетливее и отчетливее представлял Жарков, как будет строить работу с людьми в городах и на хуторах, с каким словом будет обращаться к рабочим и трудовому крестьянству, к жителям затерявшимся в лесах хуторов. Теперь Михаил хорошо понимал сокровенные мечты и надежды каждого из них. В глубине души парень надеялся, что поймут люди и его. Но... грянула Великая Отечественная война.

С первых же дней ее Михаил Жарков оказался в контрразведке. Вот когда столкнулся он с коварством и изворотливостью врага, с прямо-таки артистическим умением шпионов и диверсантов, с которыми ему доводилось встречаться довольно часто,- перевоплощаться, прятаться под любую личину.

Обстановка в первые же месяцы войны заставила Михаила Жаркова перейти в разведотдел одной из дивизий, оборонявших Таллинн. А положение там в августе сорок первого сложилось тяжелое. Обескровленные советские части вместе с отрядами сошедших с кораблей моряков и ополченцами насмерть стояли в предместьях эстонской столицы. Этот древний красивый город, ставший важнейшим морским портом и главной базой Балтийского военного флота, сражался мужественно, держался стойко. Однако к фашистам ежедневно прибывали пополнения. Гитлеровцы явно готовились к штурму города.

Надо было разведать обстановку, уточнить места сосредоточения фашистских частей. На это опасное, рискованное задание вызвались пойти три матроса-балтийца.

Темной ненастной ночью, ползком, а кое-где короткими перебежками, прошмыгнули моряки за передовую, во вражеский тыл. Но как осторожно не пробирались они, треснувшая под ногой сухая ветка выдала их. Фашисты обнаружили смельчаков. Началась перестрелка. Что могли противопоставить врагу герои? Три винтовки, да полдюжины гранат. А против них – сплошной автоматный ливень. Погибли боевые друзья матроса Евгения Никонова, а сам он был ранен. Моряка, обессилевшего от потери крови, схватили фашисты.

- Где расположены ваши части? Какова их численность? – начал допрос гитлеровский офицер.

Изнывающий от боли и жажды, матрос молчал. Заметив страдания моряка, офицер стал предлагать ему воду и перевязку ран в обмен на сведения, пообещал сохранить жизнь. Однако Евгений Никонов молчал. И тогда фашисты, только что обещавшие сохранить моряку жизнь, принялись колотить тело матроса ножами.

- Говори, иначе расстреляем!

Выдерживая мучительную боль, израненный матрос Никонов продолжал молчать. И тогда озверевшие гитлеровцы выкололи моряку глаза, затем прикрутили его колючей проволокой к дереву и развели под ним костер...

Услышав нечеловеческий крик: «Отомстите!», балтийцы поднялись в атаку и отбросили фашистов. Только что прибывший на передовую лейтенант Михаил Жарков тоже увидел героя. Моряк, окровавленный и обгоревший, лежал в окружении боевых друзей, поклявшихся отомстить извергам...

Мысленно поклялся с ними и Жарков.

А сегодня он снова услышал обещание фашистов сохранить жизнь. Цену таким обещаниям Михаил уже знал. Очень хорошо знал...

«Крепись, капитан! – приказал он сам себе. – Не поддавайся. Надо вырваться из кольца. Надо пробиться к своим!»

ТАИНСТВЕННАЯ ЧАСОВНЯ

- Выходи! – продолжали кричать вслед капитану. – Выходи. Стрелять не будем!

«Та-а-к, - заскрипел зубами Жарков, - значит, хотите взять живьем? Ну, уж нет, не для того я бежал!»

Задыхаясь и чувствуя, что сердце бьется в груди, будто колокол, что оно вот-вот лопнет от огромного напряжения, Михаил продолжал бежать, бежать изо всех сил. Он понимал: надо, во что бы то ни стало, выдержать, перетерпеть. Скоро придет второе дыхание и тогда станет легче. Такое с ним уже случалось.

... Было это зимой сорок первого года, в декабре. Тогда Михаилу Жаркову, совсем еще молодому разведчику, довелось воевать под Ленинградом. Шли первые, а потому и самые тяжелые месяцы позиционных боев. Почувствовав, что оборона на подступах к городу прочна, гитлеровцы зарылись в блиндажи, доты и дзоты. Если с осени они делали попытки штурма города, то зимой их активность резко снизилась.

Советскому командованию надо было уточнить, какими силами располагают фашисты под городом, какую систему укреплений создали они там. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы кольцо блокады сомкнулось вокруг города революции, задушило героев голодом и холодом.

Дивизии, в которой служил тогда лейтенант Михаил Жарков, предстояло взять языка. Причем, не рядового. Нужно было захватить офицера, желательно штабиста. Ведь только такой мог дать нужный ответ на интересные советское командование вопросы.

Разумеется, искать такого языка в линии дотов и дзотов, на передовой, - напрасные хлопоты. Поэтому перед командиром разведроты поставили задачу конкретную и жесткую: скрытно пробраться через линию фронта, углубиться в тыл врага километров на 25-30 и выйти к деревеньке, где по предположениям находился штаб немецкой дивизии.

Нарядившись в белые маскхалаты, группа разведчиков темной декабрьской ночью выскользнула из окопа передового охранения, отрытого возле замерзшего уже болота. До камышей добирались ползком, волоча за собой лыжи. Потом, когда стена камыша укрыла разведчиков от глаз своих и чужих наблюдателей, бойцы стали на лыжи. Лед держал хорошо. По сухому рассыпчатому снегу, устлавшему его с утра, лыжи скользили легко. Разведчики без особого напряжения пересекли все болото, так и не встретив гитлеровцев. Вероятно, фашисты надеялись на его непроходимость. И только на берегу, неподалеку от деревеньки, по едва заметному запаху дыма эрзац-сигарет разведчики обнаружили вражеский пост. Немецкие солдаты, привыкшие уже к спокойной жизни на болотистом участке, перекуривали, вполголоса обмениваясь короткими фразами.

- Франц, как себя чувствует твой нос? – уловил лейтенант Жарков простуженный басок невидимого солдата.

- О-о, Карл, этот ужасный русский мороз! – отвечал ему другой. – Я уже не чувствую пальцев...

- Так спрячь руки в рукава, отогрей.

- А что скажет господин обер-ефрейтор?

- Он в такой мороз не вылезет из блиндажа!

Лейтенант Жарков повернулся к замерзшему в ожидании командиру роты.

- Этих можно легко взять, товарищ капитан!

- Обойдем! Они же ничего не знают. Это не языки!

Группа разведчиков, будто призраки, медленно и неслышно скользнула в ночную тьму. Теперь они шли по кромке болота, огибая деревню, показавшуюся километрах в двух слева. Смутно серели деревенские избы. Ближе к окраине выделялся большой пятистенный дом под железной крышей. Метрах в ста от околицы четко отпечатывалась на снегу темная полоса кустарника. Она тянулась почти до самого болота.

Идти дальше было опасно. Вот-вот наступил рассвет. На востоке, в стороне фронта, уже появлялись красноватые полосы, очерчивая контуры низких туч. Еще немного, и они осветят поле, болото, полосу кустарника. Надо прятаться. А куда?

- Зароемся в снег среди кустарника, – решил командир группы. Так и сделали. Целый день лежали бойцы в наскоро приспособленной снежной нише. Только поздно вечером выделенные для захвата языка перебрались в сугроб, что намело за сарайчиком возле штабного дома. И снова пришлось лежать разведчикам почти сутки. Весь день к штабу подъезжали автомашины и мотоциклы. То и дело раздавались команды - сменялись часовые. С каждым часом прояснялась обстановка. Теперь Жарков точно установил график и порядок смены, пароль и отзыв. Он даже мог отличить по росту и голосу часовых ночных смен. А на следующую ночь повезло. Пошел обильный снег. Как видно, зарядил он на целые сутки. Стало теплее, и бойцы повеселели.

С вечера в штабе собралось несколько офицеров. Играли патефон и губная гармошка, слышались пьяные песни и крики. Ближе к полночи с крыльца дома спустился изрядно подвыпивший офицер в шинели нараспашку. Постоял, покачиваясь, возле часового, потом неуверенными шагами двинулся к сараю. Дальше ждать было нечего. Язык сам шел в руки.

- Берем! - скомандовал Жарков.

Тотчас один из бойцов, беззвучно выскользнув из-за сарая, взмахнул кинжалом. Часовой мешком свалился наземь. Подоспевший второй боец подхватил его под руки и втащил в сарай.

Когда Жарков шагнул в дверь, мгновенно отрезвевший фашистский майор стоял уже с кляпом во рту и бессмысленно таращил глаза.

- Вперед! Пленного на лыжи!

Группа поспешила к линии фронта. Командир надеялся, что снегопад поможет, укрыв следы. Все сошло бы хорошо, если бы оправдался расчет на опьянение фашистов. Но те довольно скоро хватились «пропажи». Вслед за разведчиками устремилась погоня. Ломать голову над тем, куда девался майор, немцам не приходилось. Буквально от штаба начинался лыжный след, местами чуть затянутый свежесвыпавшим снегом. Вел он напрямиком к линии фронта...

Только часа через три командир разведгруппы, осознав свою ошибку, разделил группу. Меньшая, что с пленным, возглавляемая капитаном, сразу же свернула в сторону. Расчет был прост: ее следы быстрее заметет, немцы бросятся за основной группой, группой лейтенанта Жаркова, продолжавшей путь к линии фронта.

Командир резонно предполагал, что фашисты подумают: разведчики, спеша доставить пленного за линию фронта, обязательно отправятся кратчайшим путем. Значит, они, действительно, будут преследовать основную группу – группу Жаркова и его напарников.

Тем же, идущим налегке, надо было, как можно правдоподобней отвлекать погоню от группы с пленным. И бойцы старались. Устраивали короткие «привалы». Оставляли по пути малоприметные следы с тем, чтобы фашисты не заподозрили обмана. То «неосторожно» задевали покрытые снегом ветки деревьев, то роняли обугленную спичку, то «случайно» падали. В общем, имитировали поспешность...

Фашисты клюнули на приманку.

Ночь была уже на исходе. Снег – глубокий и рыхлый. Идти становилось все труднее. Мешала темнота. Тормозили, зарываясь в снег, лыжи. Немцам это было на руку. Они-то шли по проторенной разведчиками лыжне. Расстояние медленно, но неуклонно сокращалось. Фашисты нагоняли группу. Это выяснилось совершенно неожиданно. Выйдя на опушку крохотного леса, лежащего в километрах двенадцати от линии фронта, Михаил Жарков наклонился поправить ремешок крепления на правой лыже. Привычно скользнул взглядом за спину – шел концевым - и внутренне похолодел. В километре, не больше, из-за редкого березняка хорошо видимая в свете выглянувшей луны выкатилась цепочка лыжников. Было очевидно: шли на перехват группы, но не рассчитали, немного отстали. Шли ровным и сильным шагом. По всему чувствовалось – натренированные, опытные спортсмены.

- Быстрее! Настигает погоня! – крикнул Жарков идущим впереди бойцам и налег на палки, отталкиваясь всем телом. Но полтора десятка километров, оставленных за спиной, уже сказались. Установившийся ритм бега не так-то просто было сменить. Дыхание сразу сбилось. Пересохло горло. Сердце заколотилось так, что ему стало тесно в груди. Хриплое дыхание вырывалось с трудом. Ноги передвигались автоматически, казалось, не подчиняясь человеческой воле...

Между тем немецкие лыжники продолжали приближаться, однако не стреляли. Вероятно, имели приказ - освободить пленного во что бы то ни стало, причем вернуть его живым. Возможно, они хотели заодно взять и разведчиков – тоже живыми. Шла молчаливая гонка, призом в которой была жизнь.

С детских лет знал Жарков, что догонять намного легче, чем убежать. Это ведь совершенно естественно. Когда видишь перед собой спины убегающих, возникает желание догнать. Кровь из носа, а догнать! А еще – удобнее соразмерять свои возможности, свои силы. В конце концов включаются какие-то дополнительные, неизвестно откуда берущиеся силы. Захватывает азарт погони. Но когда погоня идет за тобой...

Самое тяжелое – ты не видишь, как изменяется разделяющее тебя и противников расстояние. Как сопоставить силы? Идти ли с прежней скоростью или выложиться полностью, лишь бы оторваться? Поминутно оглядываться – последнее дело. Дергаешь нервы, теряешь ритм, сбиваешь дыхание. Такого вот – издерганного и обессиленного – можно брать, как куропатку.

Сделав внезапный, никак не подготовленный рывок, Жарков совсем лишился сил. Ноги словно налились свинцом. Лыжи тянули, будто к ним прицепили пудовые гири. Дыхание вырывалось с хрипом и свистом. Было невыносимо тяжело. И с каждым метром становилось еще тяжелее. Казалось, еще сто, от силы – сто пятьдесят метров, и все. Дальше не шагнуть ни шагу.

Где-то в подсознании забила уже мыслишка: «А черт с ним! Куда еще бежать? Надо ложиться и отстреливаться...»

В этом была определенная логика, и Жарков именно так бы и поступил. Но неожиданно обожгла простая мысль: «А сумеем ли отбиться?»

В группе было всего семь разведчиков. Как только немцы перебьют всех, они сразу же убедятся, что пленного здесь нет, и тотчас бросятся в погоню за основной группой. Вернее всего, просто отрежут ее от линии фронта. И тогда все труды разведчиков пойдут насмарку!

«Нет, надо бежать, бежать до конца!»

Лейтенант видел, что не легче приходится и его подчиненным, что они тоже на пределе сил. Однако Жарков бежал через «не могу», скрипел зубами, преодолевая себя...

И вдруг произошло что-то неожиданное: словно заменили легкие – стало дышать свободнее, легче. И с ног будто бы оторвались гири.

Обретая второе дыхание, разведчики, постепенно наращивая скорость, ускользнули, ушли от погони. Вот когда, уже отчаявшиеся догнать их, преследователи открыли огонь. Опоздали! Уже близка была линия окопов, и грохнули орудия, прикрывая группу. Кое-кого из бойцов все-таки задело пули и осколки. Но Жарков в тот раз вернулся без единой царапины... А через сутки возвратились остальные разведчики вместе с пленным офицером.

Второе дыхание спасло Жаркова в том декабрьском поиске. Придет ли второе дыхание сейчас?.. «Должно! – уверял себя капитан. – Должно, пока есть хоть один шанс!».

А такой шанс был. И состоял он в том, что гитлеровцы потеряли много времени. Во-первых, пока разбирались в происшедшем там, в машине. Во-вторых, пока прочесывали хлебное поле автоматным огнем. Именно в эти драгоценные минуты, подаренные ему гитлеровцами, Жарков оторвался от них метров на четыреста. Для него, хорошего спортсмена, это было неплохо. Теперь оставалось надеяться на приближающиеся сумерки. Вряд ли фашисты будут искать его в темноте. А ведь Жаркову такой перерыв на руку. Осмотреться надо, передохнуть, найти новое решение.

Почти весь оранжевый диск солнца скрылся уже за частоколом леса. С каждой минутой он скатывался ниже, к горизонту. До темноты осталось совсем немного. «Надо удержаться. Надо вытерпеть, – поддерживал себя капитан. – Только не останавливаться. Бежать и бежать. В этом спасение...»

Хлебное поле кончилось внезапно. И, выскочив на открытое место, Жарков на мгновение растерялся: будто он голый – открытый для взглядов и пуль. Капитан остановился, озираясь, а мысль продолжала работать четко, решительно, как бы самостоятельно, независимо от Жаркова.

«Укрыться! Немедленно! И бежать!»

Жарков круто свернул влево, туда, где деревья стояли погуще, поплотнее. На бегу прислушался. Если слух не обманывал его, голоса преследователей и выстрелы звучали теперь уже с двух сторон. Было похоже, что немцы пытаются окружить его.

«Ну, уж нет! Дудки!» Жарков нырнул в спасительную зелень и помчался дальше, каждым нервом, каждой клеточкой ощущая, что опасность все еще недалеко. Она просто чуточку отступила, замешкалась вместе с погоней.

Капитан бежал и бежал, продолжая анализировать происходящее, лихорадочно отыскивая единственно верное решение. То, что на это отведено всего лишь несколько минут, капитан понимал, ощущал каждой своей жилкой. «Поначалу стрельба раздавалась далеко позади, – в который уж раз прикидывал Жарков. – Там, где я выпрыгнул из машины, видимо, гитлеровцы стреляли, не сходя с шоссе. Стреляли, в общем-то, неприцельно. То ли не знали точно, куда целиться, то ли специально так делали. Вдруг не выдержу, испугаюсь, возвращусь, чтобы сдаться... Потом, когда убедились, что этого от меня не дождутся, бросились в погоню. Сейчас пытаются зажать в клещи...»

Голоса и автоматные очереди постепенно умолкали, уходя правее. Потом затихли вообще. Поняв это, но еще не осознав до конца, капитан внутреннее насторожился... К чему бы это? В чем причина? Предположим, погоня сбилась с пути... А, может быть, фашисты придумали какую-то новую хитрость?»

Но размышлять об этом у Михаила уже не было сил. Он инстинктивно чувствовал одно: надо бежать как можно дальше в гущу, в глубину леса. Разбираться в обстановке потом... Мысль эта стучала в голову, болью отдаваясь в висках.

Неожиданно деревья разомкнулись, открывая глубокий овраг. По нему, прикрытый нависающим шатром густых крон, бежал узенький, метра в два шириной, ручей. Жарков скатился вниз, припал к воде. Хватал ее ртом, давясь и захлебываясь. Казалось, никак не напьется. Однако сдержал себя. «Хватит! Будет тяжело!»

С трудом поднявшись на колени, неторопливо осмотрелся по сторонам. Лес молча, настороженно смотрел на русского разведчика – темный, мрачный, загадочный. Так и казалось, что там, в глубине, угрожая Жаркову, нацелились сейчас зрачки автоматов и винтовок. Холодный озноб пробежал по спине. «Нет! Там никого не может быть! Это только кажется! – успокоил себя капитан. – Рядом опасности быть не может. Опасность сзади. Торопись, Михаил!»

Капитан рывком встал на ноги, несколько секунд постоял, раскачиваясь, как маятник, потом двинулся дальше. Немного погодя, шагнул в воду. Прошел метров двести вверх по ручью, стараясь ступать как можно осторожнее, чтобы не выдать себя плеском. Двигался широким медленным шагом, хотя и подмывало броситься опроретью. Шел медленно и насколько мог – плавно, чтобы быстрее оседал поднимающийся ил, мутным шлейфом потянувшийся по ручью. Он шел и продолжал думать.

«Где сейчас автоматчики? Тот, который вывалился вместе со мной, наверняка исходит от злости. Как же – упустил меня! Мог схватить, подстрелить, в конце концов. Да и второй дал маху. Полоснул бы по ногам. Видно, растерялся, палил в шоке... Но ведь они не одни. Там еще десяток автоматчиков из головной машины. Почему же все они примолкли? Что случилось?..»

Капитан шел и шел, хватая воздух пересохшим ртом. То и дело спотыкался, падал. С трудом поднимался и снова шел дальше, таща за собой мутный хвост поднятого со дна ила. Шел, а из головы все не выходила мысль о наступившей тишине. И вдруг его осенило: «Сейчас почти стемнело. Они прекратили прочесывание, потому что ждут собак!»

Вот она, причина тревожного молчания! Вот в чем теперь главная опасность! Надо уходить, уходить как можно быстрее. Когда подспеют собаки начнется самое страшное. Значит, надо уходить бесшумно и как можно дальше по ручью. Вода собьет овчарок со следа. Надолго ли, нет ли. В любом случае, это выигрыш времени. А каждая лишняя минута - возможность нового, неожиданного решения, возможность счастливой случайности, наконец...

Капитан наверняка знал: фашисты прочешут весь лес, проверяя его дважды – вдоль и поперек, чтобы ни в коем случае не выпустить его, - как зафлаженного волка. Что же придумать? Может быть попытаться пробиться к реке? Ведь она где-то рядом. Фашисты уткнутся в нее. Возникает вопрос: то ли утонул неуловимый русский, то ли уплыл по реке? А если уплыл, то куда – вниз или вверх по течению? Загадка!

«Пусть они ищут меня по реке, а я по ручью, сбивая след, заберусь куда-нибудь в глушь, отсижусь там до времени»...

Ныли мускулы ног. Одеревенело тело. Раскалывалась от боли голова. Горело в груди. Руки сводило от страшной боли. Сыромятный ремешок глубоко врезался в запястья. Но капитан не останавливался. «Вперед, Михаил, вперед! – подстегивал он себя. – Твое спасение в твоих ногах!»

Жарков уже потерял представление о времени. Смутно разбирался, куда шел. Однако шел упорно, упрямо, несмотря ни на что. Через сотню метров ручей неожиданно забрал круто вправо.

«Стоп! – скомандовал себе капитан. – Стоп, Жарков. Дальше опасно. Голоса были в той стороне!»

Разгоряченный ходьбой, Михаил сделал еще несколько шагов. Сделал, будто автомат. А мозг тем временем продолжал подсказывать решения. Если погоня стала заходить правее, и ручей повернул туда же, значит, идти по нему дальше нельзя. Можно попасть в лапы фашистов.

«Но почему фрицы завернули туда? – возникла мысль-сомнение. – Хотят прижать меня влево, где есть кому меня взять? Или оттирают от чего-то выгодного мне справа?»

Значит, надо выбраться наверх и осмотреться. Ответ сам не придет...

Задыхаясь, пригнувшись так, что грудь почти касалась коленей, капитан вскарабкался на обрывистый берег ручья. Разогнулся на минуту, замер, притаившись за раскидистым каштаном. Впереди, метрах в десяти – пятнадцати, чернела сплошная стена леса. «А, может быть, туда, а, Михаил Николаевич?! – не то спрашивая, не то уверяя, сказал сам себе Жарков. – Рискнем!?»

Выскользнув из-за деревьев, он помчался вперед большими неуклюжими прыжками, будто кенгуру. Мешали стянутые за спиной руки. Так и хотелось взмахнуть ими, помогая бегу. Но узел держался крепко.

Еще с того момента, как вывалился из машины, Михаил то и дело напрягал мышцы, стараясь порвать ремешок, но это не удавалось. Только еще более врезалась в тело сыромятная полоска кожи. Да-а, тот битюг-штурмфюрер знал свое дело!..

Но вот и лес. Пробежав еще метров десять, Жарков остановился, изо всех сил сдерживая дыхание, казалось переполнившее лес. Впереди светлела крохотная поляна. На ней ярко выделялся серый прямоугольник небольшого строения.

«Осмотри!» – скомандовал себе капитан. – Осмотри внимательно».

Михаил осторожно опустился на колени, не спуская с домика глаз. Замер. Минула минута, вторая, третья... Ничто не нарушало глухую тишину.

«Что же это такое? – мучительно размышлял Жарков. – Окон не видно. Дверь приоткрыта. Сторожка? Но ведь немцы не практикуют их. Охотничий домик? Возможно. Только очень уж маленький. Явно – домик не жилой»...

Капитан маленькими, неслышными шагами начал медленно приближаться к строению. Шагнет – остановится, прислушается. Ни звука. Даже нависшие над домиком кроны деревьев не шелестят. Замер, насторожился лес. Молчат перепуганные недавней стрельбой птицы. Только острее стали запахи.

В дивизии никто не мог похвастать таким обонянием, как у капитана. Его нос умел улавливать самые слабые, самые мягкие запахи. Сейчас Михаил мог поклясться: пахло травой, деревьями, даже нагретой за день землей. «Неужели собирается дождь? – обрадовался Жарков. – Вот это было бы кстати!»

Однако и медлить нельзя. Жарков продолжал приближаться к домику. Шаг. Еще шаг. Еще один... Наконец капитан коснулся стены. И тут только понял, что это часовня, сложенная из серых гранитных плит. Под самым скатом крыши рельефно выделялся вырезанный из камня крест. Чуть ниже его – геральдический щит с конской головой в центре. Под ним – приоткрытая дверь.

Напрягая зрение, капитан с трудом разобрал выбитое готической вязью над дверью «1709. Покойтесь в мире!»

С трудом держась на ноющих от усталости ногах, Михаил решительно толкнул дверь головой. Она открылась легко, без скрипа.

Из глубины часовни пахнуло холодом, пустотой, теменью. Капитан постоял несколько секунд, пока притерпятся глаза. Наконец, заметил ведущие вниз крутые ступеньки. Осторожно нащупывая их, шагнул вниз. Одна ступенька, вторая, третья... Они возникали из темноты одна за другой - незаметные, и, казалось, бесконечные. Лишь на двенадцатой лоб капитана уткнулся в каменную стенку, покрытую холодными

каплями влаги. Ноги больше не держали. Бессильно прислоняясь к стене спиной, капитан соскользнул вниз. И вдруг почувствовал, что сзади пустота! Стенка исчезла!

«Что за чертовщина?»

Неловко упав на бок, Михаил попытался нащупать стенку ногами. Ничего нет! Только какое-то углубление, похожее на подкоп, на нору, наконец.

- Черт с ним, завалюсь в эту нору, пересплю хоть, - обессилено пробормотал Жарков и сполз ногами вперед туда, в нору. И вдруг почувствовал, что там, в глубине норы, твердая ступенька. Чуть ниже – еще одна...

«Куда они ведут?..»

Жарков, опираясь плечами, локтями, головой, с трудом поднялся, немного постоял на ватных ногах, собираясь с силами. Стать в полный рост, выпрямиться было невозможно. И тогда, согнувшись чуть не вдвое, капитан сделал первый шаг в пустоту. Под ногами оказалась аккуратно выложенная то ли кирпичом, то ли плиткой узенькая ровная дорожка. Узкий – локти касаются стенок – коридорчик вел в глухую тьму. Жарков сделал еще шаг, второй, третий... Впереди ничего. Только дорожка под ногами. Капитан втянул носом воздух. Не душный, не затхлый, какой бывает в глубине пещеры. Значит, сюда поступает свежий воздух.

«Неужели подземный ход?» - вспыхнула догадка.

ДЕНЩИК ИВАН ПТИЦЫН

В этот день погода радовала с самого утра. Солнышко, пробившись сквозь легкие облака, укрывшие горизонт, мощно брызнуло багровыми лучами. И сразу ожила серая громада замка, приютившегося на краю векового парка. Веселыми зайчиками заблестели стекла окон, ровными рядами протянувшиеся по всему фасаду. И от этого вроде помолодели мшистые валуны дворцового фундамента, стали легче тяжелые медные пластины, рыбьей чешуей лежащие на крыше... Даже каменные львы, стоящие на площадке парадного подъезда, обычно смотревшие на окружающее хмуро, с подозрением, под солнечными лучами неумовимо изменились. Их морды, облитые мягким алым светом, смотрели улыбочиво, весело. Все в природе радовалось восходу солнышка. Каждая травинка, каждое дерево, даже камень...

Любил наблюдать веселую игру солнечных зайчиков Иван Птицын – денщик старого генерала, хозяина огромного замка. Рано поутру, когда уже совсем не хотелось спать, выходил он во двор, садился на давно облюбованную каменную глыбу, неизвестно когда и кем завезенную сюда, и до самого господского завтрака, пока его не звали помочь барину, с наслаждением разглядывал все, что его окружает. И до мельчайших подробностей знакомый огромный трехэтажный дворец, и высокие, развесистые липы да каштаны, заглядывающие в окна, и пламенеющие под ранним солнышком кирпичные стены конюшни, на которых то там, то сям виднелись высеченные в камне лошадиные головы... Точно такие же, как голова, вознесшаяся над парадными дверями дворца.

Сказывают, что головы эти – фамильный герб прежнего хозяина дворца, давно уже почившего в бозе. Очень уж заядлый был лошатник! Ну, ровно, как и барин, Сергей Апполинарьевич.

Любил коней и Иван Птицын. С самого детства, которое провел в деревне.

А еще нравилось Птицыну сживать поутру на каменной глыбе, встречая восход солнца. Именно в эти минуты всплывали вдруг в его памяти давние-давние, будто покрытые туманом времени события детских лет. Перед глазами вставало далекое село на Рязанщине. Небольшое и тихое, прилепившееся к спокойной, медленной речке. Было оно укрыто зеленью берез и заполонившего речные берега ивняка. Милое сердцу село! И называлось то оно – Милово. Кажется, были бы крылья, сейчас бы взмахнул ими и полетел туда, где еще стоит вросшая в землю родная хатенка с подслеповатыми оконцами, и скрипит над колодцем старый журавль, и роняет сережки древняя верба. Обнял бы родную землю, землю отцов своих – верни, мол, меня к себе, верни меня в мое давнее детство! Давнее, незабываемое, что навсегда в сердце, навсегда в памяти Ивана Птицына. Да разве и возможно такое – забыть родину свою, дом, детство? Забыть босоногие мальчишеские ватаги, окрестные поля и леса, тихие, покрытые кувшинками речные плесы?!

Как сейчас помнит Птицын: вместе с мальчишками целыми днями с криками и свистом носился он по пыльному проселку. Порой шалуны забирались в густой тенистый сад при церквушке, стоящей чуть поодаль от села, на взгорке. Какие там росли яблоки! Озорники торопливо совали за пазуху крупные душистые плоды, поминутно оглядываясь, чтобы не застал за этим занятием церковный сторож – старик Михеич, никогда не расстававшийся с длинным посохом. Да увлекались порой безмерно. Забывали обо всем. Вот и случалось, что перетягивал старик зазевавшегося мальчишку по спине. Да так, что слезы от боли выступали. Досталось однажды изведать это и Ванюшке Птицыну – сыну господского конюха. Зато яблоки были вкусные, налитые соком. Антоновка!

Но игры играми, яблоки яблоками, а главным увлечением Ванюшки были все-таки лошади. Ах, какая конюшня была у барина! До сих пор помнятся Ивану прочные деревянные стены, высокие дощатые ворота, через которые барин мог проезжать верхом на лошади, не сгибаясь. А какое душистое сено лежало в

яслях, что тянулись вдоль всей стены! Кони, поводя лиловыми сливами глаз, с наслаждением хрумкали его мягкими, бархатистыми губами, подбирая упавшие листочки.

- Сплошь вязиль! – цокая языком, радовался отец, выкашивая траву меж кустов до деревьев. - Доброе сено!

Ванюшка хорошо знал, как достается такое вот, пополам с полевыми цветами, сено. Самому приходилось косить. Правда, не для коня, а для Буренки. В хозяйстве Птицыных лошадей, отродясь, не водилось. Откуда им было взяться? Купить - стоило огромных денег. А где их раздобыть? Барин, хотя и нахваливал старательного конюха, был не очень-то щедрым. Платил мало. Правда, то и дело присылал мешок-другой пшеницы для пропитания детей.

- Деньги портят людей, назидательно повторял он слуге. – Помни это, голубчик...

Словом, в хозяйстве конюха коней не было. Только и богатства – немолодая уже корова Буренка. Вот для нее и косил сено Ванюшка, пока отец холил барских коней или ублажал барина дальними прогулками на лошадях.

Летом каждый день поутру брал мальчишка в тряпицу горбушку ржаного хлеба, луковицу, пару малосольных огурчиков, да острую косу-литовку на плечо и отправлялся к кустарнику, заполонившему подходы к оврагу. Там барин отвел Птицыну клочок земли под покос.

Великовата была литовка для мальчишки. То и дело загнутый нос ее втыкался в землю или цеплялся за кусты. Однако Ванюшка продолжал махать косой до полудня, то и дело отгоняя назойливо гудящих, больно жалящих паутов, лишь изредка останавливаясь, чтобы поправить косу.

Из холщового мешочка, на веревочке перекинутого через плечо, доставал он брусок – шершавое наждачное точило – и, по-взрослому степенно поплевав на руки, принимался ширкать по лезвию – справа, слева, справа, слева. «Вжик-вжик, вжик-вжик», - пела коса. Вскоре потемневшее от травяного сока лезвие снова начинало блестеть, и тогда Ванюшка продолжал косить.

С каждым взмахом литовки делал он маленький шаг вперед. Звенела коса, с шорохом падали подрезанные стебли травы, укладываясь ровной полосой. А Ванюшка, осторожно перешагнув через нее, снова взмахивал литовкой. К полудню сильнее припекало солнце. Пот катился по лицу, капал с кончика носа. Остро, волнуяще пахла подсыхающая трава, и от нее волной шел теплый, душистый воздух, от которого перехватывало дыхание. Тогда Ванюшка неторопливо втыкал держак в землю, раскрывал тряпицу, припрятанную под кустом, в тени, и садился перекусить да передохнуть немного. А потом опять продолжал нелегкую даже для взрослого работу. Каждый день, каждый день...

Высоко в небе, чистом и голубом, заливался невидимый жаворонок. Где-то за оврагом неугомонно твердила свое «подь полоть» перепелка. Казалось, воздух звенел от трелей и щелканий, от свиста и щелета птиц...

«Совсем, как сейчас, - умиротворенно думал Птицын, слушая рулады соловья, спрятавшегося среди ветвей. – Вот ведь птаха Божья – совсем кроха, да и обличьем неброская. А надо же, как распевает. Сердцу радостно. На душе благодать...»

Где-то в гуле сада, будто решив поспорить с соловьем, разбросал трели дрозд. Вроде по небольшой и звонкой флейте пальцами пробежался. Потом к нему присоединился голосок малиновки... И защелкал, затренькал, завистел весь сад. Птичьё население радовалось солнцу, спокойному утру, чистому воздуху...

Вот таким же чистым воздухом доводилось дышать Ванюшке Птицыну, когда отец брал его с собой в ночное. Это был праздник для мальчишки. Таун, как обычно, пасся в излучине речки на ее высоком левом берегу, где к самой воде вела узкая, поросшая травой тропинка. Отец сразу же отправлялся туда с удочкой, которую сам мастерил из длинной и гибкой лозины, да прихваченных заранее ниток и булавки. В том месте всегда ловилась плотвичка, из которой можно было сварить ушицы, а то и просто подпечь рыбешку на углях. То-то объеденье!

А тем временем лошади, пофыркивая и покачивая головами, неторопливо щипали траву. Будто привязанные невидимой нитью, они не отходили далеко от костра, разведенного отцом Ивана. Разгоревшись, костер постреливал дымными искрами. Пламя трещало, охватывая со всех сторон валежник, что подбрасывал Ванюшка. И тогда красноватые отблески его выхватывали из темноты лошадиные крупы, высвечивали пугливо повернутые к костру головы.

Ванюшка любил наблюдать, как какая-нибудь из лошадей, поборов темный страх свой перед огнем, неторопливо, шаг по шагу, приближалась к костру. Любил ощущать, как она мягкими прохладными губами касалась его щеки, требовательно ощупывала руки. Где, мол, ломоть хлеба с солью или кусочек сахара?

Это барин так приучил лошадей. Когда отец запрягал их в тарантас или седлал верхом, барин всегда угощал их таким лакомством. Привыкли!

Вот с того самого времени, с детства, значит, и родилась в сердце Ивана Птицына любовь к лошадям, к этим красивым и сильным животным. И так получилось, что именно лошади напоминали ему о далекой теперь Родине, о России-матушке, о родной деревеньке.

Здесь, в Пруссии Восточной, в неметчине, на чужой, дальней стороне, Иван Птицын уже давно. Очень давно. Почитай, третий десяток кончается. А попал он сюда не по своей воле. Ну, да об этом не любит Птицын вспоминать. Сердце заходится у старика, когда подумает о той войне с германцем, что с

Родиной его разлучила. Стареется не думать об этом, не рвать душу понапрасну. Начинает безделицу какую-нибудь строгать, или отправляется в гости к нынешнему конюху барина – немцу Фрицу. Хоть и зряшный это, на взгляд Птицына, человек, а в лошадях толк понимает. Рассказывать о них любит. Правда, по-русски ни бельмеса не понимает. Талдычит по-своему. А уж Иван-то Птицын и ихнюю, немецкую, значит, речь разумеет. И то... за тридцать лет не хочешь, а выучишься...

Особенно тяжело было Птицыну на чужбине в первые годы. Тогда он еще до боли сердечной остро помнил все подробности жизни своей в родном селе. Детские годы помнил. Ах, время, время! Летит оно, уж так летит быстро. В детстве-то дождаться никак не мог, пока, мол, вырасту. Дни чуть не неделями тянулись, кажется. А теперь – не успеешь день начать, глядишь – вечер наступил. Все дела, дела. Заботы да хлопоты всякие. Это сейчас, когда постарел Иван Птицын, дел у него поменьше стало. Барин-то тоже не молодеет. Годы бегут. Тяжелее стало по полям да лесам мотаться на лошади. Дома, во дворце своем, стал больше отсиживаться. Вот и Птицыну облегчение вышло...

С тех пор больше приглядываться стал старый денщик к окружающим. Во дворце-то слуг немного. С десятком, не более. Перво-наперво, конечно, управляющий. Немец он, по фамилии Либерс. Ежели на русский перевести, так, вроде бы, «милый», получается. А ведь Птицыну он очень не мил. Не по сердцу. Больно въедлив да злопамятен. Наушничать барину любит. Хотя и виду не показывает, что не доволен кем-то. Хитер, бестия!

Или, скажем, Фриц этот – конюх. Говорлив он да весел всегда, да чует сердце Птицына, что не от души веселость его при встречах. Фальшивит вроде бы человек. Искренности в нем нет. Глаза беспокойные. Когда разговаривает, руки места не находят – переживает, волнуется, что ли? А с чего бы? К чему? Все разговор на барина переводит. Чего, мол, кушать изволил? О ком сказал чего? Куда собирается и зачем? Часто ли о России вспоминает?

И так это, между прочим вроде, к слову. А чего ему о барине подробности всякие? Твое дело – лошадей корми, пои, да содержи конюшни как следует. А в барские дела нос не суй. О том барину печься, о том ему думать да беспокоиться...

Постой, постой... Эх, запомятовал-то! А ведь у конюха этого, Фрица, знакомцы какие-то странные. На днях черный тот, из как ее, из «зихерхай динст», тьфу ты, и не выговоришь-то на старости лет, так из этой СД, коли проще, - чего это он давеча приходил в конюшню? Конями не балуется. Аль дружбу с Фрицем ведет? Тьфу ты, господи! Ровня ли они? А может, еще чего связывает их... Ох, ти мне, запутаешься тут...

Старик встал с теплого камня. Пора, пожалуй. Подходило время барского завтрака. А так уж заведено князем давным-давно, чтобы денщик присутствовал при завтраках, обедах и ужинах. Правда, блюда не он подавал. На то специальная прислуга есть. Просто стоял за резным креслом с высокой спинкой, в котором сидел барин. Бывало, скажет ему чего князь, что запомнить надо да сделать потом. Пошутит порой, а то и рюмочку поднесет. Бывало же, простоит за этим креслом Птицын, ровно пень какой. Ни слова, ни полслова.

Ну, да дело это барское. Воля княжеская. Ему ли, Ивану Птицыну, исправному слуге, на то жаловаться?

А и верно. За что обижаться-то? К себе барин взял, кормит хорошо, поит вволю. Денег, правда, и посейчас не дает. Да к чему они Птицыну? Ни жены, ни детей у него. Бобьль.

Живет Иван Птицын здесь же, во дворце, в каморке, специально ему отведенной на втором этаже, неподалеку от покоев барских. Окошко каморки той в сад выходит.

Любит Птицын сидеть перед тем окошком, особливо, когда ничем не занят или когда барин уезжает по делам. ...Как раз напротив окна каштан старый стоит. Кряжистый, раскидистый. Когда ветерок потянет, то зашелестит весь, затрепещет листьями. А листочки у него приметные. Вроде груша большая по виду, только бока с зубчиками закругленными, ровно кружева, что бабы вязали в родном селе. А того интереснее – каштан цветущий. Белые мохнатые свечки все дерево усеивают, словно снегом али пухом лебединым. Красота! Потом уже, к осени, на их месте, будто орехи появятся крупные да зеленые. Осыпятся они, лопнут, раскроются кожистыми створками. А там лежит плод – коричневый, словно росой до блеска омытый... Из таких вот плодов можно всяких игрушек понаделать. У Ивана Птицына в те дни и стол, и подоконник уставлены лошадиными фигурками, смешными человечками, из каштана да спичек сотворенными...

Так из года в год. А наемни Либерс этот окаянный зашел в каморку, на огонек вроде бы. Увидел фигурки, скривился весь.

- Пфуй, - говорит, - наши немецкие дети таких игрушек не любят. Наши фабрики делают отличные игрушки из металла и дерева. А таким игрушкам, как эти, могут радоваться только русские дети да глупые старики...

С тем и ушел. В душу самую плюнул, злыдень. Этого ему Птицын не забудет! Уж пришел в гости, так уважай хозяина, не хули ни каморки его, ни стола, ни игрушек. Как у нас, на Руси, говорят: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят!»

А может, это я в чужом монастыре оказался, на проклятой чужбине?..

Горькие эти мысли давно уже приходили в голову старого денщика. Поначалу-то, по молодости лет, не до того было. Хотелось Ивану жизнь чужестранную посмотреть своими глазами. Много чего непривычного было здесь. И то, что одеваются все по-господски, хоть городской, бургер то-есть, хоть крестьянин, стало быть, бауэр. Чистенькие, опрятные. В пиджаках, при шляпах.

Оно и верно, коли походили бы по грязи, что на дорогах российских, особенно по деревням весной или осенью – сами в сапоги влезли бы, да и одежку попроще, попроще натянули. А то деревня не деревня, город не город – дорога камнем мостовая или же асфальтом залита. Домики кирпичные – аккуратные, чистенькие, ухоженные. Крыша не соломенная, а черепичная. Да веселенькая такая – красная черепица под солнышком играет. А возле каждого домика – садик небольшой. Яблоки там, груши, вишни, малины – крыжовника по несколько кустиков, цветы всякие посажены. И все это заборчиками обнесено, порой и железными решетками прикрыто...

Ежели работа какая грязная предстоит, обязательно германец наденет поверх что-то вроде фартука, а то одежду специальную. «Комбинезон» называется. Оно и сподручно, ловко и не измажешься. Одним словом, чисто живуть!

Только Иван Птицын не очень радовался всему этому. Понимал, что от удобств всяческих, от ухоженности той не получалось простоты у германцев в отношениях друг с другом. Вроде сторонились они друг друга, не желали так, как на Руси, как в деревеньке Птицына, встречаться компаниями. Сегодня я к тебе в гости зашел, завтра – ты. У нас-то с собой бутылку не прихватывали. Гость – дело святое. Все, что есть в печи, на стол мечи. И уж хмельное – ясное дело.

А здесь, в неметчине, нет того порядку. Ежели и соберутся компанией, так раза два-три в год. По большим-большим праздникам. Каждый несет с собой шнапса бутылку. А то и без шнапса обходятся. Пиво дуть любят. Сядут за стол длинный, выпьют по кружке-другой. А кружки у них глиняные, большие. Потом положат друг другу руки на плечи и начинают песни горланить, а сами качаются влево-вправо, будто маятник... Тьфу-ты, маята одна, не гулянка!

Нет, не по-нашенски все это. Непривычно. Нету той удали молодецкой, что на Руси-матушке. Там, бывало, хватит мужик стаканчик-другой, не квасу, ясное дело, и не смирновки. То – барский напиток. Простому мужику оно не по средствам.... Так вот, хватит мужичок стакан-другой самогону, и пошли песни! «Ревела буря, гром гремел, во мраке молнии блистали»..., а то «Ой ты, Галю, Галю молодая»... Выскочит потом из-за стола, ударит каблуком об пол так, что все на столе зазвенит-запоет разными голосами.

- Давай, «Камаринскую»!

И пошли, заухали, затопали мужики. Ходуном ходит изба. Качается под потолком пятилинейная лампа. А когда вприсядку пойдут, домик, кажется, вот-вот развалится. Мощь, удаль, размах молодецкой!

Все бывает в такие вечера. И носы поквасят друг дружке, и скулы посвертывают, и ребра посчитают... Оно дело такое – душу отвести надо. Нелегко мужику приходится. Хорошо, коли в хозяйстве лошаденка есть – самая первая помощница крестьянина. Вспахать ли поле – крохотный тот клочок земли, дровишек ли привезти, в город ли за какими покупками съездить – все она, голубушка, все лошадка! И кормилица она, и поилица...

А вот ежели нет лошади – не на чем держаться хозяйству. Да еще коли семья большая, а помощников, сыновей то-есть, нет. Это уж чистое разорение. Беда настоящая. Как же тут с горя, с напасти этой окаянной не выпить мужику? И выпивает. И песни поет, хотя бы с горя. И пляшет. И кулакам волю дает...

Оно, конечно, бескультурье... Либерса этого самого в деревню нашу завези, так он руками замашет: -Это есть швайн!.. Зеер шлехт! Плохо, мол, это. Свинство, мол, настоящее...

Знамо дело, так покажется с непривычки. А откуда свинство-то пошло? Мужик, он, конечно, в том тоже виноват. Я так понимаю. Ну, так дай мужику лошадь, струмент разный, средства дай. Да не мордуй его, а разьясни толково, чего делать. Он тебе и шоссе-дорогу эту смастерит, и канавы пророеет, чтобы грязь-воду убрать, и дома новые, красивые срубит. А жизнь станет чище, да легче, он тоже научится в пиджаке ходить и шляпу на заграничный манер носить. А сейчас не с чего ему пока так вот, как германец, наряжаться, не с чего и садик с тюльпанами да розами разводить. Ему бы из развалюхи в дом-то стоящий перебраться, детишек одеть-обуть, накормить-напоить...

Мне-то что... Я кругом – бобыль. Мне ничего не надобно. За спиной барина живу. Сладко ем-пью. Одно только плохо – тошно мне здесь, ах, как тошнехонько. По России, по деревеньке своей, что Милово прозывается, грусть-тоска гложет.

- Ну, ин ладно, - прервал свои размышления Птицын. – Пора в залу, к барину... Ждет, чай, меня их сиятельство князь Сергей Апполинарьевич...

Он отряхнул кургузенький пиджачок и торопливо засеменил к дворцу...

«РУССКИЙ Я, СЫНОК...»

Ганс Фогель, так Ивана Птицына называли в замке все, даже сам хозяин, старый отставной генерал, когда был не в духе, тяжело ступая ноющими на непогоду ногами, спустился в подвал. Там хранились

давнишние запасы смирновки – водки ядреной, из пшенички. Постоял минутку, поглаживая рано поседевшую голову и тягостно размышляя. В последнее время барин Сергей Апполинарьевич стал часто нервничать, покрикивать на слуг ни с того, кажется, ни с сего. Оно, конечно, это не беда, дело привычное. Дело барское – покрикивать, а слугам - молчать. А вот беда в другом: что ни день, старый генерал требует водки. Без стакана-другого обойтись не может. Видать, переживает барин, очень даже переживает. А что тому причиной, Иван не знал. Правда, догадывался. Как-никак служит князю почти тридцать лет. Много видел, многое слышал, кое о чем барин в минуты откровенности, после того, как водочки откушает, рассказывал. Так что догадывался Иван Птицын, то-бишь Ганс Фогель, что мучают старого генерала, его барина, воспоминания.

... В девятьсот четырнадцатом, перед самой мировой войной генерал-майор князь Сергей Апполинарьевич Безгубов, командовавший дивизией во 2-й русской армии его превосходительства генерала Самсонова, вытребовал Ивана из деревни и назначил своим денщиком. Был Птицын тогда молод, жизни еще не видел, а тут – сразу в город. Вот и привязался к барину, единственному знакомому и земляку своему, словно собачонка. Князь его жаловал за усердие. Так что служба Ивану была не в тягость.

С тех самых пор Иван Птицын с барином, как нитка с иголкой, - везде вместе. А когда война эта разразилась, дивизию перебросили к фронту, в Литву. В боях Ивану бывать не приходилось – все при штабе, при его превосходительстве генерале. А однажды, уж и не знал Птицын, как то случилось, - оказалась дивизия в Польше, в самой гуще Мазурских озер, в гиблом болотистом краю. Растянулась дивизия колонной по узкой дороге, почти тропе, на многие километры. И тут неожиданно немцы ударили. Говорили люди, что командующий соседней армией генерал Ранненкампф подвел. Взял да и отвел свои дивизии с фланга. И оставил целый корпус армии Самсонова без прикрытия в самом что ни на есть гиблом месте.

Корпусу на переходе – а это тысячи солдат и лошадей, сотни пушек – ни простора для маневра, ни дорог – полян твердых, чтобы развернуть артиллерию, спрятать обозы, да принять бой. Что было тогда!.. Суета, паника, грохот снарядов... Людей погубило – страсть!

Сергей Апполинарьевич растерялся поначалу, не нашелся, что сделать. А когда увидел разгром полный, с досады и отчаянности хотел было жизни себя лишиться. Уже и револьвер к виску приставил. Да тут Иван бросился ему в ноги:

- Что Вы делаете, барин, ваше превосходительство! А как же барыня Софья Евгеньевна будут!?

Опамятовался генерал. Только за голову схватился...

Тем временем самокатчики немецкие подоспели. Ивана схватили и в лагерь военнопленных бросили. А генерала увезли куда-то. Очень Иван переживал за своего хозяина. «Каюк, видно, барину-то моему», - чуть не со слезами на глазах думал он дни и ночи.

Ан, нет. Не погиб генерал. И не только не погиб сам, а не забыл и о слуге своем, о денщике Иване Птицыне. Спустя некоторое время фельдфебель немецкий приехал за ним. Забрал Ивана генерал Безгубов из лагеря в новое свое имение здесь, в Восточной Пруссии.

Ласково встретил генерал Птицына, по плечу похлопал:

- Исполняй, Иван, как и прежде, свои обязанности при мне!

Ничего князь-барин не рассказывал о своих делах, о том, что с ним приключилось такое. Это уж Птицын на досуге сам с собой рассуждал потом, что, видно, кайзеру немецкому кто облыжно доложил, а то и сам кайзер подумал, будто генерал Безгубов специально русских солдатшек в болото завел да и загубил. Как бы там ни было, только получается, что за душегубство это вышла генералу кайзерова благодарность – имение под Кёнигсбергом-городом, да еще и с большим конным заводом при нем. Будто знал царь немецкий, что князь Сергей Апполинарьевич лошадей любит до беспамятства...

Никогда не забудется Ивану, как выйдет, бывало, барин на широкое крыльцо из плит каменных сложенное, станет на верхней ступеньке, там, где по бокам львы каменные стоят, посмотрит на медными пластинками укрытую крышу дворца, а та под ранним солнцем горит-переливается, да и махнет рукой. И тотчас двери конюшни кирпичной – настезь. Конюх Фриц ведет генералу его любимого жеребца – как смоль черного с белыми чулочками на каждой ноге, с гривой пушистой и хвостом чуть не до земли. Спустится князь по ступенькам, подойдет к коню, достанет сахару кусочек из кармана, а потом взлетит барин в седло, легонько так плеточкой круп тронет, и взвьется конь, помчится, только пыль следом стелется...

Хорошее, однако, время-то было. Жил Птицын в спокойствии, ел-пил вволю. Одно было плохо - от России-матушки далеко. Речи русской почти не слышал. Только с барином разве после штофа очередного и разговаривал...

С тех пор минуло без малого тридцать лет. Кажись, привыкнуть бы пора к новой жизни-то. Да нет, не получалось никак.

На что уж барин – старый генерал, раньше по заграницам ездил на курорты всякие, жизнь тамошнюю всю, как есть, знает, а ведь и то, нет-нет, да и запихует, занервничает. Видно горько у него на душе, поганю. И кричит он тогда не Гансу, а Ивану, по-старому, по-русски:

- Иван, штоф смирновской тащи!

Вот и сейчас, покрхтывая и почесываясь – в сон по вечернему времени тянуло уже – денщик медленно шел со свечкой в руке вдоль шкафов, диванов и полок, напиханных в подвал за многие годы. Глухо шаркали шлепанцы по каменному полу, тень по стенам каменным шарахалась – угловатая, нескладная. И вдруг позади Ивана с грохотом повалились какие-то доски, а вслед – хлопнулось что-то мягкое и тяжелое...

- Господи, помилуй! – осенил себя Птицын крестом. – Что это?

Поднял повыше свечку и замер в испуге – человек лежит. В пиджачке темном, в ключья изорванном. В брюках мокрых, грязью измазанных. Лежит без движения. И голоса не подает. Откуда он в подвале-то оказался?

Наклонился над ним Птицын, свечку поднес поближе.

Батюшки-светы! Да ведь человек тот со связанными руками! А тут и очнулся он, опамятовался. Силится на колени подняться, да не может.

Хотел было Иван Птицын крик поднять, прислугу созвать генеральскую. А потом сообразил: что, мол, мне связанный-то плохого сделает? Подниму его, спрошу кой о чем. А там и станет ясно, что делать дальше...

- Ты кто таков? – сунулся к незнакомцу денщик. Да тут же и смутился. «Чего это меня дернуло по-русски с ним заговорить?!

- Вер ист ду? – повторил вопрос по-немецки.

А незнакомец, как услышал русские слова, даже слезы у него на глазах выступили.

- Ты, папаша, русский?

Аж сердце обмякло у Ивана Птицына. Какой же немец скажет слово-то это – «папаша», да так это по-своему, по-родному, словом, по-нашему, по-русски?..

- Русской я, русской, сынок!

- А почему это Вы здесь, в неметчине?

- Долгая это история, сынок, - вздохнул старый денщик. – Уж такая долгая, что и говорить о ней – время тратить попусту... Сам-то откуда будешь, пошто сюда, во дворец княжеский попал?

- Ты что, отец? Какой-такой княжеский дворец? И ты здесь причем? Что ты здесь делаешь?

- А служу барину своему, князю Безгубову. Рассейскому нашему князю...

- Значит, русские... - незнакомец задумался о чем-то, потом решительно продолжил. – Ну ладно. И так, и этак нечего мне хорониться. Не знаю, кто вы – русский ли, нет ли, только вырваться мне отсюда, как я вижу, невозможно. Куда с руками связанными денешься? Придумывать что-либо не к чему. И так видите, что бежал я от фашистов. Так что весь я в ваших руках. Конечно, хотел бы жить. Но и за жизнь держаться не буду. Поступайте, как знаете...

- Эко ты жизнью разбросался! Сразу видно – наш, русский. Никто иначе-то не может, не умеет так вот, в одночасье, жизнью своей распорядиться. А насчет того, как поступать... Я русской, и ты – русской. Посидим да подумаем, что делать-то. А пока я барину своему отнесу штофик-то. Ты уж не сумлевайся, соколик, никому не скажу ничего. Скоро вернусь...

- Постойте, папаша! Все-таки никак не пойму я, вот говорите Вы, что здесь барин Ваш. Как это понимать? С чего здесь русский барин? Почему?

- Эко, сердяга. Ну, ин слушай, пока я тебе сыромятинку-то перережу. Вон, вишь, руки-то как свело...

Иван Птицын достал из кармана складной нож, открыл лезвие, ловко чиркнул им по ремешку.

- Ну вот, теперь-то дело другое. Руки отдохнут...

Старый денщик присел на краешек скамьи, собираясь с мыслями, потом неторопливо повел рассказ о старом генерале и о себе, о скуке своей по России-матушке, о капризах княжеских, порядках здешних да о зануде Либерсе...

То ли бесхитростный рассказ, то ли сама внешность старика-денщика успокоили незнакомца. Исчезла у него настороженность. Незнакомец неторопливо осмотрелся по сторонам, потирая затекшие руки. Потом, будто вспомнив что-то, поинтересовался:

- А не знаете Вы, дождь начался уже или нет?

- Да с полчаса как хлещет, будто из ведра...

- Вот это хорошо, очень хорошо! Спасибо, папаша, за добрую весть, - обрадовался незнакомец. – Только давайте лаз прикроем все-таки. Пусть все будет так, как раньше было...

- И в правду, сынок, - засуетился, поднимаясь, Птицын. – Бог-то не выдаст, свинья не съест. А поберечься надо...

Иван Птицын осторожно прикрепил огарок свечи к шкафчику и, поплевав на руки, взялся за доску.

- Это надо же, я уж и забыл об этом подземном ходе-то. В первые годы частенько по нему шлындали. Дак чуть больше двадцати годков было-то. Да-а, молодо-зелено...

Вскоре дощатая стенка снова надежно прикрывала лаз в подземный ход.

Огарок свечи, бросая трепетный свет, по-прежнему выхватывал из полутьмы подвала огромные бочки, придвинутые к стене, мерцающий стеклами старый буфет, несколько шкафов, этажерки. Все эти вещи, снесенные сюда за ненадобностью, были аккуратно размещены по отведенным местам вдоль стен.

- А теперь, милоч, надо и тебе местечко удобное да скрытное найти. Помоги-ка шкаф этот подвинуть. За ним, в глубине-то, тебе сподручно будет. Ты всех будешь видеть, а тебя – никто. Ну, а харчем снабжу. Вот так-то...

Иван Птицын, генеральский денщик, побряхтывая и шаркая ногами, поплелся из подвала. Миновал одну ступеньку, другую... И вдруг дверь распахнулась настезь:

- Ганс, Ганс! Герр генерал ругается. Где ты пропал? – затараторил высокий плечистый детина, стоя на порожке. – Почему ты так долго?

- Иду, иду, господин Либерс. Свечку оборонил было, искал ее. Да нашел, слава Богу...

- О-о, Ганс, что творится наверху! Приехали из фельдполиции и службы безопасности. Кого-то ищут.

- Ну и пусть... Пусть ищут. Нам-то что?

- О, Ганс, как ты смеешь так говорить? Ищут врага рейха. Разведчика. Мы обязаны. Мы должны им помочь.

- Ну, ладно, помочь, так помочь. Барин заждались. Идем... - теряя терпение, хлопнул дверью Птицын.

... В гостиной за круглым столом мореного дуба, насупившись, сидел князь Безгубов. Возле дверей переминались с ноги на ногу дюжий эсэсовец в форме штурмфюрера и высокий, в мышиноного цвета мундире, полицейский офицер.

- Герр генерал, может кто-либо из ваших слуг видел что-нибудь подозрительное? Кстати, мы опросили всех слуг, а вот этого слугу – еще не видели. Позвольте опросить и его.

- Иван, давай сюда штоф! А потом уж отвечай им, - не поворачивая головы и не отводя глаз от черной формы штурмфюрера, бросил генерал.

- Слушаюсь, ваше превосходительство!

- Кто ты есть? – нетерпеливо приступил штурмфюрер.

- Иван, то-бишь, Ганс Фогель. Денщик генерал-майора князя Безгубова Сергей Апполинарьевича!

- Ты видел кого-либо чужого здесь?

- Никак нет, не видел никого.

- А где ты был сейчас?

- Так что в подвале. Доставал для господина генерала водочку смирновскую...

- И долго там находился?

- Да почти целый час...

- И не слышал ничего подозрительного?

- Никак нет, не слышал!

- И не встречал никого, не видел?

- Да кого видеть-то я должен был? В подвале-то никого. Разве что господина Либерса, так он только туда заглянул. Из подвала вместе шли.

- Ну, ну, хорошо! Зеер гут! Если что увидишь или узнаешь, немедленно сообщи в полицию!

- Слушаюсь, господин...

- Прошу простить, герр генерал! – офицер вместе с штурмфюрером дружно щелкнули каблуками и так же дружно вывалились в дверь.

Генерал, наполнив рюмку, медленно повернулся к денщику.

- Ты и в самом деле никого и ничего не видел, шельма?

- Так точно, ваше высокопревосходительство, князь-барин!

- Ну-ну... Говорят, пленный русский разведчик убежал от них. Вот и рыщут. А теперь – вон! Иди спать.

... Полчаса ворочался Иван Птицын на мягкой своей лежанке. Сон никак не шел. И тут еще гвоздем в голове застряло: ждет ведь солдатик-то поесть, ждет. Полежал еще немного, прислушиваясь. Все стихло кругом. Весь замок в сон погрузился...

Потихоньку сполз с лежанки, зашаркал в кухню. Вынул из шкафчика буханку хлеба, круг колбасы завернул в бумагу и за пазуху сунул. Воды фляжку нацедил. Посидел немного за столом. Покрошил хлеба чуточку. Если спросит кто – отговорка есть: проголодался что-то, вот и закусил в кухне-то. Тяжело поднялся и пошел к двери, что ведет в подвал... Руки дрожали, пока рылся по карманам, отыскивая ключ. Нашел. Торопливо сунул в скважину. Сухо щелкнул замок. Тихонько запела дверь. И снова все тихо. Только где-то неподалеку вроде бы половица скрипнула. Или показалось?

Оглянуться бы, еще разок, присмотреться. Да ждет ведь солдатик-то. Голодный, озябший. Наш, русский. Ждет. Торопиться надо.

КНЯЗЬ БЕЗГУБОВ

Сергей Апполинарьевич Безгубов был не в настроении. Он молча сидел за круглым дубовым столом в своем любимом кресле с высокой резной спинкой и думал. Собственно, не то, чтобы думал. Просто на старого генерала снова нахлынули воспоминания. Такое стало случаться с ним в последние годы все чаще и чаще. Раньше-то здесь, во дворце, редко кто говорил о России, вот и не так щипало сердце. А теперь что ни день - новые вести. Идут, хорошо идут русские солдаты. Кое-где уже перешли границу с Восточной Пруссией. По мирным временам еще два-три дневных перехода, и появятся воины российские у стен замка...

Было время, когда командовал такими вот орлами и князь Безгубов. Давно это было, а помнится хорошо.

... Сергей Апполинарьевич происходил из старой и знатной на Руси фамилии. В семье заведено было, что все мужчины обязательно шли на военную службу. Стал военным с восемнадцати лет и Сергей Безгубов. Отвез его батюшка в Петербург и сдал в Кадетский корпус, в котором сам когда-то учился. Крепко-накрепко наказал своему отроку:

- Службу люби. Солдатушек не обижай. Царю-батюшке да присяге будь верен до смерти!

С тем и отбыл домой, в имение свое, что в деревеньке Милово на Рязанщине. Барский сын Сережа покручинился немного, попечалился по родителям да по дому родному, а потом потянуло его к книгам да наукам военным. Особенно – к занятиям в конном строю, к играм всяким военным.

Легко шла учеба у молодого князя. Успевал он отменно. Преподаватели и воспитатели нарадоваться не могли. Хвалили Сергея часто. Батюшке отписывали, что большие надежды подает его сын, что хорошим офицером будет.

Так оно и получилось со временем. Выпустился из Корпуса Безгубов в числе первой дюжины. И назначили его поначалу в лейб-гвардии Преображенский полк. Только вскоре непривычный к парадом да к экзерцизам при дворе, подал прошение поручик князь Сергей Безгубов, чтобы перевели его в линейные войска, где служба настоящая, где дело горячее, солдатское. Узнав об этом, старый князь расстроился было, письмо сыну написал грозное, а потом махнул рукой. «Может, и к лучшему это. Станет настоящим боевым офицером, а не шаркуном паркетным!»

Словом, одобрил и благословил сына на редкий в те времена переход из гвардии в армию.

То ли в наказание, то ли в назидание другим, послали поручика Безгубова в Среднюю Азию, в Туркестанский край. Горячее это было место в те годы – и по погоде, и по делам... Там и проявился военный талант молодого князя.

Когда грянула русско-японская война, был он уже штабс-капитаном, командовал батальоном. Солдат своих больше обучал не шагистике, не артикулам разным ружьем, а умению стрелять метко, к местности приспособляться, да строем рассыпным в атаку ходить. По тем временам было это, как говорил его полковой командир, «новации все это, господин князь»...

Однако, когда полк перебросили в Манчжурию, в схватках с японцами неплохо показали себя обученные Безгубовым солдаты. Стойко держались под огнем, дружно в атаку ходили, и потерь имели меньше, чем в других частях. И сам князь хаживал, бывало, в атаки. Смело себя вел. По заслугам орден Георгия ему вручили, да и Анненский темляк на шапку... Вскоре командиром полка назначили.

Несчастливая война эта, от которой Сергею Апполинарьевичу обидно до сих пор, завершилась для Безгубова вполне прилично. Полковник, кавалер нескольких боевых орденов. И всего одна рана. Да и та легкая. Пуля ударила ему в плечо, да удачно так – ни кости, ни нервов не задела. Зажила рана быстро. Только возвратиться на фронт храбрый полковник уже не успел.

Его, бывалого, удачливого и заслуженного офицера, послали под Ковно – командовать дивизией. По пути заехал полковник в именье на Рязанщине. И случилось так, что как раз успел к похоронам батюшки своего. И не осталось теперь у полковника никого из родных. Погоревал-погоревал он да и засобирался скорее в дивизию, в гарнизон свой.

А наутро управляющий пришел.

- Ваше сиятельство, князь Сергей Апполинарьевич, мужики к вам с прошением...

- Ну-с, давай их сюда, - разрешил Безгубов.

Робкие, нерешительные, втиснулись мужики в господскую гостиную. Бухнулись в ноги князю.

- Худо как, барин, без землицы-то. Оскудели вовсе. Оголодали. Порадей, барин. Выдели землицы-то. Откупим обчеством...

- Постойте, господа мужики, - удивился князь. – А разве нет у вас земли?

- Да рази ж десятины на шесть душ хватит? А еще и недород, и скотину кормить надо. Выпасов опять же не хватает. С голоду брюхо что нам, что скотине подвело. Невмоготу боле...

- Ладно, мужики. Идите по домам. Подумаю...

Отпустил их князь Безгубов, стал советоваться с управляющим. Как быть-то? Неужели не лгут мужики, и так им жить плохо?

- Сушая правда, ваше сиятельство. За войну и вовсе тяжело стало, - чистосердечно признался управляющий. – В других деревнях, слышал, мужики даже за дубье взялись. Поджигают помещичьи усадьбы. У нас-то еще, слава Богу... А есть отчаянные, на все готовы...

- Ну что ж, выделяю мужикам двести десятин, что возле оврага. Пусть пользуются. Составьте купчую – по всем правилам...

С тем и убыл полковник из Милово. А бывать там стал только наездом каждый год во время отпуска, чтобы только посмотреть родные места, да отчет управляющего проверить.

В Ковно шла у него своя жизнь – жизнь новая да красивая. Женился Безгубов на красавице местной, княгине Ольге Евгеньевне. Купил особняк на самой зеленой улице. К сорока годам стал князь генералом. Завидная доля была у Сергея Апполинарьевича. Одно только плохо – детей не было.

А тут и мировая война нагрянула. Вступил в нее генерал Безгубов командиром дивизии в армии генерала Самсонова. Трудное и непонятное это было время. До сих пор, едва вспомнит князь начало войны, Восточно-Прусскую операцию, в которой довелось участвовать ему уже в августе четырнадцатого года, шемит сердце. И обидно, и стыдно старому генералу.

Непорядок, несоответствие какое-то заметил он, еще когда представлялся по случаю назначения командиром дивизии самому главнокомандующему Северо-Западным фронтом генералу Жилинскому. Сухой, надменный, с неподвижными чертами лица цвета пергамента, тот сразу вызвал антипатию князя. И это чувство укрепились, когда услышал Безгубов, как генерал Жилинский оскорбительно грубо разговаривал с офицерами своего штаба: обрывал их доклады, язвил, словом, унижал и всячески подавлял даже самое малое проявление самостоятельности достаточно опытных специалистов. За все время беседы генерал князь Безгубов так и не увидел улыбки главкома. Кстати, заметил Сергей Апполинарьевич, что такое же отношение проявлял главнокомандующий и к генералу Самсонову, командующему 2-й армией. Это к Самсонову, которого князь отлично знал по совместной службе, и который отличился в войне с японцами! Что было причиной такого отношения, князь Безгубов не знал, да и не к чему было об этом задумываться. Своих забот хватало. Особенно поначалу... А уж когда война началась...

Все шло по плану, разработанному штабом задолго до войны, - по дням и километрам марша войск к отведенным им участкам фронта. И расчеты вроде бы казались верными, не придерешься. Но вот вклинилась одна непредвиденность – неучтенное планом резкое изменение обстановки на Западном, союзническом, фронте. Немцы бросили против французской армии огромные силы. Вот и попятнулись союзники, а потом и вовсе побежали...

Между тем до столицы, до Парижа, оставалось не более полутора верст. От силы неделя срока, если учесть большие ежесуточные переходы немецкой армии. Вот и взмолилось французское правительство, обращаясь к российскому императору Николаю II: выручайте, мол, отвлеките на себя хоть часть кайзеровских войск!

И такова, видать, судьба русских – вечно подставлять свое плечо под чужую тяжесть, под чужую беду, помогать другим, выручать их, хотя и самим приходится несладко. Тут и полетели кувырком все генштабовские планы-расчеты. Засуетились, заспешили штабные генералы: надобно немедленно спасать-выручать союзников!

Полетели в войска шифровки: ускорить марш двух армий, что ближе к Восточной Пруссии находились – армии генерала Самсонова да Ренненкампа!

Нелегко перенацеливать многотысячную группировку войск, находящуюся на марше. Менять направление, изменять скорость движения, переподчинять корпуса и дивизии... Вот и растянулись маршевые колонны по многокилометровому пути, разорвались между ними связи. Быстрее! Быстрее! Союзники ждут!..

В эту кутерьму втянули и дивизию генерал-майора Безгубова...

Едва припомнив те августовские события, Сергей Апполинарьевич разволновался сверх меры. Вообще-то не любил он и боялся этих воспоминаний. Не любил, потому что за те события падала тень на русского солдата – смелого и выносливого, верного и умелого. А боялся, потому что невольно сам способствовал этому. Однако, если честно признаться, своей конкретной вины в том, что произошло тогда, генерал не знал. Да и не видел он этой вины!

А что произошло? Война с немцами началась первого августа и уже в середине месяца русские войска приступили к активным действиям. С востока, со стороны Вильно, в Восточную Пруссию вклинилась армия генерала Ранненкампа. 17 августа она разгромила армейский корпус немцев под Шталлупененом, а через три дня нанесла тяжелый удар по основным силам противостоящей немецкой армии под Гумбинненом и Гольдапом.

Вот тогда-то генерал Жилинский, вообразив, что немцы уже бегут и, пожалуй, могут укрыться от разгрома за Вислой, в резкой форме потребовал от генерала Самсонова, стоявшего в Польше, чтобы тот форсированным маршем двинул свою армию с юга для перехвата отступающего, мол, противника.

К сожалению, главнокомандующий не знал, что глубоко заблуждался. Немцы, хорошо понимая, какую опасность представляла движущаяся из-под Варшавы армия Самсонова для их войск в Восточной Пруссии, повернули против нее все свои наличные силы. Такое оказалось возможным потому, что армия

Ранненкампа неожиданно остановилась. Двое суток она выжидала неизвестно чего. А потом вдруг двинулась на оставшийся почти без войск Кёнигсберг, вместо того, чтобы поспешить на помощь попавшей в сложное положение армии Самсонова.

Это дорого обошлось русской армии. Знал генерал Безгубов, что с точки зрения военной грамотности, Ранненкампа не был бездарью. Однако принятое им сейчас решение было, по меньшей мере, необоснованным. Если сказать о случившемся мягко. Недаром у многих возникла тогда мысль, что разгадка всему кроется не в степени военной квалифицированности генерала, а в отношениях двух командующих армиями.

Князь Безгубов со слов своих приятелей знал, что Ранненкампа враждует с Самсоновым. Самсонов был обычным строевым генералом. Но генералом талантливым, подающим большие надежды. А Ранненкампа звезд с неба не хватал. Зато был хорошо известен при дворе. Его принимала сама Мария Федоровна, старая императрица. А по тем временам это было высшей рекомендацией.

Успехи Самсонова стали для Ранненкампа соринкой в глазу. Вот и подмывало Ранненкампа насолить Самсонову, помешать его карьере. Первая такая попытка состоялась на русско-японской войне. Тогда Ранненкампа, командовавший дивизией, зная о трудном положении, в котором оказалась дивизия Самсонова, палец о палец не ударил, чтобы помочь ему. Большие потери понесла тогда дивизия. Много солдат погибло. Еще больше было покалечено.

Боль и обида за напрасные жертвы, понесенные его подчиненными из-за холодного карьеризма соседа, потрясли Самсонова. И когда, уже после войны, встретил он Ранненкампа на одном из восточносибирских вокзалов, отхлестал его нагайкой при людях. Запомнил эту обиду злопамятный генерал. Ох, как запомнил! Вот и отплатил за оскорбление.

Об одном не думал этот русский немец, что плату нести будет не самолично Самсонов, а русский солдат, что удары плетки оплачиваться будут морями русской крови. Да что ему за дело было до этого?!

... Более ста верст по лесам и болотам шла армия Самсонова. Торопились. А главнокомандующий все тормозил и тормозил Самсонова, торопил его. И не знал или не хотел знать Жилинский, что в это самое время Ранненкампа, думая забыв о второй армии, навстречу которой спешила вся немецкая сила, двинул свои дивизии к Кёнигсбергу. Надеялся на легкий успех и поживу.

Без привалов, без отдыха шла армия Самсонова, в которой была и дивизия князя Безгубова. Это были трудные версты. Отстали тылы. Солдаты, верные присяге и царю-батюшке, на руках вытаскивали орудия и повозки из вязкого песка. А едва перешли границу Пруссии возле Нейденбурга, разведка доложила: впереди сосредоточилась на позициях вся немецкая армия. Вот тебе - на! По словам генерала Жилинского, она на запад уходила, к Висле...

Теперь впору бы остановиться, передохнуть, осмотреться, полтянуть тылы, перед боем накормить солдат. Попросил Самсонов об этом главкома. Но тот и слушать не захотел. Вперед! И весь разговор. Надо царю-батюшке победную реляцию подавать...

По докладом начальника оперативного отдела знал генерал Безгубов о телеграфной переписке, что состоялась между главнокомандующим и главкомом. Самсонов докладывал данные разведки о нависших над тылами немецких войсках, просил разрешения остановиться, чтобы отбить и отбросить их. Но ответ был оскорбительным.

«Путь свободен. Генералу Самсонову грезится враг там, где его нет. Если генерал поборет малодушие и нерешительность, то не даст возможности немцам уйти за Вислу», - слал Жилинский телеграмму за телеграммой.

Вот так и попала армия генерала Самсонова в ловушку. Охватили ее немцы с обоих флангов, обрушились всей артиллерией...

Отчаянно бились русские солдаты. Бросались в контратаки, в штыковую ходили. Местами теснили немцев. Один из корпусов даже до Бишофсбурга, а это почти шестьдесят верст, гнал их. Да подоспели резервы к немцам, снятые с Западного фронта...

Нелегко было и первому корпусу, оказавшемуся в районе Зольдапа. И все-таки он тоже сумел потеснить врага на 10-15 верст. А вот центральная группа армии, попавшая в долину между заболоченными озерами, что в районе реки Алле, была окружена. Началась бойня... Среди войск центра была и дивизия генерала Безгубова.

Когда столбы взрывов охватили штабную палатку, опрокинули личную коляску и оглушили генерала, растерялся Сергей Апполинарьевич.

Еще можно было отвести часть дивизии в тыл, можно было. Да упустил князь время. А потом, когда убедился, что дело не поправить, - махнул рукой. «Была не была! Погибнуть с честью, как русским положено, сумею!» Порывался было в атаку с револьвером в руке броситься. Денщик удержал.

-Куда Вам, Ваше превосходительство! Не генеральское это дело, не княжеское...

Вот тогда отчаяние охватило Сергея Апполинарьевича. Приставил револьвер к виску. И опять денщик помешал...

Уже потом, спустя много дней, привезли генерала к Вильгельму – германскому императору. Станный был разговор. Вроде светской беседы. Задавал кайзер какие-то вопросы о знакомых Безгубова, графах да князьях, о их положении при дворе. А потом, будто между прочим, обронил:

- Думаю, князь, что вас вполне устроит бывшее имение князя Шлобитена. Неплохой дворец, леса. Когда-то я охотился в тех краях. Живите, владейте. Там, кстати, хороший конный завод есть. А Вы, князь, как известно, большой любитель лошадей...

На этом и кончилась аудиенция. Так и не понял князь, за что его облагодетельствовал кайзер. Однако поселился в замке в тот же день.

Первое время никак не мог привыкнуть к немецкой речи, к пунктуальности, даже педантичности немецкой. Утомляла она его. Все действия и даже помыслы, как ему казалось, расписаны по пунктам. Все разложено по полочкам. Только и радовало, что слуги исполнительны и молчаливы в его присутствии. Поняли сами или кто подсказал им, что русскому генералу не нравятся разговоры слуг. Да и не до этого ему было в первое время.

А к русской речи тянуло князя неудержимо. Как-то своему управляющему обронил, что, мол, был у него денщик Иван Птицын из родного села. Помнится, мол, до сих пор. Где-то в лагере для пленных сейчас.

То ли немцы – народ такой сентиментальный да отзывчивый, то ли приучены к понятию: слово господина – закон, только откликнулся на тоску генеральскую управляющий.

- Герр генерал, ваш денщик зольдат Птицын завтра буден доставлен из лагеря!

- Данке шён! – не выдержав, впервые по-немецки сказал князь. – Зеер гут!

Так в замке князя появился Иван Птицын. И стал он единственной отдушиной, той ниточкой, что связывала Безгубова со всем русским, с Россией. В общении с денщиком, в тихих разговорах с ним за чаем да в поездках по окрестным полям и лесам еще больше крепла тяга князя к России-матушке, еще больше росло в душе старого генерала теплое чувство к ней и ощущение вины перед Родиной.

Как-то так повелось с первого же года жизни в Пруссии, что князь Безгубов редко заезжал в гости к соседним юнкерам - немецким помещикам. Не находил он с ними общего языка! О земле и посевах, о коровах и свиньях говорить Сергей Апполинарьевич не хотел, да и не умел. Он в хозяйстве до сих пор почти не разбирался. Только в конях понимал толк. О них он мог часами разговаривать. А помещики местные считали это чудачеством. Не видели в том пользы, выгоды не видели. Потому и сами сторонились чудаковатого «альте геррен» - старого господина.

Так что невольно тянулся князь Безгубов к Ивану Птицыну. Правда, и его до конца понять не мог. Тихую крестьянскую грусть по кострам в ночном, по зарослям ивняка на изгибе речки он еще понимал, а вот тоску по пыльным проселкам Рязанщины, по кособоким хаткам села Милово не одобрял. Не понимал он и благоговения Птицына перед соловьиными трелями, перед зелеными былинками в полях. Ему все это трудно было воспринимать как-то иначе, чем сантименты. Все-таки был Безгубов кадровым военным, настоящей военной косточкой. И все окружающее князь видел только с этой точки зрения.

Кроме, естественно, лошадей. Их князь понимал хорошо, как и денщик, простой крестьянин. Любил и жалел, тянулся к ним.

Не до конца понимая своего денщика, старый генерал ощущал в то же время необъяснимую тягу к нему. Из-за этого прощал промахи и малые провинности, из-за этого облегчал ему жизнь поблажками. Как-никак – русский, русская душа Иван Птицын! Как же не порадеть ему?

Первые годы после войны князь, хоть и скучал по России, не очень-то интересовался, как там дела, чем живет страна, совсем недавно бывшая его Родиной, его Отечеством. А прочитав порой официальную или эмигрантскую газету, никак не мог понять Сергей Апполинарьевич, что за неразбериха, что за междоусобица затеялась в те годы на русских просторах. Зачем и почему все это происходило? Кому это было надо?

Генерал не мог поверить, что русский народ – крестьяне, которых он, в общем-то, немного знал, и рабочие, которых он видел, но не знал совсем, что именно этот народ, не знавший ничего, кроме сохи и молота, вдруг покусится на царский трон, потянется к руководству страной. Такой-то огромной да многоликой! Куда им, безграмотным, в высшие материи!..

Потом уже, к концу тридцатых годов, когда прокатились по Европе страшные вести о массовых репрессиях в России, о тысячах арестованных и расстрелянных, о зверствах коммунистов и чекистов, заинтересовался князь, так что же на самом деле происходит там, на прежней Родине? Стал чаще читать газеты, а года за два перед войной съездил в Кёнигсберг, в городскую библиотеку, чтобы перелистать хотя бы то, что написано о России. Захотелось понять, как там обстоят дела.

С удивлением и недоверием читал сообщения о Днепрогэсе и Магнитке, о Запорожстали и Кузнецком бассейне, Горьковском автозаводе и Сталинградском тракторном. Читал, верил и не верил. Неужто его Россия, лапотная, мужицкая, именно такая Россия сумела справиться с современной техникой, освоила такие промышленные гиганты? Та ли это Россия? Те ли это мужики, которых знал князь раньше?

И где-то в глубине души возникали у старого генерала странные чувства. Уважение?.. Нет, не то слово! Удивление?.. Что-то похожее. В общем, князь начинал понимать, что он уже не знает своей Родины.

Да и народ в ней стал другим. Как бы вырос на голову, перенеся немалые трудности и испытания. И за это нельзя не отдать ему должное.

Конечно, никак не мог понять князь, как это такая большая страна обходится без царя. Даже представить себе не мог: уж слишком живы в памяти картины прежней жизни русского народа – забитого и бесправного, бедного и неграмотного. А может, быть это только казалось князю?

Мысли эти все чаще стали приходиться к Сергею Апполинарьевичу, когда фашисты напали на Россию. Поначалу, читая официальные сводки с фронта, видел – немецкая военная машина катилась вперед легко и уверенно. В общем-то, это можно было предполагать. Генералу приходилось выдвигать ее на парадах и маневрах. Ничего не скажешь – она вызывала уважение. Поражало огромное количество техники – танки, самолеты, тяжелые орудия. Пехота в прежнем понятии теперь отсутствовала: целые дивизии и бригады на автомашинах, мотоциклах и велосипедах! Орудия – не на конной тяге, а на автоприцепах, на тягачах... Далеко шагнули и современное оружие, и, вообще, вооруженные силы. Ну, да немецкую военную машину генерал хорошо знал. Знал и силу ее. Вымуштрованные солдаты, хорошо вооруженные, да еще и осознавшие свое превосходство над другими. Недаром немецкая армия блистательным маршем прошла по Польше и Франции, Дании и Норвегии, Голландии и Греции...

Отсюда, издалека, наблюдая за ее действиями, видел генерал, что поначалу и в России шло не хуже, а вот потом что-то не заладилось... Следил старый генерал, между строк газетных вычитывал, что сначала русские армии пятились, то и дело бросаясь в контратаки, цепко удерживаясь за крупные города. А потом, уже перед самой белокаменной, хрустнуло что-то в немецкой машине. Начала она буксовать. А потом медленно поползла назад. Русский-то дух сильнее оказался. Сила русская крепче. Солдат русский – упрямее, настойчивее, выносливее!

И с того времени снова невыносимо заняла душа старого генерала. Придут ведь русские солдаты сюда, спросят, за какие такие заслуги получил князь Безгубов дворец от кайзера. Значит, продал Родину, предал солдатушек русских?

Вот и тянуло князя водкой залить проклятые вопросы, что жгли каждодневно душу и сердце...

Только что-то долго не несет штофа старый денщик Иван Птицын!?

ВПЕРЕД, ОРЛИК!

Давно, очень давно не чувствовал Иван Птицын своего сердца. Впервые случилось это тридцать лет назад, когда в Мазурских болотах обрушились вдруг на штаб дивизии немецкие снаряды, с чавканьем и грохотом вздымая потоки грязи. Свистели горячие осколки. Тянуло удушливым запахом сгоревшей взрывчатки. Визжали и взвивались на дыбы раненые лошади. Трещали, разлетаясь на куски, оглобли. Со всех сторон неслись многоэтажная матерщина, крики злости, боли и страха...

Страшная, тяжелая картина разгрома армии, гибели сотен, тысяч людей! Она обрушилась на Птицына совсем неожиданно. И от того видеть ее солдату было невыносимо тяжело. Ужас сковал Птицына.

Вот когда русский солдат Иван Птицын впервые ощутил, как что-то невидимое, но безжалостно жестокое схватило его за грудиной, да так сильно, что невозможно было от боли вздохнуть. И показалось солдату: все, пришел конец. Птицын задыхался, жадно хватая воздух ртом, почти теряя сознание. В глазах его мелькали разноцветные круги, сменяясь черными провалами. Через минуту-другую отлегло немного, отпустило. И тогда, едва переведя дух, бросился Иван к генеральской коляске – спасти своего барина. О генерале, о своем хозяине подумал, прежде всего, он тогда.

А как же иначе? Так надо. Чай, барин это! Да и Софья Евгеньевна, барыня, жена, значит, генеральская, наказывала:

- Ты уж, Иван, гляди в оба. Генерал-то, князь Сергей Апполинарьевич, что ребенок несмышленный в жизни. Ему только командовать да воевать. А все остальное за него слугам помнить надо да делать, не ожидая приказа...

И то верно. По понятию Ивана Птицына: генерал вовсе даже беспомощный в жизни. Ни обуться-одеться, ни на стол там, скажем, накрыть, али чаю сварить...

Ну да с генералом в тот раз ничего не случилось. А вот у Птицына наутро побелели виски. Вроде инеем заледенило их, снежком молодым притрусил-присыпало.

Много лет прошло с тех пор. И забыл бы Иван Птицын о том, что бывает такая боль, когда свет не мил, когда хочется махнуть на все рукой, мол, Бог с ней, с жизнью! Лишь бы не ощущать себя рыбой, выброшенной на раскаленный песок. Ну ее к бесу, такую жизнь!

Но вспомнить пришлось.

Во второй раз схватило у Птицына сердце, когда прочитал старый генерал, его барин, в газете немецкой сообщении, будто войска победоносного германского рейха вступили на территорию Советской России. «В ожесточенных боях, - читал генерал, - доблестные воины фюрера захватили города и села»...

Потом уж, когда барин Сергей Апполинарьевич, дочитав газету, бросил ее на диван и ушел к себе, Птицын с трудом разобрался в написанном. В газетенке той много писалось о героизме немецких гренадеров, врывавшихся в города и на укрепленные позиции русских сквозь сплошную стену огня,

поставленную красноармейцами, «оболваненными большевиками». Говорилось там о тысяче самолетов, бомбивших русские города и села, окопы и траншеи. А еще о богатых трофеях, отправленных в фатерлянд...

- Господи, снова война! – будто током ударило генеральского денщика. – Опять беда России! Сколько же можно?..

Чуть живой добрался тогда Птицын до своей комнаты и долго плакал от боли, рвущей сердце, от боли в глубине души. Плакал от боли и обиды за землю предков своих, землю детства своего – далекую и милую Россию.

А сейчас сердце Птицына снова ныло. И никак не мог понять старый солдат, с чего бы это. Нудная, тянущая боль сжала сердце так, что денщик невольно остановился, подойдя к двери в подвал. Входить побоялся: не дай Бог, упадет. Тогда все пропало.

- Миша, сынок, - хрипло шепнул он вниз. – Возьми харч-то!

Хорошо, что тот рядом, видно, хоронился, ждал старика. Сразу же показался из подвала.

- Здесь я, отец!

Старый денщик торопливо сунул разведчику в руки сверток, передал фляжку с водой.

- Не обессудь, сынок, - прошептал. – Сердце прихватило. Пойду я, однако...

Еле переводя дыхание, старик поплелся к себе. Двигался медленно, нога за ногу, шаркая и спотыкаясь, то и дело останавливаясь. А когда прошел комнату, в которой жил господин Либерс, сердце снова схватило. И тогда Птицын вцепился в косяк двери, что ведет в узенький коридорчик людской, остановился, со страхом прислушиваясь к себе. Стоял, боясь глубоко вздохнуть, и слезы невольно катились из глаз. «Вот ведь незадача какая. Вконец изъездился конь. Словно ребенок малый, беспомощный ноне. Впору ложиться да помирать!»

И уж совсем было решился Иван Птицын разжать пальцы, чтобы упасть в мягкое небытие. Да услышал вдруг, как щелкнул замок в двери, за которой - комната управляющего. Чуть скрипнув, приоткрылась дверь. Высунув голову, господин Либерс осмотрелся по сторонам. Как видно, не заметив денщика, осторожно выскользнул в коридор и, крадучись, поспешил в вестибюль, едва освещенный небольшой электрической лампочкой.

Будто огнем опалило Птицына. «С чего бы это так остерегается господин Либерс? С чего он таится?» И так это неожиданно оказалось, что, вроде, полегчало сразу старику. Отпустила боль. Вздохнуть можно очень даже просто.

Отпустил Птицын косяк, потихоньку выглянул в коридор. А Либерса уже и не видно.

«Это ж куда его лихоманка понесла среди ночи? – насторожился денщик. – Барин никому не велит из замка отлучаться. Надо, однако, доглядеть. Какие-такие дела ночью делает он?..»

Птицын торопливо засеменял след. А между тем Либерс осторожно подкрался к входной двери, запертой им же с вечера, достал из кармана ключ. Воровато озираясь, склонился к замочной скважине.

И тут в памяти Птицына словно приоткрылась какая-то потайная дверца, и яркий лучик света высветил недавнее: вот скрипнула половица, вот голос Либерса в подвале раздался...

«Ах, ты ж, Боже мой! Да это же выследил он меня, а теперь в полицию помчался, антихрист окаянный! Вот незадача-то! Вот беда! Что же делать-то мне?»

Еще размышлял Иван Птицын, что ему предпринять, а ноги уже несли его к подвалу.

«Надо Мишу вызволять. Торопиться ему надобно!..»

Первые шаги отдались острой болью.

Прижимая левой рукой ноющее, будто на куски разрывающееся, сердце, Птицын досеменил до подвала. Из последних сил рывком распахнул дверь.

- Миша, вставай! Торопись, сынок. Ох, плохо. Ох, плохо! Либерс, сволочь такая, уследил. В полицию побег. Бежать тебе надо.

- А далеко полиция? – пружиной взметнулся Жарков.

- Да с полчаса, пожалуй, потребуется. Рядом с вокзальчиком управление-то...

«Так, полчаса дороги, потом время на тревогу, на сборы. Значит, еще полчаса. Что ж, время есть»...

- торопливо прикинул Жарков.

- А куда лучше уходить, папаша?

- Погодь, погодь, сынок. Дай с мыслями собраться. Что-то путное ведь хотел сказать, - замахал руками старик. – Дай Бог памяти!..

Иван Птицын тяжело опустился на пол. Ноги уже не держали его. А сердце продолжало ныть. Его сжимала неведомая боль, от которой путались мысли и темнело в глазах.

- Вспомнил, вспомнил, сынок! Перво-наперво, одежку тебе сменить надобно. Больно неподходящая она. Да изорвана еще. Гитлеровцы это сразу узрят. Не укроешься, схватят. Погодь чуток. Сейчас я огонек вздую...

Старик наощупь открыл дверцу шкафа, пошарил по полкам.

- Вот он, сердешный!

Что-то шмякнулось из его рук, с сухим шорохом покатилося по каменному полу подвала.

- Ах ты, Царица небесная! Руки-то дрожат. Коробок не удержал. Помоги, соколик. Пошарь по полу, собери спички-то!

Вспыхнул крохотный огонек, затеплился красноватым светом огарок свечи.

- Подержи, сынок, - протянул старик Жаркову огарок. – Я одежонку тебе достану. Здесь где-то костюмчик мой давний, егерский. Барин давно как-то подарил. Вот он!

Генеральский денщик достал из шкафа куртку защитного цвета, такие же брюки.

- Натягивай поскорее, да слушай, чего я говорить буду!..

Жарков быстро скинул изорванный и все еще мокрый костюм, облачился в униформу егеря.

- А что, вполне подходит, сынок. Значит, как я мыслю, пеший, ты к фронту не проберешься. Почитай, неделя, как кругом всяких постов да патрулей понаставили. Проверка за проверкой. Стало быть, надо то ли змеей проползать, то ли стрелой пролетать мимо. Ну, змеей – у тебя времени нету. А вот стрелой надо бы... До фронта здесь далече. Верст девяносто, пожалуй, будет. Так я тебе, сынок, выведу генеральского жеребца. Скачи на нем. Где пролетишь соколом, где под видом егеря проедешь... Пока ночь на дворе, мчись, поспешай!..

Старик остановился, переведа дыхание и, поглаживая левую сторону груди, продолжал:

- Примечай дорогу-то. Поначалу по тракту до самой опушки леса. Это верст пять. Потом по просеке столько же. А там и болото будет. Только ты, сынок, не бойся, поезжай смело. Сухое болото-то. Ну, в середку к нему, ясное дело, не залезай, а скачи по опушке, вдоль, пока в дорогу не упрешься. Перемахни через дорогу-то. А там уж повдоль речки. Все на восход, да на восход держись. Места мне там знакомые, низменные. Чаю я, не встретишь солдат – они больше по высоткам, по взлобкам – и окопы там у них и доты всякие. Верст через сорок-пятьдесят в железную дорогу упрешься. Вот здесь поосторожней, сынок. Там застав много. Ну, да ты верст пять около железки-то промчись, а там перемахни через нее, да и дальше вдоль речки путь держи... Ты запомнишь ли, что я тебе твержу, сынок? – спохватился вдруг старик. – А то я долдоню, долдоню...

Тем временем, синхронно со словами старика, перед глазами капитана, словно на проявившейся фотографической пленке, стали отчетливо вырисовываться голубые линии речек, красные стрелы железнодорожных линий, коричневые паутинки шоссе и дорог, сине-зеленые пятна болот и озер. В памяти оживала карта района, увиденная в штабе армии.

Вот – Фридлянд, до которого ни в коем случае нельзя доезжать. Надо за километра два-три отвернуть влево. Вот приток Прегеля, по болотистой низине которого скакать часа два, не меньше... Вот железная дорога на Инстербург. А там – еще один приток Прегеля. И, наконец, совсем рядом слева – Гумбиннен. Здесь – рукой подать, линия фронта...

- Ну, идем, сынок, во двор-то. Пора, пожалуй. Как я полагаю, сынок, пока тревога, пока подъедут гестапы к замку, ты уж верст полсотни отмахнешь. А то и больше. Конь-то больно добрый. Уж такой добрый! Ну, а там смотри – осторожнее. Коня расседлай, да и отпусти. Ежели обнаружат его, пока разберутся, откуда, мол, да чей, - ты и через фронт проберешься...

- А как же Вы, папаша? И Вам уходить надо!

- Э-э, милоч! Не до этого мне. Сердце сдает. Чую: вот-вот каюк мне. Так что прощевай. Росии-матушке привет-поклон глубокий передай. Может, хоть чуток вины своей заглажу перед ней...

Птицын остановился, одышливо сопя. Торопливо перекрестился маленьким крестом. – Господи, благослови! Ты уж, сынок, постой здесь, в тени. А я сам на конюшню пойду. Сторож-то спросит, чего, мол, брожу средь ночи. Так придумаю чего. Мол, соскучился по лошади-то. Али барин, мол, наказывал ночью выгулять, потому как день у него запойный был...

Михаил Жарков, поеживаясь от волнения и ночной прохлады, принесенной недавним дождем, огляделся по сторонам. Тревожная тишина нависла над погружившимся во мрак замком. Низкие плотные тучи, укрывшие небо, еще больше сгущали почти осязаемую на ощупь тьму. Снова скрылась сторожкая луна. На небе ни звезды.

- Хорошо, папаша! Я подожду...

Старик неслышно растаял в темноте.

Теперь, когда смертельная опасность, нависшая на Жарковым, притупилась, как бы несколько отошла в сторону, а капитан, отдохнув немного, набрался сил, совсем по-другому видел он сложившуюся обстановку и по-иному думал о жизни. Теперь ему ни к чему было мечтать о том, как бы нарваться на пулю, которая избавила бы его от мучений и издевательств в гестапо, от возможной слабости. Теперь с новой силой вспыхнуло у Михаила желание как можно быстрее перебраться за линию фронта, чтобы передать важные разведанные. И возникшие вдруг новые затруднения, новые опасности лишь разожгли это желание, вызвали неодолимую жажду схватки с врагом, стремление обмануть его, обойти все препоны.

И вместе с тем в сердце капитана зародилось теплое чувство признательности к неожиданному своему спасителю – земляку, старому русскому солдату, с опасностью для жизни помогающему ему.

С нетерпением ждал Жарков возвращения Птицына. Если удастся заполучить верхового коня, шансы капитана резко повысятся. Что значит для хорошего жеребца промчаться девяносто километров?

Три, от силы – четыре часа. Остатка ночи хватит, чтобы добраться до бывшей прусской границы. Той, что ныне стала линией фронта.

Конечно, и капитан Жарков прекрасно понимал это, - в пути его будут подстерегать разные опасности – встречи с патрулями, засадами, полевыми комендатурами. Все может быть. Но главная, основная опасность возникнет возле самой линии фронта.

Обычно, когда разведгруппа возвращается из поиска, для нее специально готовится определенный участок фронта: разминируются подходы, готовится артиллерийская и минометная поддержка перехода линии фронта, предусматриваются даже демонстративные, отвлекающие атаки вражеских позиций. А вот капитан не мог надеяться на это. Если ему и удастся прорваться к передовой, он окажется слишком далеко от полосы, занятой его дивизией и где ему была обеспечена поддержка. Значит, надо надеяться только на свою изворотливость, на умение разведчика, наконец, просто на везение...

Между тем старик все еще не возвращался. Торопливо мчались минуты ожидания, - чем дальше, тем, казалось, больше ускоряя свой бег. Хотя, на самом деле, прошло не более пяти минут, капитан был уверен, что пролетело полчаса, не меньше. Нервы его натянулись. Как поступить? Настал такой момент, когда капитан Жарков уже совсем решился бросить все и скользнуть в ночь, в новую неизвестность, не ожидая старого денщика. Но тут послышалось легкое цоканье копыт. Вскоре старик и лошадь, почти незаметно во тьме, большими серыми тенями возникли рядом.

- Держи, сынок, - протянул старик поводья Жаркову. – И это тоже.

Денщик генерала подал Михаилу тяжелый, приятно оттянувший руку пистолет.

- Пригодится, сынок. А Фрица-то пришлось шкворнем по голове, сонного. Иначе нельзя было: уздечку в руках держал, супостат. Ну, ин Бог - мне судья!..

Птицын стоял возле коня, гладил его атласную шею, что-то шептал на ухо, пока Жарков возился с подпругой и стремянами, подтягивал, примерялся.

- Ты, Миша, однако, на проселок выезжай. Метров через пятьдесят сверни с тракту-то. Переберись через железную дорогу. Вот по проселку и торопись, пока германцы не зашевелились. А обо мне не печалься...

Старик поднял руку, чтобы благословить разведчика в дорогу, да вместо того, чтобы крест сотворить, хлопнул себя по лбу.

- Ох, ти мне, совсем забыл, старый. Жеребца-то зовут Орликом...

Медленно, широко и размашисто перекрестил Жаркова.

- Ну, с Богом!

- Спасибо, папаша! Вовек не забуду!

Капитан легко вскинулся в седло, тронул поводья.

- Вперед, Орлик!

Жеребец всхрапнул, вскинулся на дыбы и ринулся в ночную тьму...

НЕОЖИДАННОСТИ И НЕПРИЯТНОСТИ

На рассвете, едва первые робкие лучи солнца позолотили крышу замка, и проснувшиеся в парке дрозды залились пробными руладами, к высокому парадному подъезду мягко подкатил черный приземистый «хорьх». Из него неторопливо вышел сухопарый оберст, на ходу сдергивая тугие лайковые перчатки. Он небрежно махнул рукой оставшимся в машине, и этот жест можно было понять, как разрешение остаться или как приказание ждать. Что, собственно, было абсолютно все-равно и для штурмфюрера Ланса и для господина Либерса, сидящих на заднем сидении «хорьха».

Теперь, когда рядом не было этого чопорного офицера армейской разведки, отпрыска потомственной военной фамилии, даже в машине откровенно чуравшегося представителей гестапо, Отто с Вильгельмом продолжили свой затянувшийся с ночи спор.

- Ну что ты копаешься, Отто? – сердился господин Либерс. – Чего мы ожидаем? Дорога́ каждая минута.

- Не торопись, Вилли. Куда спешить, если даже опытные ребята из Абвера не очень-то спешают? – не без язвительности отвечал штурмфюрер. – Теперь не мы отвечаем за операцию. Господин полковник изволил настоять, что его ведомство больше заинтересовано в аресте разведчика. Что ж, пусть ловит...

- Но посмотри-ка, герр оберст уже пошел в замок. А это, все-таки, наш с тобой объект...

Действительно, постояв минуту другую возле машины, будто размышляя, с чего начать, полковник стал медленно подниматься по каменным ступенькам к резной парадной двери. На верхней ступеньке остановился и, словно нехотя, оглянулся на дорогу, ведущую к парку.

Оттуда, будто ожидавшие этого, с грохотом вынырнули огромные «цундапы» - тяжелые и мощные мотоциклы с колясками. Рева моторами, они с шиком развернулись и стали полукругом метрах в десяти-двенадцати от подъезда. Выскочив из коляски, солдаты с автоматами в руках торопливо выстроились рядом с машиной. Широко расставив ноги, они молча замерли, не сводя глаз с входной двери и окон дворца. Заученные до автоматизма действия, отшлифованные не на одной такой вот операции!

И тотчас оберст, повернувшись к машине, взмахнул перчаткой. Увидев этот жест, Либерс подтолкнул штурмфюрера.

- Отто, герр оберст ждет!

- Ничего. Подождет немного. Слишком долго вызывал он своих олухов. Пусть теперь прочувствует, как переживал я, обрывая ночью его телефон, когда просил о помощи...

- Ты неправ, Отто. Все-таки оберст старше нас. А во-вторых, меня волнует русский разведчик, а не ваши с оберстом отношения. Как бы он не исчез...

- Э-э, Вилли, вот это как раз и не волнует меня. Даю гарантию, что разведчик сейчас спит, как сурок. Как-никак набегался вчера порядком, а теперь добрался до сухого и теплого угла. Надеюсь, еще и поел. Так что спит он, или, как говорят русские, - дрыхнет без задних ног. Впрочем, на его месте я отсыпался бы не менее суток. Так что возьмем его тепленького... Однако герр оберст изволит проявлять нетерпение... Пойдем!

Штурмфюрер Ланс толкнул дверцу, осторожно, будто опасаясь, ступил в лужу, спустил ноги, затем рывком вскочил с места. Мимо торопливо прошмыгнул господин Либерс и рысцой бросился к полковнику.

- Цу бэфель, герр оберст! Слушаю, господин полковник!

- Ключ! Открывай! - вероятно, рассудив, что у русского генерала управляющий тоже должен быть русским, сухо каркнул недовольный оберст. - Надо очень торопиться!

- Я, я, герр оберст. Айн момент!

Вильгельм Либерс начал суетливо рыться по карманам, отыскивая сунутый туда еще с ночи ключ. Нашупал его в левом кармане пиджака, торопливо рванул оттуда, не слыша, как треснула зацепившаяся за бородку ключа материя. - Вот он!

... В замке давно уже не спали. В эту ночь генерала одолела бессонница. Еще с полуночи чудились ему какие-то стуки и шорохи, обрывки разговоров, скрипы... Казалось, будто в эту ночь почему-то не спит вся дворцовая прислуга, она мечется по комнатам и коридорам, кого-то разыскивая.

Князь хотел было позвать денщика, чтобы выяснить, в чем дело. Но вскоре шум вроде бы утих. Сергей Апполинарьевич полежал еще немного, тщательно прислушиваясь. Нет, вокруг снова было все спокойно, тихо.

Однако сон теперь уже не возвращался. Старый генерал, вспомнив давние рецепты, насчитал до тысячи. Безрезультатно. Вытянувшись во весь рост под теплым одеялом, он внушал себе: «спать, спать, спать». Но ничего не получалось. Сон не шел.

Генерал снова повернулся на правый бок, сжался калачиком, как делал в далеком-далеком детстве. Сна не было ни в одном глазу! Сколько ни ворочался, сколько ни приказывал, сколько ни внушал, сон не брал его. Промучившись чуть не до рассвета, так и не вздремнувший князь поднялся с постели.

Крикнул денщика. Обычно, едва услышав барский голос, Иван Птицын сразу же просовывал голову в дверь:

- Доброе утро, князь-батюшка! Чего прикажете?

Чего прикажете... Знал, бестия, что старый генерал по утрам делал прогулку на коне. Знал, но прикидывался, что ведасть не ведает, чего надобно хозяину. Очень уж нравилось старому денщику, чтобы по старой, еще со времен службы, привычке барин каждое утро давал ему распоряжения...

На этот раз денщик на зов не откликнулся.

- Эй, кто там?! - вскипел генерал. - Подать мне коня! Да живее, черт побери!

Вскоре услышал князь, как пробежал кто-то по коридору, бухнула входная дверь... От души отлегло. Все становилось на свои привычные места. Значит, минут через пять конюх подведет к крыльцу Орлика. Прогулка должна получиться неплохой - вон как рдеет рассвет. Даже сквозь плотные шторы на окне видно. Хорошая будет погода!

Старый генерал, накинув на плечи теплый халат, подошел к окну, потянул шнур. Портьеры легко и бесшумно поползли, собираясь в гармошку. В окно хлынуло багряное рассветное золото. Блики встающего солнца заиграли на стекле окна, на стенах, на спинке деревянной широкой кровати, упали на паркет...

- Ах ты, благодать! - тихо охнул Сергей Апполинарьевич. - Рассвет-то какой щедрый!..

В полуоткрытую форточку чисто и звонко донеслось «цици-вю», «цици-вю», потом отрывистое «пиньк- пиньк- пиньк-трр». Пахнуло давним, полузабытым. Когда жил еще в имении на Рязанщине, в Милово, такие же были птичьи концерты по утрам. «Синичка, - угадал генерал, - конечно же, синичка!»...

Но следом за синичкиной песней вдруг зазвенела пила, затрещало сухое дерево, замыкала кошка...

«Это-то откуда взялось? - изумился Безгубов. - В поместье ни пилы, ни кошек...»

Но звуки эти повторились снова и снова, все в той же последовательности - пила, сухое дерево, кошка...

«Боже ж ты мой, да это дрозд-пересмешник! Его, его это шуточки».

Генерал отошел от окна. Взглянул на часы. Прошло уже семь минут. «Однако, пора и коня подать... Что сегодня копаются?» - начал волноваться Сергей Апполинарьевич. Нетерпеливо зазвонил в колокольчик.

- Я буду в гостиной, - бросил показавшемуся в дверях слуге. - Конюха ко мне!

Минуты через две-три конюх Франц, насмерть перепуганный, стоял перед Безгубовым.

- Почему мне до сих пор не подали коня? В чем дело, черт возьми! – распаяясь больше и больше, накинудся на него генерал. – Где ты шляешься? Хочешь, чтобы я тебя, как пса паршивого, выгнал со службы?

- Ваше... Ваше превосходительство, - чуть не падая в обморок от охватившего страха, лопотал конюх. – Лошади нет в конюшне. И сторожа я нигде не нашел...

- Что-о? – вскипел Бугубов. – Что ты сказал?! Как это нет? А где же сторож? Где этот мерзавец? Пьянствует, что ли?

Князь поднялся из кресла и, сорвав висевшую на стене плетку, двинулся к опешившему конюху.

«Ну, все, забьет насмерть!» - подумал тот.

Генерал, на глазах свирепея, поднял плетку. Но в это время в дверь кто-то настойчиво постучал.

- Кто там еще? Входите, черт побери!

Дверь распахнулась, пропуская оберста вместе с управляющим.

- Где это вас носит, голубчик?! – обрушился генерал на растерявшегося Либерса. – Этот олух сообщает мне, что в конюшне нет Орлика, а сторож куда-то исчез. Что творится в моем доме, я спрашиваю!

- Энтшульдигунг, герр генерал. Извините. С Орликом и сторожем я разберусь. Но к вам герр оберст с очень важным делом...

Бугубов нетерпеливо дернул плечом, перевел взгляд на полковника, застывшего с каменным лицом. Тот невозмутимо выдержал его взгляд. Постепенно успокаиваясь, генерал снова сел в кресло.

- Хорошо, господин Либерс, я поеду позднее. Орлика подать через полчаса. Слушаю вас, господин полковник.

- Э-э, герр генерал, у меня неприятное сообщение. Нам стало известно, что ваш денщик кого-то укрывает в подвале. Не откажите в любезности вызвать сюда денщика. А заодно разрешите моим солдатам осмотреть подвал.

- Что-о-о? Мой денщик? Не может быть! – вскочил генерал. Схватил колокольчик, лежавший на краешке стола, яростно потряс его.

- Денщика ко мне. Немедленно!

«Час от часу не легче! Ведь как чувствовал беду, - не спал всю ночь».

Князь Бугубов, сдерживая себя, теребил витые шнуры щегольского халата и переступал с ноги на ногу, будто в ознобе. Мягкие хромовые сапожки скрипели тонкой кожаной подошвой по тщательно натертому паркету.

- Боже, что за день!

Старый генерал устало опустился в кресло

- Ваше превосходительство, - вбежал кто-то из слуг, - денщик болен. Лежит в своей комнате.

- Господин генерал, - оживился оберст, до этого молча переводивший глаза то с генерала на конюха, то с конюха на господина Либерса, будто не понимая, о чем все-таки идет речь. Сейчас он услышал о денщике, интересующем его. – Господин генерал, позвольте, я лично переговорю с вашим денщиком. Раз уж он болен, – торопливо добавил оберст, заметив протестующий жест Бугубова.

- Хорошо! – согласился генерал.

... В комнату Птицына полковник ворвался, словно за ним гналась свора взбесившихся собак.

- Ганс, ты не ешь птица, ты ешь свинья! Большой и грязный свинья. Кто ты прячешь подвал?

- А никого не прячу, ваше благородие. Никого там нетути...

- Как это – «нетути»? Веди меня подвал!

- Тяжело мне. Сердце заходится, ваше благородие. Не могу я. Ноги не слушаются...

- Как это не слушаются? Нужно слушается!.. Герр Либерс, штурмфюрера и солдат сюда. Шнель!

Господин Либерс, огромный и нескладный, в мгновение, - и откуда только прыть взялась, - исчез за дверью. А вскоре, грохоча подковами, в комнату ввалились Отто Ланс и четверо солдат.

- Цу бэфель, герр оберст! Слушаюсь, господин полковник!

- Взять денщика и в подвал!

Двое дюжих солдат стащили старика с лежанки. Схватив его под руки, они поволокли Птицына вниз, не замечая, что у того свалились шлепанцы, и ноги денщика в теплых шерстяных носках волочатся по полу, колотясь о ступеньки. Старик не ощущал этого. Он задыхался. Крупные капли пота выступили на лбу Птицына. Сердце торопливо билось где-то у самого горла, то и дело останавливаясь. Нестерпимая боль, казалось, наполнила все тело...

В подвале сразу же вспыхнуло несколько мощных электрических фонарей. Яркий свет резанул по глазам, будто лезвием. Но Иван Птицын ничего не видел и не чувствовал. Он лежал на холодных каменных плитах пола и, судорожно всхлипывая, едва переводил дыхание. Он не видел, как один из солдат нашел за шкафом пустую фляжку из-под воды, как другой наткнулся на несколько еще свежих хлебных крошек. Не слышал он и вопля штурмфюрера Отто Ланса, обнаружившего под придвинутой к стене скамейкой обрывки кожаного сыромятного ремешка. Того самого, которым он лично скрутил руки пленного русского разведчика. Здесь, значит, был! Опять ускользнул...

- Ферфлюхте швайн! Проклятая свинья! – с ревом замахнулся штурмфюрер на старого денщика.

- Штурмфюрер! – взвизгнул полковник. – Ферботтен! Запрещаю! Что вы делаете? Он нам нужен живым. В машину его. Я сейчас вернусь...

Торопливо, перешагивая через две ступеньки, полковник бросился в гостиную.

«Быстрее, быстрее, - подстегивал он себя, - пока на месте старый генерал. Теперь я не уверен, что он действительно князь и генерал, царский слуга и друг кайзера. Кто знает, кто он на самом деле? Не другое ли это лицо? Не-е-т, ни за что этим русским нельзя доверять. Нельзя доверять никому из них, даже если они живут десятки лет в рейхе; если даже натворив что-то у себя, спастись бежали к нам... Как я ненавижу этих гнусных и грязных недочеловеков, неблагодарных, неспособных понять нашу немецкую доброту!.. Им не понять западной культуры. А нам никогда не разобраться в их темных душах. Их надо просто уничтожать! Я так, напрямую и скажу этому старому олуху...»

Однако полковнику не пришлось говорить ничего. Едва он нетерпеливо толкнул дверь в гостиную, навстречу поднялся бледный, как мел, князь Безгубов.

- Теперь я должен сообщить вам, господин полковник, неприятную весть. Исчез мой Орлик. Понимаете, исчез лучший жеребец из моей конюшни. Никто не знает, когда и как. И заодно сюрприз: под сеном в конюшне найден сторож. Он мертв. Меня мало интересуется сторож. Но конь, мой Орлик! Найдите преступника!

К ЛИНИИ ФРОНТА

Слабо накатанная проселочная дорога, серой лентой протянувшаяся через невысокий кустарник, стремительно стлалась под копытами Орлика. Жеребец мчался легко и мощно, с мягким топотом оставляя за собой километр за километром пути. Таинственно и настороженно молчала ночная тьма. Ни звука, ни огонька! Казалось, - вокруг безмолвная пустыня. Но ведь капитан Жарков хорошо знал, что это не так.

В последние дни, когда советские войска, завершив грандиозную Белорусскую операцию, вышли на границу с Пруссией, а кое-где с боем – на ее территорию, все прусские города, поселки, хутора оказались забитыми немецкими войсками. Особенно в прифронтовой полосе.

«Ни одного русского не пускать на земли рейха!» - такой был приказ фюрера. Фашистское командование спешно подтягивало сюда резервы. Было даже снято несколько дивизий с Западного фронта, благополучного фронта. День и ночь шли и ехали в Пруссию маршевые батальоны. Они торопились до нового русского наступления занять позиции в районах, где день и ночь продолжалось спешное строительство дополнительных дотов, дзотов и капониров. Солдаты, а вместе с ними мобилизованные бауэры и бюргеры рыли траншеи и окопы; саперы ставили минные поля и проволочные заграждения...

Десятки лет до этого Пруссия непрерывно и настойчиво оборудовалась, чтобы стать неприступной крепостью. В ней скопились тысячи тонн боеприпасов, огромное число орудий, танков, самолетов. Территория ее, казалось, до предела залита цементом и бетоном, изрыта во всех направлениях окопами, траншеями и подземными ходами. Каждый господский дом и хутор, дома на окраинах городов и поселков превращены были в маленькие крепости. Из подвальных окон торчали стволы орудий и пулеметов, простенки были прикрыты мешками с песком, кирпичной кладкой. В сараях и дворовых постройках, а то и просто на залитых цементом площадках стояли танки и самоходки. Пруссия готовилась к тяжелым, кровопролитным боям.

И не было ничего удивительного в том, что Михаилу Жаркову повсюду мерещились засады, патрули, часовые. Ему все казалось, что обманчивая тишина вот-вот взорвется хлестким, как выстрел:

- Хальт!

И хотя капитан напряженно ожидал чего-то внезапного, он все-таки всем телом дернулся, когда какая-то ночная птица, потревоженная фыркнувшей лошадью, с испуганным криком метнулась в сторону, и вслед ей заухал, захохотал филин... Капитан не испугался, однако сердце заколотилось учащенно. И он понял: нервы уже начали сдавать.

Жарков мысленно представил, как вслед за окриком фашистского патруля раздастся автоматная очередь, брызнут над головой пули, тупо и горячо ударят в грудь... Капитан давно уже решил для себя, что нынче он не имеет права останавливаться, надеясь, что повезет. Никаких надежд! Только реальность, только железная необходимость диктуют ему это решение. Он обязан прорваться к своим во что бы то ни стало. Хотя бы силой, рискуя жизнью. Он должен добраться до штаба...

Пригнувшись к шее Орлика, охватив ее руками, капитан слушал жаркое, прерывистое дыхание коня, стук копыт, звонкое ёканье селезенки. И в такт им билась в голове мысль: «Быстрее! Быстрее!! Быстрее!!! Главное – отъехать как можно дальше от замка и затеряться. В каком направлении фашисты будут искать его? Пусть ломают голову. Пусть гадают, куда я направился. Пусть ищут!»

Капитан думал об этом, а сам не спускал глаз с дороги, напряженно всматриваясь вдаль. Он не доверял звонкой и прозрачной тишине. Как никогда не доверял и темноте. Уж кто-кто, а он, бывалый разведчик, отлично знал, как много событий происходит именно под покровом такой вот кажущейся тишины, сколько происшествий случается в зыбком мире внешнего спокойствия...

Не раз в ночной тьме, в глухой тишине пробирался Жарков со своими боевыми товарищами по тайным тропам, по безбрежной глади ничейной полосы, по хитросплетениям минных полей и проволочных заграждений. И сколько раз хрупкая тишина раскалывалась треском выстрелов, ночь разрывалась вспышками ракет, сопровождаемая свистом пуль, отрезающих пути отхода...

Потому-то сейчас, хотя Михаил прировнился уже к новой обстановке и глаза разведчика четко видели все неровности, кусты и отдельные деревья, прижавшиеся к дороге, он по-прежнему не доверял ночной тишине. Да и не мог иначе. Он на себе испытал, чем это может закончиться.

Капитан оставался в напряжении еще и потому, что ожидал: вот-вот его настигнет погоня, или встретит заранее оповещенная и приготовившаяся засада.

По расчетам Жаркова немцы должны были обнаружить исчезновение лошади, а затем и конюха часа через три-четыре после того, как он покинул замок. «Пока дворецкий доберется до полицейского участка, - размышлял он, - пока объяснит свои подозрения. Пока дежурный офицер отправит группу фельджандармов для проверки сообщения и обыска дворца. Пока установят, что никакого постороннего там нет, но зато исчез конюх с лучшим конем князя...»

На все это, как рассчитывал капитан, уйдет часа три-четыре. Потом фельджандармы не без помощи господина Либера узнают о денщике генерала, о его подозрительном поведении. Заинтересуются. Начнут допрашивать. Больной и слабый старик продержится недолго. Он не вынесет допросов «с пристрастием»...

И выходило по предположениям капитана, что от силы через полчаса после этого фашистам станет известно о советском разведчике. Вот тогда и завертится огромное и безжалостное колесо, призванное обеспечить сохранность тайн рейха и вермахта. Вот когда включатся в поиск и погоню фельджандармы, солдаты охранных рот, специалисты службы безопасности. Поднимут население прифронтовых городов и селений...

Но как бы там ни было, совершенно очевидно, что вся эта большая, хорошо отлаженная машина раскрутится в итоге только часов через пять. А вот через пять часов все наличные силы прифронтовой зоны наглухо перекроют подступы к линии фронта. Закроют все возможные лазейки, все дыры, все щели. Конечно, это расклад времени самый благоприятный. Но ведь могут быть еще какие-то неучтенные обстоятельства. Вмешаются какие-то непредвиденные силы, которые невозможно и представить. Причем, и силы мешающие, и силы помогающие. Значит, надо успеть именно за это время добраться до своих. Успеть - во что бы то ни стало», - не покидала Жаркова мысль.

Капитан в душе надеялся на сложности, с которыми фашисты столкнутся сразу же. Прежде всего, с пониманием того, что Жарков может пробираться к своим любой из сотен тропинок, любой из сотен дорог. По которой из них он направится? То ли напрямую к линии фронта, то ли замысловато запутанным путем, чуть ли не в обратную сторону, чтобы сбить преследователей с толку. А ведь Жарков поедет одной единственной дорогой и в этом его преимущество. А вот немцам надо перекрыть сотни дорог и тропок...

«Пусть поломают голову! - размышлял капитан. - А я тем временем постараюсь проскользнуть. Все тропинки они не перекроют. Да я и не пойду по тропкам! Пойду там, где они не ждут - болотом, кустарником, впасть по реке... Главное - торопиться. Только в этом спасение...»

Жарков не рвал поводьев, не подбадривал коня ударами каблуков. Поводья были натянуты слабо. Но Орлик чувствовал нетерпение седока. Он мчался хорошо знакомой дорогой, по которой не раз гарцевал под старым генералом.

Сюда, к древнему, уже почти сухому болоту, случайно образовавшемуся в давние времена на небольшой возвышенности, и окруженному чахлыми, кривыми березками, будто молчаливыми стражами болотного покоя, порой приезжал князь Безгубов, чтобы поразвлекаться немного, вспомнить молодые годы, знатные охотничьи выходы на милой Рязанщине. Оставив Орлика на самой опушке болота, старый генерал бесстрашно шел почти к самой его середине, где голубым цветом блестяли крохотные блюдца воды. В воздух взметывались утки и вальдшнепы. Грохотали выстрелы. Синеватый дымок стлался над мхами и низким камышом. Генерал снова и снова скидывал к плечу свой «Зауэр».

А Орлик стоял поодаль, на опушке болота и спокойно ждал хозяина, без испуга слушая привычный ружейный треск...

Сейчас жеребец уверенно мчался знакомой дорогой.

Только когда Орлик миновал болото, капитан почувствовал, что конь идет уже не так легко и уверенно. То и дело Орлик на миг приостанавливался, словно присматривался к дороге, принюхиваясь к новым запахам. Перед ручьями и речками конь коротко всхрапывал, затем отважно бросался в воду, поднимая тучи брызг.

От встречного ветра, от постоянного напряжения глаза капитана начали слезиться. И тут увидел вдруг Жарков, что впереди, всего в полкилометре, не больше, справа и слева к дороге бегут темные фигуры солдат. Охватило жаром: «Попался! Что делать?» Останавливаться нельзя, сразу схватят. А если бросить коня в аллюр? Стрелять не станут, чтобы не перебить своих в темноте. А ухватиться за уздечку - пусть попробуют. Двоих-троих свалю из пистолета, а уж там...

Выхватил пистолет, изготовился, и тут понял, что ошибся. Справа и слева на обочине валялись крупные булыжники. Их он и принял за солдат. «А почему, зачем здесь эти камни?» - вспыхнула профессиональная, хотя и запоздалая, мысль.

Не убавляя рыси, осмотрелся по сторонам. Недалекая лесная стена перехватывала железную дорогу, узкие стальные нитки которой, холодно поблескивая, тянулись вперед. Правее – низина.

«Та-а-ак, - автоматически отметил мозг капитана, - танки там не пройдут. Левее – леса. А вот по центру, где железная дорога – направление танкоопасное. Видимо, там идут строительные работы. Вот камни эти...»

И точно, на поляне, что тянется от леса до болотистой низины, - будто огромные серые кочки, расставленные в строгом геометрическом порядке. «Надолбы! Противотанковые надолбы!»

Послушный седоку, Орлик пошел размашистым шагом. Поводя крутыми боками, уже покрывшимися потом, он дышал коротко, с присвистом. Устал. По расчетам Жаркова, за спиной осталось километров семьдесят. Еще полчаса-час, и наступит рассвет. Ехать дальше становилось опасно. Фашисты могут обнаружить коня издаleка. И уж если неподалеку от замка можно было сойти за одного из генеральских слуг, и в том помог бы егерский костюм, который дал старый денщик, то теперь попадаться на глаза в таком виде не стоило. Возникнет подозрение. Тем более, что полиция и служба безопасности наверняка оповестили уже всех о побеге разведчика.

«Дальше – только пешком! Всего-то осталось километров пятнадцать-двадцать. Пешком удобнее – можно укрыться в любой ложбине, за кустами, за камнем, а то и в канаве, - соображал Жарков. – Но что же с Орликом?»

Капитан успел уже привыкнуть к жеребцу. Оставить его на дороге? Фашисты быстро обнаружат коня. Это для них будет как бы ориентиром: где-то неподалеку разведчик! Так они, пожалуй, смогут установить и примерный район перехода линии фронта разведчиком...

Второй вариант – застрелить коня. Здесь, в кустах. Вряд ли его там скоро обнаружат. Но... жалко губить Орлика! Все-таки животина хорошо помогла капитану. Ничем не провинилась, никому не мешает. Убить коня?..

Нет, решиться на это капитан не мог, хотя умом и понимал, что жалость в этом случае неуместна.

По большому счету сейчас на карту поставлены не только жизни его, капитана Жаркова, и Орлика. Именно сейчас от любой мелочи, от любого решения капитана зависит судьба сведений. А вот цена им – жизнь многих тысяч людей. Тех, которые готовятся к новому наступлению. Как они пойдут – «зрячими», если капитан доставит свои разведанные, или «слепыми» - без сведений об обстановке на их пути?

Жарков знал, что подполковник Русин, мудрый и строго логичный человек, сказал бы ему сейчас:

- Жалость – не достойное разведчика слюнтяйство! Тем более – на войне.

И все-таки Михаил Жарков не мог побороть себя.

«Я обязан спасти Орлика, – решил он. – Пусть потеряю немного времени, но загоню жеребца подальше от дороги, в глубину леса. Там его трудней найти. Тем более, что после такой пробежки конь сразу набросится на траву. Проголодался. А это будет выгодой по времени!»

Жарков свернул с проселка. Пугаясь в цепких лапах кустарника, пробился к стоящему стеной лесу. Проехав километра два, спешился. Горюливо расседлал жеребца, отнес и запрятал подальше седло. Минуту-другую постоял, глядя мелко подрагивающую шелковистую кожу.

- Иди, Орлик!

С силой хлестнув коня уздечкой, Жарков отвернулся и пошел, не оглядываясь, прочь. Жеребец, обиженный ударом, взвился на дыбы и ринулся в глубину леса, в предрассветную серую мглу...

Теперь капитан Жарков полагался только на свои ноги, на свои глаза и уши. Судорожно сжимая рукоятку пистолета, внутренне предельно собранный и напряженный, будто тетива лука, он пробирался строго на восток. Здесь, в довольно редком лесу, как и в кустарнике, земля была еще теплой.

Несколько дней до этого стояла на диво погожая, сухая погода. Земля потрескалась и сейчас медленно отдавала тепло. Видать, такая погода держалась по всей Восточной Пруссии. По крайней мере, когда Жарков пробирался с группой из района Инстерберга в глубину фашистской обороны, погода тоже была отличной. С самого утра голубело чистое небо. Потом появлялись белые барашки облаков. Но в полдень через облачные гряды снова проглядывало яркое, радостное солнышко, разливая вокруг короткое, прощальное свое тепло. Как-никак конец осени!

Да, с каждым днем признаки глубокой осени становились все явственней, все заметней. Осень уже набрала силу. Шелестит метель листопада. Бронзовые листья медленно кружатся, падая на землю вокруг деревьев и устилая ее пышным золотым ковром. А вот трава все еще ярко зеленеет, будто весной. И цветы выглядывают, будто удивляясь теплым дням...

Жарков по опыту знал, что скоро на смену придет ненастье. Вот когда в поле и в лесу станет неуютно, сыро и зябко. Как говорила мать, «в осеннем ненастье семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, рвет, сверху льет и снизу метет».

«Мне очень повезло, что в разведку послан был в погожие дни - размышлял капитан. – Вот и не довелось сутками валяться на мокрой земле, хлюпать по грязи, чертыхаясь и кляня все на свете: и

спрятавшееся за тучами солнце, и ползущие за шиворот ледяные капли дождя, и пудами нависающие на сапогах сгустки грязи»...

Жарков пробирался по сухому еще лесу, по теплой пока земле, по кустарникам, до сих пор не потерявшим листву. Согнувшись в три погибели, перебежал он в крохотные рощицы, по-пластунски переползал тропки, полянки, лужайки. Осторожно, боясь громким всплеском привлечь чужое внимание, переходил он бесчисленные ручейки и залившиеся каналы. И снова – кустарники и поляны, рощицы и заболоченные низины. Они мелькали перед глазами капитана, как в калейдоскопе. Час, другой, третий...

Саднили руки, исхлестанные ветками и колючей травой. Будто обручами стягивали тело насквозь промокшие брюки и вконец изодранный егерский мундир. Михаил Николаевич устал. Тяжелое, прерывистое дыхание разрывало грудь. Так тянуло упасть, полежать хотя бы десять минут. Но капитан знал: если он позволит себе остановиться, чтобы передохнуть, неизменно тяжело будет потом подняться снова. Надо идти, пока втянулся в ритм, пусть тяжелый, пусть невыносимо тяжелый. Надо идти и идти. Дорога каждая минута!

Жарков знал, что в штабе дивизии давно уже обеспокоены молчанием группы. Там еще не знают ее судьбы. Возвращения группы ждут. Ждут собранные ею сведения. Михаил Николаевич прекрасно понимал, что с каждым днем близится наступление. Идти в него надо, хорошо представляя, какие силы врага противостоят тебе.

Конечно, сведения, собранные группой Жаркова, не единственные. Конечно, в тылу фашистов работает не одна такая группа. Жарков-то знает, какой ценой добываются эти данные. Наверняка, не все группы сумеют выполнить задание, погибнут. Но как дороги для командования будут сведения, полученные от других разведчиков. Собранные вместе, нанесенные на штабную карту, проанализированные специалистами не один раз, они дадут командованию возможность продумать детали операции, каждый этап наступления во всех подробностях. Так, и только так с их помощью можно сберечь многие тысячи солдатских жизней.

Солдатское братство, беспокойство за жизнь боевых друзей – вот что двигало капитаном. Вот почему, не жалея сил, торопился Жарков к линии фронта. И чем ближе, тем больше одолевало его нетерпение и озабоченность: не потерять бы контроль над собой. Сейчас самый опасный момент. Часто, упоенные успехом поиска, теряли разведчики осторожность у самой линии фронта. И гибли. Гибли вместе с данными, собранными с большим трудом, через опасности, порой – самой большой ценой.

... Далеко-далеко впереди, над темной зубчатой стеной леса, охваченной розовым пламенем зари, робко показалась узенькая ярко-красная полоска. С каждой минутой она становилась все шире и шире, решительно захватывая небосклон и перекрашивая чернильную до того тьму в розовые, оранжевые и желтые тона. А теперь, будто окаймляя, обрамляя их, побежала отдающая голубизной полоска. Казалось, она отталкивает ночную темень, гонит ее прочь, гонит навстречу капитану, на запад... Незабываемое, яркое по красоте зрелище! Жарков с наслаждением любовался бы им, пока не надоест. Но сейчас капитану было не до красот, не до зрелищ.

Вот через зазубрины лесной гряды в глаза Жаркову хлынул огненный ярко-красный солнечный поток. В первые мгновения он ослепил капитана. В глазах зарыбились разноцветные огоньки. Пришлось на некоторое время остановиться, прикрывая глаза рукой. Наконец, огоньки унялись. Но теперь-то капитан уже не торопился! Рассветные лучи не только били в глаза, они освещали капитана, выдавали его врагу. А вот фашисты, прикрытые этими же лучами, прятались где-то впереди. Опасность таилась на каждом шагу. И надо было продвигаться медленнее и осторожнее.

Время бежало катастрофически быстро. Надо было торопиться, - но всей кожей, кончиками каждого нерва, каким-то седьмым чувством, ощущал капитан приближение опасности. Он еще не знал, откуда она и что это за опасность. Одно понимал: надо быть предельно осторожным, осмотрительным, внимательно-бдительным. Полностью отдавая себе отчет в этом, Жарков сдержал нетерпение, прилег на опушке рощицы. Долго из-под ладони рассматривал он покрытое редким кустарником поле, за которым тянулась густая полоса деревьев. По всем расчетам, по отложившемуся в памяти отпечатку карты, Жарков полагал: там, за деревьями, должна быть река. Пограничная река, на которой застыла линия фронта. За этой линией, за рекой – наши. До них совсем мало.

«До реки метров сто-сто двадцать, - прикинул на глаз капитан. - Надо одолеть их одним броском!»

Стараясь не задеть сухие ветки, обычно ломающиеся со звуком выстрела, он неторопливо подтянул ноги, подобрался, уперся носками в землю, будто в стартовые колодки, и тут же, резко оттолкнувшись руками от земли, бросился вперед. Бежал он бесшумно, привычно перекачиваясь с пятки на носок, стараясь не касаться кустов, чтобы не выдал его треск ломаемых сучков. Вот совсем рядом группа деревьев, чуть дальше, в просвете между ними, блеснула свинцо-серая полоса воды.

«Река... Шешупе!» - чей не вскрикнул Жарков, из последних сил преодолевая оставшиеся метры пути. Но тут слева из-за ближайшего дерева выскочил кто-то большой и грузный.

- Хальт! Хэнде хох!

Словно споткнувшись, капитан бросился на землю, в падении дважды вскинул пистолет. Сухо щелкнули выстрелы. И тотчас Жарков, откатившись в сторону, припал за дерево. Щелчки пистолетных

выстрелов, похожие на треск сучьев, казалось, еще плыли в воздухе, а над деревьями, над урезом речного берега и поляной уже повисли десятки осветительных ракет.

- А-а, черт! Засада! – сквозь стиснутые зубы ругнулся капитан.

Обидно! Обидно было погибать в пяти шагах от своих... Рядом. Буквально на глазах боевых товарищей. И теперь капитану ничего не оставалось, как дорожке продать свою жизнь. Прищурив глаза, Жарков бросил взгляд влево-вправо. И вдруг вздрогнул от неожиданности. Залитый ярким неживым светом ракеты, метрах в пятнадцати стоял, прижав руки к животу и покачиваясь, будто пьяный, эсесовский офицер.

Жарков не знал, что его пули настигли приятеля детских лет – Отто Ланса. Того самого, волею судьбы ставшего его врагом и чуть было не предавшего изощренным, жестоким пыткам. Если бы снова попался в его руки! Жарков не знал, что это и есть тот самый штурмфюрер, который скрутил его руки сыромятным ремешком и еще вчера вез его в кёнигсбергский застенок. Ничего этого Жарков не знал. Да если бы и узнал каким-то чудом, ему было некогда. Да и зачем разбираться в этом. Из всех чувств ему доступно было сейчас только одно – радость. Радость, что он недаром отдает свою жизнь. У него еще есть патроны, и не один гитлеровец распрощится с жизнью, прежде чем фашисты схватят... его труп...

Капитан видел, как услышав вскрик раненного штурмфюрера, солдаты бросились к нему со всех сторон, поливая прибрежный кустарник автоматным огнем. Они спешили на помощь Отто Лансу. И это спасло Жаркова. Желание или обязанность солдат помочь начальнику отвлекло их внимание, и капитан воспользовался этим. Он ужом скользнул за следующее дерево, подполз под густой ивовый куст. Дальше был крутой и обрывистый, открытый выступ берега. Если выскочить на него – окажешься как на ладони.

«Все, влип!» - устало ворохнулась в мозгу у капитана мысль.

И снова, как пять минут тому назад, обожгла досада: «Обидно!»

На некоторое время над полянкой нависла тишина. То ли фашисты уносили раненого штурмфюрера, то ли оказывали ему медицинскую помощь на месте. Неожиданный роздых капитана оборвала автоматная очередь, вспоровшая вдруг землю совсем рядом с кустом, под которым залег Жарков. Вторая стегнула по веткам. Третья ударила точно в середину куста. Еще чуть-чуть, и свинец ужалил бы Жаркова. Было очевидно, что гитлеровцы обнаружили, где прячется капитан. Теперь было ясно: надо немедленно менять место! Но едва Михаил приподнялся, чтобы отпрыгнуть, перекатиться в сторону, как что-то горячее тупо ударило его в плечо.

Падая, капитан услышал, как неподалеку, там, где только что плясали лучи фонариков и дрожали светящиеся шары ракет, с грохотом и свистом раскололся вдруг воздух. Жарков скорее почувствовал, чем увидел, как вспыхнули столбы оранжево-красного пламени, встали фонтаны камней и взвихрившегося песка. Вывернутые с корнем деревья и свистящие осколки камней прижали немецких солдат к земле. Смолк автоматный треск...

- Теперь или никогда! – решил капитан. – Вперед!

Под свист осколков, под плеск падающих камней разведчик скатился с обрыва, упал на нее всей грудью. Заныло раненое плечо, резанула ногу острая боль. Повисшая, как плеть, рука перестала слушаться. Но капитан не раздумывал. Конечно, здесь, за крутым обрывом, надежно прикрывавшим его от вражеского огня, можно было бы немного переждать, пока рука притерпится к боли. Но Жарков торопился. Он понимал: пока снаряды рвутся на этом берегу, ни один гитлеровец не покинет укрытия. Надо плыть, плыть как можно скорее!

Погружаясь в воду так, чтобы наверху оставалась только голова, стискивая зубы, чтобы преодолеть мулящую сознание боль, он мерно и мощно греб правой рукой, рывками выбрасывая тело и тут же погружаясь снова. Жарков спешил на ту сторону реки, откуда, с шелестом сверля воздух, летели снаряды...

ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО

На наблюдательном пункте стрелковой дивизии, который был оборудован километрах в двух от реки на высотке и укрыт густым дубняком, былолюдно. Здесь собрались только что прибывшие начальник штаба армии генерал-майор Лазарев, офицеры оперативного управления, специалисты-разведчики.

Среднего роста, сухощавый и подвижный, генерал сразу же занял место возле стереотрубы, выглядывавшей в узкие бойницы построенного в два наката блиндажа. Был он молчаливо сосредоточен. Заслушивая доклад командира дивизии, на участке которого предполагалось наносить главный удар, он смотрел ему прямо в переносицу светлосерыми спокойными глазами, от которых, казалось, ничего не укроется. И хотя дивизия готовилась к выполнению задачи вполне успешно, по всем наметкам должна уложиться в определенный начальством срок, командир дивизии под этим взглядом терялся. Понимал он, что называется, всеми фибрами души чувствовал, что им и его подчиненными что-то упущено, что-то не сделано.

Стоя рядом с генералом, командир дивизии – довольно плотного сложения полковник – несмотря на богатырский рост, чувствовал себя не совсем уверенно. Причина тому была. Всего десять минут назад, едва он прибыл на наблюдательный пункт, совершенно неожиданно для полковника и офицеров штаба дивизии, на противоположном берегу реки Шешупе завязалась стрельба. Почему? Никто не мог ответить комдиву.

Никто не мог объяснить, что происходит за рекой. И выяснить причину еще не успели. А тут – прибытие начальства. Пришлось доложить о происшедшем, не имея представления о подробностях.

Генерал-майор нервничал, требовал срочно выяснить причины, немедленно доложить. Его, естественно, беспокоило, а не нарушится ли от этого скрытность готовящейся операции.

- Наверняка, полковник, ваши разведчики там шум подняли, - выговаривал генерал свои негромким, каким-то бесцветным голосом, в котором явно чувствовалось раздражение. - Неужели непонятно, что сейчас этого делать нельзя?

- Товарищ генерал, - обзвонив еще раз полки, доложил полковник, - за последние сутки на ту сторону мы не направляли ни одной разведывательной группы. Даже поиски вражеских разведчиков временно прекратили...

Действительно, дивизия, всего несколько дней назад подтянувшаяся к реке из глубокого резерва, совершенно скрытно готовилась к броску через реку. В излуцинах, поросших густым ивняком, к этому времени скопилось уже немало лодок и плотиков. В километрах пяти от наблюдательного пункта дивизии, в молодом кудрявом лесочке сосредоточились десятки машин-амфибий. Командирам полков перед самым маршем строго-настроено было приказано: не шуметь, передвигаться только ночами, соблюдать полную скрытность. Удар должен быть совершенно неожиданным. В этом залог его успеха, залог прорыва линии обороны малой кровью.

И вот – на тебе! Шум, гам, тарарам...

Самое плохое, может быть, и самое страшное на переднем крае – перестать понимать противника, не знать, где он находится, не ведать, что он делает или намеревается делать.

Почти то же получилось сейчас у командования дивизии. Никто в штабе не мог толково объяснить происходящее за рекой, перед фронтом дивизии. Это же беспокоило и начальника штаба армии.

Согласно разведанным, собранным сменившейся на этом участке дивизией и до некоторой степени уточненным аэрофотосъемкой, здесь нет больших вражеских сил. На карте, лежавшей перед комдивом, овалами, изогнутыми линиями, ромбами и множеством других значков было обозначено, что на этом участке фронта занимает оборону пехотный полк, поддержанный батальоном танков и несколькими дивизионами орудий.

Как видно, для немцев главной надеждой здесь было не количество полков, а естественное препятствие – река с обрывистым берегом. Она должна помешать форсированию. Эта помеха подкреплялась несколькими рядами окопов и траншей с проволочными заграждениями и минными полями перед ними. Разумеется, при этом каждый клочок земли пристрелян артиллерией.

Все это было известно и понятно командиру дивизии. Но с толку сбивала необъяснимая, непонятная стрельба.

- Товарищ генерал! А может, это Жарков пробивается? - высказал свое предположение подполковник Русин. – Выход мы ему назначили, правда, в полосе Попова. Это километров сорок севернее. Но ведь там немцы закрыли все щели. Обстановка резко изменилась. Жарков вон сколько молчал. Может, он сюда сумел перейти? Всякое может случиться...

- Сомневаюсь, Петр Михайлович. Очень сомневаюсь. С чего бы ему оказаться здесь? Десятки километров... Я думаю, а не провоцируют ли нас немцы, чтобы выяснить наши силы?

- Вряд ли, товарищ генерал. Разумнее было ударить по нашему берегу из орудий и минометов. Тогда еще можно было ответный огонь вызвать. А пулеметно-автоматная трескотня – не то... Явно задействованы только стрелковые подразделения. Вот и чуется мое сердце, что прочесывают немцы лес, отжимают кого-то от реки. Не Жаркова ли? Настойчивость подполковника заставила генерала еще раз задуматься:

- Что ж, довод убедительный. А что докладывают наблюдатели? - повернулся он к Русину минуту спустя.

- Стрельба идет практически в одном направлении. Заметно движение солдатских цепей. Среди них эсэсовцы. А это не зря... Может быть, ударим туда хоть одной батареей, товарищ генерал? Помешаем их сабантю, а может, и поможем кому из наших...

- Заманчиво, подполковник. Заманчиво...

Подполковник Русин понимал, чем вызвана уклончивость начальника штаба армии. Ввязаться в бой – значит раскрыть хотя бы часть своих сил, показать места сосредоточения артиллерии. По крайней мере, если не раскрыть, приоткрыть свои карты. И это как раз перед наступлением! Если немцы действительно провоцируют, то они добьются своего. А если это не провокация? Если стрельба вызвана совсем не этим?

Русин снова приник к стереотрубе, сияясь сквозь зеленую изгородь деревьев и кустарников на противоположном берегу рассмотреть, что же происходит там. Однако оптика была бессильна.

- Товарищ генерал, мы ведь не раскроем подготовку к форсированию. Самое большее – расшифруем одну батарею.

Начальник штаба армии, сосредоточено насупясь, молчал. Ему очень хотелось, чтобы подполковник Русин оказался прав. Очень хотелось. Он понимал, что надо рискнуть. Тем более, если это идет Жарков. Цена риска вполне подходящая. У капитана наверняка самые свежие данные о вражеских

тылах. Они могут оказаться контрольными данными. Именно тылы немцев, степень готовности второй и глубинных линий обороны фашистов, обеспеченность их резервами волновали генерала в последние дни.

«В конце-концов, если и ошибемся в предположении, - думал генерал, - чем мы, в общем-то, рискуем? Ну, раскроем месторасположения батарей. Так это недолго исправить. Завтра же перебросим батарею на другой участок, и вся недолга. С другой стороны, у немцев может возникнуть вопрос: почему на этом участке объявились наши войска? Ведь раньше здесь было пустынно. Ответ совершенно естествен: мы же не собираемся зимовать на этой позиции. Готовимся к наступлению. Немцы не дураки, они отлично понимают это».

- А знаете, Петр Михайлович, поверю вашей интуиции. Рискнем...

- Полковник, - повернулся начальник штаба к командиру дивизии, застывшему в напряженном ожидании. - Дайте несколько залпов батареями по леску на том берегу!

- Слушаюсь, товарищ генерал! - облегченно выкрикнул полковник, тут же подавая знак майору, стоящему возле телефониста.

Начальник артиллерии дивизии, выхватив трубку из рук солдата, торопливой скороговоркой забасил:

- Сосна, Сосна, я - Кедр. Ориентир - три, левее два, прицел пятьдесят пять... Осколочными... Четыре залпа!

Отдав команду, майор торопливо приткнулся к окулярам большого артиллерийского бинокля, неразлучного своего спутника с давних, но памятных боев под Москвой.

Ловя в перекрестии сетки крутой обрыв, майор зрительно представлял, как его команда привела сейчас в движение расчеты всех четырех стодвадцатимиллиметровых орудий, спрятавшихся в ложбине километрах в трех от НП. Внутренним зрением видел он бегущих по тревоге артиллеристов. Видел, как наводчики, сорвав чехлы с панорам, протирают их ваткой, нетерпеливо оглядываясь на подносчиков. А те, вынув из открытого ящика тяжелые, почти пудовые, снаряды, торопливо передают их заряжающим. С металлическим лязгом открываются затворы. С силой брошенные руками, снаряды ныряют в камеры и, утыкаясь медными поясками в витые дорожки нарезков, замирают, запертые затворами. Майор видит, как командиры орудий беззвучно поднимают правые руки вверх, докладывая о готовности. И только тогда, с силой рубанув воздух рукой, командир батареи кричит - громко, самозабвенно, радостно:

- Огонь!

Из ствола коротко и почти невидимо вырывается бледножелтый сноп огня, орудие грохочет трубным басом, так, что глохнут уши. Сейчас надо обязательно открыть рот или заткнуть уши ватой, иначе долго еще будут звенеть колокольчики...

Майор размышлял об этом, а сам не сводил глаз с того берега речки, где по-прежнему шла трескотня автоматов и пулеметов, слышались командные гортанные крики... И вдруг увидел он, как беззвучные, будто в немом кино, приближенные и увеличенные линзами заплесали на самом гребне обрывистого противоположного берега огненные кусты взрывов. Взметнулись обломки деревьев и камней. Докатившийся вскоре грохот взрывов перекрыл заливающийся автоматный стрекот, задавил, заглушил его... Новая серия черно-красных кустов вспыхнула чуть дальше от берега, в гуще приречного леса. Почти тотчас всеокрушающий смерч поднял столбы огня и дыма чуть-чуть левее не успевшей осесть тучи песчаной пыли...

Офицеры на НП приткнулись к биноклям и стереотрубам, торопливо обегая глазами все пространство чужого берега от густой полосы дыма и пыли до самой реки. Но не видели ничего. Стена мелкой, будто мука, пыли медленно опускалась над рекой. Она словно кисеей занавесила горящие кустарники, изломанные деревья, разбросанные по всему берегу обломки их крон.

Мягко, почти неслышно зазуммерил телефон.

- Кедр, Кедр, я - Камыш...

- Товарищ генерал, боевое охранение докладывает, что видят человека, плывущего к нашему берегу, - вскочил под нетерпеливым взглядом начальника штаба армии телефонист.

- Русин, в машину!

... Когда покрытый маскировочной пятнистой окраской «джип» подкатил к блиндажу боевого охранения, вытасканный из воды раненый, полузахлебнувшийся капитан Жарков был уже перевязан и перенесен в сухое.

- Вернулся! - радостно облапил его подполковник Русин. - А я уж, брат, и не надеялся...

- Товарищ подполковник, - пошатываясь от усталости и потери крови, встал Жарков. - Товарищ подполковник, задание выполнено!..

- Знаю и верю, дорогой! Давай живее в машину. Армия ждет... Иди-то можешь?

- Могу, товарищ подполковник!..

Начальник штаба армии встретил капитана Жаркова в просторной комнате оперативного отдела.

- Ваши радиogramмы получены, капитан. Сведения достоверны. Мы их уточнили авиаразведкой. Но меня волнует обстановка в районе Инстербурга. Оттуда ваших радиogramм не было. Можете что-нибудь прояснить?

- Так точно, товарищ генерал. Могу. Эти данные у меня здесь, - капитан дотронулся правой рукой до лба. – Сообщить по радию уже не могли. Нас начали гонять по лесам...

- Карту! – обернулся генерал к начальнику разведотдела.

Огромная карта с шелестом легла на стол.

- Докладывайте!

Жарков шагнул к столу, наклонился над картой, разглядывая сеть голубых и черных линий, зеленые и красные значки. И сразу перед ним как наяву возникло все то, что пережил, что видел он: шумящие под ветром леса; колючие кустарники, рвущие костюм в клочья; топкие болота; бетонные громады капониров и дотов, тщательно прикрытые свежими полосами дерна; извилистые линии траншей и окопов, затянутые паутиной проволочных заграждений и прикрытые зубами противотанковых надолбов; орудийные дворники и бетонные площадки под самоходками, окоймленные минными полями...

Он, капитан Жарков, видел их своими глазами, трогал руками, чтобы убедиться, чтобы знать наверняка, что все это не обман, не декорации в огромной игре, стоящей тысяч жизней. Он исходил каждый гектар того района вдоль и поперек, каждую секунду ожидая лающего окрика или выстрела; ходил, каждую секунду будучи на краю гибели!

Все это как в огромном калейдоскопе промелькнуло перед Жарковым в считанные мгновения. Капитан глубоко вздохнул и начал докладывать. В его руках оказалась неизвестно кем поданная указка, и ее острое бежало сверху вниз, вдоль широкой речной полосы, то и дело чуть-чуть отходя вперед – назад. Указка двигалась по пути разведгруппы капитана Жаркова. И под острием указки, как бы проявляясь на фотопленке, возникали названия поселков и господских домов, нумерация размещенных там пехотных и таковых дивизий, артиллерийских полков, эсэсовских частей и подразделений фольксштурма. Проступали контуры опорных пунктов, бетонных капониров и артиллерийских складов, тянулись линии коммуникаций.

Перед глазами генерала возникала картина глубокой и мощной, хорошо продуманной и умело оборудованной оборонительной полосы. Той самой, которой, по словам имперского министра пропаганды доктора Геббельса, предстояло подтвердить убеждение фюрера в том, что на территорию Восточной Пруссии не ступит нога ни одного русского...

Но генерал, слушая капитана и неотрывно следя за бегом указки, видел не только мощные оборонительные валы, настигиваемые солдатами и боевой техникой. Он уже видел, как перечеркивают все эти бесчисленные треугольники и ромбики, прямоугольники и крестики, прямые и волнистые линии, собранные на белом полотне карты, решительные красные стрелы, рвущиеся вглубь Пруссии от голубых линий Немана и Шешупе.

В реве бомбардировщиков и штурмовиков, бомбами и реактивными снарядами перепыхивающих вражескую оборону, в грохоте артиллерийских залпов и танков, таранящих многослойные линии сопротивления, в визге и шелесте огненных стрел знаменитых «катюш», в громовом могучем русском «Ур-ра-а!» идущих в атаку стрелковых цепей слышал он, видел, чувствовал стремительную, неудержимую силу армии, нацелившей главный свой удар по логову прусских королей, по оплоту воинствующего фашизма – Кёнигсберг...

А еще видел генерал на фоне этой захватывающей дух картины усталое лицо шатающегося в изнеможении капитана, несколько дней пробывшего в глубоком фашистском тылу на грани жизни и смерти, бывшего там и сумевшего добыть бесценные данные, приближающие долгожданный миг победы.

- Товарищ генерал, доклад закончен! – повернулся к начальнику штаба капитан Жарков.

Генерал шагнул к разведчику, обнял его и расцеловал.

- Спасибо, капитан! Спасибо, русский солдат! Родина не забудет твою службу!

... На рассвете следующего дня над свинцовой гладью реки ударил гром. Сотни орудийных стволов загрохотали, посылая на вражеские позиции тысячи килограммов стали и тротила.

Подавленные мощью огня, фашистские солдаты покидали траншеи и окопы, забивались под прикрытием железобетонных укреплений. Огнем и металлом сносило многометровые стены капониров и казематов, обрушивало многослойные перекрытия дотов и блиндажей, обнажало прикрытые слоем земли укрепления...

И некуда было скрыться, спрятаться, зарыться от уничтожающего шквала. А с востока слышны уже были рев моторов и звон танковых траков. Советская армия переходила в наступление.

Поэзия

Игорь Ерофеев

Я родился русским

Я родился русским
на... чужой земле
незнакомым утром
в сонном январе.

Как всё было точно,
вспомнить не берусь, –
мать меня носила...
Вынесет ли Русь,

хорошо, своих бы –
так кого не лень?..
Ишь, какая фифа –
шапка набекрень!

Всем – второй родитель,
и потом – судьба:
что бы ни случилось,
всё равно любя.

Не надорвалась бы
тяжестью любви!
Пропадём – так вместе:
всяк, одной крови!

Отгоняя беды,
бьём в колокола, –
толку, что горели,
на зубах зола.

Отступали к храму –
вышли на пустырь,
чёрная тревога –
белый монастырь,

жили за идею,
жали на износ...
Где же путь запасный,
славный паровоз?

Накричались вволю –
аж до хрипоты,
разводили репу –
развели мосты,

заварили кашу –
замели следы...
Кто ж у нас, мать вашу,
намутит воды?!

Строились с размахом –
как всегда, на глаз,
рубим – одним махом,
пьём – так всё зараз,

выпили – запели:
«Ой, мороз, мороз!..»
Грустью окосели,
пьяные от слёз.

Соловей-разбойник
лёгок на рожон,
город мой – покойник –
страхом заражён,

Ванька – либо встанька
или же дурак...
Натопить бы баньку
да кваску б черпак!..

Русский – значит много:
поле – не объять, –
колеёй дороги
нечего терять.

Русского – полмира.
Русский – навсегда.
Только быть счастливым
русскому – беда.

То, что нам по нраву,
за морем – предел, –
русскому терпенью
есть ещё задел.

Потому боятся
нашего меча –
если уж приложим...
Кровь-то горяча!

Всё-то здесь некстати
или не для всех...
Так кого же к стенке –
этих или тех?

Подавился вздохом,
поперхнулся сном...
Всё у нас с подвохом
или же вверх дном.

Довели до ручки,
батюшки мои:

занимал чужие –
отдавать свои.

Не идут колёса –
ну и глухомать! –
ни жердей, ни тёса...
Строить – не ломать.

Так уж получилось,
созданы мы так:
планов-то на рубль –
дела на пятак...

Я родился русским,
около шести...
Велика Россия...
Господи, прости!

Для меня Россия началась отсюда –
с этих мест, спокойных и насквозь сырых, –
здесь, во-первых, воздух древностью настоян,
им другие люди дышат, во-вторых.

Здесь полей нет шири, не трещат морозы,
у каштанов в парке прусская судьба,
и краснее солнце здесь от черепицы
и костёлов хрупких божья худоба.

Залатали дыры белым силикатом,
закатали камень улицы в асфальт,
соскобили память с замковых развалин,
обнажился прахом орденский базальт.

Так и обрусели чьи-то эти земли,
грязь забила поры старых мостовых
городов, оглохших от войны последней,
отделившей смертью мёртвых от живых.

Для меня Россия началась отсюда,
и в другой похожей надобности нет, –
пусть судьбой побита и лицом не вышла –
и над ней забрезжил тёплый Божий свет.

Неба тонкие узоры,
простынь белого дождя.
Растеклось широко поле
по размашистой неволе
в царстве вечного вождя.

Ни конца нет и ни края
у сибирской замети.
Принесла беда в подоле
в доморощенной юдоли
страх – по старой памяти.

На распах душа шальная,
нарасхват примерный Бог,
как единственный мессия

в бесконечную Россию,
грех которой – не предлог.

Перемётною дорогой
как-то что... ни то, ни сё...
И давно идут не в ногу
с православною острогой
русские... И этим – всё...

Безнадёжье, бездорожье –
ни проехать, ни пройти, –
колеи да буераки...
Быть беде, как ни крути.

Заблудившись, отрезвели,
не пройдя и полпути.
Хоть бы лай какой собаки,
хоть бы лучик впереди.

А кругом – глухое поле.
Сотни звёзд в ночи подоле
освещают торный путь.
Мы придём... куда-нибудь.

А пока меня неси,
Ветерок, по небеси,
где Господь сам наблюдает,
как бедуют на Руси,

как теряются и плачут,
терпят как и горько пьют,
но любовь в душе заначат
и по памяти живут...

Даже будь за всё в ответе,
даже не попав в струю, –
я б из всех красот на свете
выбрал Россию мою!

Если

Россия – страна «если»...
Если ещё – Россия?!
Если ещё держава?..
Или – людей орава?!
Может, простор скукожен?
Или размах просрочен?
Или Иван порочен?
Или конёк стреножен?
Сумма ли территорий –
пицца для аллегорий?..
Или большая мамка,
словно цепная самка,
в траурной дышит рамке?..
Русь вам – не санаторий,
зрить если только в корень:
пламенная столица –
смытые страхом лица,
сытые глянца пиццей, –
плачет столица-жрица;

трёхсотвеликий Питер
вытянулся, как свитер,
спицами связан линий,
весь от удушья синий.
В чём же она – причина?
Ванька ли дурачина?
Марью гнетёт кручина?
Или душе неймётся?
Или уже не пётся?..
Легче, конечно, с «если»,
если с ногами в кресле
слушать того же Пресли
и заедать желе,
если трава в столе.
Если не в деньгах счастье –
в доме – одно ненастье,
если от русской доли
сердце больное ноет...
Всё от того же «если»
все мы – куплеты песни:
если любить – то спьяну,
если кадрить – Кодряну,
если идёт – по плану,
если прокат – по стану,
если сарынь – на кичку,
к дьяволу на кулички,
если коса – на камень,
если не лёд – то пламень,
если и бить – баклуши,
если влезать – то в душу,
если король – то голый,
молодец если – квёлый,
если хлебать – то горе,
бед нам, конечно, – море,
если коптить – то небо,
если есть соль – нет хлеба,
если тянуть – то лямку,
если поднять – то планку,
если рядиться – в тогу,
если идти – не в ногу,
если почин – великий,
если зайтись – то в крике,
если и петь – с надрывом,
невмоготу – с обрыва,
если искать – то нечто,
если и ехать – печкой,
если гулять – под утро,
Волга – не Брахмапутра,
если болеть – душою
(если душой большою),
если страдать – без воли,
если менять – то роли,
если давать – то дуба,
если друзья – то Куба,
если дарить – всё сразу,
если беречь – от сглазу,
если и свадьба – с дракой,
бит если – как собака,
если реветь – белугой,
жизни ещё – полкруга,
если война – то насмерть,

катится если – скатерть,
если и свет – с овчинку,
в пляс если – под сурдинку,
если с тобой – тревога,
если расти – до Бога, –
может, простит немного...
Тесно мне что-то в кресле,
если, конечно, если...

Выдохлась страна борьбой...
Жить бы новою судьбой,
видеть звёзды над собой
мне бы...

Разошлись несчастий швы,
как мосты густой Невы,
а в глазах открылись рвы
неба.

Солнце всплыло впереди...
Сердце где-то посреди
зарубцовано в груди
призме.

Сон – всего лишь смерти тень,
ночь осуждена на день, –
отходящая ступень
жизни...

Ранят горы и моря
ветра острые края...
Спасена душа моя
клиром.

Начинался Бог с креста,
словно с чистого листа,
молвили его уста:
«С миром!»

Нет родины «большой» и «малой»,
как прожитого без седин:
какой бы ни была отсталой,
она – одна, и ты – один.

Она даётся вместе с жизнью
от наших вечных матерей, –
ты как с судьбою с ней повенчан,
пусть даже выглядит старей.

Пусть кажется она жестокой,
но вдруг придёт недобрый час –
мы встанем вместе на защиту:
мы – за неё, она – за нас.

Жить без любви ещё возможно,
без Родины – уже никак,
как не забыть свою деревню

с садами, сползшими в овраг,

как не забыть и нашу речку,
в которой школьником тонул,
как Бог меня молитвой мамы
святою помощью вернул...

Но с тихой смертью мы уходим –

увы, придёт и мой черёд, –
а Родина, быть может, душу
мою на помощь отзовёт,

и, может, снова я увижу
её простёртые поля...
Не так уж плохо всё на свете,
пока есть Русская земля.

Проза

Юрий Крупенич

Синемурий

Рассказ

После очередного налета ночных татей голубятня на улице Холмогорской опустела. Воры забрали из птичьей будки всех птиц. Утром Егор увидел распахнутую дверь, ведущую на чердак дома. На земле валялся надломленный фомкой навесной замок. Не помогли ни жесть, которой был обит узкий лаз в голубятню, ни мощный амбарный запор. Голубиный дом стал пустым и безжизненным. В рабочем поселке Октябрьском это часто случалось. Голубятни здесь по ночам чистили часто, не щадили никого: ни взрослых голубятников, ни таких пацанов, как Егор с Сашкой, которым только исполнилось по тринадцать лет. Да и сами они не были безгрешными, полгода назад ломанули птичью избушку на четырех столбах на соседней улице.

Поселок Октябрьский в Калининграде всегда отличался какой-то своей вольностью и независимостью. До войны здесь жили немцы – рабочие целлюлозно-бумажного комбината. Они оставили новым жителям, прибывшим сюда по вербовке из Брестской, Тамбовской, Пензенской и других регионов России и Белоруссии, терриконы древесной коры на окраине поселка и практически целый ЦБК, на котором древесину перерабатывали в целлюлозу и бумагу с побочным производством спирта под названием «сучок». Три послевоенных поколения выросли на этом «сучке» и даже дали городу немало известных поэтов, певцов, музыкантов, артистов, журналистов, летчиков-космонавтов.

Как бы само собой к местным жителям, которых кормил ЦБК, прилепилось название – «цебековские». Но самое главное было в том, что переселенцы получили целёхонький поселок с двенадцатью заасфальтированными улицами, уставленными двухэтажными коттеджами под красными черепичными крышами. Местные пацаны называли свои улицы только по номерам: Первая, Пятая, Седьмая... Двенадцатая. Хотя каждая из них имела официальное название: Холмогорская, Баженова, Аксакова, Куприна, Бакинская, Кутаисская, Миклухо-Маклая... Между соседними улицами пустовали переулки, на которые вполне могли бы приземляться небольшие самолеты.

При каждом доме в поселке Октябрьском имелся просторный сад с вишнями, яблонями, грушами, сливами. Цебековские дети росли свободолюбивыми и своенравными. У них были четко очерчены границы своей территории: за Литовским валом начинался город, после Берлинского моста шла деревня. Поэтому пограничные войны шли постоянно. Цебековские, поймав городских в своей зоне, отбирали у чужаков удочки и перочинные ножи. А когда они сами попадали в лапы колхозников, то нередко лишались и велосипедов.

При всем - при том, населенный пункт Октябрьский славился своими голубями. При немцах тут явно не знали про такое увлечение. А вот вновь прибывшие завезли эту «заразу». Каких пород тут только не разводили: и курских, и пермских, и уральских, и клайпедских. Кто-то завез пакистанцев, кому-то посчастливилось обзавестись венграми. Гарик Горбатый с Седьмой улицы хвастался недавно приобретенными бакинскими. Он же раздобыл где-то в России чаек – с бантами-манишками на груди, глаз у которых был со «слезою».

Коваль, живший тут же, на Пятой улице, и обладавший задатками плотника, когда-то отстроил огромную голубятню. Четыре столба, на которых стояла просторная голубиная будка, возносили ее на высоту десяти метров. Хоромы получились, а не голубиный хаус. Каких только у него не водилось птиц разной масти: белые, желтые, красные, мраморные, мурье, черные. Но как-то однажды повзрослев, Володя Коваль продал всех своих голубей, женился и стал примерным семьянином. А его шикарная голубятня высилась памятником его бурной молодости и пустовала с прошлого года.

Поэтому, завидев как-то Егора с Сашкой, неприкаянно бродивших после кражи голубей по улице, он позвал их к себе во двор. «Слышал про вашу беду, - снисходительно начал Коваль, - как пить дать, это городские сработали ночью. Пиши, пропало, где же теперь ваших птиц найдешь». Пацаны, понуриив головы, молча слушали мэтра голубеводства. «Но у меня, ребята, для вас кое-что есть, - многозначительно сообщил Володя, - пойдемте - покажу».

Коваль привел Егора с Сашкой к своей голубятне, принес лестницу и пригласил гостей подняться наверх. Там их ожидал сюрприз: в будке понуро в полумраке сидел голубь. В огромной голубятне, рассчитанной на сотню птиц, он казался маленькой жалкой птахой. «Редкий окрас – Синемурий. Сам прилетел и зашел через леток, мне оставалось только захлопнуть входной пятак», - похвастался хозяин. «Сами понимаете, - раскручивал интригу Коваль, - мне он на черта нужен, я с этим делом окончательно

завязал. Цена вопроса – один пузырь. Решайте, даю вам сутки на размышление».

Вернувшись домой, друзья стали прикидывать плюсы и минусы предложения Ковалю. Конечно, когда два голубя, это уже пара, у которой вскоре появятся птенцы. А вот что делать с одним голубем, неизвестно откуда прилетевшим, без паспорта и родословной. Да и финансовые резервы в общаке у Егора и Сашки были скромными. Правда, недавно им повезло. Бродили они на прошлой неделе по опушке леса и приметили черную «Волгу» в зарослях. Ясно, что это очередная парочка приехала на природу в поисках укромного места. Да, видать, не рассчитали, слишком далеко углубились в черемуховые заросли и застряли. Мужик при виде подростков дико обрадовался: «Орлы! Помогите, я вам заплачу, не обижу». Пацаны старались из всех сил, толкая буксующую машину, болотная грязь летела на них из-под колес фонтаном, но с задачей они справились. Довольный герой-любownik отвалил им 15 рублей за труды. Друзья сбежали на Прегольский пляж, сполоснулись в реке и почувствовали себя с такими деньгами крутышами.

Так что деньги, в принципе, есть, пятерку Ковалю можно пожертвовать, еще и на голубку для Синемурого останется, и зерна можно будет прикупить. Не утерпев до следующего дня, Егор с Саней сбежали к Ковалю и выкупили Синемурого. К новому месту жительства за пазухой его нес Сашка. А впуская птицу в голубятню, бережно приняв в руки драгоценную ношу, Егор. Только там Синемурого они окончательно разглядели и оценили по всем статьям. Голубь был необычно крупным, с широкой грудью, но не молодой. Где-нибудь в лесу он сошел бы за вяхиря, или как их еще называют, за витютеня. Когда слышишь в роще протяжные звуки «куу-у-у... куу-у-у...», - это и есть песня вольного лесного голубя.

Птица оказалась редкой масти - синемурый сплошной, хвост без единого белого пера. Окрас его наряда напоминал цвет спелого чернослива. Оперение было гладкое, плотное, обильно покрытое пудрой. Глаза у голубя оказались янтарными, а радужная оболочка глаз - просяной. Окологлазное кольцо можно было сравнить с оттенком топленого молока.

Целую неделю Синемурый сидел под домашним арестом, новые хозяева выдерживали его согласно голубятничским правилам. Пусть привыкает к родному дому. Единственным пространством с кусочком воли стал для него треугольный пятак – вход в голубиную будку. Пока он был для голубя закрыт, но в щели пятака щедро проникали лучи февральского солнца. И голубь в безоблачные дни мог видеть холодное синее небо.

Однажды случилась беда. Дверца пятака каким-то образом открылась, и Синемурый выбрался на свободу. Зря он, конечно, так поступил в такое время года. Зима, мороз, земля покрыта метровыми сугробами. Вокруг голодные стаи ворон, воробьев. Синемурый опрометчиво «стрельнул» с голубятни и пошел ходить кругами, разминая крылья. Летал он тяжеловато, то ли зажилел, то ли застоялся, то ли действительно уже состарился.

И вдруг в этот солнечный день темная тень со скоростью «мессершмитта» мелькнула из ближайшего сада. «Кобчик, кобчик, - дико заорал Сашка, - все, хана Синемурому». Дело казалось действительно безнадежным, куда уж этому «бомбардировщику» уйти от сокола. Над Егоровым огородом разыгралась настоящая воздушная схватка. Куда только делись неповоротливость и тяжеловесность Синемурого. Он умудрялся уходить от преследователя в самый последний момент, пикируя под ветки вишен и яблонь. Голубь словно искал защиты у людей, проносясь прямо над их головами. Но и пернатый хищник оказался агрессивным, неотступно преследуя голубя. Вся ребятня с улицы подключилась к спасению Синемурого. Кто-то стучал палкой по мусорному контейнеру, другие свистели и кричали благим матом на наглого кобчика.

В последний раз голубь прошел на бреющем полете над головами собравшихся зевак и пропал где-то в зарослях дальних палисадников. Сокол устремился за ним. «Ну, все плакали наши денежки», - сокрушался Саня. «Ладно, еще не все потеряно, вдруг Синемурый все-таки спасется», - успокаивал друга Егор.

Но ни через час, ни через два голубь так и не появился у своей будки на улице Холмогорской. Леток в пустую голубятню на ночь остался открытым. Но когда утром Егор вышел проверить хозяйство, он глазам своим не поверил. Синемурый, как ни в чем ни бывало, сидел на жердочке в голубятне. Егор первым делом захлопнул пятак, решив, что так будет лучше для всех. Зима – не время для прогулок, когда соколы и ястребы шныряют по садам в поиске легкой добычи.

В первое мартовское воскресенье Егор с Сашкой мотнулись в город на птичий рынок. Они долго бродили по торговым рядам, присматриваясь к товару, пока, наконец, не приметили маленькую сиреневую голубку. Она им подошла и по деньгам, и по масти, и по интуиции. Синемурый и Сиреневая могли составить неплохую пару и дать хорошее породистое потомство. Пацанам повезло, их довез до дома знакомый таксист Сергей, живший по соседству. Голубке не пришлось долго мучиться за пазухой у Егора. Через час новоселка была расквартирована в голубятне в конце улицы Холмогорской. «Пусть паруются голуби хотя бы недельку», - решили друзья.

Но какой голубятник долго выдержит муку, чтобы, имея летных птиц, не проверить их в деле. К тому же зима закончилась, хищные птицы перебрались в леса, небо стало безопасным для полетов. Чтобы не рисковать, было решено связать Сиреневой крылья, чтобы та не улетела, мало ли что дамочке взбредит. Ну, а Синемурый и так куда теперь не денется.

Субботним утром Егор открыл леток, мол, осваивайтесь, молодожены, выходите на простор. Первым вылетел Синемурый, сделал пару кругов в небе и сел на черепичный конек пристройки к дому, в которой была оборудована голубятня. Затем мелким шагом появилась голубка. Ее возможности летать были ограничены шпагатом, перетягивающим концы летных перьев. Для нее оставалась лишь одна участь - разгуливать по пятаку, с которого можно было пешком перебраться на гребень крыши, где ее поджидал Синемурый. Там они и начали свою голубиную любовную беседу.

Синемурый нежно ворковал, развезжая перед подругой на мощном хвосте по красной черепице. Голубка покорно кивала головкой, соглашаясь со всеми предложениями суженого. Потом пошли поцелуи и все, что следует за этим между парой влюбленных. У птиц все то же самое, что и у людей. Только выглядят птичьи любовные игры романтичнее и целомудреннее.

Неожиданно все пошло по непредвиденному сценарию. Синемурый умудрился сначала развязать путы у голубки на одном крыле, а потом и на втором. Егор с Саней только тревожно переглядывались, что же будет дальше. Ждать пришлось недолго. Хлопок крыльев, и Сиреневая делает круг над голубятней. Еще один хлопок, и теперь уже Синемурый поднялся в воздух вслед за ней.

«Хорошо идут николаевские, высоколётные, теперь их не удержишь», - стали оценивать летающую пару подошедшие к месту событий соседи-голубятники. Это был в самом деле идеальный лёт в стиле «жаворонка», а скорее - «бабочки», когда птицы без кругов вертикально поднимаются над своей голубятней. В полете хвост голубя раскрывается на 180 градусов, создавая с крылом единую плоскость. Синемурый и Сиреневая поднимались все выше и выше, без лодок и заваливаний на хвост. Через час они превратились в точки на голубом небе. Потом Синемурый и Сиреневая ушли за белые облака. Как говорят в таких случаях специалисты, голуби покрылись.

Есть такие голуби, которых называют свадебниками. Их выпускают в небо по заказу на свадьбах. Но здесь Синемурого и Сиреневую никто не заказывал, они ушли в небеса на свою собственную свадьбу. А чебековским мальчишкам Егору и Сашке осталась лишь надежда на их возвращение. И они уже явно представляли себе картину, когда Синемурому и Сиреневой станет не до полетов. Рано или поздно они вернуться в свою голубятню, в их гнезде появятся яйца, и они вдвоем по очереди будут терпеливо высиживать своих птенцов. Наверняка они будут необыкновенной по красоте масти и возьмут лучшие летные качества у своих родителей. А пока пусть птицы полетают свободными в небе над калининградской землей. Это была двадцатая мирная весна в этих краях.

Поэзия

Николай Василевский

Перед дорогой

Старики сидели у костра,
Набивали трубки и курили,
И всю ночь до росного утра
Об оседлой жизни говорили.
Чуткая, как рыба, тишина,
Словно неживая, затаилась.
И горела полная луна.
И дорога дальняя светилась.

Освящение

Мороз гулял.
Метель водила
Игриво ветром-помелом,
Белила, стало быть, святила
Сады вдоль улиц, каждый дом,
И мост Орлиный над рекою,
И льдами скованный канал,
И индевельый смысл покоя,
И обезлюдевший вокзал...
И грусть души моей коснулась,
И, как крещенская вода,
Метель в янтарный край вернулась,
Чтоб освятить нас навсегда.

До чего ж искусен мой народ,
Золото по звону узнает.
Кабы мне так душу разуметь,
Знал бы я, где золото, где медь.

Ожидание

На скамье у тына,
Где растет крушина,
Мама поджидала
Весточку от сына.
Письмоносец с сумкой
Каждый раз подходит,
Вроде что-то ищет,

Только не находит.
-Не тоскуйте шибко,
Может, завтра будет,-
С деланной улыбкой
Вдаль идет по людям.
Год, и два, и третий,
А письма все нету.
Кто-то из соседей
Ей принес газету,
Там однофамилец
Воевал геройски,
Штурмовал с друзьями
Краков, город польский
И впервые мама
Так легко вздохнула,
Краешком платочка
Слезы промакнула.
А на утро тут же,
У скамьи, у тына,
И нашли лежащей
Мать, что ждала сына.
Срок немалый минул.
Рухнула и хата.
Лишь одна крушина
Ждет и ждет солдата.

Саперная лопата

На той земле, что с детства свята,
На приграничном рубеже
Лежит саперная лопата,
Травой поросшая уже.
Когда, в каком году упала
Она из чьих-то сильных рук
На холмик тот, что накопала,
Кому-то ставший пухом вдруг?
Лежит смиренно под травой.
И я, склоняясь над ней, стою,
Как перед памятью героя,
Что пал за родину свою.

Проза

Дмитрий Воронин

Поздняя месть

Рассказ

Научное судно «Моноцит» уже целый день стояло у причала, вернувшись из полугодовой экспедиции по северным морям.

Радость встречи экипажа со своими родными осталась позади, и на борту шла обыкновенная работа по приведению судна в относительный порядок.

Часть «научников» выгружала образцы грунта для дальнейшего изучения в лабораториях института, другие писали всеразличные отчеты о проделанной работе, кто-то занимался уборкой кают, а кто-то валял дурака в кают-компании, играя в карты.

– Мужики, – в дверях кают-компания показалась голова боцмана, – вас там авансировать собираются в каюте старпома.

Карты тут же полетели на стол, средний и младший научный состав чуть ли не бегом устремился к старпомовской каюте. Шутки, подначки, подковырки зазвучали в толпе ожидающих. Приятная процедура выдачи денег постепенно подходила к концу, когда к столу подошел техник научной группы Костик Ребров.

– Распишись вот тут, – второй штурман протянул ему ведомость.

Костик посмотрел на сумму, указанную на бумаге, и просиял. Таких денег он не держал в руках ни разу в своей двадцатитрехлетней жизни.

– Получи, – отсчитал указанную сумму второй штурман и улыбнулся Костику. – С почином.

– С тебя причитается, – похлопал Костика по плечу старпом, пряча в бороде улыбку.

– Обязательно, конечно, а как же, – смутившийся Костик сгреб деньги и рванул к двери.

– А пересчитать? Вдруг обманули? – раздалось вслед.

– Не, всё верно, я доверяю, – прозвучало из коридора.

Костик быстро прошагал в свою каюту и заперся. Разложив на столе деньги, он минут пять рассматривал их, а потом начал раскладывать по кучкам и рассовывать по карманам.

«Эти – маме, – рассуждал Костик, – эти себе на обновки, эти Наташке на подарки, эти на проставку ребятам, а эти на поход в ресторан с Григорием Моисеевичем».

Для него этот поход был очень важен, решалась судьба: или Юнерман берет его к себе в институт, или забыть о науке, экспедициях, новых друзьях и романтике.

Распределив деньги по карманам, Костик с опаской подошел к каюте Григория Моисеевича. Юнермана он побаивался – и в силу разницы в возрасте, и в силу некоторой строгости начальника экспедиции. Юнерман всегда был хмур, сосредоточен, неразговорчив, и только глаза выдавали в нем незлобивого человека – высвечивалась в них какая-то озорная искорка, не позволяющая собеседнику оробеть перед всемогущим доктором наук.

Костик осторожно постучал в каюту Юнермана.

– Можно? – открыл он дверь.

– Входи, – поднял голову из-за стола Григорий Моисеевич. – Чем могу служить?

– Григорий Моисеевич, я вот тут, понимаете, – замялся Костик, теребя непослушный вихор.

– Ну, смелее, смелее, – ободряюще улыбнулся Юнерман.

– Я приглашаю Вас сегодня поужинать в ресторане, – выпалил Костик и покраснел.

– Ого! – сделал удивленное лицо Юнерман. – Вы меня приглашаете? А где же цветы?

– Я... нет, Вы не так меня поняли. Я не приглашаю вас, то есть... нет, я приглашаю, но никак... а по-другому, – Костик умолк, окончательно смутившись.

– Ну, это понятно, что по-другому, а никак, – заиграли озорные искорки в глазах Юнермана. – А то и говорить не о чем, потому что в нашей стране это совсем не так, а всё гораздо хуже, если не сказать, что совсем кажут.

Костик, стоя, умирал от стыда и злости на самого себя. Так глупо, так бездарно завалить все дело!

Но Юнерман не был бы Юнерманом, если бы продолжал шутить и дальше. Понимая состояние Костика, Григорий Моисеевич серьезно произнес:

– Ладно, Константин, пошутили и хватит. Я согласен посетить с тобой это заведение, но с условием – обедаем каждый за свои. А спиртное за мой счет. И не отрицай, тебе деньги самому нужны. А сейчас иди, занимайся своими делами. В час встречаемся у «Меридиана», знаешь такое кафе?

Костик кивнул.
 – Ну, до встречи.
 Костик, все еще смущенный, быстро выскочил из каюты начальника экспедиции.
 Ровно в час Костя с Григорием Моисеевичем входили в кафе. Расположившись за столиком, Юнерман стал внимательно изучать меню.
 – На правах старшего, заказ делаю я, возражений не принимаю.
 Костик согласно кивнул.
 – Так, – обратился Юнерман к подошедшему официанту, – два оливье, два салата из кальмаров, два борща, две отбивные, бутылочку армянского коньяка и минералку. Попозже – кофе.
 – Сделаем, – записав заказ, официант ушел.
 Костик, поникший, молчал, не решаясь начать важный для себя разговор.
 – Ну, как тебе экспедиция? – спросил Григорий Моисеевич. – Понравилась?
 – О, это такой кайф, такой адреналин! – оживился Костик. Глаза его загорелись, спина выпрямилась. – Я ничего подобного не испытывал никогда. Жалко, что пролетело все очень быстро, как один день, даже нет – как один миг. И так не хочется верить, что больше этого не повторится!
 – О, да он у тебя поэт, – вдруг раздался за спиной у Костика насмешливый голос.
 Костик покраснел и зло повернулся назад.
 – Всё, всё, сдаюсь, сдаюсь, – притворно вскинул руки вверх полноватый мужичок небольшого роста, одетый в потертые джинсы и в незаправленную линялую тельняшку. – Гриша, скажи своему юному другу, что я пошутил, а то он меня сейчас съест.
 Григорий Моисеевич поморщился.
 – Знакомься, это местная знаменитость, поэт Леонид Лямкин, – представил он своего знакомого. – А это Константин, наш младший научный сотрудник, – обратился Юнерман к Лямкину. – Кстати, тоже пишет стихи.
 Лицо Кости из красного сделалось пунцовым.
 – Любопытно, любопытно, – несколько поскучнел Лямкин, подсаживаясь за столик. – Многие сейчас себя считают поэтами, но о поэзии потом. Гриша, ты, я вижу, с морей и, конечно же, при деньгах. Угощаешь старого друга и поэта?
 – Ну, а куда от тебя деться, – натянуто улыбнулся Юнерман. – Тем более. ты уже уселся.
 – Вот и хорошо, вот и ладушки, – потер ладони Лямкин и прокричал в зал: – Официант, добавь сюда бутылку армянского и парочку салатиков для начала!
 Вскоре на столе появились салаты, коньяк, минералка и борщ.
 – За встречу, – поднял свой фужер Лямкин. – Гриша, за тебя, – и, не дождавшись остальных, опрокинул в себя содержимое. Тут же налил снова. – За поэзию! – выпил и второй фужер.
 Костя молча поглощал борщ, украдкой поглядывая на Леонида Лямкина. Первый раз в своей жизни Косте довелось встретиться с настоящим поэтом. Веселый, раскованный, компанейский. Вот бы еще его стихи послушать, а может, рассказы о встречах со знаменитостями. Ведь такой, наверняка, знаком с лучшими поэтами и писателями.
 – Гриша, – налил себе третий фужер коньяка захмелевший Лямкин, – а давай за музу, за такую музу, которая всегда с нами, с истинными любителями искусства!
 – Лёня, – укоризненно покачал головой Юнерман, – третий тост поднимают не за музу, а за...
 – Да брось ты, Гриша, банальности разводить, – скорчил недовольную гримасу Лямкин и залпом выпил коньяк. – За тех, кто в море, за тех, кто не с нами... Фигня всё это. Пить надо за себя любимых, а не за кого-то там вдали.
 Григорий Моисеевич чуть сморщился, но спорить с поэтом не стал, зная его капризный характер.
 – Слушай, Лёня, ты что-нибудь новенькое написал? – перевел он разговор на другую тему.
 – Не уважаешь, Гриша, ты меня, – обиженно вытянул нижнюю губу Лямкин. – У меня ни дня без строчки, как сказал один известный мудака. Кстати, и на вашу морскую тему есть немало. Счас, только выпью чуток и выдам. – Лямкин выпил очередной фужер, крикнул, закусил и повернулся к Костику.
 – Слушайте, молодой человек, оценивайте и запоминайте, как сидели за одним столом с гением русской словесности, потом внукам похваляться будете.
 Поэт встал, покачнулся, одной рукой схватился за спинку стула, другую выпятил вперед и начал с пафосом:

Корабли уходили в ночь,
 Далеко от родного берега,
 И волна убегала прочь
 За кормой к берегам Америки.

Спи, родная, в тиши ночной,
 Приплыву я к тебе сквозь туманище,

Охраняю я твой покой,
Ведь я главный в морях капитанище.

И когда мы вернемся домой,
Ты на шею мою облокотишься.
Я поверю, что берег мой
Не Америка, а родных скопище.

– Bravo, Лямкин, bravo! – ухмыляясь, захопал Григорий Моисеевич. – Это величина!
Не заметив сарказма в голосе Юнермана, поэт гордо продолжал:

– И еще из недавнего.
Люблю себя в своем лице,
И не возможно быть иначе,
Когда на зорьке на крыльце
Коровы мыкают на даче.

Костя изумленно уставился на Лямкина. Поэт, заметив это изумление, тут же продолжил:
– А теперь самое что ни на есть самое! Да что слова, слушайте!

А вот и встал на веки миг
Во славу музе потрясенной,
Нырнул в пучину яркий блик –
Поэта стих замороженный.

Я будто памятник себе,
Еще не есть, но скоро буду.
Пишу поэзию судьбе,
Покуда живы, не забудут!

И пусть гремит во все концы
Известное мое творение.
И пусть читают подлецы
Одно про них стихотворение.

А в нем весь я, с конца в конец,
Мое нутро, моя судьбина.
Своим стихам я сам – отец,
А кто не внемлет мне – дубина.

– Ну, Лёня, вот тут ты весь, вот тут ты себя превзошел, аки бог, – налил себе коньяка Юнерман. – Вот этим ты меня сразил, убил наповал!

– А, понял, Гришка, понял потаенный смысл, – светился всем лицом Лямкин. – Я знал, знал, что поймешь! На руках за такое носить надо.

– Да-а-а, это точно, на руках выносить, это шедевр на все времена, – криво улыбаясь, согласно кивал головой Григорий Моисеевич. – Много выпил, пока родил это?

– Не знаю, не считал. Еще прочесть?

– Хорош, хорош, – отстранился от поэта руками Юнерман. – Дай это переварить.

– Эх, Гриша, слаб ты на восприятие серьезной поэзии, – пренебрежительно скривил губы Лямкин.

– А вот молодой человек хочет послушать настоящую поэзию. Ведь так? – обратился поэт к Костику.

Костик согласно кивнул и застенчиво сказал:

– Да, хотелось бы послушать кого-нибудь.

– В смысле – кого-нибудь? – набычился Лямкин.

– Ну, Вознесенского или Евтушенко, например, – тихо произнес Костик две пришедшие на ум фамилии.

– Дерьмо и дерьмо, – брезгливо вытянул губу Лямкин.

– В смысле? – не понял Костик.

– В смысле – два дерьма, – ответил поэт.

– Ну, может, тогда Ахматову или Цветаеву?

– Дерьмо и дерьмо.

– Ахматова и Цветаева? – недоверчиво посмотрел на Лямкина Костик.

– Ахматова и Цветаева – еще два дерьма.

– Да вы что! Как же так? Ну, а Пастернак, Блок, Есенин?

– Еще те вонючки, одна тошнота, – изобразил отрыжку Лямкин и обратился к кажущемуся безучастным Юнерману. – Гриша, что за идиота ты привел? Он ни черта не понимает в поэзии!

– А Пушкин, Пушкин кто? – Костик приподнялся из-за стола.

– Дерьмо - твой Пушкин!

– Всё, – ненавидяще произнес Костик, схватил мускулистой рукой за ворот Лямкина и пинками начал подталкивать к выходу.

– Как ты смеешь! – кричал, вырываясь, Леонид Лямкин. – Ты кого пинаешь? Ты ответишь! Ты пожалеешь! Я отомщу-у-у...

Вышвырнув поэта за порог, Костик вернулся назад к Юнерману, уверенный в том, что поставил своей выходкой крест на собственной карьере. Как же, выставил друга Григория Моисеевича. Каково было удивление Костика, когда он услышал:

– Молодец, Константин, наш человек, быть тебе в нашей команде.

Через тридцать лет известный поэт Константин Ребров шел на встречу со своими читателями в областную библиотеку. У центрального входа из салона «Тойоты» пожилая женщина вытаскивала две небольшие упаковки книг.

– Давайте я помогу донести, – предложил свои услуги Ребров.

– Вот спасибо, – обрадовалась женщина. – Тут рядом, на второй этаж, в хранилище.

Поднявшись на второй этаж, Ребров поинтересовался:

– А кого я нес-то, скажите?

– Да этого... Леонида Лямкина.

– Вот черт, – рассмеялся Ребров, хлопнув себя по бокам. – Отомстил все-таки, старый графоман, заставил себя на руках носить!

Проза

Сергей Угренинов

Игаш

Рассказ

На том берегу Большого Жаркаина, куда заходит солнце, и где много десятилетий назад дымили костры аула, блеяли отары овец и паслись табуны лошадей, а теперь только вой волков по ночам, поселился немолодой рыбак по имени Игаш. Построил себе землянку, навязал сетей, смастерил лодку и принялся за с детства знакомое дело. Наловит карасей, выпустит их в большущий садок, сплетенный из тальника, и ждет, когда приедут покупатели из ближайших сел.

Часто Игаш сидит у землянки с самокруткой в зубах, сети чинит да на озеро смотрит, а то на лодке по плесам плавает, наблюдает, как живут его пернатые соседи: лебеди и гуси, утки и чайки. И хорошо ему смотреть на птички семейки, на пухлые, мягкие комочки утят, лысушат и гусят, которые с писком снуют вокруг своих родителей, а иногда без страха направляются к рыбацкой лодке. Тогда пернатые мамы поднимают тревожный крик, чтобы их не ведающие зла, наивные дети вернулись обратно.

А вот Игаша никто не зовет обратно. Уехал он из села, поселился в пустынной степи на берегу озера, и никому дела нет до него. Хоть совсем сгинь Игаш в этом диком безлюдье, никто не вспомнит его, никто не прольет по нему слезы, ни мать, ни жена, ни дети, потому что нет у него никого, да и не было никогда. Да, да, не удивляйтесь, даже матери у Игаша никогда не было, по крайней мере, ни сам Игаш, ни все его знакомые ее не знали и ни разу не видели. И никто не ведал, откуда сам Игаш взялся.

Грустно было рыбаку Игашу жить в одиночку, но еще тоскливее с людьми, меж которыми он слыл чудачком и отчасти юродивым, и у коих не находила отклика его застенчивая, впечатлительная душа. Вот и перебрался Игаш на тихий берег Большого Жаркаина. С природой наедине ему и легче и светлей.

Особенно любил рыбак-отшельник лунные вечера, когда полное, сияющее лицо луны разливало ласковый свет на задремавшие в сумерках камыши и воды. Игаш садился в лодку-плоскодонку и, потихоньку работая веслом, чтобы не нарушать это таинственное молчание мира на закате солнца, не тревожимое ни единым земным звуком, выплывал по лунной дорожке на самый большой плес озера, окрещенный местными рыбаками и охотниками за величину "морем". Тихо плыл Игаш по темной воде, не издавая ни звука. А затем далеко от берега садился на сиденье-дощечку и, глядя на лунные блики, запевал одну из протяжных, печальных песен, ни концов, ни начал которых Игаш не помнил. На людях он стеснялся петь, даже во время выпивки, а тут никто не слышал его, и жалобы сердца рыбак мог доверить своему надтреснутому, глухому голосу.

И вечер последнего дня месяца цветущих лилий Игаш покачивался в лодке на "море". Этот день каждого года был необъяснимо дорог его сердцу. "Наверное, я родился в последний вечер месяца цветущих лилий", - думал рыбак. Он затянул одну из своих любимых песен-отрывков:

Среди раки и камыша
Спала усталая душа,
Вокруг нее цвели цветы,
И были сны ее чисты.
Никто не знает этих снов,
И нет для них на свете слов.
И душу ту не отыскать,
Не увидеть.

Невыразимая печаль проникла в сердце Игаша, он всхлипнул и умолк.
И вдруг! О чудо! Кто-то нежным, ангельским голосом из сумеречной дали плеса продолжил песню:

А одинокая душа
Лежит на стеблях камыша.
И кротко слушает она,
Как тихо плещется волна,
Как ветерок шуршит листвою
И крики чаек над водой,
И вечно хочется душе
Жить в камыше.

Этот голос, ласковый, тихий, но хорошо различимый, был для рыбака громом среди ясного неба. Игаш невольно поднялся во весь рост, всматриваясь в черную синь опустившихся сумерек, он всегда верил и ушам, и глазам своим, а потому был потрясен произошедшим. Но ничего он больше не услышал и не увидел. Поспешно он добрался до берега, и всю ночь не мог уснуть, пытаясь как-то объяснить себе, что же произошло. Знавшие Игаша люди считали его чуть-чуть помешанным, с чем, конечно же, не соглашался рыбак, и, следовательно, он ни на миг не сомневался в реальности услышанного голоса, а уж о том, что существуют галлюцинации, Игаш вообще не имел представления.

На следующий вечер рыбак с трепетом сердца выплыл на "море" и снова запел одну из песен. И опять вторил ему ангельский голос.

- Кто ты?! - крикнул в пустоту водной глади рыбак. Но никто не ответил ему. И ночь опустилась на Большой Жаркаин, не дождался Игаш сегодня больше чарующего пения.

Теперь все мысли Игаша были о таинственном голосе, о его невидимом владельце. С нетерпением он ждал каждого вечера и с верой в разгадку чуда выплывал на плесы. И вот однажды, когда еще воды не стали темны и белоснежные кувшинки и желтые кубышки не погрузили свои цветы в розовость озаренного последним солнечным лучом плеса, недалеко от неподвижно сидящего в лодке Игаша что-то всплеснуло, большое и серебристое, словно бедро женщины, покрытое искрящейся сеточкой, показалось на миг у камыша. А затем раздался уже знакомый голос. "Русалка!" - осенило Игаша. Ему почему-то стало радостно, он улыбнулся во всю ширину своего бурого от солнца и ветра, некрасивого лица. "Русалочка!" - повторил он про себя. "Теперь я не один на этом свете", - почему-то подумалось ему.

- Русалочка, милая, плыви ко мне! - вдруг громко сказал Игаш в сторону камышей. Но ничто в этот вечер больше не нарушило покоя озера. Обладательница серебристого бедра и ангельского голоса не выплыла к рыбаку.

В последующие дни Игаш уже с утра до вечера проводил на озере, надеясь еще хоть краем глаза увидеть обительницу озерных глубин, но тщетно, только свой удивительного тембра голос позволяла слышать водяная дева рыбаку, не больше. И переселился разум Игаша в страну грез. Самые разнообразные картины встречи с очаровательной хозяйкой озера изображались в его мечтах. Виделась ему нежноликая, с золотистым потоком волос до пояса, с изящными грудью и талией, девушка, безупречные бедра которой переходили в сверкающий чешуей, словно драгоценными камнями, рыбий хвост. И улыбку этой девушки, как и ее голос, нельзя было сравнить с тем, чем обладали простые смертные. И она дарила эту улыбку и этот голос ему, Игашу, человеку невзрачной наружности, не знавшему ласки и участия. И тогда Игаш счастливо улыбался видению, показывая порченные черные зубы. Ему в жизни не пришлось быть любимым, женщины сторонились, а то и брезговали им, и сейчас перед Игашем замерцала надежда дать и получить от жизни то, чем природа наделила его не в меньшей степени, чем других людей, но что могло умереть в его никому не открывшемся сердце. Встречи с русалкой рисовались рыбаку сочными, яркими красками радости, и эти встречи кончались взаимной нескончаемой любовью, и жизнь Игаша наполнялась смыслом высокого Чувства и ощущением божественной Справедливости к каждому живому существу на этой грустной земле.

Шли недели. Приближался месяц падающих листьев, рыбак ежевечерне слушал пение своей возлюбленной, увидеть же больше ее не удавалось. С каждой зарей он все более страстно и настойчивее звал ее, просил встретиться, и, если это возможно, стать ему самым близким другом, чтобы никогда не расставаться.

И когда пожелтела степь, вода в озере стала студеной, а птицы собрались в стаи, чтобы кочевать на юг, рыбак Игаш совсем отчаялся встретить водяную девушку. И однажды в прохладный вечер под заискрившимся звездами небосводом Игаш, потеряв надежду на встречу, как ребенок расплакался. Это были слезы по несбывающейся мечте и прошедшему мимо человеческому счастью.

Но голос русалки в темноте, очень близко, заставил его вздрогнуть:

- Не горюй, милый друг, жди меня завтра здесь, когда уснет лунь и проснется сова.

- Вот оно, сбылось! - шепотом сказал себе взволнованный рыбак.

Следующим вечером он не утерпел и выплыл на "море" раньше назначенного времени. Брусничное зарево заходящего светила вместе с гомоном прилетевших с поля на озеро уток и гусей постепенно сменились мягким сиянием лунного диска и тишиной. С нетерпением и некоторой робостью ждал Игаш важнейшей в его жизни встречи. Встав на дно плоскодонки, слегка подгребая веслом, он внимательно всматривался в неподвижность озера.

И в тот момент, когда Игаш слегка призадумался, и внимание его притупилось, лодка закачалась, и кто-то за его спиной ухватился за корму лодки и попытался перелезть через борт. Игаш резко обернулся, и ужас охватил его. Держась за корму зелеными лягушачьими то ли лапами, то ли руками, через борт в лодку старалось перевалиться какое-то жуткое чудовище, с белыми рыбьими глазами и губами на лице, напоминающем человеческое, с волосами цвета грязи и ила, с вплетенными в них бурными водорослями, с костлявым и скользким телом, словно кожа его была налимьей. Чудовище, не моргая, смотрело на Игаша, сипело и булькало, пытаясь перебросить в лодку свой рыбий хвост. Рыбак так испугался происходящего, что, не помня себя, с размаху ударил плоскостью весла чудовище по голове.

Весло рассекло полурыбе-получеловеку лоб, глаз, щеку и губы. И увидел Игаш на его лице страх,

непонимание и изумление, словно раскroенное лицо горестно восклицало: "За что?! За что ты убиваешь меня?! Ведь это ты звал меня и хотел меня видеть! В чем я перед тобой виновато?!" И существо издало громкий, протяжный, тоскливый крик, зеленые пальцы его расцепились, и оно, судорожно дергаясь, погрузилось в пучину, оставляя над собой на зеркале озера красное расплывающееся пятно. И болью отозвался этот совсем не животный, а человеческий крик в сердце Игаша. Только теперь он в полной мере осознал, что это и была обладательница ангельского голоса. И нельзя было пересказать горе Игаша, так велико оно было.

На следующий вечер на Большом Жаркаине была тишина. И в последующие вечера тоже. Не пела больше русалка, и сгинул куда-то рыбак Игаш. Приехали как-то покупатели за рыбой, а рыбацкая землянка стоит давно сирая и пустая. И забыли сразу все Игаша, словно он никогда не принадлежал этой земле, а, случайно попав на нее и проблуждав в не принявшем его мире, ушел туда, где его любят и ждут.

Литературные пародии

Светлана Супрунова

Пародии

Рейтузы

*Муза в розовых рейтузах,
С непокрытой головой,
Полезай, подруга, в кузов
Санитаркой фронтовой.
(Александр Люлин)*

Чьи-то музы в платьях, блузах,
А моя так просто ах! –
Ходит в розовых рейтузах,
На высоких каблуках.

Я писал, бывало, бодро
(Правду-матку говорю),
На обтянутые бедра
Каждый день теперь смотрю.

Сладко сердцу, ярко глазу,
Я теряюсь, как никто,
Мысли путаются сразу,
Представляется не то.

И уже душою маюсь,
И не думаю совсем,
Ну, короче, отвлекаюсь
От больших и вечных тем.

И, прилепленный к рейтузам,
Понимаю всё сильнее:
Чтоб стихи звучали, музам
Одеваться бы скромней.

Чем не поэт?

*Так было! Было, есть и будет
С тем, что родится от корней.
Я знаю: будущее будят
Дела давно минувших дней.
(Терентий Травник)*

Все что-то пишут и рифмуют,
Бегут в издательство скорей.
Меня, как никого, волнуют
Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.
Я посмотрел, вот это вид! –
Глаза большие, с поволокой,
Русалка на ветвях сидит.

Какие перси, нос точёный!

Так было, леший там бродил,
И днём и ночью кот учёный
То пел, то сказки говорил.
Да, было, и, видать, немало,
Там ступа шла сама собой,
К избушке вон заковыляла
Старуха с костяной ногой.
Гулять полезно для здоровья,
И я, намерен встав чуть свет,
Гулял себе у лукоморья
И думал: чем я не поэт?

Откровения Мессинга

*Гроб толпа провожает навстречу...
И чёрная мысль всю дорогу:
А много ль за мною пойдёт?*

*Не молчите вы так долго,
Вольф Григорьевич родной!*

(Александр Бывшев)

Отойду я в непогоду,
Что ж, на жизнь не станет сил.
«Много будет ли народу?» –
Я у Мессинга спросил.
Всё боялся, что забудет,
Он, закрыв глаза, изрёк:
«Не бойсь, народец будет,
Чтобы ты спокойно лёг».
И мысль засела прочно:
Пушкин, Гоголь и Толстой,
Девятнадцатый так точно
Попрощается со мной.
К Вольфу пристаю я снова:
«Кто и сколько человек?» –
«Иванов да Супрунова, –
Отвечает, – скуден век.
Откровенны и речисты,
Вижу ясно скорбный взгляд». –
«Что же, только пародисты?
Ну, и что же говорят?» –
«Всех твоих творений слитки,
Мол, прочитаны за год,
Что теперь они в убытке,
А поэзии везёт».

Дай бог

*Дай бог не вляпаться во власть
И не геройствовать подложно,
И быть богатым, – но не красть,
Конечно, если так возможно.
(Евгений Евтушенко)*

Дай бог не обижать жену,
Прощенья всем, кого обидел,
И если что-то умыкну,
Дай бог, чтоб кто-то не увидел.

Дай бог судье на лапу дать
И верить: всё в суде уладят,
И дальше книги издавать,
Конечно, если не посадят.

Дай бог, чтоб срок был небольшой
И впрок тюремная котлета,
Чтоб быть поэтом, – но с душой,
Достойной звания поэта.

Молодые авторы

Катя Котова

Время «Ч»

- Знаешь, черешня не лечит ни черта, - заявила она мне в задумчивости.
- Сходи, выброси её в мусорное ведро, - я кивнул в сторону кухни и снова отвернулся к окну.
- Холодно этим вечером...

Я подал ей палантин и сделал пару глотков из стакана с молоком.

На самом деле был третий час ночи. Мы сидели вдвоем в гостиной, я наблюдал за редкими проезжающими машинами, она лениво марала бумагу кистью и левой рукой наугад вытаскивала ягоды из широкой миски и медленно отправляла их в рот. Когда у нее за щекой скапливалось десять косточек, она выплевывала их на ладонь и переставала молчать, нарушая почти идеальную тишину ночи бессмысленными репликами.

- Чего ты боялся в детстве?

Я помолчал. Она съела четыре ягоды.

- Солдатики в картонной коробке. Мне казалось, что ночью они выбираются оттуда и устраивают настоящие битвы на полу в моей комнате. Я прятал коробку подальше и заваливал её другими игрушками.

На улице эхом от ближайших домов отразился женский смех.

- А я не боялась ни-че-го, - сказала она, чеканя каждый слог.

- Может быть, спать? Сегодня ранний подъем, - я повернулся к ней и нечаянно зацепил стакан.

Молоко выплеснулось на стол и белыми каплями чуть слышно застучало по полу.

- Чёрт!

Она зачарованно смотрела на полупрозрачную лужицу, пока я бегал за кухонным полотенцем.

- ...а теперь вот боюсь.

Я замер.

- Иди спать.

Она отложила кисть в сторону, рассеянно улыбнулась мне и направилась в спальню.

Когда я пришел туда, она уже спала, подложив под голову руку. Рядом на моей подушке лежал очередной её набросок – кроваво-красное лицо младенца, искаженное криком, как в одноимённой картине Мунка, обезображенное ужасом грушеголовое безволосое существо...

Я скомкал лист и прилёг рядом. Сон не шёл. Громко тикали часы на стене.

Еще жить

- Миша, Мишенька, не ходи по льду. Одевайся теплее. Замотай шарфик. Надень рукавички.

Он провалился. Провалился и сам не понял. Споткнулся и упал ничком. Щеки обожгло. Пальто пропиталось ледяной водой. Мгновенно набухшие валенки потянули ко дну. Хватал ртом воздух. Хватал глубже, чем при беге на занятиях физкультурой. Легкие обожгло внутри. Все обожгло внутри. Стало суетно. Первая мысль «Мама! Мама же будет ругаться за испорченное пальто. Как же так?...» - и только вторая: «Наверно, конец».

Едва сохраняя сознание, он помнил, вернее, слышал крики сначала совсем далеко, с берега, а потом ближе, почти рядом. Думал, что ему это снится, чудится. Уже было комфортно и тепло в новой среде. Он тонул, камешком шел ко дну, затягивался под лёд не-ве-до-мой силой, течением. Силенок маловато.

- Раз-два, взяли!

За шиворот пальто, за локти, за рукавички на резинках. «Не тяните, ведь оторвете». С разных сторон. Совершенно чужие люди. Вытаскивали пацана. Обрато. На твердый кусок замерзшего озера. Этому еще жить.

Женщина напротив

- Наталья Алексеевна, да вы пройдите пока. Спит он. Прилег с работы. Где подождать изволите?

- Иди на кухню, Марта. Я тут сама...

Его домоправительница, старенькая уже, семидесятилетняя Марта посмотрела на нее слезящимися глазами, заохала одобрительно, что-то пробормотала себе под нос и, утирая руки кухонным полотенцем, отправилась доделывать обед.

Она сняла перчатки и повесила на спинку стула в коридоре. Марта выглянула через пару секунд:

- Я вам чаю сделаю. Покрепче, как всегда?

- Да. Спасибо.

Под каблукками скрипнули половицы. «Как бы не разбудить», - подумалось ей по инерции. Она заглянула в комнату – спал. С минуту она постояла, наблюдая за поднимающимся и опускающимся одеялом на его боку. Голова на согнутом локте, вторая рука наверняка подпирает подбородок, ей было не видно отсюда. Она окинула взглядом комнату. Марта уже обо всем позаботилась, поставила напротив кровати стул, тяжелый, дубовый, с высокой спинкой.

Она по привычке просчитала, что до стула сегодня не пять, а шесть ее шагов. То ли стул не на том же месте стоит, то ли юбка сегодня узковата. Она преодолела эти шесть шагов, стараясь не цокать каблуком, присела и сложила руки на коленях, замерев, как молоденькая натурщица перед строгим художником.

В коридоре скрипнула треклятая половица. Марта бесшумной тенью, еще более привычная к таким перемещениям, скользнула в комнату, оставила в ладони гостьи чашку с горячим черным чаем и исчезла в дверном проеме.

А он все спал. У него стучала та венка на шее, под крепко сомкнутыми веками иногда приходили в движение глаза – наверное, видел какой-нибудь дивный сон, дыхание было глубоким и ровным. Она могла слышать только дыхание, все остальное и без того знала наизусть. Зачем это непременно видеть, если знаешь, как все происходит? Ее дыхание не было синхронным с ним. Она немного расстроилась и одновременно порадовалась, что вот он спит, а она может тихонько наблюдать.

За окном мело, хотя был уже март.

- Милый мой, милый... - начала она шепотом, внезапно стушевываясь, нервно дернула головой, про себя подумала: «Боже мой, как маленькая девчонка!», - сделала глоток чаю. Кончик языка слегка обожгло. Она поморщилась, взяла себя в руки.

- Милый мой... Так бы и сидела все эти годы с тобой в этой комнате. Так бы и сидела я. Сколько мы знаем друг друга? Прекрасную вечность. Еще в то время, когда я была не я вовсе, а ты еще только готовился быть собой, мы уже знали друг друга, а может быть, даже когда-то были счастливой семьей.

Она сделала небольшую паузу. Он заворочался, поменял положение рук и снова притих.

- Милый мой, я – приходящая. Как же нам с тобой теперь быть?..

Форточка резко, под натиском ветра, распахнулась. Она услышала, как на кухне забегала и заохала Марта. Он вздрогнул спросонья и приподнялся на локте, приходя в себя. Искрящаяся полоска снежинок медленно опускалась прямо на одеяло.

Он сел на кровати, хрипло пробормотал:

- Здравствуй. Ты снова беззвучно вошла...

Зашаркал тапками, поправил нательное белье, стремительно по-военному натянул брюки.

Заметил на полу лужицу от пролившегося чая. Она испугалась внезапно открывшейся форточки. Он сейчас все исправит.

- Марта, ещё чаю! – крикнул он на кухню, а сам направился в ванную комнату за тряпкой. Заставлять семидесятилетнюю женщину убирать такие мелочи – это же верх наглости и, к тому же, ощущение отсутствия мужественности в нем самом.

Он вернулся в комнату, бросил влажную тряпку на пол рядом со стулом, вдохнул морозного воздуха и прикрыл форточку, поёжился – зябко. Вспомнил про чай.

- Давай пообедаем вместе. Пойдем.

Женщина устремила за ним. Пока они шли до кухни, он спиной чувствовал, что она хочет взять его за руку, но пока не смеет – каждая их встреча была словно в первый раз. Они всегда как будто только начинали отношения, и он не мог сразу целовать ее, и она не могла держать его за руку.

Он поставил на плиту чайник, сел за стол. Теперь женщина снова была напротив. Ее платок грациозно спадал на плечи, и она не спешила его поправлять. Ее волосы каштанового цвета были озорно кучерявыми и становились рыжими на просвет. Он предполагал, что поддерживать их в таком состоянии стоило ей сил и времени, но ничего не мог с собой поделать – любил, когда она такая. Он как-то заискивающе улыбнулся ей, приготовил две кружки чая, открыл банку варенья, порезал булку и сыр – это был небольшой обед, даже, скорее, полдник...

За окном по-прежнему мело. Он прихлебывал чай. Очарование уходило, а образ становился все прозрачнее и прозрачнее. Ему снова хотелось прятаться под одеялом и крепко зажмуривать глаза.

Ритуал был неизбежен. Он вернулся в комнату, убрал сухую тряпку с пола, поставил стул обратно к стене рядом с кроватью, направился в ванную и заперся в ней до окончания приступа. И там, лежа в абсолютной тишине, крепко закусив в несколько раз свернутое небольшое полотенце, чувствуя, как по щекам ручьями без остановки бегут слёзы, он знал, что она покорно дожидается его в комнате. Он придет, поможет ей надеть пальто, проводит до выхода. А пока они прощаются до следующей встречи, на кухне станет хозяйничать Марта, ведь совсем скоро время ужина, а у нее, как у любого старого человека, строгий распорядок. Всё будет так, как всегда. Только вот слезы... Откуда их столько у него и по какому такому поводу. *Март 2011*

Леонид Бондарь

ЦИКЛ СТИХОВ

1. Тучи

И тучи потянутся бесконечными караванами, танкерами,
Караван-сараем станет для них амбар,
Старый, гнилой ангар станет для них причалом,
Вышкой цепелинной станет для них сосна.
Шатаясь, клубя боками, они налетят на камень -
На грудь великана - вахтенный всё проспал.

А там наверху - арктический минус и ангел-лоцман.
Командиры левиафанов, адмиралы тучных тельцов,
Вам салютует залпами гелия солнце.
А у Ионы в трюме
Горит от соляра лицо.

Ох, не простые дуры - вспорото брюхо шпилем.
Сверху, конечно, кажется - всё суета сует.
Водовороты, омуты, рифы, отливы - или
Улицы, трубы, парки, крыши, деревья... Свет
заслоняют - мир разрезая килем
Напополам:
Нам,
Вам.

Вылейте всё, что в брюхе! Вас не учили плакать,
Рыбы, драконы, звери сказочно-нервных форм?..
Один из одров качнулся на ватно-косматых лапах
И вывалил в пыль дороги: дождь, требуху и гром.

2. Мост

Город не стал чудовищем с выломанным ребром.
Под ним торговали овощи, оно утыкалось в дом.
Ребро омывалось водами одной и той же реки.
Под ним умирали пьяницы, бабочки, старики.
Оно упиралось в остров. Мы там целовались в седьмом.
Вчера наши тайные заросли сравняли под стадион.
Оно не пропорет небо. Оно остаётся млеть,
Тумбами сухожилий привязанное к земле.
Рыба гниёт - известно. Левиафан - с хвоста.
Пока отгниёт ребро - мы доживём до ста...
Напишем грассбухи планов, но книга привычно врёт:
Ребро превратится в Еву, вот только Адам умрёт.

3. Море

Ритмично. Бьётся. Дышит.
При минус пяти - кипит.
Мама, вдруг он услышит?
Мама, я знаю, кит,

Он очень древний, мама,
Видишь, вот там - пятно...
Мама молчит, упрямо
Тащит за руку. Склон

По правую руку. Пахнет
Сосною сырою, мхом,
Барашки под променадом
Выстреливают хлыстом.

Мама, не надо ближе,
Мамочка, это - пасть!
Зелёный язык нас слижет,
Это не глуу-пость!

Он подплывает, вот он,
Волны идут горбом,
Если б я был кашалотом,
Я бы вместился в дом

Туши его подводной.

Но наяву
Он больше, гораздо больше...
И я - реву.

4. Дракон

И замок мне говорит - возвращайся
Краснокирпичной кладкой,
Лодкой, ладанкой, кадкой
И довоенным фаянсом,
Если будет несладко.

И я понимаю, что вряд ли, вряд ли
...
Когда дракон умирает, все думают, что он спит.
Палео-, мезо-лит.
Палео-, мезо-зой.
В излучине между рек
Он порастает травами,
Его засыпает листвою.

Эоны эонов - ветер над ним шумел,
Звериные тропы оставили след в чешуе,
Горы сточились в мелкую пыль, взвесь,
А он - Всё ещё здесь

...
Дракон проявляется там,
Там, где он вечно был.
Он слизывает пожаром смолистую кость стропил.
Он глотками подземелий манит к себе людей.
Затем чешую пустую скатывает к воде.

Дракон проступает в камне, глине и кирпиче,
Он в ледяных подвалах, в дыхании всех печей,
Он в каждой горсти земли, насыпанной во дворе,
Он в жалобах половиц, визгливом вопле дверей.

.
Но если ты хочешь встретить сына самой
Земли,
И если ты не боишься, что сердце твоё
сгорит,
То пристальнее приглядывайся к морщинкам около глаз
...
Дракон проступает в нас.

Юбилейные даты

Александр Солженицын

Слово о Валентине Распутине

11 декабря исполняется 95 лет со дня рождения Александра Исаевича Солженицына, русского писателя (1918-2006). Ряд его произведений связан с историей Янтарного края. Читающим жителям Калининградской области было интересно познакомиться с объемной поэмой Солженицына «Дороженька» (1952), одна из глав которой называется «Прусские ночи», написанная во время пребывания автора в тюрьме и лагере. «Прусские ночи» были опубликованы отдельной поэмой в Париже в 1974 году, переведены на немецкий и английский язык. В ней описываются события конца войны, когда советская армия вступила на территорию Германии, в которых участвовал и сам автор. Он прослеживает параллели с первой мировой войной, с теми боевыми действиями, которые происходили в Восточной Пруссии. Позже этот материал будет использован автором в романе-эпопее «Красное колесо» и «Август Четырнадцатого». В то же время нам дорого слово Солженицына, сказанное о гении современной русской литературы Валентине Распутине, которое и предлагаем вниманию читателей.

На рубеже 70-х и в 70-е годы в советской литературе произошёл не сразу замеченный, беззвучный переворот без мятежа, без тени диссидентского вызова. Ничего не свергая и не взрывая декларативно, большая группа писателей стала писать так, как если бы никакого “соцреализма” не было объявлено и диктовано, — нейтрализуя его немо, стала писать в простоте, без какого-либо угождения советскому режиму, как позабыв о нём. В большой доле материал этих писателей был — деревенская жизнь, и сами они выходцы из деревни, от этого (а отчасти и от снисходительного самодовольства культурного круга, и не без зависти к удавшейся вдруг чистоте нового движения) эту группу стали звать *деревенщиками*. А правильно было бы назвать их *нравственниками* — ибо суть их литературного переворота была возрождение традиционной нравственности, а сокрушённая, вымирающая деревня была лишь естественной, наглядной предметностью.

Едва ли не половину этой писательской группы мы теперь уже схоронили безвременно: Василия Шукшина, Александра Яшина, Бориса Можаева, Владимира Солоухина, Фёдора Абрамова, Георгия Семёнова. Но часть их ещё жива и ждёт нашей благодарной признательности. Первый среди них — Валентин Распутин.

Валентин Распутин появился в литературе в конце 60-х, но заметно выделился в 1974 внезапно темы — дезертирством, — до того запрещённой и замолчанной, и внезапно трактовки её.

В общем-то, в Советском Союзе в войну дезертиров были тысячи, даже десятки тысяч, и пересидевших в укрытии от первого дня войны до последнего, о чём наша история сумела смолчать, знал лишь уголовный кодекс да амнистия 7 июля 1945 года. Но в отблесненной советской литературе немислимо было вымолвить даже полслова понимающего, а тем более сочувственного к дезертиру. Распутин — переступил этот запрет. Правда, и представил нам случай гораздо сложнее: заслуженный воин всю войну, три ранения, последнее особенно тяжёлое, и госпиталь в Сибири, неподалеку от родных ангарских мест; других в таком виде демобилизуют или хотя бы в краткий отпуск, нашего героя — нет. А война — явно при конце, тут особенно обидна ему смерть — и он дрогнул. Тайком вернулся в окрестности своей деревни, даже родителям не открылся, только жене Настасье.

Она помогает ему таиться, через Ангару скрывно перебирается то в зимнюю мятель, то, потом, по открытой воде. Ошеломлена его побегом, но всё делает для его жизни. Изворачивается в сокрытии перед родными и окружающими. До войны прожили 4 года — не было ребёнка, и вдруг теперь она зачала. Для него — это высшая радость: “теперь... хоть завтра в землю!”, “да разве есть во всём белом свете такая вина, чтоб не покрылась им, нашим ребёнком?!” (Невозможнейшая фраза на советских страницах!) Для Настёны — догружается неизбежность раскрыва беременности и позора. Сюжет складывается не из издуманных поворотов, а из простых жизненных обстоятельств, как они естественно текут. Повествование не спешит, оно просочено сибирской натурой, — а события развиваются плотно. В центре всех напряжений — Настёна. Оттенки страхов, надежд, нарастающих мучений — совсем не литературными приёмами вылепляют нам яркий женский образ. Свекровь выгоняет Настёну из дому, в деревне кто любопытствует, кто насмехается, — Настёна теряет чёткость чувств и мыслей, у неё нарастает ощущение неотвратимости беды. “Казалось — это последний день, что ей ещё можно быть с людьми”. У властей возникают подозрения о дезертире, Настёна мечется предупредить мужа об угрозе, за ней и по ночной реке следят в лодках — и чтоб не выдать

пребывания мужа и облегчением от невыносимого состояния — она утопляется в Ангаре, вместе с нерождённой, так желаемой, жизнью.

В повести малыми средствами выставлен нам ещё десяток характеров — и вся заброшенная сибирская деревня, где скудный вдовий праздник окончания войны — щемит сильнее батальных сцен у других авторов. В густеющем мраке находится место и просветлённому лучу — извечной крестьянской трудовой радости сенокоса, без него была бы и Настасья неполна: она любила ещё до солнца выйти по росе, встать у края деляны, опустив литовку к земле, и первым пробным взмахом пронести её сквозь траву, а затем махать и махать, всем телом ощущая сочную взвиль ссекаемой зелени. Любила стоялый, стонущий хруст послеобеденной косьбы, когда ещё не сошла жара и лениво, упористо расходясь после отдыха руки, но расходясь, набирают пылу, увлекаются и забывают, что делают они работу, а не творят забаву; весёлой, зудливой страстью загорается душа — и вот уже идёшь, не помня себя, с игривым подстёгом смахивая траву, и кажется, будто вонзаешься, ввинчиваешься взмах за взмахом во что-то забытое, утаенно-родное. Любила даже гребь по мёртвой жаре, когда сухо и ломко шебуршит сонное разнотравье; любила спорое, с оглядкой на небо и вечер, пока не отошло сено, копыньё.

Через два года после “Живи и помни” Распутин издаёт своё сильнейшее произведение — “Прощание с Матёрой”. Это прежде всего — смена масштаба: не частный человеческий эпизод, а крупное народное бедствие — не именно одного затопляемого, обжитого веками острова, но грандиозный символ уничтожения народной жизни. И даже ещё огромней: какой-то неведомый поворот, сотрясение — расставание и для нас всех. Распутин — из тех прозорливцев, которому приоткрываются слои бытия, не всем доступные и не называемые им прямыми словами.

От первой страницы повести мы застаём деревню уже обречённой к уничтожению — и сквозь повесть это настроение нарастает, звучит как реквием — и голосами народа, и голосами самой природы, и человеческой памяти, как она сопротивляется своей кончине. Пронзительно нарастает прощание с островом, растянутое умирание, режущее сердце.

Вся ткань повести — широкий поток народного поэтического восприятия. (На её протяжении изумительно описаны, например, разные характеры дождей.) Сколько чувств — о родной земле, её вечности. Полнота природы — и живейший диалог, звук, речь, точные слова. И — настоятельный у автора мотив: «Раньше совесть сильно различали. Ежели кто норовил без её — сразу заметно. А теперь — холера разберёт, всё смешалось в одну кучу — что то, что другое. Мы теперя так и этак не своим ходом живём. Люди про своё место под Богом забыли. Пришли пожогщики, “набежники из совхоза”, и жгут одно за другим, что пустеет. Гигантское царь-дерево Лиственнь, отметный знак всего острова, — только он оказался неповалимый и несжигаемый. Сжигают — “мельницу христовенькую, сколько хлебушка нам перемолола”. Вот — часть домов уже сожжена, а остальные “как вжались в землю от страха”. Последняя вспышка прежней жизни — дружная пора сенокоса, любимая деревенская пора. “Все мы — свой народ, из одной Ангары воду пили”. А теперь это сено — через Ангару, и скирдовать около многоэтажных неживых домов для бесприютных коров, обречённых под нож. Прощание с деревней, растянутое во времени, одни уже переехали и приезжают навещать остров, другие — держатся на месте до последнего. Прощаются с могилами родных, пожогщики дико налетают на кладбище, стаскивают в кучу кресты и жгут. Старуха Дарья, готовясь к неизбежному сожжению своей избы, — белит её насвежо, моет полы и набрасывает на пол травы, как под Троицу: “Сколько тут хожено, сколько топтано”. Для неё отдать избы — “как покойника в гроб кладут”. А заезжий внук Дарьи — отчуждён, беспечен к смыслу жизни, уже давно оторван от деревни. Дарья ему: “В ком душа, в том и Бог, парень”. “А что душу свою потратили — вам и дела нету”. — Теперь узнаётся: изба, если её не трогать, сама по себе горит два часа — но ещё многие дни тоскливо курится потом. А и после сожженья избы — Дарья не в силах уехать с острова, ещё с двумя-тремя старухами ютится в негодном бараке. И так — перепущен срок отъезда. Сына Дарьи на катере посылают ночью снять стариков — а тут налегает такой густой туман, какого в жизни они не видели, и найти на Ангаре знакомый остров уже не могут. Этим и оканчивается повесть — грозным символом как бы нереальности нашего бытия: существуем ли мы вообще?

Просветы метафизических сил ощущаются и в некоторых рассказах Распутина, — “Что передать вороне”: Небо и земля — что из них вопрос и что ответ? Мы можем, из последних сил подступив, лишь замереть в бессилии перед неизъяснимостью наших понятий и недоступностью соседних пределов. Или в “Наташе” — загадочном рассказе об ангеле-хранителе.

Символична и повесть “Пожар”, девятью годами позже “Матёры”, — и как в прямое продолжение к ней: дальнейшая судьба людей, насильно оторванных затоплением от своего прежнего коренного бытия и на бессмысленную уничтожительную работу — валку и валку лесов, без заботы о подросте новых.

Однако сам пожар описан вовсе не символично, не с литературной красотостью, а с реальными подробностями развития пламени в разных местах здания и на разных этапах горения, — автор подробно видит и передаёт нам детали; это — взгляд и художника, но и знатока пожарного дела. Таких адекватных описаний хода пожара я в русской литературе не знаю. Надо побывать там, чтоб это узнать: “казалось, горел даже дым, которым приходилось дышать”. И эти сдвиги в сознании людей в захвате пожарной работы — до полной потери реальности, даже понимания, откуда куда бежит или что делает.

Сквозь этот ревуший огонь звучит трубный голос народного горя, — в продленье того необратимого расставания нашего с разумным бытием.

На этом пожаре, несомненном поджоге: одни жертвенно спасают гибнущее, другие — всё больше воруют сполутно, а третьи — неназванные и невидимые, получают главный доход от поджога. В перемежных с пожаром главах — видим общий рост бессовестности и воровства, скудеющий остаток добросовестных людей. “Сама земля уходит из-под ног”.

И — торжествующее, наступающее на общую жизнь новое племя — всё те же пожогщики, знающие лишь одно уничтожение, теперь — “архаровцы”, ненаказуемые уголовники на просторах страны. “Вечная тоска в глазах: куда? зачем?” — сами не знают. “Вредят всякому, кто твердит о совести”. Для них “что было нельзя — стало можно, считалось за смертный грех — почитается за ловкость”. — “И как получилось, что сдались мы на их милость?”

Повесть вышла в свет в 1985-м, пронизательно показывая, какую полууголовной наша страна была к началу Перестройки, — какую вся эта шваль вот-вот развернётся господами нашей жизни.

Вослед “Пожару” цепочка рассказов Распутина протянулась и в новейшее время, отражая и новые виды лютости жизни. “Изба” — как живое существо, принявшее душу своей обиталицы-подвижницы. — “Нежданно-негаданно”. — “Новая профессия”.

Выделим гнетущий рассказ большой силы “В ту же землю” (1995). На окраине микрорайона города, в котором воздух, растительная и человеческая жизнь необратимо протравлены заводскими выпусками фтора, живёт одинокая Пашута. Последняя из сестёр, трое умерли, она взяла к себе из деревни уже беспомощную мать. У самой-то “не очоленевшее до конца тело выгибается в поясице с сухим треском — будто косточки ломает”. А мать — “оттолкнулась последним вздохом”, вот умирает; и “такой покой был на её лице, будто ни одного, даже маленького дела она не оставила неоконченным”. И — как хоронить? В деревне бы — куда как просто. А здесь первое: все цены теперь вскружились в десятки и десятки раз, нечего и думать - купить гроб. А ещё главней: мать не прописана здесь, и никто не выпишет ей свидетельства о смерти; а без свидетельства — не похоронишь. Конечно, за деньги можно получить всё — но денег-то и нет. “Время настало такое провальное: все кругом, все никому не нужны”, всё, что питает добро, пошло на свалку, “жизнь открылась сплошной раной”.

Не только стало нельзя жить, но у нас отняли и сокровенное, священное право — мирно отдать прах матери-земле.

О гробе — Пашута просит работягу, в прошлом близкого ей человека. Но где и как хоронить без дозволения? “Если всё от начала до конца пошло не так, то по нетаку и это — так”. На окраине микрорайона — свалка, пустырь, он “захламлён, набит стеклом, завален банками и пакетами”; но и дальше пустыря — “зачернён кострищами, затоптан, загажен и ближний к городу лес”. Даже за тем ещё б отодвинуться дальше, но ведь так, “чтоб добираться же к могиле уже неходящими ногами”. Спутник Пашуты помогает ей найти сухую полянку дальше в лесу. Однако: запретные похороны надо и провести тайно — значит, ночью, и выкопать могилу, и беззвучно же вынести гроб — “телоприимную обитель” — по лестнице общего дома, и везти до места. Уже на рассвете закопали, под первым снежком, как бы “дарующим прощение за незаконные действия”. На лице у пашутино друга “странная и страшная улыбка — изломанно-скорбная, похожая на шрам, с отпечатлевшегося где-то глубоко в небе образа обманутого мира”.

Помимо художественных произведений у Распутина есть замечательные сибирские очерки — об Алтае, Лене и Русском Устье — легендарном поселении на берегу Ледовитого океана, где колония новгородцев сохранила до нашего несчастного XX века — неповреждённые с XVI века язык и обычаи. Если вспомнить тут и Байкал, и Ангару — Распутин выступает нам как уникальный певец Сибири и среди самых стойких защитников её.

И — органичнее черты его творчества: во всём написанном Распутин существует как бы не сам по себе, а в безраздельном слитии: — с русской природой и — с русским языком.

Природа у него — не цепь картин, не материал для метафор, — писатель натурально сжит с нею, пропитан ею как часть её. Он — не описывает природу, а говорит её голосом, передаёт её нутряно, тому множество примеров, здесь их не привести. Драгоценное качество, особенно для нас, всё более теряющих живительную связь с природой.

Подобно тому — и с языком. Распутин — не пользователь языка, а сам — живая произвольная струя языка. Он — не ищет слов, не подбирает их, — он льётся с ними в одном потоке. Объёмность его русского языка — редкая среди нынешних писателей. В “Словаре языкового расширения” я от Распутина не мог включить и сороковой части его ярких, метких слов.

А если надо всем сказанным здесь мы не упустим и такие качества Валентина Распутина, как сосредоточенное углубление в суть вещей, чуткую совесть и ненавязчивое целомудрие, столь редкое в наши дни, то изо всего и составитя образ писателя, которому наше жюри вручает сегодня премию — с самым радушным чувством.

Л.В. Довыденко

«Внутреннее оформление человечества»

К 125-летию со дня рождения Н.С. Арсеньева

Николай Сергеевич Арсеньев (1888–1977) - русский религиозный философ, культуролог, писатель и поэт. Большая часть жизни Арсеньева, имеющая косвенное отношение к известному произведению И. Бунина, давшего фамилию известного в России дворянского рода своему главному герою (писатель был дружен с Натальей Сергеевной Арсеньевой, сестрой философа Николая Сергеевича), прошла в изгнании, ее можно разделить на три периода: российский (до 1920), кенигсбергский (1920–1948) и американский (1948–1977). Его перу принадлежит 60 книг и сотни статей, проникнутых мыслями о судьбе России, о ее возрождении, о ее вкладе в духовную сокровищницу человечества.

«Потоки живых интересов»

Семья Н.С. Арсеньева принадлежала к тем кругам русской аристократии, которые умели совмещать высокое положение в обществе с преданностью православной Церкви и с любовью к науке. Род этот блистательно представил брат философа - Василий Сергеевич Арсеньев в книге «Род Арсеньевых». Николай Сергеевич в своей итоговой книге «Дары и встречи жизненного пути» (1974) писал о своей семье: «Со всех сторон меня захватывали потоки живых интересов, связанных с историей человеческой мысли, литературы, общественных устремлений, истории народов, истории искусства».

Уже первая книга философа «Жажда подлинного бытия» обращена к духовным поискам человечества, к древнейшим источникам различных культур, свидетельствующих о глубинах духовной жизни человека. Это надписи на каменных плитах Верхнего Египта, поэзия Древнего Вавилона, Махабхарат Древней Индии, поэзия и философия Древней Греции и Рима. Во всех источниках находит мыслитель примеры «томления духа» и «искания выхода», «искания опоры в Вечном, Реальном». Арсеньев рассматривает «томление духа» как «жажду подлинного бытия» и удовлетворение ее Откровением свыше, ощущением Полноты жизни, жизни в любви, которая - он считает - может быть актом волевого усилия.

Интерес к «внутреннему оформлению человечества» берет свои истоки в семье Арсеньевых. Князь Юрий Алексеевич Долгорукий и его жена Елизавета Петровна (урожденная Давыдова) были родителями бабушки Николая Сергеевича по отцовской линии. Они знали Хомякова и ценили сочинения швейцарского пастыря Александра Винэ (1797-1847), профессора истории литературы Лозаннского университета. Винэ мечтал о сближении между христианами, взаимопонимании, особенно между протестантами и католиками.

Долгорукие интересовались Оксфордским движением 30-50-х годов XIX века. «Отсюда началось, - писал Н.С. Арсеньев, - усиленное стремление многих выдающихся представителей Англиканства к сближению с Православной церковью, отсюда началась дружественная переписка А.С. Хомякова с одним из виднейших деятелей Оксфордского движения В.Пальмером. Когда в 40-х годах Пальмер приезжал в Россию, он часть лета провел у Долгоруких в их имении Красное, Новосильского уезда, Тульской губернии. Арсеньев рассказывал о ряде посещений России некоторыми членами Англиканского Епископата. Приехавшие в Россию на коронацию императора Николая II, англиканские иерархи вели беседы о возможности сближения Англиканства с Православной церковью. Англичанин Джон Беркбек, который стремился познакомить соотечественников с учением Православной церкви, особенно ее литургической жизнью, издал переписку Хомякова с Пальмером, трактат Хомякова «Церковь едина» в переводе на английский язык. Беркбек 18 раз приезжал в Москву, и был знатоком православного богослужения. Он говорил, что во всем христианском мире нет ничего равного по красоте московским службам Страстной недели и Светлого воскресения. Большая заслуга Арсеньева состоит в том, что в книге «Единый поток жизни» он собрал сведения о влиянии Православия на европейскую культуру. Он приводит примеры церковных деятелей и авторов книг, чьи сердца открылись «духовным сокровищам Православия». «Образы русских святых – Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Тихона Задонского, образы Оптиных старцев – стали (особенно с появлением на Западе русской эмиграции) знакомы и дороги многим западным читателям. После первой мировой войны религиозное воздействие христианского Востока на Запад усилилось чрезвычайно (тут сыграли роль литургическая красота Православной церкви, русская икона, Достоевский и религиозные русские мыслители)». Таким образом, книга «Единый поток жизни» опровергает до сих пор бытующее мнение, выраженное, например, Вышеславцевым: «Из того, что пишется и говорится на Западе, я вижу, что русский народ и русская судьба все еще остается полной загадкой для Европы. Мы интересны, но непонятны; и, может быть, поэтому особенно интересны, что непонятны. Мы и сами себя не вполне понимаем...»

Индивидуальное, национальное и вселенское в русской литературе

Хотелось бы подчеркнуть, что Арсеньев немало сделал для того, чтобы мы, прежде всего, «были сами себе понятны». В книге на немецком языке «Русская литература нового времени и современности в их духовной взаимосвязи», которую, к сожалению, до сих пор никто не перевел, а мой перевод нигде не опубликован, автор, рассуждая о специфике русской философской мысли, пишет, что она заключается в призыве к служению «вселенскому духу любви». По убеждению Арсеньева, этому великому призванию Россия часто оказывалась неверной, недостойной. Но это чисто русская мысль, именно славянофилы сформулировали «смысл жизни и истории человечества» как «свободу морального развития личности и вместе с тем любовь, объединяющую нас воедино с братьями в великий живой организм». Заветы славянофилов оказали воздействие на всю отечественную духовную, не только религиозно, но и светски ориентированную традицию русской философской мысли, найдя отклик и в западной мысли. Среди этих заветов особая роль принадлежит соборности, которая по Арсеньеву, – не внешний авторитет, а это наша собственная, более высокая жизнь. Причем, Арсеньев подчеркивает, что не только русский народ стремится к абсолютному добру. «Религия и философия всех народов задолго до христианства установила, что человек и даже все мировое бытие влечется сознательно или бессознательно ввысь к абсолютному совершенству, к Богу. Различие между людьми и народами состоит в том, в какой форме и в какой степени осуществляется у них это стремление вверх и под какие соблазны они поддаются при этом».

«Высший цвет человечества» Арсеньев видит в лице святых, которые есть в каждом народе. Они вместе с тем и высший цвет нации, произведшей их, но они не укладываются в рамки национальные, как и вообще все лучшие духовные и культурные ценности человечества. Русские святые поэтому, – уверен Арсеньев, – сверх национальны, ибо из сверх национального и Вечного черпают свою силу. Они высшее достижение человечества.

Русская литература открывается Арсеньевым как всечеловеческая ценность. Духовная глубина произведений русской литературы предстает во взаимосвязи национального, индивидуального и вселенского. Арсеньев утверждает, что именно литература конкретного народа в первую очередь дает представление о его духе, его духовной сущности. При этом нельзя отбросить индивидуальность и своеобразие каждого художника, так как общественное внутренне скреплено с индивидуальным. То, что глубоко национально, то является всечеловеческим. Конкретно-индивидуальное и всечеловеческое неразрывно связаны, потому что духовное содержание ищет совершенную форму.

Арсеньева волнует будущее России и роль в этом будущем духовной культуры: «Немо ли для нас и для будущей свободной России русское прошлое или есть живая связь? Вот вопрос решающего значения. Решающего оттого, что не может поток течь вперед, если он отрезан от своих истоков, и не может расти ввысь дерево, лишенное корней. Ибо жизнь есть одно органическое нераздельное целое. Без традиции нет истории, нет жизни народа, но традиция эта динамична, она устремлена вперед и уходит вглубь»

К художникам, выходящим на «общечеловеческое, вселенское и вечное», Арсеньев относит Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Картины толстовского мира Арсеньев называет «динамизмом жизни», выражающимся в мелочах мира человеческого и мира природного. Он выделяет в творчестве Толстого поклонение красоте и теплу русской семейной традиции, «укорененности» в родном быте и участие в западной культуре. Л.Н. Толстой и глубоко народен, и общечеловечен. Тоска жизни, утверждает Арсеньев, недоумение над жизнью, боль и сознание «тщеты» поначалу мало проявляются в его творчестве. Жизнерадостность помогает ему преодолеть тоску жизни. Творчество и красота обновляющейся природы есть главное противоядие этой тоски. А потом супружеская любовь! И охота, и верховая езда, и природа, и интерес к народу, и динамическая устремленность вперед, и внутренне питание души могучей духовной традицией, питавшей предыдущие поколения. А далее кризис, из которого Толстой вышел, но с точки зрения Арсеньева, найденное им решение – «безблагодатно».

Не признавая благодати, Толстой, по убеждению Арсеньева, ставил человека одного перед лицом превышающих его человеческие силы «требований ригористической морали». В то же время Арсеньев убежден, что Христос для Толстого «был в противовес его рационалистическому отрицанию», все-таки больше, чем учитель совершенной морали.

Центральная тема творческих исканий Достоевского — существование Бога. Арсеньев считает, что Достоевский своим мировоззрением связан со славянофилами, которые ощущали свое дело не только как глубоко-национальное, но также как всемирное. Эту всемирную работу продолжил Достоевский. Корни мировоззрения писателя, как и у славянофилов, в русском народе, он, как и его народ, «тоскует по тому, что свято». И Достоевский приходит к «уравновешенности, к умственной зрелости и одухотворению», так как это есть «у нас в аскетической традиции церкви», и в «народной душе». Герои Достоевского, являются примером самоотверженной, отдающей, смиренной любви, «этой огромной силы», как считал Достоевский. Отмечая одностороннюю ироничность, несправедливость отношения Достоевского к другим народам, Арсеньев находит объяснение ей в «горячей любви к своему народу». Но его завещание – «захватывающая Пушкинская речь» — полностью «пронизана большой всемирной точкой зрения о взаимопонимании народов». Высокое предназначение своего народа он видит в том, чтобы «вызывать это взаимопонимание,

принимать души других народов братски. Эта всемирная, всечеловеческая широта духа» — особенность гения Пушкина, как явления «пророческого». То же можно сказать и о Достоевском. Его миссия, его предназначение – «пророческое».

Внутреннее преображение человека и технический прогресс

Современник и друг Арсеньева Г.Н. Трубецкой спрашивал: «В настоящий исторический момент человечество стоит на перепутье. Что же победит в нем — культурный зоологизм или «сердце милующее»? Чем надлежит быть вселенной — зверинцем или храмом?» Арсеньев развивает свою мысль в рамках идеала преображения. Выбор один: Апокалипсис или преображение. В русской литературе XIX века мотив преображения явно и неявно присутствует у многих авторов. В лирике Пушкина, например, преображение героя – основной принцип. По мнению Арсеньева, метафизическая струя у Пушкина может носить невольный характер, но этим добавлением ничто не ослабляется, так как душа поэта «стремится прикоснуться к основному, благому Смыслу Жизни». И в этом стремлении личность его просветляется, преображается. Поэтому «так умилительно» действует на него молитва Св. Ефрема Сирина и образ простой, смиренной праведности в русском народе – «и няня его, и Татьяна, и чета Мироновых, и благочестивый быт русской семьи». С ним совершается чудо или он сам поднимается до таких вершин духа, где становится способным простить, принять, покаяться, то есть измениться, преобразиться под действием тех благодатных стихий, к которым он прикоснулся в момент озарения. Арсеньев утверждает, что «Пушкин – без излишней теоретизации – знал лучше многих других, что такое есть традиция духовной культуры». Его стихотворение «Пророк», задуманное вначале как некий нравственно-политический призыв, перерастает эту первоначальную тональность и приобретает характер религиозного зова». По мнению Арсеньева, бессмертие творчества Пушкина, вдохновленного «музами, античным миром, Куницыным, Жуковским, Шенье, Державиным, может быть, еще больше Кремлевским пожаром, битвами 1812 года, судьбами русского народа», состоит в «назаглушимо звучащем в его душе и будящем нас зове к служению Высшей Красоте и Правде».

Арсеньев не одобряет тех, кто стремился преобразить мир усилием воли через революцию. Христианская идея преображения здесь была извращена, потребность в вере была заменена партийностью. В русской духовной жизни таится великое мессианское ожидание. Обоженное человечество – конец и цель истории и единственное положительное решение загадки существования.

Заключение

В отличие от многих своих современников, Н.С. Арсеньев, констатируя всеохватывающий кризис культуры, показывает возможность создания «жизнеспособной духовной культуры». Он понимал, что познание общечеловеческих ценностей и оснований культуры начинается с усвоения и осмысления культуры «изнутри», через личную судьбу, историческую судьбу народа, национальных гениев, героев. Будущее и настоящее России в ее «реформаторских порывах» невозможно без осмысления исторических традиций и особенностей русской культуры, их сохранения. Народ, не сохраняющий свои традиции, нищает духом, оскудевает, «превращается в чернь». Где нет духовной преемственности, там «буксуют реформы».

Арсеньев, переосмыслив главные достижения мировой духовной культуры, приходит к выводу, что православный путь святости и есть «ответ на загадку человеческой жизни». «В свете ужасных потрясений, перенесенных нашим народом, много ложных ценностей пало, многое подверглось переоценке, многое забытое или казавшееся забытым, воссияло опять перед нашим взором». Он уверен, что культура развивается и обогащается в диалоге с другими культурами, но акцентирует внимание на национальных чертах характера, особенностях русского способа постижения мира, связывая его с возрождением своего народа. Перспективы национального развития, проблемы смысла жизни сочетаются с проблемой исторического призвания народа. Пробудившийся в нем дух искания, ориентация на православные ценности, открывают его духовному взору значение исторических явлений. Вязкости рассудочных сомнений он противопоставил веру как явление духовной свободы, обратившись к глубинам национального духовного опыта, к нравственному, «внутреннему оформлению» русского народа и человечества.

Лилия Мариина

Прусские невесты и российский престол

В июне 2013 года исполнилось 400 лет династии Романовых. В связи с этим уместно обратиться к истории Российского государства и в частности к ее женскому началу. Такое понятие, как династические браки, получило развитие во время правления Петра I, который сам был женат на ливонской крестьянке, или по меткому выражению Меншикова, на «прусском трофее» - Марте Сковронской, ставшей императрицей Екатериной I. При жизни Петр родился с европейскими фамилиями, выдавая замуж своих дочерей и племянниц за границу. Его дочь Елизавета Петровна на российском троне присмотрела своему племяннику Петру 3-ему также прусскую невесту, будущую Екатерину Вторую. И единственный сын Екатерины Павел остановил свой выбор на прусской невесте, ведь протестантки, в отличие от католичек, легко шли на условие российского престола - принятие православной веры.

Императрица Мария Федоровна

София Доротея Августа Вюртембергская родилась 14 октября 1759 года. По материнской линии София Доротея была племянницей прусского короля Фридриха Великого. Выйдя замуж Павла, она приняла православное имя Мария Федоровна. У Павла I это был второй брак после смерти во время родов его первой жены Натальи Алексеевны (Вильгельмины Дармштадтской).

Наследник престола Павел познакомился с принцессой Вюртембергской в июне 1776 года в Потсдаме, в королевском дворце на вечере у королевы Елизаветы Христины. В августе того же года невеста София Доротея направилась в Россию, и родители ее сопровождали до Мемеля (Клайпеды). Екатерина II не разрешила ей никого привозить с собой в Россию. София Доротея много плакала, и родители покинули Мемель рано утром, пока принцесса еще спала, чтобы избавить ее от слез. С ней осталась лишь горничная. В Мемеле принцессу ожидала русская свита в составе статс-дамы графини Е. М. Румянцевой, супруги фельдмаршала, фрейлин Глафиры Алымовой и Екатерины Молчановой (их портреты кисти Д. Левицкого можно увидеть в Русском музее) и статского советника Пастухова, который сразу же начал обучать будущую императрицу русскому языку.

В Мемеле Софии Доротее пришлось на некоторое время задержаться из-за появившегося в дороге флюса. В конце августа она прибыла в Петербург и через месяц обвенчалась с Павлом Петровичем в церкви Зимнего дворца по православному обряду, приняв русское имя - Мария Федоровна. Когда принцесса прибыла в Петербург, Екатерина II писала: «Она именно такова, какую хотели: стройна, как нимфа, цвет лица белый, как лилия; высокий рост с соразмерной полнотой и легкость поступи. Кроткость, доброта сердца и искренность отражаются у нее на лице».

В 1776 году цесаревич Павел Петрович инкогнито, под фамилией графа Северного, и Мария Федоровна, направляясь в заграничное путешествие, останавливались в Кенигсберге.

Павел погрузился в семейную жизнь, все сильнее привязываясь к жене. В 1777 году их ждало потрясение. Первого сына Александра Екатерина II приказала забрать у родителей, и сама занялась его воспитанием. Когда-то с Екатериной также поступила Елизавета Петровна. Когда у Павла Петровича с Марией Федоровной родился второй сын Константин, Екатерина вновь забрала сына у родителей, нанеся новую обиду. Лишь два-три раза в год разрешала Екатерина своим внукам видеться с родителями, так диктовал устав этикета двора. Кроме того, Екатерина считала, что Мария Федоровна, провинциальная прусская принцесса, не имела «державных» способностей. В этом Екатерине вторил писатель Николай Греч: «Женщина добрая, благотворительная, недалновидная и ограниченная, немка в душе (по-бюргерски практичная), пропитанная всеми династическими и аристократическими предрассудками (так обостренными нередко у людей, попавших из мелких княжеств к большому двору)».

Пять дочерей Павла и Марии Федоровны воспитывала вдова лифляндского генерала Шарлотта Карловна Ливен.

Двое их детей, Александр I и Николай I, один за другим вззошли на российский трон. Николай I женился в 1817 году на дочери прусского короля Вильгельма III и королевы Луизы, Шарлотте, которая приняла православное имя – Александра Федоровна. Всего у Марии Федоровны и Павла I было 10 детей, 4 сына и 6 дочерей, два сына стали русскими царями, а две дочери - королевами: Екатерина V Вюртембергская и Анна Нидерландская. Профильные портреты своих шестерых детей: сыновей Александра и Константина и четырех старших дочерей Мария Федоровна изобразила на одной из своих камей. Она обладала художественными талантами: гравированием и резьбой по камню.

Еще с допетровских времен установился на Руси обычай не выдавать царевен за подданных, чтобы избежать интриг и влияния новых родственников на государственные дела. Женихов подыскивали за

границей. Причем, в странах, исповедовавших лютеранскую веру. Там были терпимы к православию и не требовали от царевен отказаться от веры. Католики же были непреклонны в вопросах веры. Русские невесты до конца дней исповедовали православие. Иностранные же невесты, приезжавшие в Россию, принимали обязательно православную веру и делали это легко. Ведь их ждали роскошь и блеск русского двора, какие в Европе и не снились, им льстила принадлежность к великому государству.

Старшая дочь Марии Федоровны и Павла - Александра - вышла замуж за эрцгерцога Иосифа, палантина венгерского, брата австрийского императора Франца I, умерла через год после свадьбы.

Вторая дочь Елена Павловна вышла замуж за наследного принца Фредерика Мекленбург-Шверинского.

Великая княгиня Мария Павловна была выдана за наследного принца Карла Фридриха Саксен-Веймарского и Эйзенахского. В Веймаре она познакомилась и подружилась с немецким поэтом-просветителем Иоганном Гете, который называл Марию Павловну своим другом и одной из лучших и наиболее выдающихся женщин его времени. Она была дружна с профессором истории искусств Мейером, композитором Ференцом Листом, поэтом Фридрихом Шиллером, назвавшим Марию Павловну «Звездой с Востока», посвятившем ей пьесу «Приветствие искусств». Сама она высоко почитала поэта и после его смерти заботилась о сыновьях Шиллера, их образовании и воспитании. Александр Гумбольдт привез ей из Бразилии в подарок семена еще неизвестного тогда в Европе дерева и назвал его в честь Марии Павловны *Paulovnia Imperialis*. Теплыми отношениями она была связана с поэтом Василием Андреевичем Жуковским. Прусский дипломат и друг В. А. Жуковского, В.Ф. Одоевского, Ф.И. Тютчева, фон Энзе писал в своем дневнике, что прусский генерал Шарнхорст «в полном восторге от великой княгини Марии Павловны, уверял, что никогда подобного ничего не встречал; а Шарнхорст не из тех людей, которых можно было купить льстивыми речами».

Начиная с детей Павла и затем детей его сына Николая, родственные узы связали царский дом плотной сетью родовых связей со многими владетельными домами Европы, особенно Германии, которую злоязычный германский канцлер Бисмарк назвал «племенной фермой Европы».

Уже к XIX веку в составе русской императорской фамилии появились носители иностранных титулов, узаконенные в России: герцоги Мекленбург-Стрелицкие (брак племянницы Николая I Екатерины Михайловны с герцогом Георгом Мекленбург-Стрелицким в 1851 году). Далее принцы Ольденбургские (брак дочери Павла I Екатерины с принцем Петром-Фридрихом Ольденбургским в 1809 году). А также герцоги Лейхтенбергские (брак дочери Николая I Марии с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским в 1839 году).

К середине XIX века династические связи Романовых расширились. Дети царской фамилии женились или выходили замуж в другие страны. Это Дания, Нидерланды, Англия, Греция, Черногория. Поэтому династию Романовых в европейских справочниках именовали Романовы-Гольштейн-Готторпы, так как отцом Петра III был герцог Карл Фридрих Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский.

Мария Федоровна по праву носит в Россия имя первого работника социальной защиты, она стала в России родоначальницей благотворительности и поставила это дело на столь широкую ногу, что прервалось оно лишь с революцией 1917 года. Она взяла на себя также попечительство над Екатерининскими институтами, училищами. В историю просвещенной России она вошла как основательница, покровительница Мариинских школ, училищ, институтов, приютов знаменитого по всей России «Ведомства императрицы Марии». Умерла Мария Федоровна в 1828 году. Она единственная из всех немецких принцесс легко приспособилась к суровому петербургскому климату и не болела. Возможно, потому что послушала совета И.И. Бецкого и обливалась по утрам с ног до головы холодной водой. Это делала она всю жизнь, прекратив проводить эту процедуру лишь за год до смерти. Она сказала тогда: «Не годится выпрашивать у Бога лишние дни».

В память о матери Николай I установил Мариинский знак отличия беспорочной службы, который жаловался лицам женского пола за долговременную службу в учреждениях императрицы, а также в других благотворительных и воспитательных заведениях, состоявших в непосредственном ведении Императора и членов Высочайшего дома. Знак носили на Владимирской ленте: 1 степени (золотой с голубой финифтью крест с изображением числа лет службы) на левом плече, 2 степени (такой же медальон) на груди.

Александра Федоровна

Александра Федоровна родилась 1 июля 1798 года, скончалась в Царском Селе 19 октября 1860 года. Ее имя – Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина, императрица всероссийская, жена императора Николая I, дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы.

После разгрома Наполеоном прусских войск королевская семья переехала из Берлина в Кенигсберг, затем в Мемель. В январе 1807 года вновь вернулась в Кенигсберг и проживала в замке, таким образом, детство Фредерики тесно связано с Восточной Пруссией.

20 июня 1817 года она вышла замуж за великого князя Николая Павловича.

Накануне свадьбы Фредерика Луиза на пути в Петербург несколько дней находилась в Кенигсберге. Жители и власти устроили ей торжественный и радушный прием.

Великий князь Николай Павлович впервые увидел Фредерику Луизу Шарлотту Вильгельмину в Берлине в 1814 году и сразу проникся к ней чувством симпатии.

Помолвку своего 19-летнего брата Николая с принцессой Шарлоттой Прусской, которая была на два года моложе будущего мужа, организовал Александр I. «Дипломаты уже подготовили этот союз. Королева Луиза отдает свою дочь брату государя, к которому она когда-то испытывала нежное чувство. Александр полагает, что эта свадьба будет символизировать союз народов, которые бок о бок доблестно сражались с Наполеоном».

На обед в честь помолвки в королевский дворец в Берлине были приглашены победивший при Ватерлоо Блюхер и фельдмаршал Барклай де Толли.

1 июля 1817 года состоялось венчание, обед, бал. Николай произнес: «Вы кажетесь рассеянной и мечтательной». Юная жена, получившая православное имя Александра Федоровна, ответила: «Я поглощена мыслями о счастье». В сентябре 1817 года царская семья отправляется в Москву. Увидев ее золотые купола, Александра Федоровна была потрясена. Позже она написала: «У меня сжалось сердце, я поняла Россию и почувствовала гордость от того, что принадлежу ей».

В 1820 году супруги предприняли первое совместное заграничное путешествие, во время которого посетили Восточную Пруссию.

С Николаем I у Александры Федоровны было семь детей. Старшего сына, будущего императора Александра II, воспитывал «побежденный учеником» учитель А.С. Пушкина – поэт В.А. Жуковский, который обучал русскому языку Александру Федоровну, правда, она не достигла особых успехов, да и зачем, думала она, ведь при дворе все говорили по-французски.

После смерти императрицы Марии Федоровны Александра Федоровна взяла на себя опеку над всеми благотворительными учреждениями, которые создала свекровь. Александра Федоровна их сохранила и расширила. Будучи слабой здоровьем, (ее голова мелко дрожала после того, как было подавлено восстание декабристов, и многие ее называли «дрожащей» императрицей, такова была цена ее любви и жертвы), она совершала часто путешествия за границу для лечения, и все ее поездки связаны с благодеяниями бедным. На ее средства и по ее указу создавались целые учреждения, например, в Берлине – Александра-штифт. Две третьих своих личных сумм она тратила на благотворительность. Помощь выражалась не одними деньгами. Александра Федоровна проявляла участие ко всякому горю, и, пользуясь влиянием на императора, часто смягчала его суровость.

В честь нее названа любимая ею, построенная в 1830 году, роскошная дача в Петергофе в виде сельского замка в готическом стиле, с балконами со всех сторон и великолепным садом, спускающимся к морю, - Александрия. Вокруг этого замка постепенно возникали отдельные постройки, восхитительные по стилю и по вкусу. В 1834 году там построена церковь во имя Александра Невского, покровителя Николая I, по проекту известнейшего в Европе архитектора Карла Шинкеля, немало проектировавшего и для России, и для Восточной Пруссии. Сохранились в Калининградской области произведения К. Шинкеля: маяк в Балтийске, здание почты в Советске, ратуши – в Гусеве, церкви – в Залесье Полесского района. Церковь в Александрии, в Петергофе, построена была в виде готической капеллы с двумя стрельчатыми башнями, с чудной живописью профессора Неффа на иконостасе.

А.О. Смирнова-Россет в «Воспоминаниях», относящихся к 1845 году, писала о Марии Федоровне: «Государыня была еще хороша. Прекрасны ее руки и плечи, и при свечах на бале, танцуя, она еще затмевала первых красавиц».

Маркиз де Кюстин (Россия в 1839 году. Париж. 1843.) вторит ей: «Императрица пленяет своей наружностью, звук ее голоса столь же мягок и проникновенен, сколь повелителен голос императора». «У нее не возникает даже мысли критиковать, тем более что-то советовать царю, который для нее всегда прав. Восхищается им, прячется в его тени, и видит Россию глазами своего возлюбленного Никса».

Де Кюстин описывает и нервную болезнь Александры Федоровны, сопровождавшую ее всю жизнь: «Возвратившись к Александре Федоровне после подавления мятежа, Николай увидел, как у нее трясется голова, – от этого тика ей не удалось излечиться. Дрожь едва заметна, она даже почти не видна, когда императрица спокойна и находится в добром здравии, но едва что-то начинает мучить ее морально или физически, как недуг проявляется».

Писательница Л. Васильева отмечает: «По приказу нового императора пули попадали в тела солдат, за его спиной, во дворце, дрожью откликались эти выстрелы в теле его любимой жены. Может быть, с позиций государства и незаметна эта плата, но с точки зрения семьи человеческой, она – огромна. Спустя почти полтора столетия, на ином витке истории, будущий глава СССР Ю. Андропов, бывший в 1956 году послом страны в Венгрии, за участие в венгерских событиях заплатит здоровьем любимой жены Татьяны. Женщина не выдерживает кровавых мужских противостояний».

Она пережила мужа на пять лет, но это была уже не жизнь, а умирание. Все же за многие века это был первый благополучный семейный союз без смертей младенцев, без семейных драм, несмотря на измены Николая

История и краеведение

Георгий Набатов

С белым флагом по Кёнигсбергу

Всякий раз, когда я прохожу мимо руин Королевского замка в Калининграде, пытаюсь представить, как все это было в первоапрельские дни 65 лет назад. Сейчас замка нет, от него остались сотни тысяч тонн битого кирпича, щебня, фундаментных валунов, ржавой арматуры, золы. В конце августа 1944 года после налета почти тысячи английских бомбардировщиков - «ланкастеров» исторический центр столицы Восточной Пруссии превратился в руины. «Веер смерти» сделал из старинного города каменоломню. А в 1957 году группа специалистов-подрывников сравняла с землей то, что еще оставалось от замка. Их и бывшего первого секретаря обкома КПСС Николая Коновалова частенько поругивают ревнители кенигсбергской старины. Но ни одного упрека не слышно в адрес английского военного командования, отдавшего приказ о тотальной бомбежке культурного центра Кенигсберга.

И все реже сегодня вспоминают обо всех нюансах штурма Кенигсберга в те прохладные апрельские дни. Этим же маршрутом 65 лет назад, но отнюдь не с созерцательной, как я, целью, прошествовали с особой миссией три человека, о которых, к сожалению, не все в Калининграде знают. Я имею в виду тех, кто первыми прошли на вражескую территорию с флагом. Его цвет был на тот момент еще не победным, красным, а чистым и белым. Утро 9 апреля 1945 года выдалось солнечным и тихим, предрассветный туман рассеялся. С немецкой стороны в расположение 27-го гвардейского стрелкового полка 11-й дивизии явился посланник в чине германского полковника. Через него комендант крепости Кенигсберг генерал от инфантерии Отто фон Ляш подал сигнал о готовности к переговорам.

Советское командование сочло возможным использовать язык мирных предложений, чтобы избежать лишних жертв с обеих сторон, в том числе и среди мирного населения, число которого в городе составляло более 200 тысяч человек. В группу парламентариев вошли трое гвардейцев: начальник штаба 11-й дивизии подполковник Петр Яновский, артиллерийский разведчик капитан Александр Федорко и инструктор политотдела по работе с противником, капитан Владимир Шпитальник, хорошо владевший немецким языком. Задачу перед парламентариями поставили непростую – склонить руководство немецкой 130-тысячной воинской группировки в центре Кенигсберга к сдаче оружия и вручить коменданту города текст ультиматума о безоговорочной капитуляции.

Путь лежал в подземелье на университетской площади – в блиндаж коменданта Отто фон Ляша, коренного пруссака, родовитого военачальника. В советской армии еще были свежи факты расправы немцев над военными парламентариями в Будапеште и при других штурмовых операциях. Риск был огромным, учитывая приказ Гитлера: «Кенигсберг – не сдавать!». Пройти предстояло в роли живых мишеней полтора километра при непрерывном обстреле из автоматов и минометов. На вооружении у каждого парламентаря – лишь по пистолету. Это было продвижение к цели короткими перебежками с постоянным риском нарваться на прицельную или шальную пулю. Где-то на полпути огонь противника стал особенно сильным. Командир группы Петр Яновский дал команду Владимиру Шпитальнику обследовать подвал для возможного укрытия. Там, внутри, в сырости и полумраке, русского офицера ожидала печальная картина. Прямо на цементе покорно ожидали своей участи десятки женщин, стариков, детей. Все они встали на колени, умоляя об одном – не убивать их. Когда они в ответ услышали речь на чистом немецком о том, что никто никого не тронет, подвал осветила надежда, появившаяся в темных глазах. Они увидели в этом русском офицере долгожданного мессию, спасителя. Они поверили и почувствовали, что скоро конец бессмысленному кровопролитию на улицах города.

Через 500 метров парламентариев ожидала встреча, которая могла стать роковой. Три русских офицера оказались в кольце большой группы немецких солдат со шмассерами в руках. Только Шпитальник понимал, о чем так возбужденно спорят фашисты. Рыжий верзила с закатанными рукавами настаивал на немедленном расстреле врагов рейха. К счастью, его поддержала меньшая часть вооруженной толпы. Пожилой, небритый обер-лейтенант резонно рассудил, что убить русских с белым флагом никогда не поздно, а пока пусть идут в ставку генерала. Несколько сгладило критическую ситуацию и то обстоятельство, что парламентариев сопровождал немецкий переводчик Ясковский, который не знал точной дороги к штабу. Кстати, удивительное совпадение Ясковский – Яновский, почти однофамильцы случайно встретились на фронтовом рубеже в Кенигсберге. Пришлось по пути «мобилизовать» в качестве добровольца-проводника подполковника Кервина. Их еще трижды останавливали агрессивно настроенные гитлеровцы, чтобы расправиться с посланцами мира. Но всякий раз удавалось убедить нападавших дать

дорогу русским парламентарам. Облачное к тому времени восточно-прусское небо было благосклонно к чужеземцам.

Улица, по которой продвигалась вперед группа с белым флагом, была забита танками, грузовиками, трамваями, лежавшими, как кашалоты, на боку. Многие столетние деревья взрывами вырвало из земли с корнем. Погибших после бомбежек и артиллерийских залпов солдат и жителей этой весной в Кенигсберге уже никто не убирал. Там и сям попадались трупы обозных лошадей. Каждая минута сражения продолжала уносить сотни жизней русских и немцев. Когда подошли к развалинам Королевского замка, до подземного командного пункта немцев осталось преодолеть последние 200 метров. Наконец, спустя два часа пути, парламентары добрались до командного пункта, располагавшегося на глубине семи метров под землей. Вход в ставку охранял белобрысый фельдфебель. Телефонная связь у немцев в этой части города до сих пор отменно работала. Под железобетонным кожухом в подземелье шла своя жизнь, там пока еще сохранялся немецкий порядок. Горел свет, все еще действовала система вентиляции воздуха. Созвонившись с нутром бункера, часовой пропустил русских вниз. Прежде, чем попасть в длинный подземный коридор, надо было пройти 31 ступеньку. В лабиринтах блиндажа встречные немецкие офицеры щелкали каблуками и отдавали русским парламентарам честь. В одном из ответвлений довольно широкого коридора наблюдалась какая-то сутолока. Солдаты поспешно таскали длинные ящики куда-то вниз через массивную железную дверь. «Что-то прячут», - обратил внимание Яновского переводчик Шпитальник.

По глазам штабистов можно было прочитать истинные настроения, царившие на начало апреля в Кенигсберге. Запасы ненависти и враждебности в немецкой армии, как, впрочем, продовольствия и боеприпасов заканчивались. Улетучился дух легких побед над другими странами, остались лишь смертельная усталость, разочарование в былых идеалах вперемешку со страхом и тревогой о будущем. Ведь к исходу третьего дня штурм Кенигсберга русскими уже было занято более 300 городских кварталов. Комендант не сразу принял посланников с вражеской стороны. Сначала парламентаров некоторое время «помариновал» в своей комнате начальник штаба немецкий полковник Зускинд Швенд. Он первым взял в руки бумагу с обращением-ультиматумом на двух языках от командующего 3-м Белорусским фронтом. Начштаба пока еще сопротивляющейся кенигсбергской группировки войск долго вчитывался в жесткий текст-требование осадившей город армии. Прочитав послание до конца, Зускинд Швенд высказался в том духе, что только строжайшее выполнение немецким и русским командованием условий ультиматума дадут желаемый результат, принесет мир на эту землю. В этом наши позиции совпадают на сто процентов, подтвердил намерения русских подполковник Петр Яновский.

Совиное лицо генерала от инфантерии Отто фон Ляш было сумрачным и землистым. Еще пять дней назад генерал в своих радиообращениях говорил, что для взятия города русским надо стянуть огромные силы. Но накануне командующий кенигсбергским гарнизоном связался со ставкой Гитлера и попросил разрешения на сдачу города советским войскам. Последовал категорический приказ: «Драться до последнего солдата!» Комендант крепости отлично осознавал, что в Берлине утратили здравомыслие, теперь надо принимать решение самому. Еще ночью местная нацистская верхушка предприняла отчаянную попытку вырваться из осажденного города и пробиться в Пиллау, откуда некоторым кораблям удавалось уйти в Гамбург. Однако стальная колонна из «тигров» была в итоге разбита советскими подразделениями в пух и прах. Высокого роста, подтянутый генерал был одет в парадную форму.

С каждым парламентаром он обменялся нервным рукопожатием. Обстановка его кабинета выглядела спартанской: пара столиков, три стула, кресло, радиоприемник. Старший парламентар Петр Яновский решительно отказался от радушного предложения хозяина присесть в кресло. Это место для генерала. Знание немецкого языка капитаном Шпитальником приятно удивило коменданта. Поэтому переговоры пошли без особых смысловых трудностей. Отто фон Ляш предстал перед нелегкой дилеммой, ведь он был уроженцем Кенигсберга и теперь войдет в историю как военачальник-капитулянт, сдавший родной город. Да и среди оборонявших город офицеров и солдат все еще оставалось много противников сдачи столицы Восточной Пруссии без дальнейшего сопротивления. Переговоры уже близились к завершению, когда в кабинет ворвался эсэсовец майор Фидлер, начальник отдела партийной канцелярии, с требованием выдать русских, чтобы поставить их тут же к стенке. Однако фон Ляш проявил твердость характера и выставил за дверь фашиста-фанатика. Генерал всячески подчеркивал, что именно он контролирует положение дел. Он даже предложил переговорщикам выпить на брудершафт и хорошо закусить. Хороший французский коньяк, по его словам, для этого случая у него имеется. Но от предложения сесть за стол во время настоящего ада на этой земле, где техника и люди вперемешку лежали в несколько слоев, советские офицеры отказались.

Поэтому перешли сразу к уточнению деталей сдачи гарнизона в плен. Немцы вникали во все, живо интересовались, сколько вещей можно взять с собой, сколько денщиков положено офицеру. Венцом дебатов стал приказ коменданта фон Ляша по гарнизону о прекращении боевых действий. С нарочными его стали рассылать по частям. Бумагу стали рассылать по всем действующим частям, участвующим в обороне. Еще во время переговоров в штабе раздавались телефонные звонки, командиры частей запрашивали о том, что им делать. Офицеры штаба отдавали им устные распоряжения - прекратить огонь и сдаваться в плен, не дожидаясь письменного приказа.

Командовать в бункере фактически стал подполковник Яновский. Он приказал генералу Ляшу группировать весь штаб для сдачи в плен. Внушительная процессия из немецких генералов и офицеров двинулась к передовой линии советских войск. Все они шли пока еще с личным оружием. Вокруг был разрушенный и пылающий город. Ночью 10 апреля в плену генерал Отто фон Ляш констатировал: «Мы оглохли и ослепли от вашего огня... Мы чуть не сошли с ума. Такого никто не выдержит...» Началась массовая сдача гитлеровцев в плен. Из подвалов, из разрушенных домов, бетонных дотов выходили солдаты с белыми тряпками в руках.

Тем не менее, случались трагические эксцессы. По одной из центральных улиц медленно двигалась большая колонна плененных немецких солдат. Ее вели всего два русских автоматчика. Неожиданно из окна полуразбитого ресторана по пленным ударила пулеметная очередь. Два советских пехотинца дали команду немцам ложиться, а сами приняли бой. Пулеметное гнездо удалось подавить, но старшина-сапер, прошедший всю войну, получил смертельное ранение. Его тело на руках понесли дальше немецкие солдаты. Всего сдалось в плен при штурме столицы Восточной Пруссии около ста тысяч солдат и офицеров третьего рейха. Только за ночь после визита советских парламентариев в бункер коменданта Ляша сдалось 50 тысяч бойцов вермахта, в том числе более 1800 офицеров и четыре генерала. По архивным данным, на территории нынешней Калининградской области захоронено около 140 тысяч советских военнослужащих. Тогда, в апреле 1945 года, при штурме города-крепости Кенигсберга жертв с обеих сторон могло быть несоизмеримо больше. Но русские парламентарии, рискуя своей жизнью, прошли полторы тысячи метров от передовой до ставки командования местного гарнизона, чтобы прекратить бессмысленное кровопролитие на берегах Прегеля.

До полной капитуляции Германии еще оставался целый месяц, когда в час ночи 10 апреля парламентарии с высокопоставленными «языками» добрались до штаба дивизии. А часом ранее, в полночь, Москва салютовала о взятии Кенигсберга войсками 3-го Белорусского фронта двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из 324 орудий. В приказе Сталина выражалась благодарность всем участникам штурма прусской цитадели, считавшейся неприступной, олицетворявшей бастион «немецкого духа». Трое советских парламентариев были удостоены орденов Красного Знамени. Узнав о непростительно быстрой сдаче Кенигсберга, Гитлер заочно приговорил генерала фон Ляша к смертной казни... А вот и конечная точка моего сегодняшнего путешествия по городу – музей-блиндаж Ляша, куда местные экскурсоводы обязательно приводят туристов.

Еще издали видна у входа в подземку знакомая, отчаянно жестикулирующая фигура. Конечно, это он - калининградский краевед, или как он сам себя именует, историк-исследователь Калининграда Сергей Трифонов. Добился-таки чертяка у губернатора Георгия Бооса моральной и административной поддержки. Сегодня он одержим деятельностью по исследованию музейного бункера «Блиндаж Ляша». Трифонов организовал сканирование георадаром лестничной площадки на тамбуре в подземелье. Якобы им даже произведены распечатки обнаруженных в пустотах аномальных объектов. Теперь Сергей Трифонов фонтанирует разными версиями, связанными с историей Кёнигсберга, с поисками пропавшего оригинала скульптуры Иммануила Канта и Янтарной комнаты. И всего-то осталось просверлить внутри бункера в бетонной плите два отверстия диаметром с крупную человеческую голову, чтобы опустить туда видеозонд. Правда, областной Минкульт уперся, пока не дает согласия, не понимает, что, возможно, исследователь подошел к порогу важнейших открытий старого Кёнигсберга.

Что и говорить, несметные сокровища местных подземелий всерьез будоражат некоторые умы, в том числе и ученые. Жаль только, что цена памяти со временем иногда девальвируется. Ныне в Калининграде недалеко от музейного блиндажа на доме № 2 по улице Житомирской открыта только доска, посвященная героическим советским парламентариям гвардии подполковнику Петру Яновскому, гвардии капитану Александру Федорко и гвардии капитану Владимиру Шпитальнику. И это все? Выясняя, как же еще увековечена память об этих воинах, совершивших самый настоящий подвиг, узнал, что в Калининграде есть улица Яновская. К сожалению, о ней мало кто знает, затеряна эта улочка где-то за таксопарком. И все-таки, наверное, было бы по-настоящему справедливо когда-нибудь увидеть в Калининграде памятник трем парламентариям, сумевшим в начале апреля 1945 года с помощью белого флага потушить адское пламя на улицах Кёнигсберга, как символ-назидание будущим поколениям: «Даже худой мир лучше хорошей войны».

Виталий Шевцов

Судовая роль

*Судовая роль является судовым документом,
в котором указывается название судна,
порт приписки, род и назначение судна, собственник
судна, список фамилий лиц состава экипажа.
Международный морской словарь. 1990*

Перед тем, как начать свой рассказ, я решил для себя – ну и, конечно, для вас, уважаемые читатели, навести историческую справку. Кто, когда и по какой причине ввел термин «судовая роль» в истории международного мореплавания?

Введение в морскую терминологию так называемой «судовой роли» человечество – я, конечно же, имею в виду ту ее большую часть, которая непосредственно связана с мореплаванием, – обязано никому, как Бальтазару Косса. Произошло это событие в XIV веке. Бальтазар Косса был на то время знаменитым морским пиратом. Я бы даже сказал – весьма удачливым пиратом. Именно благодаря, наверное, своей удаче он впоследствии и стал папой римским Иоанном XXIII. Как видите, в далеком прошлом все происходило почти так, как происходит иногда сегодня. Не поделив со своими сообщниками награбленные богатства, папа римский Иоанн, он же Бальтазар Косса, начал преследовать их по всему миру. Вот с этой целью он и ввел во всем католическом мире обязанность подавать список экипажей кораблей при заходе в порт. Список этот назвали по-итальянски «tolo», от латинского слова «totulus» – бумажный свиток. В Россию этот документ завезли итальянцы в XVII веке. И только в начале XIX века добавилось уточняющее слово «судовая», чтобы не связывать данный документ с театральным термином «роль», пришедшим к нам из французского языка.

Итак, как вы теперь понимаете, каждое судно имеет свой документ, наравне с человеком. У судов есть названия, то есть имена. Официальные, и еще те, которыми их нарекает экипаж. Ну, все как у людей...

Великий русский адмирал С. О. Макаров любил, повторять: «В море – дома!». Военные, пассажирские, торговые, научно-исследовательские, рыбацкие суда ходят по морям-океанам, четко выполняя свою судовую роль. Охраняют границы нашего с вами государства, перевозят пассажиров, торговые грузы, исследуют Мировой океан и ловят рыбу. На каждом из этих судов есть флотский экипаж – моряки. Так вот сегодня мне бы и хотелось поговорить с вами о морях-рыбаках. Как сказал мой друг, калининградский писатель Михаил Иванович Полищук: «Рыбаки – дважды моряки. Судоводители, например, точно так же, как и прочие моряки, умеют определяться и по солнышку, и по звездам, ну и, конечно, по-современному – по спутникам. И, соответственно, «заруливать». Но кроме этого, рыбаки обязаны еще уметь ловить рыбу. Это, знаете, вам не хухры-мухры – трал отдать, выполнить прицельное траление на нужном горизонте или по грунту так, чтобы не порвать «авоську» или, не дай Бог, вообще не оставить трал вместе с дорогостоящими приборами контроля хода на дне. И делают это те же штурманы – судоводители». Не могу с Михаилом Ивановичем не согласиться. Уж он-то эту рыбацкую роль, как говорится, сам и теоретически изучил, и практически познал, исходив моря и океаны.

Всем тем, кто однажды избрал для себя трудную, полную тревог, но почетную профессию моряка-рыбака, прошел морями и океанами не одну сотню морских миль, честно и добросовестно, выполняя на судне свою личную «судовую роль», посвящается мой рассказ.

Балтика! В первые послевоенные годы Правительством СССР было принято решение о создании в Калининградской области рыбохозяйственного комплекса. Принимая это решение, руководство страны исходило из того, что Калининградская область имеет хорошую портовую инфраструктуру, примыкает к незамерзающему району Балтики и расположена в сравнительной близости к районам промысла. В связи с этим, в ноябре 1948 года вышло Постановление Совета Министров СССР «О мероприятиях по развитию и укреплению рыбной промышленности Калининградской области в 1949–1950 годах». Это было время, предшествующее выходу советских рыболовных судов во все районы Атлантики, включая тропические и антарктические воды. Но все эти постановления и решения партии и правительства так бы и остались нереализованными, если бы не моряки-рыбаки.

Некоторые мечтают стать моряками с детства. Их привлекают романтика морских путешествий, дальние экзотические страны, красивая флотская форма... Но есть и такие, которые, встретившись с морем в первый раз, влюбляются в него на всю свою жизнь и уже никогда ни изменяют этой любви. «Ну и в чем здесь между ними разница? – спросите вы. Ответу: «Любить надо море, а не себя в море». И этим, я думаю, все сказано.

Каждый год в Калининграде празднуют День рыбака. Теперь – это уже не тот праздник, в котором участвовал весь город и вся область. Поскромнее сегодняшние торжества. В этом году они в Калининграде

проходили в Морском рыбном порту. В гости к морякам-рыбакам приехали Министр сельского хозяйства РФ Николай Васильевич Федоров и наш калининградский губернатор Николай Николаевич Цуканов. Федеральное агентство по рыболовству – одно из составных звеньев Министерства сельского хозяйства. Так что разговор с рыбаками был интересным. Именно разговор, а не праздничное выступление, как иногда бывает: приехали, поздравили и уехали. На этот раз говорили о возрождении нашего рыбацкого края, о новых кораблях, обучении кадров, квотах на вылов рыбы, рыбопереработке, портовом хозяйстве области. Конкретно говорили, прилюдно, со знанием дела. Зацепило это ветеранов. Пожалуй, никто так за последнее время не говорил с ними о наболевших проблемах. Тут-то и обратил я внимание на одного из ветеранов. Собрал вокруг себя целую группу таких же, как он, убежденных седидами, но не утративших флотской выправки товарищей, ветеран о чем-то энергично им рассказывал. У меня появилось желание познакомиться с этим человеком. Нашему знакомству поспособствовал Александр Малышев – председатель Калининградской региональной общественной организации «Союз ветеранов рыбной промышленности», наш калининградский писатель.

Уже не в первый раз, когда я выражаю готовность написать о труженике статью, слышу один и тот же ответ: «Да что обо мне писать. Жил, работал, как все мои товарищи. Ничего героического такого не совершал...» Скромность – это, пожалуй, самая главная черта характера наших ветеранов. На много месяцев они уходили в море работать, находясь в отрыве от своих семей, невест, родных и близких. Стране нужна была рыба.

Говорят, от судьбы не уйдешь. Наверное, так оно и вышло с сельским пареньком из украинского села Дальник Беяевского района Одесской области Володей Лукьяненко. Поддавшись уговорам своего соседа по парте, тайком от родителей, он отправился с ним, в Одессу. Друг Колька убедил поступать в мореходку.

Улица имени профессора Ильи Ильича Мечникова, 130. На этой улице располагалось в то время Одесское среднее мореходное училище. Отсюда пошел отсчет пройденным морским милям будущего штурмана дальнего плавания Владимира Григорьевича Лукьяненко.

Год рождения – 1937-й. Теперь о ровесниках Владимира Григорьевича говорят – дети войны. Но многие-многие годы к таким, как он и его родители, в нашей стране относились с подозрением. Ведь находились они на оккупированной врагом территории, с октября 1941 по апрель 1944 года. Это было тяжелое и страшно жестокое время. О нем у нас мало рассказывают и пишут. Приведу один лишь пример.

Владимир Григорьевич вспоминает: «...в августе 1942 года к нам в село приехали немцы на двух машинах. Полицейские пошли по хатам и стали сгонять людей к церкви. Говорили – немцы будут проводить медицинскую комиссию и делать прививки детям. Родителям было приказано обязательно на детей взять метрики о рождении. Немцы действительно всех осмотрели. Списки детей всего села составили. Даже отметки поставили в метриках. Прививки не делали, а давали таблетки, которые тут же заставляли проглотить. Когда немцы уехали, староста стал хвалить новую власть, которая так беспокоится о детях. Многие из сельчан с ним соглашались. За свою доверчивость они впоследствии жестоко поплатились. Моя мама сразу почувствовала что-то неладное и на следующий день не пустила меня гулять на улицу, а спрятала в подвале. У нас там был сделан отцом тайник. А через два дня немцы опять приехали в село. По заранее составленным спискам они ходили по хатам и забирали детей у родителей. Когда пришли к нам, мама сказала полицейским, что отправила меня в Одессу к тетке. Те же полицейские потом и рассказывали, что взрослых ребят отвезли в Одессу, а оттуда эшелонам, вместе с другими ребятами из окрестных сел, отправили в Германию на работы. Ну, а младших, таких, как я, увезли в специальный лагерь. Там у них брали кровь для раненых немецких солдат. Полгода мама прятала меня от полицейских облав. Немцы еще несколько раз приезжали в наше село. Те, кого немцы тогда забрали, домой уже не вернулись».

Друг Колька так и не поступил в мореходку. Не смог написать сочинение без ошибок. Не помог даже родной дядька, руководивший духовым оркестром в этой самой мореходке. В то время принимали по знаниям, а не по знакомству. И это неоспоримый факт. А вот Володе повезло больше. Математику он сдал на тройку. Уж чересчур въедливый преподаватель попался. Всё дополнительные вопросы задавал. А вот с сочинением по русской литературе ему просто повезло. В школе на выпускных экзаменах была тема сочинения: «Образ коммуниста Давыдова в произведении Михаила Шолохова “Поднятая целина”». Эта же тема сочинения оказалась и на вступительных экзаменах в мореходку. Сдав последний экзамен, Володя поспешил назад в родное село. О своем зачислении в мореходку на судоводительский факультет узнал из письма, которое пришло через две недели на его имя из Одессы. Родители... Ну, конечно же, они были рады за сына. Хотя отец и поворчал для порядка. На улице стоял 1955 год. Прошло всего десять лет, как закончилась война.

Подъем в шесть часов утра, отбой в двадцать три часа пятнадцать минут. Учили серьезно, по-настоящему, без поблажек. Трудности вначале были с иностранным языком. Все дело в том, что до седьмого класса в школе учили французский язык, а с восьмого до окончания школы – немецкий. А вот в мореходке пришлось изучать английский язык. Но эти трудности сыграли свою положительную роль в трудовой жизни Владимира Григорьевича. Так что учите иностранные языки, ребята, если хотите быть настоящими моряками.

Жизнь человека состоит из его воспоминаний. И если ему есть что вспомнить, значит, жизнь была интересной и прожита не зря. Три года и четыре месяца учебы в мореходке не прошли даром. Учеба чередовалась с практикой. Морская практика на учебном паруснике типа «Тропик» в Риге – 1956 год. Принятие военной присяги в Севастополе – май 1957 года. Участие в спасательной операции по подъему затонувшего линкора «Новороссийск»... Мореходка давала и военное образование. При прохождении практики на эсминце «Пылкий», курсанту Лукьяненко Владимиру Григорьевичу было присвоено первое офицерское звание – мичман.

Особо запомнилась практика на промысловых судах в Мурманске – январь 1958 года. Трудности не испугали, а наоборот, закалили, научили самостоятельно принимать решения, отвечать за свои поступки. Все это и многое другое формировало характер будущего моряка-рыбака.

Были среди курсантов ребята, которым пришлось уйти из мореходки. Причины разные: «морская болезнь», человеческий фактор. И это было закономерно. Надо любить свою профессию, а не просто исполнять ее. В море «попутчиков» не любят.

К учебе Володя относился серьезно. Понимал – эта профессия для него на всю жизнь. Там, в море, он будет отвечать не только за самого себя, но и за весь экипаж судна.

Свое первое знакомство с Калининградом Владимир Григорьевич вспоминает с улыбкой:

– Лето 1956 года... Сегодня у всех на слуху названия больших парусников «Крузенштерн» и «Седов». А во время первой практики мы зашли в Калининград на двух учебных парусных судах: «Тропик» и «Кропоткин». Пришвартовались практически рядом с вагонзаводом. Город был еще сильно разрушен. Но, как говорится, желание «не только город посмотреть, а и себя показать» было столь велико, что от увольнения на берег никто не отказался. Была суббота. Танцы под духовой оркестр в Парке культуры и отдыха имени М. И. Калинина. Ноги сами привели нас на танцплощадку. Танго, вальсы... Мы с ребятами не пропускали ни одного танца. Девушки и тогда в Калининграде были самыми красивыми... Но наши ухаживания за девушками не понравились местным ребятам. Начали они, как обычно, со «слов». Предложили покинуть танцевальную площадку. Уйти на глазах девушек с позором? (Этого, кстати, и хотели местные). Да никогда! Уронить свою честь и честь Одесской мореходки!.. Местные начали первыми. Завязалась драка. Хотя мы и сами пострадали, но и им напуддали прилично. Милиция тут же стала разыскивать участников драки, чтобы привлечь за хулиганство. Но наш капитан, Николай Павлович Чудов, на судно милицию не пустил. Дабы замять инцидент, городские власти дали нам 24 часа на то, чтобы мы покинули Калининград. Вечером мы снялись с якоря и ушли в Балтийск. Вслед за нами ушел и «Кропоткин». Мы не были хулиганами, не подумайте. Во флотском экипаже на берегу и в море – все как одна семья. И в радостях, и в трудностях. А на обратном пути в Ригу устроили мы с кропоткинским экипажем соревнование. Техническая характеристика нашего парусника – 6,5 узла, а мы развили скорость под парусом в 14,5 узла. В общем, в Ригу пришли на 7 часов раньше наших соперников. Мальчишки мы были. Гордые и отчаянные. Я бы даже сказал – бесшабашные в чем-то. Друг за друга готовы были на все, – вздохнув, от нахлынувших воспоминаний, произнес под конец рассказа Владимир Григорьевич. – Я ведь вам для чего, думаете, рассказал этот случай? Надо что-то делать. Хорошая у нас молодежь, только, как бы это правильно сказать, не обидеть их... Больше они о себе стали, что ли, думать...

А ведь и правда, что-то надо нам всем делать. Писателям – хорошие и честные книги писать, поэтам и композиторам – песни душевные. Кинофильмов побольше бы отечественных про жизнь настоящую выпускать. Школе поскорей свои эксперименты с учебниками закончить, учителям – не только учить, но и воспитывать подрастающее поколение. Телевидение неплохо бы привести к уму-разуму, а то уж больно оно рекламным стало. А родители... Родителям надо быть родителями. Много нам всем миром надо делать, пока не поздно.

Диплом об окончании «Одесского мореходного училища», регистрационный № 20, по специальности «Морское судовождение», с присвоением квалификации «техник-судоводитель» Владимир Григорьевич Лукьяненко получил 3 августа 1958 года. А в декабре 1958 года в порту Керчь был получен и диплом штурмана малого плавания. По распределению на работу его направили в город Калининград: Калининградская база океанического рыболовного флота.

Сорок четыре выхода в море. Сорок три года трудовой стаж. А начинал свою трудовую деятельность Владимир Григорьевич с должности дублера третьего штурмана СРТ-356 с красивым названием «Майя». Помните, я уже говорил об именах судов? Так вот, жену капитана СРТ-356, вы не поверите, тоже звали Майя. Судно стояло на капитальном ремонте. Сослуживцы капитана любили подтрунивать над ним по этому поводу: «Петрович! Ты на Майю или с Майей?». Стоять на ремонте... Да еще дублером... Сердцем он был уже в морях. И, наверно, морской бог Нептун услышал его. Через два дня Владимира Григорьевича переводят на СРТ-461 и назначают на должность 3-го помощника капитана. Судно заканчивало ремонт рулевого управления и готовилось к выходу в Норвежское море.

Первый рейс. 139 суток. А впереди его ждали 7185 дней и ночей в морях и океанах. Заходы в порты Санта-Крус, Лобиту, Дакара, Мозамбика, Португалии и островов Зеленого мыса. Если спросить любого моряка-рыбака, что для него главное в жизни, он не задумываясь, ответит: «Море и семья».

В декабре 2013 года в семье Лукьяненко будет отмечаться серьезное событие – золотая свадьба. А все начиналось у Владимира Григорьевича и Надежды Федоровны так же, как и у многих наших родителей. С танцплощадки. Теперь с чьей-то легкой руки то время окрестили оттепелью, а затем – периодом застоя. Не верьте. Это было хорошее время. Наши родители тогда были молодыми и счастливыми. Между рейсами по морям и океанам заходил Владимир вместе с друзьями в матросский клуб. Там и заприметил он невысокую, светленькую девушку. И, что тут говорить, приглянулись они друг другу. Бывает так. Один взгляд. Прикосновение руки. И на всю жизнь вместе. Надежда уже была, как сейчас говорят, коренная калининградка. В числе первых переселенцев, в 1948 году, приехала она из Белоруссии в Калининград. Устроилась проводницей на железную дорогу. Так и встречались молодые люди – между рейсами: морскими – у Владимира, железнодорожными – у Надежды. В море, наверное, острее чувствуешь расставание с любимым человеком. Вернувшись из своего восьмого рейса, Владимир сделал предложение Надежде. Как и положено, отправились на следующий день подавать заявление в загс. И возникла проблема – отсутствие прописки у Надежды. Что-то там напутала паспортистка при обмене паспорта. Владимир был прописан на судне. Работница загса навстречу молодоженам не пошла. «Будет прописка у вашей невесты, тогда и приходите». Скольким людям этот штамп в паспорте испортил жизнь... Но Владимир Григорьевич не думал сдаваться. В жилищной комиссии Калининградской базы ОРФ ему предложили однокомнатную квартиру в городе Советске. Это было просто насмешкой. И тогда он принял решение о переводе в рыболовецкий колхоз «За Родину», где ему пообещали решить квартирный вопрос. На то время Владимир Григорьевич уже получил диплом штурмана дальнего плавания. В советское время профсоюз был организацией, которая по-настоящему отстаивала права рабочего класса. Не сомневаюсь, что найдутся те, кто мне возразит. Ну да бог с вами, вечно не довольными властью и самими собой.

«В профкоме мне сказали, – вспоминает Владимир Григорьевич, – идешь на СРТ-111, старшим помощником капитана. Рейс на пять месяцев. Квартиру получит твоя жена. Я им объясняю, что мы не расписаны. А председатель профкома отвечает: получит твоя жена, не волнуйся. И ведь не обманули. Пришел я из рейса 07. 12 1963 года. В час ночи с судна сошел на берег. Спасибо милиции – подвезла до площади, а оттуда «одиннадцатым маршрутом», на своих двоих, бегом по хрустящему морозу на улицу лейтенанта Князева. Наденька моя к этому времени уже и ремонт небольшой сделала в нашей квартире. И зажили мы с ней как люди. Ну и расписались, конечно. Чтобы все по закону было».

Черно-белые фотографии. У Владимира Григорьевича их много. Жизнь в кадре. У каждой фотографии своя история. Особенно мне понравились две истории: о том, как Владимира Григорьевича чуть не лишили диплома штурмана дальнего плавания, и о судовой собаке по кличке Степан.

Февраль 1964 года. СРТ-111 готовился к выходу в очередной рейс в Норвежское море. Для Владимира Григорьевича это был уже второй рейс в роли старшего помощника капитана судна. Перед выходом в море капитан принял решение провести судовые испытания. Целый месяц судно стояло на ремонте. Решили пройти до города Светлого и обратно. Время отхода из порта, определили –10 часов утра. Но на следующий день случилось непредвиденное. В 10 часов утра капитан не прибыл на судно. Прошел еще целый час, а капитана все не было. «Чего ждем? – зароптала команда. – Старпом, давай командуй». Через три дня в рейс. Вдруг что с движком случится. Надо проверить, а то потом будем дрейфовать». В общем, взял Владимир Григорьевич командование судна на себя. Сходили до Светлого нормально. А уже на подходе к порту Калининград на судно поступила радиограмма: «Старпому СРТ-111 Лукьяненко В. Г. необходимо прибыть в инспекцию по безопасности порта». Личная инициатива в то время, как и сегодня, была и будет наказуема. Начальник инспекции по безопасности порта Малаксианов – эта фамилия врезалась в память Владимира Григорьевича на всю жизнь. За нарушение «местных портовых правил» по Калининградскому ордену Трудового Красного Знамени Морскому рыбному порту – лишить диплома штурмана дальнего плавания. Такую формулировку получил он в инспекции. На словах объяснили: отсутствие разрешения на проход морского канала; выход судна на испытания без капитана. Оправдываться было бесполезно. Капитан был уже на судне. Узнав о лишении диплома, только развел руками: «Дисциплина. Сам виноват. В следующий раз будешь умнее». Через несколько лет Владимиру Григорьевичу рассказали, что, прибыв в порт и не увидев судна у стенки, капитан напрямик отправился в Рыбнадзор рыбного порта и, чтобы хоть как-то прикрыть себя, заявил о самовольном выходе судна из порта. Не случись этого заявления, возможно, последствия были бы менее плачевными. Таких людей много и сейчас среди нас, и говорить о них не хочу. Много чести им будет.

Диплом в этот же день пришлось сдать. Но как быть дальше? Старшие товарищи посоветовали сходить еще раз к Малаксианову. Просить прощения? А за что? Малаксианов заметил его в коридоре инспекции и пригласил в кабинет. Я думаю, что это был человек, а не чиновник. Мыслил по-государственному. Ну, какой прок от моряка на берегу? Его место в море. У нас сегодня все наоборот. Я сказал, я принял решение... А люди как хотят, так пусть и живут. Ведь так?

Разговаривали долго. О работе, о жизни. Диплом Малаксианов вернул, но взял с Владимира Григорьевича два обещания. Первое – выучить «местные портовые правила», да так, чтобы во сне разбудили – и ответил. И до выхода судна в рейс сдать по ним зачет заместителю начальника порта. Второе – всеми своими силами способствовать выполнению плана по вылову рыбы на 120 %. Даже письменную расписку

взял. Зачет был сдан, а план выполнили аж на 145 %. Эти 3 дня без диплома заставили Владимира Григорьевича понять, как важно оставаться человеком в сложной ситуации. А еще – что мир не без добрых людей.

В советское время наши моряки-рыбаки чаще других жителей страны имели возможность побывать и поработать за границей. С февраля 1982 по январь 1983 года Владимир Григорьевич находился в заграничной командировке, был направлен от Пионерской базы Океанического рыболовецкого флота. Африка. Республика Ангола. Обучал ангольских рыбаков рыбному промыслу на советских рыболовных судах. В эту заграничную командировку на СТР-8222 «Баттерфиш» с советскими моряками-рыбаками попал (нелегально) пес по кличке Степа, дворняжка. Собака удивительно умная, ласковая и верная. Этот случай мне рассказал Владимир Григорьевич, и я ему верю. Такое может быть.

– Было утро. Мы лежали в дрейфе с полным кошелековым неводом рыбы в ожидании подхода плавбазы. Экипаж отдыхал перед разгрузкой. В нескольких милях от нас, тоже в дрейфе, но по причине выхода из строя гидролокатора, находился еще один советский СРТ, из Риги. Узнав о том, что у нас на борту находится специалист по ремонту гидролокаторных приборов, «рижане» обратились за помощью. Оказание помощи на море – святая обязанность каждого моряка. Наш капитан несколько дней перед этим при ремонте невода повредил руку. Доктор оказал ему первую помощь, но рекомендовал все-таки обратиться к специалистам на плавбазу. «Рижане», в ответ на нашу помощь с ремонтом гидролокатора, согласились подбросить нашего капитана на плавбазу. Степа сразу учуял, что капитан куда-то собирается, и уже не отходил от него ни на шаг. И как только к борту подошел катер, он тут же прыгнул в него вслед за капитаном и техником. Мы все только посмеялись его хитрости и ловкости. А дальше произошло самое интересное. Оказавшись на борту чужого сейнера, Степа, как и положено собаке, отправился его изучать. Капитана доставили на плавбазу, где он получил медицинскую помощь, и затем он на катере вернулся на «рижский сейнер». Капитан сейнера сообщил ему, что Степа пропал. Обыскали все судно. И тогда всем стало понятно: Степа, не найдя капитана, посчитал, что тот его оставил. Прыгнув за борт, Степа вплавь отправился на свое судно. Тут же была отправлена радиограмма всем судам, находящимся в данном квадрате: «Собака в море. Кто заметит, просим оказать помощь». Плавбаза подошла к нам под погрузку в 15 часов 40 минут. Вся команда переживала за Степу. Как-никак, судовая собака, можно сказать – член экипажа. И вдруг приходит радиограмма от «рижан»: «В открытом море обнаружена собака. Приняли на борт. Идем к вам». Вся свободная от вахты команда собралась на палубе. Как только «рижане» подошли к нам, Степа бросился в воду с носа СРТ. А это – не много не мало, а три метра высоты. Подняли мы его на борт. Бедный пес так наглотался морской воды, что был похож на мохнатый бочонок. Лизал руки и только повизгивал. У многих из нас слезы на глаза навернулись. 10 морских миль, а это 18,5 километра, проплыл Степа в открытом море за 5 часов. Вот и судите сами. Простая дворняжка, а какой у нее характер оказался.

Мы уже прощались, когда среди фотографий, почетных грамот, разложенных передо мной на столе, я заметил странный на вид диплом с печатью и подписью – Нептун. Заметив мой неподдельный интерес к этому документу, Владимир Григорьевич улыбнулся:

– 27 июля 1977 года на СТР-8222 (Баттерфиш) я, мореходец государства Советского Социалистического, как в данном дипломе сказано, впервые пересек экватор. Атлантический океан – долгота 03 градуса, 01 минута, 00 секунд вост. Наречен звездным именем Менкар.

Говорят, что жизнь человека – ненаписанная книга. Слушая рассказы Владимира Григорьевича, я понял, как дороги ему его воспоминания. И позавидовал. Вся жизнь отдана нелегкой рыбацкой профессии, но ни разу не услышал я от него слов сожаления или обиды на прошлое время, что прожито им «в государстве советском социалистическом».

«Порой было трудно, но как интересно было жить! Как много хороших людей было вокруг», – эти слова, сказанные моим собеседником в конце нашего разговора, заставили меня задуматься. Так что же сейчас происходит с нами, с нашими детьми и внуками? Почему мы перестали гордиться нашим прошлым? Почему мы ищем ответы на вопросы, как нам дальше жить, не в своей истории, а обращаемся к опыту чужестранцев? Много вопросов ждет своего решения. Чтобы ответить на них, надо любить свою Родину такой, какая она есть. А еще – учиться по-настоящему и честно работать. Благо нам еще есть с кого брать пример.

Олег Щеблыкин

Крестный отец русской тельняшки

Военно-Морской Флот – особая корпорация людей, пропитанных романтикой, героикой, верностью Военно-морскому - Андреевскому флагу, Отечеству, своему долгу. Традиции, сложившиеся за 317 лет, служат своего рода обобщением этих качеств.

Система подготовки кадров для Военно-Морского Флота в нашей стране имеет одну особенность. Служба для любого человека в ВМФ начинается со звания «матрос» либо с приравненного к нему «курсант» военно-морского института. И именно в форму одежды матросов, или как говорили ранее, нижних чинов входит тельняшка. Таким образом, жизнь военного моряка начинается с... тельняшки. Этим же, кстати, могут похвастаться нахимовцы или кадеты ряда корпусов. Тельняшка – символ принадлежности к военно-морской корпорации. И именно военным морякам принадлежит приоритет в учреждении и придании официального статуса тельняшке.

Текст Приказа, узаконившего тельняшку на флоте, вместе с «Положением...», «Чертежами и рисунками...» имеется в фундаментальной библиотеке Военно-морской академии имени Н.Г. Кузнецова.

Приказ Его Императорского Величества Генерал-Адмирала

В Царском Селе, Августа 19 дня 1874 года, № 115.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, 19-го сего Августа, Высочайше утвердил, одобренное Адмиралтейством Советом и прилагаемое при сем Положение о довольствии команд Морского ведомства по части обмундирования и амуниции с надлежащими к нему приложениями, соизволил Высочайше повелеть:

1) Ввести в действие это Положение с 1-го Января 1875 года, в отмену всех существующих по этому довольствию Постановлений, за исключением правил отчетности и счетоводства.

2) При введении Положения, принять к руководству Высочайше утвержденныя временныя правила, при сем прилагаемыя.

3) На расходы по введению в действие Положения внести в нормальную смету на 1875 год двести тысяч рублей.

и 4) Амурской экипаж впредь именовать “Сибирский флотский экипаж”, а Свеаборгскую флотскую роту - “Финляндская флотская рота”, при чем нижнимъ чинамъ Сибирского флотского эки-

По Инспекторскому Департаменту.

пажа присвоить на погонах, высечкою, букву “С”, а нижним чинам Финляндской флотской роты - букву “Ф”.

Подписал: Генерал-Адмирал Константин

На подлинном Временно-Управляющим Морским Министерством написано:

«Высочайше утверждено, в Царском селе, 19 августа 1874 года».

«Генерал-Адъютант Лесовской».

В «Положении о довольствии команд Морского ведомства по части обмундирования и амуниции» содержится описание «мундирных и амуничных предметов с приложением чертежей и рисунков». Вот какие данные относятся к изучаемому нами предмету - натальной рубахе, изображенной на чертеже № 14: «Рубаха вязанная из шерсти пополам с бумагою; цвет рубахи белый с синими поперечными полосами, отстоящими одна от другой на 1 вершок¹. Ширина синих полос 1/4 вершка. Стан рубахи цельный, сшит на плечах от наружного края к шее на 3 3/4 вершка, так что между сшивками образуется ворот, шириною в 4 3/4 вершка (в окружности 9 1/2 вершков). Длина стана от плеч до подола 13 3/4 вершка. Ширина стана сверху и снизу 10 1/2 вершка; рукава 10 1/4 вершка; ширина рукава у кисти 2 3/8 вершка; ластовица квадратная, шириною и длиною 1 1/2 вершка; стан у подола загнут во внутрь на 3/8 вершка и подшит; равным образом края ворота и рукавов загнуты во внутрь на 1/4 и также подшиты. Все размеры рубахи показаны в нерастянutom виде.

Вес рубахи полагается не менее 80 золотников².

При приёме рубах наблюдается, чтобы, как по цвету, так и наружной отделке, оне были совершенно сходны с утвержденным образцом.

Рубахи весом более 80 золотников и при том удовлетворяющие прочим условиям сего описания не бракуются.

Срок - один год»³.

¹ Вершок - русская мера длины, равная 13/4 дюйма или 4,45 сантиметра.

² Золотник - старая русская мера веса (массы), равная 4,266 грамма или 1/96 фунта. Название происходит от слова «золото», т.к. ещё в X веке в Киевской Руси золотник представлял собой золотую монету.

По этому описанию у нас есть возможность сравнить образец 1874 года рождения и современную тельняшку из хлопчатобумажного трикотажа с белыми и синими (чёрными) поперечными полосами. С 1912 года нательные рубахи стали полностью изготавливать из хлопка без добавления шерсти, а полосы - белая и синяя - установили одинаковой ширины в $\frac{1}{4}$ вершка (11 мм).

У современной тельняшки полоски по 10 мм.

С тех пор утекло немало воды. Тельняшка - предмет формы одежды нижних чинов (ныне матросов, старшин, сержантов, офицеров, генералов морской пехоты, лётчиков морской авиации ВМФ), стала выдающимся символом, овеянным славой, подвигами и легендами, обладающая такой силой и энергией, что производит магическое воздействие не только на того, кто в ней, но и на окружающих. Популярность этой полосатой рубахи поистине безгранична. Сегодня тельняшку с бело-голубыми полосами носят десантники, с бело-зелеными – в морских частях погранвойск, с бело-оранжевыми – в МЧС, с бело-васильковыми – в Президентском полку, с бело-краповыми – в спецназе Внутренних войск МВД. После распада СССР тельняшка появилась в форме одежды военных моряков Литвы, Украины, Казахстана, военнослужащих Белоруссии...

О великом князе Константине Николаевиче известно многое, поскольку стаж его службы Отечеству измеряется не одним десятилетием. Он родился 9 сентября 1827 года и уже с детства был предназначен Императором к морской службе. В 1831 году в 4-летнем возрасте согласно существовавшим в то время порядкам он уже был назначен генерал-адмиралом и шефом Гвардейского флотского экипажа. В 1850 году Константин Николаевич был назначен председателем Комитета по составлению Морского Устава, а в 1852-м занял пост товарища⁴ начальника Главного морского штаба и в январе следующего года вступил в управление морским министерством.

Предпринятые им меры коснулись и положения нижних чинов. Раньше, чем где-либо в России, именно во флоте, были отменены телесные наказания, уменьшен с 25 до 10(!) лет срок службы, улучшено санитарное состояние казарм, начато обучение рекрутов грамоте и т. п. В результате - уменьшились смертность и заболеваемость. Именно во флоте были сделаны первые шаги к освобождению крестьян от крепостной зависимости.

Константин Николаевич знал флотскую службу и жизнь моряков до мелочей. Потому он и уделил внимание такому, казалось бы, не слишком важному на общем фоне описанных дел вопросу, как введение тельняшки – нательной рубахи. Слава и популярность к ней пришли позже, когда люди в тельняшках превратились в вершителей истории (период революции 1917 года и Гражданской войны), совершали массовые подвиги (в годы Великой Отечественной войны). К тому времени уже никто не связывал имя Великого князя Константина Николаевича и тельняшки...

Поэтому сейчас, когда тельняшка чрезвычайно популярна, и актуально обращение к её истокам. Предпосылки и условия её появления, первый официальный документ, меры по поставкам тельняшки на флот – всё это связано с деятельностью Константина Николаевича.

Первым предложением по улучшению обмундирования моряков и приспособления его к условиям плаваний в разных широтах, в которых обособывалась необходимость введения вязаной нательной рубахи, генерал-адмиралу Константину представил в начале 1856 года вице-адмирал Е.В. Путятин⁵.

19 сентября 1857 года отправляющиеся на Дальний Восток экипажи кораблей отряда капитана 1 ранга Д.И. Кузнецова винтовых корветов «Воевода», «Новик», «Боярин», винтовых клиперов «Пластун», «Джигит», «Стрелок» и винтовой фрегата «Аскольд» были обеспечены белыми нательными шерстяными рубахами. Их нижние чины надевали на голое тело. По оценке корабельных докторов, во время выполнения матросами своих обязанностей на палубе и мачтах шерстяная ткань массировала тело, происходил его нагрев, что предупреждало переохлаждение организма и простуду. Предусмотрительность медиков нашла впоследствии практическое подтверждение. В зависимости от погодных условий матрос мог быть только в нательной рубахе либо надевать её под белую полотняную рубаху или под синюю фланелевую. А можно было сверху надеть «суконное пальто» и даже «шинель из серого армейского сукна». Автор статьи в «Морском сборнике» указывает: «Таким образом, матрос наш может теперь в форме своего обмундирования найти всегда удобную защиту против частых воздушных перемен, с которыми не редко приходится ему бороться. ...он свободно может работать, лазить на марсы, не придумывая никакого не форменного, но удобного одеяния»⁶.

В 1859 году у одного из экипажей Балтийского флота в порядке эксперимента по образцу французского флота появились нательные вязаные рубахи с синими поперечными полосами,

³ Цит. по «Положению о довольствии команд Морского ведомства по части обмундирования и амуниции». - Царское Село, 1874. – С. 156-157.

⁴ Заместителя.

⁶ Цит. по Щебылкин О.В. «КНИГА ПРО ТЕЛЬНЯШКУ». СПб.: Аврора, - 2010-2011. – С. – 14.

приобретенные во Франции. Это был первый опыт учреждения для небольшого числа нижних чинов нательной полосатой рубахи. Остальные носили нательные рубахи из белого сурового полотна.

Несколько позже вопрос о нательных вязаных рубахах для нижних чинов флота поставил перед морским ведомством известный мореплаватель И.И. Бутаков⁷.

*Извлечение из Рапорта
в Морское Министерство
капитана I ранга Бутакова
За период с 29 июня по 22 августа 1866 года
при плавании в Средиземном море*

Нижние чины имеют по одной толстой тельной рубахе полагаемой по внутреннему положению, но они так толсты и теплы, что их утомительно носить при жарах, коим мы будем подвергаться до ноября месяца; а может быть и всю зиму, ежели придется провести ее на станциях более южных. В жарких климатах, в особенности же при резких переменах температуры, которым подвергаются нижние чины, **тельные вязаные рубахи** составляют наилучшее средство для предохранения их от болезней. У некоторых старых матросов эти рубахи уцелели от прошлой кампании, у большинства же и в особенности у молодых, которых в команде почти на половину, их нет. Почему решаюсь иметь смелость ходатайствовать перед Вашим Превосходительством о разрешении **в виде исключения завести всей команде тельные вязаные рубахи.**

Простите за смелость, но я решаюсь еще раз просить снисходительного разрешения Вашего Превосходительства завести команде вязаные нательные рубахи, какие полагается для дальних плаваний.

*Коринфский рейд
22 августа 1866 года*

Из рапорта И. И. Бутакова следует, что первопричиной для ввода тельняшки на флоте он счел санитарно-гигиенические и медицинские соображения по сохранению здоровья нижних чинов. Но от Морского ведомства И. И. Бутаков получил казенный бюрократический ответ, составленный чиновником, явно далеким от жизни флота: «Тельные вязаные рубахи не полагаются в других плаваниях, кроме дальнего».

В течение нескольких лет длилась полемика по вопросу о необходимости и пользе учреждения на флоте вязаных нательных рубах. В ней принял участие и флигель-адъютант капитан I ранга Михаил Яковлевич Федоровский. Имея огромный опыт плавания в тропических широтах, он с полным правом, глубоко обоснованно настаивал в своих рапортах на введении нательной рубахи. Вот одна из выписок из его рапорта: «Оне (тельные рубахи) составляют к обмундированию чрезвычайно полезное дополнение как в гигиеническом отношении, так и приучают людей к опрятности и дают им молодцеватый и красивый вид».

Предложения командиров кораблей поддерживали в своих отчетах о состоянии здоровья нижних чинов после возвращения из длительных плаваний и корабельные доктора. Генерал-Штаб-Доктор Балтийского флота (главный начальник медицинской службы флота) тайный советник И.С. Гауровиц в своем ежегодном отчете по медицинской части, обобщив доклады о кругосветных и дальних плаваниях корабельных докторов, указывал:

«В нашем северном климате ношение шерстяных рубашек на теле делается почти необходимым... Порождение простудных болезней по этой причине у нас чрезвычайное и можно смело сказать, что так называемая простудная болезнь составляет 3/4 всех вообще существующих болезней. Ежели ношение шерстяных рубашек для матросов есть одно из лучших предохранительных мер против заболевания, то надобно постановить условием, чтобы они были снабжены ими...

...Издержки, которые потребуются на снабжение матросов достаточным количеством шерстяных рубах, только, по-видимому, могут казаться великими, – ибо всякая мера, служащая к сохранению здоровья людей, наверное обойдется дешевле, чем издержки на лечение их в госпиталях, не говоря уж о той неоспоримой истине, что военная морская служба не может исполняться надлежащим образом людьми сложенности не крепкого и малосильными. Польза, получаемая от толпы хворых и дряхлых людей на корабле, далеко не вознаграждает тех издержек, которые правительство на них употребляет, ибо цель службы такими людьми не достигается. Всякий командир, плававший продолжительное время в море, вероятно в этом с нами согласен».

⁷ Контр-адмирал Бутаков Иван Иванович (1822-1882) - мореплаватель и флотоводец. Его донесения, помещенные в «Морском сборнике» 1850— 1870 гг. о дальних походах и наблюдениях, составленные по горячим следам событий, представляют собой литературные произведения. В 1866 году командовал винтовым фрегатом «Генерал-Адмирал» в Средиземном море.

После долгого плавания фрегат “Генерал-Адмирал” благополучно прибыл на Большой Кронштадтский рейд. Моряков лично встретил генерал-адмирал Великий князь Константин Николаевич. Обходя парадный строй команды на борту фрегата, Константин Николаевич обратил внимание на то, что матросы надели необычные нательные рубахи, одобрил их и, более того, как указано в документе от 4 сентября 1867 г., «изволил выразить свое желание, чтобы все нижние чины флотских экипажей имели таковые рубахи».

Закрутилась бюрократическая машина. Начались подсчёты.

«В 1868 году число нижних чинов во Флотских командах со включением Гвардейского экипажа и Черноморских и Каспийских команд составили до 22.550 человек, из них в заграничном плавании, по программе, будет до 1360 человек.

Если согласно предположению сверх нынешнего обмундирования давать от казны находящимся в заграничном плавании людям по 3 шт., а прочим флотским командам по 2 шт. вязанных бумажных нательных рубах сроком на 1 год, то потребуется для заграничных команд до 4080 шт. а прочих до 46.460 шт.

Всего до 46.460 шт.

Считая цену каждой такой рубахи по заграничной цене около 75 коп. и прибавляя на курсовые потери только до 25%, т.е. 18 $\frac{3}{4}$ коп., рубаха обойдется приблизительно в 93 $\frac{3}{4}$ коп. и снабжение ими команд, согласно вышеозначенного предположения вызовет ежегодный новый расход на обмундирование приблизительно для плавающих за границу команд до 3.825 р., для прочих команд до 39.731 р. 25 к.

Всего до 43.556 р. 25 к.

18 октября 1867 г.

Изготовление вязанных бумажных рубашек в России на трикотажных фабриках возможно, но в продаже таких изделий теперь нет, так как нет спроса на них; посему потребуется заказ, причем по довольно высокой цене на бумагу, таковые рубашки обойдутся у нас приблизительно в 1 р. и 1 р. 25 коп.

По сей последней цене снабжение наших команд такими рубашками обойдется приблизительно в год

для заграничных команд до 5.100 руб.

прочих команд до 52.975 руб.

58.075 руб.

Если снабжать покуда одни заграничные суда такими рубашками, то потребуется: при нынешней весьма ограниченной программе плавания, как выше показано, до 5100 руб., при прибавлении к этому находящимся теперь за границей сверх программы плавания 3-х судов (фрегат “Александр Невский”, корвет “Память Меркурия” и шхуна “Бомбар”) общий расход составит до 8700 руб. Если же рассчитывать на заграничные плавания, как было, например, в 1865 г. (до 4030 человек); и в 1866 г. (до 4130 человек), то потребуется в год до 12.400 рубах, и расхода на этот предмет будет до 15.500 руб.

Делопроизводитель (Подпись)

31 октября 1867 г.

Сноска: Если – вязанные нательные рубахи требуются для гигиенических целей, то предпочитают шерстяные, а не бумажные, которые хотя и дешевле, но отнюдь не так полезные для отвращения простуды».

В приведённом тексте слева вверху сделана такая запись: «Его И. Высочество приказал, по рачительности расхода, оставить предложение без последствий». Далее следует подпись и дата «7 ноября 1867 г.».

Однако дискуссия о том, что носить матросу, велась еще продолжительное время. Но что характерно для нашего исследования, чем дольше споры, тем чётче наличие тельняшки выкристаллизовывалась в необходимость.

Копия с мнения г. Товарища

Управляющего Морским Министерством

...работы на судах зимою не останутся и все люди останутся без полушубков, без толстых вязанных фуфаяк (теперь имеющих и предполагаемых к отмене). С нательными вновь вводимыми рубахами матросу будет холоднее и по моему мнению нательная рубаха хороша для теплого климата, а толстая вязаная фуфайка надеваемая сверх полотняной рубахи для нашего сурового климата и надо помнить, что во всяком случае на полушубки не следует рассчитывать далее и теперь, ибо они отпускаются в таком ограниченном числе, что далеко не все матросы ими пользуются, они отпускаются только на официальные наряды, мною поименованные; затем ежегодно целыми массами попадают люди на лёд в гаванях и на судах, при разных хозяйственных негласных работах, без полушубков, так что в окончательном результате и теперь уже в Кронштадте гораздо более людей на работе на воздухе без

полушубков, чем в полушубках. Затем нельзя не обратить внимание на разные затруднения при мытье нательных рубах, указываемых Генерал Штаб-Доктором, так как нынешние толстые вязаные фуфайки моются при общем гурте с прочим бельем в барабанах паровых прачешень.

На полях этого документа выведены такие записи. Первая гласит: «Его Высочество находит, что вещи обмундирования, по окончательной выслуге сроков, должны быть предоставляемы в полную собственность нижних чинов, как это принято в сухопутных войсках». А вторая запись указывает на мнение шефа флота: «Его Высочество признавая несомненную пользу нательных рубах особенно во время морских кампаний, приказал однако оставить фуфайки, как весьма полезную, теплую одежду для береговой службы».⁸

В результате моряки с 1 января 1875 года стали носить тельняшки⁹. Приказ приведён мною выше. Ещё в разделе «О капитане» первой главы книги третьей Устава морского 1720-го года в статье 30-й, которая называлась «О довольстве служителей корабельных и о чистоте в корабле и около их, и о больных», говорилось: «Капитан долженствует иметь смотрение над своими подчинёнными, дабы оные ни в чём нужды не имели; но были бы довольны; так же чистоту в корабле и около их иметь; дабы не заболели от недостатку какова, или нечистоты»¹⁰. Конечно, предусмотреть все мелочи при создании флота невозможно. Однако приведённая цитата – лишь подтверждение гениальности Петра, завещавшего своим последователям заботиться о моряках. Впоследствии, как уже говорилось перед этим, именно забота флотских офицеров, главы военного флота Великого князя Константина Николаевича о матросах и привела к появлению тельняшки.

⁸ РГА ВМФ. Фонд 249, опись 1, дело 45 №101-214, лист 146.

⁹ Первое народное название тельняшки – «полосатка».

¹⁰ «Книга Устав Морской о всём, что касается доброму управлению в бытности флота на море». СПб, - 1720. Репринт 1993 г. Москва: изд-во «Новатор». По оригиналу 1763 года. С. – 42.

Переводы

Йорам Вольман

Ожидание Джульетты

1.

Итак, выбора у меня не было. Был телефонный звонок, в котором была Сара, девочка из штаба батальона. И - её очень короткое сообщение. Все было так знакомо.

Правда, у меня была предварительная договоренность о перенесении времени моего вызова на трехнедельные военные сборы резервистов на другой срок. Но не сейчас.

А время не принимало ни шуток, ни извинений. Штабные офицеры настаивали. И я должен прийти и подчиниться им. Что ж, я скажу «до свиданья» Джозефу, с которым делю юридический офис в Тель-Авиве, и извинюсь перед несколькими посвященными клиентами, попросив их немного потерпеть, пока я вернусь.

Я еду в своей машине по шоссе номер шесть, южнее города Кириат Гэт. Оттуда я поеду по проселочной дороге на ближайшую тренировочную базу, где я надеюсь отдохнуть в обществе парней с оружейной батареей.

Какой прекрасный солнечный день, с чистым голубым небом.

Какой прекрасный вид.

Как многое изменилось по обеим сторонам шоссе со времени моей резервной службы в прошлом году.

Я смотрю и не узнаю фруктовые сады, современные фабрики, со стеклянными фасадами, новые дома на холмах, гладкое, плавное движение транспорта. Ни следа утреннего раздражения или давки, в которой я застревал на шоссе между Рамат Хасбарон и Тель-Авивом, когда ехал на работу. Когда еще у меня будет шанс увидеть свою любимую страну, если ни тогда, когда армия зовет меня обновить мои знания и военное искусство.

Я включил радио. «Министр Иностранных дел Венгрии приедет с визитом в Израиль в июле... Президент Израиля сегодня неожиданно объявил, что он намерен повысить основную ставку на полпроцента в целях борьбы с инфляцией... Военный представитель сообщил, что двадцать ручных гранат и тридцать противотанковых реактивных снарядов, украденных с военного склада на юге, были найдены спрятанными в пещере на холмах, к востоку от Кириат Гэт, бедуинской пастушкой, которая известила об этом полицию...

Офицеров, которые не обеспечили сохранность военного имущества и тем самым провалили подготовку к учениям, будут судить военным судом, и их следственные дела уже переданы полиции»...

Это было очень грустно. Действительно, ничего не изменилось в армии с тех пор, как я был почетно уволен со службы двадцать пять лет назад. «Ничего не изменилось», - мысленно повторил я. Но... Упс! Вот и перемены. Израсходовано топливо.

И я еду за бензином.

На ближайшей автозаправке молодой солдат, приблизившись ко мне, застенчиво попросил меня его подвезти. Я мог это сделать - взять его дальше на юг, раз он пропустил автобус, и радостно пригласил путешественника присоединиться ко мне.

Заплатив за бензин служащему, я вернулся в машину. Уже, включив стартер, услышал сзади моего левого плеча шепот:

- Могу я доехать с вами до Кириат Гэт?

2.

Я повернул голову. Пара голубых глаз на темно-коричневом лице очень молодой женщины смотрела на меня из угольно-черных кудрей.

- Конечно.

Я протянул правую руку и снял дверь с замка.

- Пожалуйста, входите.

Голубые глаза поблагодарили меня и очень осторожно сели рядом со мной.

Я быстро посмотрел на нее. Она была одета в оливково-зеленую военную униформу. Но эмблема была на ее правом плече, вместо того, чтобы быть на левом. Также на ней были короткие черные ботинки вместо военных форменных туфель.

Я улыбнулся про себя этой настойчивой независимости израильских феминисток.
Подумав о том, что кто-то же должен сказать ей о том, как она одета, я проговорил:
- Я еду на базу вблизи Кириат Гэт. Вы служите там?

Она не ответила.

Теперь я опять был на шоссе. Если я не достигну места назначения в течение десяти минут, они придут в ярость, подумал я. Но, как часто бывает, никакая озабоченность не бывает одна. Тут же появляется озабоченность другая...

Через пять минут после того, как я покинул заправку, выяснилось, что левая задняя шина стала плоской.

Я припарковал машину у дороги и попросил моих компаньонов помочь мне.

Все инструменты для того, чтобы поменять колесо, были. Но мне не нравилась эта идея. Надо было попробовать подкачать шину. Я уже начал с трудом, неуклюже, поднимать машину, чтобы сделать это. Но, вдруг, откуда ни возьмись, появился военный джип, и, резко снизив скорость, остановился возле нас. И я подумал, что это и есть мой добрый ангел.

Молодой офицер, блондин, выпрыгнул из джипа, на ходу говоря мне нечто бессвязное. Я понял только: «Не беспокойся. Все будет хорошо». Со стороны это могло показаться проявлением израильской мужской дружбы.

Я встал на колени рядом с проклятой шиной, ожидая своего спасителя. Но ничего не происходило.

Когда я взглянул наверх, то, что называется, удочка выпала у меня из рук...

Черная нимфа крепко вцепилась в офицера-блондина, называя его Джеки. Они обнимали друг друга и страстно целовались.

Я пожал плечами и улыбнулся. «Прекрасно. Прекрасный аттракцион!» - сказал я и возвратился к шине. Правда, сидящий в машине молодой солдат, путешественник, вышел и скромно предложил свою помощь.

Но в этот самый момент я увидел, что Ромео отстраняется от своей Джульетты мягко, но решительно, говоря ей: «Иди в джип, Авива, и жди меня там. Я сейчас быстро почищу шину».

Так он и сделал.

Наступило время, когда нам очень был нужен отдых от военной муштры, и на Шабат нас отпустили домой.

На следующий день, в воскресенье, я снова ехал в автомобиле на юг, в сторону Кириат Гэт.

3.

Я не знаю, почему я остановился на автозаправке, где я пополнялся неделю назад. Но сегодня я знал, что мой бак полон бензина.

Я выскочил из автомобиля, оставив работающим двигатель, быстро купил чашку кофе и вернулся.

После нескольких глотков кофе, когда я уже пристегнул свой ремень безопасности, я услышал стук в окно и повернул голову.

Голубые глаза кивнули мне вместе с черной, как смоль, кудрявой головой. И я сделал то же в ответ.

Она вошла в машину, и села рядом со мной. Та же униформа, та же эмблема на правом плече. Длинный, еще красный, шрам над левой бровью.

Мое любопытство вернулось вновь:

- Пожалуйста. Авива, скажи мне, что ты, на самом деле, делаешь на базе? Может быть, ты - служащая? Или инструктор по стрельбе? Или снабженец?

Наконец, я перестал спрашивать и посмотрел на нее.

Она не отвечала.

Прошло несколько секунд, и я снова продолжил мое расследование.

- Ты счастлива там? Но я почему-то никогда не видел тебя на базе, хотя был там тоже.

Вопросы оставались без ответа.

Авива молчала.

Кивала только ее голова - машина шла по тряской, ухабистой дороге.

Конечно, я понимаю, что не должен был задавать ей так много вопросов, что это хорошо в моей юридической практике, но не простительно вне ее.

И вдруг после всего сомнительного, что я проделал, я услышал ее голос:

- Должно быть, мы едем на базу... Джеки очень хороший..., лучший из наших парней.

Больше вытянуть из нее я не смог ничего.

Когда мы достигли базы, мы простились.

Удивительно, но я смотрел на нее до тех пор, пока она не исчезла.

Позже, во второй половине дня, я ехал с Джеки на ближайший радарный холм.

- Давай поедим к бедуинам, - сказал он мне. - Я хорошо их знаю. Только на полчаса, - уговаривал он меня. - У вас ведь нет бедуинов в Телль-Авиве? - спросил он с хитроватой улыбкой в уголках рта.

- Один из моих людей, - продолжал он, - иранец, прирожденный солдат, попросил меня достать ему немного молока верблюжьей самки. Ты не поверишь, эти парни говорят, что, если женщина не может забеременеть, она должна пить это молоко. Тогда, - он щелкнул пальцами, - все будет прекрасно. Ты же знаешь, у бедуинов есть это молоко.

Он рассмеялся.

Я не мог противиться его приглашению.

4.

Несколько верблюдов меланхолично, без малейшего намека на какой-нибудь интерес, наблюдали, как мы припарковывали наш джип в тени дерева, уже сделав широкий обход вокруг большого водоема.

Я исподволь наблюдал за Джеки.

Очень симпатичный кибуцник с севера, с короткими волосами, мускулистый и тонкий, быстро подошел ко мне, потом, утвердительно кивнув, и, слегка сдерживая раздражение, с чем-то согласился. «Основа жизни», - отозвался он.

Мы стояли у входа в большую палатку. Я - сзади Джеки. Он говорил по-арабски совершенно свободно. Затем он повернул голову ко мне.

- Давай, войдем, - сказал Джеки.

В темноте палатки я увидел человека, тихо сидевшего на ковре, скрестив ноги. Сзади него висел яркий разноцветный занавес. Мы слегка поклонились. Потом поздоровались.

Человек ответил и изящным движением руки пригласил нас сесть.

Уважаемый бедуинский шейх делал все медленно. Он наливал темно-зеленую жидкость из кружки в маленькие стаканы. Это был чай. Но сахара не было. В какое-то мгновение мне показалось, что Джеки получает удовольствие от чая. Но мне бы хотелось, чтобы рядом был сахар.

Джеки очаровал меня. Он говорил спокойно, в манере старого человека, хозяина, который принимал его, не поднимая и не принижая голоса в разговоре. Как он это делал, где изучал он все эти вещи, все эти маленькие, типично арабские, тонкости?

Прошло несколько минут. И вдруг в палатку вошел молодой человек. Он подошел к шейху, наклонился к нему, шейх ему что-то сказал, и молодой человек вышел.

Через пять минут мальчик вернулся, неся пластиковую кружку, и поставил ее рядом с шейхом.

Не было сказано ни единого слова.

И тут же шейх передал вожделенный эликсир Джеки.

Немного позже я быстро посмотрел на часы.

Шейх заметил это и что-то шепотом сказал Джеки, который уже с сердитым выражением лица обернулся ко мне, сказав, что я должен быть готов уйти.

Минутой позже Джеки быстро поднялся. Я в замешательстве сделал то же.

Три женщины, закрытые с головы до ног, стояли рядом с нашим автомобилем, тихо пересмеиваясь.

Когда мы приблизились к ним, две из них ушли, оставив третью, которая будто собиралась уйти, но не уходила.

Она ждала нас.

Она застенчиво улыбнулась, прикрывая рот пальцами. И я заметил длинный, красный шрам над её левой бровью.

Перевод с английского Евгении Палетте

Экономика

Лидия Довыденко

400 лет лоцманской службе России

Первая лоцманская служба в России появилась на Белом море в 1613 году, когда Архангельск получил статус торгового порта. Петр Первый, который, как известно, был «и моряк, и плотник», проявил особое уважение к профессии лоцмана. В 1705 году он вводит для лоцманов форму и особый статус. С течением веков лоцманская служба претерпела немало изменений, но не изменилось чувство особого почтения к этой профессии. В данной статье хотелось бы представить историю и современность лоцманской службы Калининградского Управления Северо-Западного Бассейнового филиала ФГУП «РОСМОРПОРТ», которое возглавляет А.Н. Мошков. Калининградские порты связывает с Балтийским морем Калининградский морской канал, построенный 15 ноября 1901 года по дну залива от реки Преголы до Северного и Южного молв – морских ворот в Балтийске. Но еще задолго до строительства канала по заливу заходили суда в Кенигсберг под руководством опытных рыбаков, из которых была сформирована первая лоцманская служба по указу курфюрста 16 июля 1608 года. Лоцманы были приведены к присяге, наделены жалованьем, их обязали водить суда, делать промеры, ограждать мели. Со строительством канала создавалась и новая лоцманская служба, которая обеспечивала безопасную проводку судов по акватории канала и Вислинского залива.

После 1945 года лоцманская служба в Калининградской области не имела преемственности от немецких коллег, и люди, приступившие к работе на канале после войны, самостоятельно осваивали фарватер и акваторию портов. Среди архивных документов торгового порта имеется приказ № 213 от 28.6.1963 года о премировании работников порта за перевыполнение плана на 122, 1 %. Среди них старшие лоцманы: Портнаго С.М., Саржин П.И., Шепырев В.Т, Ларионов В.А., Перепеляк Б.В., Дударев Е.П., Котельников Г.В., Коваленко В.Д., Андреев А.И., Урпин А.А., Бабчихин А.А; лоцманы: Петросов Ю.А., Пай Э.К., Ясинский В.Н., Михальков Н.И., Гальперин А.Т., Клочков И.Ф., Шматков В.М., Рожков А.С., Баркасов Н.Ф., Василенко Л.П., Зайсанов Р.Х.¹¹ Надо полагать, что это весь состав лоцманской службы на тот период. Впрочем, очень подробно об истории лоцманской службы после 1945 года рассказал С.Н. Шворень, старший лоцман: «Сначала я объясню, кто такой лоцман, чтобы его не путали с боцманом. Люди очень давно бороздят моря и океаны, но без человека, знающего безопасный путь для судна, оно не сможет зайти в порт. Настоящий лоцман – это призвание, и большинство лоцманов работают по призванию. Просто людям работать сложнее, а лоцман по призванию иногда творит чудеса. О таком говорят, что он АС. Не обошлось без АСов и в Калининградском порту, на Калининградском морском канале. До революции лоцманы в России представляли собой своеобразную касту. Они имели положение государственного статского советника, то есть служащего высокого ранга со всеми привилегиями. После революции из-за этого статуса они и пострадали, потому что многие из них были объявлены врагами народа, многие лишились жизни.

В СССР лоцманы были введены в структуры морских торговых портов и находились в службе капитана порта, и статус их существенно снизился. Но роль лоцманов в жизни порта была решающей. Численность порта в 1988 году составляла 2200 человек. Инспекция портового надзора – 75 человек. В их числе было 27 лоцманов. Годовой доход порта составлял 25,5 миллионов рублей, расход – 20 миллионов рублей, прибыль 5, 5 миллионов рублей. А прибыль ИПН составляла 1 миллион рублей, которая собственно и добывалась 27 лоцманами, хотя в отчетах они вообще не упоминались. Лоцманский сбор поступал в доходную часть порта, а лоцманам, при их нищенской заработной плате, объявлялось, что они не рентабельны и живут за счёт портовых доходов. И это касается не только Калининградского порта, это было по всей стране.

После 1945 года создание лоцманского подразделения было поручено Сергею Михайловичу Портнаго. Он был молод, около 25 лет, и вряд ли имел какой-либо опыт работы лоцманом. Война лишила его ноги ниже колена, невзирая на это, он оказался в лоцманской службе. На помощь из Ленинграда был прислан лоцманский «десант» из военных лоцманов. Среди них оказался Александр Иванович Андреев

Ленинградская группа специалистов, обучив калининградцев лоцманской проводке и швартовке судов, оставила Александра Ивановича во главе первых лоцманов в наших регионе. К 1950 году лоцманская группа состояла из Сергея Михайловича Портнаго, Александра Ивановича Андреева, Павла

¹¹ КОГА, опись 2, дело 420

Ивановича Саржина, Владимира Дмитриевича Коваленко, Перепеляк Бориса Васильевича, Александра Александровича Урпина, Анисима Анисимовича Бабчихина, Георгия Васильевича Котельникова, Владимира Тихоновича Шепырева, Ольги Ивановны Громаской. Они все были молоды, но каждый старался вложить свои силы и талант по максимуму. Великая им благодарность за это! Две фигуры из этого списка следует отметить особо, так как именно они дали максимальный созидательный импульс в лоцманское дело Калининграда. Это Андреев Александр Иванович и Саржин Павел Иванович.

Саржин П.И. ушел из жизни скоропостижно, в декабре 1984 года, сломав ногу на вахте за 15 дней до пенсии, скончался на больничной койке. А Александр Иванович Андреев сумел дожить до преклонного возраста, скончался на хуторе в лесу под Светлогорском на руках своих близких в 2010 году. Это были светлые, порядочные люди. Светлая им память, героям, Асам своего дела!

К первой послевоенной десятке лоцманов вскоре добавились Н.И. Михальков, А. Перетятко, В. Ларионов, Г.К. Тедо, В.М. Шматов, Н.И. Каплин, А.И. Реут, И.Ф. Бречко, В.А. Ясинский, Таго Э.К.

Лоцмана-шестидесятники: И.Ф. Клочков, Р.Х. Зайсанов, А.Т. Гальперин, Н.Ф. Баркасов, А.С. Рожков, Ю.П. Хлопков, В.С. Цветков, А.Г. Буденный, В.И. Мейнартес, В.И. Арбеков, В.Я. Попов, А.П. Сорокин.

Пополнение приходило из ВМФ, из тралфлота, из портофлота. Нужно отметить, что среди шестидесятников были уже люди с высшим профессиональным образованием, не только с военным училищем. Например, Юрий Павлович Хлопков окончил Высшее военно-морское училище имени С.О. Макарова. Это качественно улучшило работу лоцманов, что дало возможность первой и второй лоцманской волне при старой системе канала, которая позволяла заводить суда максимум 132 метра, освоить проводку плавбаз типа «Слава», «Пионерск», производственных и транспортных рефрижераторов и многих других рыболовецких судов. Это способствовало созданию мощной рыболовецкой структуры, во главе которой стоял Рыбный порт. Это вывело Калининград на первое место по добыче рыбы, а по количеству единиц флота Калининград стал абсолютным чемпионом в СССР. Если учесть, тот факт, что Торговый порт стал филиалом Балтийского морского пароходства, то лоцманская служба трудилась, не покладая рук ежедневно. Также нужно отметить, что канал – это живой организм, и он нам диктует такие вещи, как расписание на вход и выход. За сутки с 8.00 до 11.00 караван шел на выход, затем с 16.00 до 18.00 на вход, с 20.00 до 23.00 - на выход, с 3.00 до 4.00 – на вход. Кроме того, было много перешвартовок, которые тоже ложились на лоцманскую службу. Правда, в Рыбном порту перешвартовки осуществлялись капитанами портнадзора, которым разрешалось делать это у себя, на подведомственных им акваториях. Конечно, не всё успевали, были задержки. Но это было такое время.

Ключевыми фигурами второй волны были Иван Федорович Клочков, Александр Семенович Рожков, Юрий Павлович Хлопков, Владимир Семенович Цветков. Они отдали лоцманскому делу всю жизнь. Им великая благодарность!

Всю жизнь с лоцманским делом был связан Анатолий Тимофеевич Буденный, но большую часть времени он руководил службой или помогал руководить.

До некоторых пор в канале могли расходиться суда типа река-море, пока не произошло столкновение в районе Светловского судоремонтного завода, и капитан порта Соколов М.В. запретил расхождение. С тех пор наш канал вышел на режим одностороннего движения.

В начале 70-х годов свободных причалов в порту не было. Диспетчерские службы были загружены по максимуму. В Калининграде базировались: КБТФ (база тралфлота), Рефтрансфлот, Атлантниро, СЭКБ, Тралбаза «Дружба», Китобойная флотилия, Институт Океанологии, Западное речное пароходство, рыбколхоз «Союз». А с учетом судов Балтийского пароходства, которые везли сахар-сырец с Кубы и зерно из США, нагрузка на канал была огромная.

Лоцманская служба 70-х годов пополнилась выходцами из китобойной флотилии: В.М. Черных, О.М. Ольшевский, В.А. Садовский, И.А. Жук. Капитаном порта был А.Г. Панфилов, затем А.И. Зайцев, заместителем капитана порта – Н.И. Кодылев. Затем из различных судоходных и добывающих компаний пришли С.И. Шакула, А.Н. Некрасов, С.М. Хамицкий, И.Н. Пузанов, Е.Н. Удерман, Р. Шимкус, В.И. Воронков, В.А. Кузьменков, В.И. Чаплинский, В.В. Кучерин. Ключевыми фигурами из этой плеяды стали Станислав Михайлович Хамицкий, Василий Афанасьевич Садовский. Они по праву заняли свою нишу среди великих лоцманов, внесли свою лепту в развитие нашего общего дела.

В 80-е годы портовая нагрузка на лоцманов не ослаблялась. Пришла новая волна: А.В. Добриченко, В.Г. Самойлович, Ю.А. Рыбков, А.Р. Цыганок, А.Р. Адылов, С.Н. Шворень, Н.П. Попов, В.А. Потапович, Н.И. Кодылев, В.П. Иванов, А.П. Круглов, В.Н. Парамонов, Б.Б. Михайлов. Из этого списка остались в седле Александр Родионович Цыганок и Сергей Николаевич Шворень.

В 80-е годы начались структурные изменения лоцманского подразделения. В 1987 году лоцманы могли выбирать себе руководителя общим голосованием. Был выбран В.А. Садовский, сменивший А.Т. Буденного. Василий Афанасьевич возглавил кампанию по переходу лоцманов к самостоятельности. Это было непросто и небезопасно. Ценой собственного здоровья он стремился создать лоцманам более высокий уровень труда и быта. Благодаря его усилиям в Балтийске была построена лоцманская станция, и лоцманы в

1988 году проводят по каналу почти 9000 судов. Этот рекорд того времени не преодолен и по сегодняшний день.

1 июня 1990 года Иван Федорович Ключков завел первое иностранное судно. И началась новая эра в лоцманской службе. В 1991 году благодаря усилиям Б.Б. Михайлова создана лоцманская служба в Балтийске. В 1993 году усилиями лоцманов А.С. Рожкова, А.Р. Адылова, В.А. Садовского, С.Н. Шворень, Н.П. Попова, Б.Б. Михайлова в рыбном порту начинает функционировать линейная лоцманская служба. Таким образом, к 1995 году от Калининграда до Балтийска функционировало 3 лоцманских службы: Торгового, Рыбного портов и в порту Балтийск.

С 1 мая 1995 года министр транспорта РФ издал указ, согласно которому на одном участке лоцманской проводки имеет право работать только одна служба, таким образом, исключалась конкуренция в лоцманском деле. В результате произошло слияние трех лоцманских служб в одну, и лоцманы до сих пор болезненно переживают тот момент, когда перестала существовать самостоятельная лоцманская служба.

Это было непростое время, так как порты начало лихорадить, экономика была разбалансирована не только в Калининграде, во всей стране. Но мы пережили это трудное время. Было построено лоцманское здание в Калининграде, лоцманский катер «Лоцман Саржин». Нужно честно признать, что плюсов у независимой лоцманской службы было гораздо больше, чем минусов: это качественное повышение квалификации, оснащение, стабильность, решение социальных вопросов, вопросов безопасности мореплавания.

С 2001 года начинается новая эра в истории лоцманской службы, так как она перешла под эгиду Морской администрации порта Калининград, а затем - ФГУП «Росморпорт».

Как уже упомянул Сергей Николаевич Шворень, 1 мая 1995 года была создана единая лоцманская служба, которая обеспечивала все порты Калининграда и проводку судов по каналу. Лоцманская организация представляла собой юридическое лицо в форме ООО «Общество морских лоцманов Калининграда», в которое объединились лоцманы Балтийска, торгового, рыбного портов во главе с Б. Б. Михайловым. «Общество» стало самостоятельной организацией, выполняющей государственные функции, работающей по государственным расценкам, вступило в Ассоциацию морских лоцманов России, а затем – в Европейскую Ассоциацию морских лоцманов. Стремясь соответствовать международным стандартам (ИСО-9002), лоцманское общество вложило средства в оснащение, экипировку коллектива, улучшение условий труда. Уже через год на конференции Европейской лоцманской ассоциации, проходившей в Амстердаме в 1996 году, калининградским лоцманам была дана высокая оценка, отмечался их профессионализм и ответственность.

В Обществе лоцманов, как рассказал Б.Б. Михайлов, вошло немало опытных людей. Упорным трудом и накопленным опытом калининградские лоцмана достигли мастерства по безаварийным проводкам морских судов водоизмещением до 25 000 тонн. Лоцманская служба изучает и использует самые современные методы работы с судами. Служба сертифицирована и лицензирована в соответствии с действующими стандартами, полностью оснащена необходимыми техническими средствами и оборудованием. Специалисты владеют английским языком, постоянно совершенствуют свои знания и навыки. Они первыми поднимаются на борт прибывающих судов и достойно представляют канал, Калининградскую область и страну. Благодаря достаточной укомплектованности и отлаженной организации труда со времени создания службы не было ни одного случая простоя судов по вине лоцманов. Действия лоцманской службы регламентируются Кодексом торгового мореплавания, общероссийскими и международными нормативными документами, находятся под государственным контролем капитана порта. Согласно постановлению Правительства РФ за № 538 от 17.07.2001 года, лоцманская служба введена в состав Морской администрации порта Калининград, затем - в Калининградский филиал ФГУП «Росморпорт» и состоит из 43 человек, из них лоцманский состав – 38 человек.

Долгие годы лоцманскую службу возглавлял А.Т. Буденный, которого сменил Л. В. Сазонов, затем на смену ему пришел ныне уже покойный Юрий Владимирович Щербаков, высококлассный специалист, эрудит и прекрасный человек. В настоящее время службой руководит Бурлыко А.Г.

Должности старших лоцманов, которые являются и старшими смены, исполняют А.Р. Цыганок, А.А. Голованов, Е.Б.Смирнов, Стаскевич С.Г.

В последние годы, с появлением таких организаций, как "ЛукойлКалининградморнефть" и "Содружество Соя", со строительством причалов 82, 83 и 84 - в Балтийске, началась новая жизнь канала с учетом приемки крупнотоннажных судов. Эти преобразования требовали новых подходов в подборе и обучении лоцманского состава, освоению новых приемов при работе с буксирами. Для этого два старших лоцмана Цыганок А.Р. и Шворень С.Н. были откомандированы на один из паромов, чтобы изучить опыт работы капитана этого судна, при заходах в порты Санкт-Петербург и порты Германии и Финляндии. Еще в начале 2000-х годов причалы нефтеналивного комплекса "ЛукойлКалининградморнефть" могли принимать в дневное время суда с длиной корпуса не более 155 метров, а в ночное время не более 135 метров, выводя их на осадку после загрузки на 8,0 метров. В настоящее время, благодаря модернизации канала, к причалам пункта Ижевское ночью разрешен заход судов с длиной корпуса до 170 метров, с выходом на осадку 9,6 метра после погрузки. Таким образом, раньше суда уходили с недогрузом 1500 - 2000 тонн. Также и к

терминалам порта Балтийск каждый день приходят паромы с длиной корпуса 180,0 и более метров, включая пассажирские лайнеры "Альбатрос" - 205 метров, "Мона Лиза"- 202 метра, "Европа" - 198,5 метров. Очень ответственная работа по заходу и выходу таких судов практически в любое время суток осуществляется морскими лоцманами.

Сегодня лоцманская служба - это сплав опыта и молодёжного азарта. Старший лоцман Цыганок А.Р. проводил под двухъярусным мостом через реку Преголя и ставил у причала судно "Космонавт Пацаев» на набережной Петра Великого для Музея мирового океана. Смирнов Е.Б. и Стаскевич С.Г. проводили под мостом и ставили подводную лодку к причалу Музея Мирового океана. Из нового поколения следует выделить: Михина О.Н., Порядина Е.К., Янченко Г.Р., Шафоростова Е.В., Лигатюка Д.С., Барышева Ю.П., Гилёва С.И., Чечёткина Е.Г., Будённого Д.А., Тимофеева И.А., Королева О.Н., Череватого А.А.

Это грамотные специалисты, прекрасно владеющие иностранными языками, получившие отличное образование, набравшие судоводительский опыт в условиях полной интеграции российских моряков в международное морское сообщество.

Как бы там ни было, какие бы ветры и туманы не обрушивались на канал, пока есть такие азартные, романтические люди, работающие в лоцманской службе, будут заходить в наши порты корабли и суда.

Капитаны судов при появлении лоцмана на ходовом мостике, с облегчением вздохнув, будут приветствовать его, благодарить за проделанную работу на всех принятых в обиходе языках. Конечно, все мы люди и подвержены ошибкам, в особенности в такой области человеческой деятельности, как судоходство, в коллективе лоцманов нет случайных людей, все работают по призванию и делают всё возможное для поддержания положительного имиджа нашего Калининградского порта.

С 2006 года администрацией морского порта Калининград учреждено почётное звание «Капитан года». Оно присваивается по итогам года лучшему калининградскому судоводителю за наиболее значительный вклад в обеспечение безопасности мореплавания и популяризацию морской профессии. Призом служит «Янтарная трубка». За 2010 год её получил старший лоцман Калининградского морского канала Василий Афанасьевич Садовский. Это знак высокой оценки роли лоцманов в среде моряков и портовиков.

Православие

Неонилла Пасечник

Крестный Ход к Почаевской Лавре

22 июля 2013 года из польского города Гайновка вышел крестный ход в Почаевскую Лавру.

Верующие Автокефальной Православной Церкви в Польше решили возродить старую традицию пеших паломничеств в Почаевскую Лавру, в которые испокон веков ходили православные жители Холмицны и Подляшья. После Второй Мировой войны, когда эти украинские земли отошли к Польше, традиция паломничеств прекратилась. Крестный ход прошел по территории Беларуси, далее маршрут паломников пролегал через Волинское Полесье – Ратновский, Старовыжеский, Ковельский районы. Затем – Турийский и Владимир-Волинские районы. Закончилось паломничество на праздник Почаевской иконы Божией Матери 5 августа. Предоставляем вниманию читателей статью участницы Крестного хода Неониллы Пасечник.

Непобедимая победа

"Пресвятая Богородице спаси нас, Непобедимая Победо! Святии Ангелы, Херувимы, Серафимы и Архангелы, молитва Бога о нас". Эта молитва началась тихо, но вскоре, словно гимн и победный военный марш раздавалась на улицах очередного городка на подступах к Почаевской Лавре по маршруту Крестного Хода из восточного польского города близ Белостока с лирическим русским названием Гайновка.

В первый день Крестного Пути батюшка местного прихода отец Марк отслужил Литургию, панихиду и молебен и отправился вместе с 36 своими прихожанами в около 500-километровый путь к Почаевской Лавре... В этот день к паломникам присоединился отец Павел из соседнего прихода. Первые 40 км пути прошли тихо и благополучно.

Территорию Беларуси необходимо было пересечь в течение 3 дней - именно таковы сроки пребывания в стране без регистрации. Паломники с этим условием справились благодаря тому, что им пришлось преодолевать более 50 км в день! Асфальт в прямом смысле "плавился" под их стопами. Многие, сняв обувь, оставляли отпечатки своих стоп на горячем асфальте. Словно отпечатки стопы Богородицы Почаевской... Но и аллергия на шиколотках от испарений асфальтных покрытий не остановила их. Крестный Ход отправлялся в 7 часов утра и прибывал к месту к 10 часам вечера. Кругом шла уборка хлеба, а в некоторых местах уже приступали к вспашке полей. Шли паломники и по древнерусской крепости Берестье (ныне Брест, ранее Брест-Литовск). Игумен Брестского Симеоновского монастыря Афанасий Филиппович после Брестской унии неоднократно сидел в темнице по обвинению в сочувствии и помощи казакам Богдана Хмельницкого: доставке им пороха к битве в поле под Берестечко и пересылке "возмутительных листов". После тяжелых пыток игумен Афанасий был расстрелян за борьбу против унии. Память игумена почтил Петр I во время своего посещения Брест-Литовска в 1706 г. В 1795 г. Брест вернулся в состав России.

Как и положено, три дня спустя паломники очутились у Белорусско-Украинской границы. Белорусский ветер дул в спину! Предстоял самый трудный - 10 дневный отрезок пути по прежней Волинской губернии, ныне разделённой на 3 области: Волинскую, Ровенскую и Тернопольскую. В Польше живёт человек - Роберт Коженёвский - двукратный олимпийский чемпион по спортивной ходьбе. Спортсмену, чтобы пройти дистанцию в 40 км необходимо ежедневно тренироваться долгие годы. А после - пройти всего один раз! В Крестном Шествии спортсменов не было... Шли обычные люди, которые каждое воскресенье приходят в храм к Литургии, а работают на разных работах... И шли они не один раз в один день. Их путь занял 14 дней.

Описывать всевозможные страдания физические "нетренированных" паломников нет смысла - они очевидны. Стёртые до крови ноги - тому свидетельство. Но страдания физические врачуют раны душевные... По маловерию же считается, что человек, имеющий силу для борьбы с душевными недугами, не в состоянии побороть физическую боль... Когда-то военные люди, в опровержение этого утверждения и в доказательство своего мужества и веры могли сжечь ладонь до кости на ламповом стекле... В Крестном Ходе паломники "сжигали" свои стопы. А Богородица на утро их исцеляла, как постепенно уврачевывала Она и израненные души... Не потому ли Почаевская Богородица явилась в горящем огненном столпе, словно прошедшая полтысячи километров по раскаленной мостовой?

А тем временем на украинской земле паломников в Почаевскую Лавру благословил епископ Владимир-Волынский и Ковельский Владимир, отслужил молебен. К прибытию в Ковель в день памяти 1025-летия Крещения Руси число паломников достигло более 400 человек! Сдержанность слезы радости было нелегко... В прошлом году именно из Ковеля после более чем полувекового перерыва отправился первый послевоенный украинский Крестный Ход длиной в 7 дней! Тогда расстояние в 60 км к древнему Владимир-Волынску преодолели, как на крыльях, в один день... В этот раз после седмичного пути это расстояние было разделено пополам: местный фермер предоставил кров в... стогах сена, крытых навесом! И с этим первым ночлегом не у гостеприимных хозяев, а под едва прикрытым от дождя небом, паломники легко справились и были вознаграждены посещением Зимненской девичьей обители, чего в прошлом году не удостоились.

Тогда я присоединилась к Крестному Ходу во Владимире-Волынском, и, точно рукой Богородицы, была "снята с маршрута" уже к вечеру. С женщинами подобное случается. В Апостольском правиле сказано, что к Святыне подходить в этом случае не следует. Так вот Господь умирят женщину, которой во что бы то ни стало хочется сделать то, что не самым делом неположено. И тем не менее даже день с Крестным Ходом стал для меня тем началом пути, который удалось завершить лишь сейчас - в юбилейный год: 180-летие присвоения Почаевской обители статуса Лавры. Не скрою, что хотелось испытать трудности тайного подвига странничества одного из самых загадочных российских монархов - царя Александра I, за что император прославлен в лике святых как праведный Феодор Томский. После своей мнимой кончины, сделавшись странником по благословению слепого схимника Вассиана в Киево-Печерской Лавре, царь шел пешком из Соловецкой обители в Почаевскую, где и подвизался простым послушником, а после отправился пешком на Урал...

Крестный ход в Волынской губернии

"Житейское оставите по-о-печению..." - отчетливо расслышала я певчих за Литургией в Успенском кафедральном соборе Владимира-Волынского, где застала ночевавших после пройденных пешком 65 км расстояния от Ковеля паломников. Совершенно свежая и бодрая, налегке, лишь с зонтиком, ощутила свою какую-то "инакость" в сравнении с людьми, ещё накануне со всей решимостью отправившимися в пеший 7-дневный путь во святую Почаевскую Лавру. И не потому, что только сейчас я прибыла из Нововолынска, где уже несколько дней гостила у родителей. От мамы и узнала о предстоящем Крестном ходе и колебалась в намерении присоединиться к Шествию. Но архимандриту отцу Варлааму, чей телефон был указан в объявлении, все-таки позвонила с глупым, но насущным вопросом: "А душ по дороге принять возможно?.." Батюшка рассмеялся: "Какой душ? В озёрах станем купаться!.. Мы ведь из казаков!"

..В величественном князем Успенском соборе Владимира-Волынского, я предалась усердной молитве и не заметила как огромный, вместивший на ночь 350 человек собор опустел. Дослушав обедню, я покинула храм с ощущением уверенности пройти с Крестным ходом хотя бы к современной границе Волыни - деревне Павловка, где по маршруту полагался ночлег и где я проводила по несколько летних месяцев в лагере во времена своего пионерского детства. ...У собора никого не было. Двор был пуст! К стати произошло напутствие киевского батюшки Андрея Ткачева: "Лучше недомолиться, чем перемолиться..." С сердечным сокрушением осенив себя крестным знаменем у выхода из храма, заметила группу из 5 девушек. В надежде бросилась к ним с расспросами о Крестном шествии. "Когда в храме читали «Верую...», Вы, должно быть, не расслышали, как паломники с молитвой ко Святому Духу отправились в путь!" - сориентировали они меня. Видимо, лицо моё выражало полное недоумение в попытке подсчитать, как далеко могли за этот срок уйти паломники и по какой дороге, ибо я услышала: "Мы знаем короткий путь. Попытаемся их догнать!" Одна из девушек возразила: "Я довезу на машине," - и указала на свою пепельную "тойоту". Позднее, когда мы все вместе влились в Шествие, "срезав" путь, выяснилось, что "одна из девушек" - 45-летняя педагог Анна Сергеевна! Она вместе с дочерьми поет в церковном хоре и собиралась в этот день выйти на работу в школу. Угадав мою растерянность в "ориентировке на местности", Анна Сергеевна с дочерьми пустилась бегом, увлекая и меня - во что бы то ни стало догнать Крестный ход!!

И вот мы "вбежали" в хвост красочной толпы, замыкаемой статными священниками в светлых подрясниках. Возглавляли Шествие два хоругвеносца и крестоносец из числа паломников. Настоящий "крестовый поход" - подумалось. Только мирный... Без огня и меча! Не так ли ходил от деревни к деревне Спаситель вместе с апостолами?.. До политического переворота 1917 года, когда группа авантюристов захватила власть в нашей огромной и могущественной стране, Крестные шествия были привычным явлением и в деревне, и в столице. В Крестных ходах принимал участие глава нашего государства - царь и его семья, - а также государственные люди вместе со своими семьями. ...Тем временем справа от Крестного хода в чистом поле показались золотые купола, окруженные белоснежной цитаделью. Это Святогорский Зимненский девичий монастырь - успела отметить я, прежде чем раздался телефонный звонок от монаха Киево-Печерской Лавры. Из маршрутки по дороге во Владимир-Волынский я успела эсэмэской поздравить батюшку с днем тезоименитства - памятью прославления прп. Лаврентия Черниговского. Игумен Лаврентий позвонил с целью просветить меня и убедить в своём патриотизме: наречен батюшка, как и все насельники Киево-Печерской Лавры, в честь прп. Лаврентия Печерского. А о том, что святой равноапостольный князь

Владимир был благословлен на брак с греческой царевной Анной именно Зимненской иконой Богородицы, - я, к своему стыду, не знала...

Тем временем Крестный ход приблизился к часовенке с Зимненской иконой - я, как и многие паломники, приложилась с благоговением ко святыне, вспоминая только что сказанное печерским монахом: "Это зимняя резиденция князя Владимира, чьим именем назван Владимир-Волынский, место стоянки княжеской дружины по пути из Киева в Грецию и на Святую гору Афон, фактически вторая столица Руси Киевской." Как и Зимний Дворец в Петербурге - второй столице нашего дореволюционного государства, после переезда царского двора из Московского кремля во град, называемый "окном в Европу", так опрометчиво прорубленным неутомимым Петром Великим. Как-то постепенно мысли об историческом Прошлом Волыни сменились теплой молитвой к Богородице...

На пустынной, раскаленной августовским зноем дороге в окружении бескрайних холмистых полей, эта тихая молитва множества поющих пеших людей, сопровождаемых священниками, казалось, разрушала сонную "благодать" заброшенности и оставленности древних Волынских поселений. Княжий Волынский град Владимир в моём сознании сменился иными сюжетами - картин художника-передвижника Василья Григорьевича Перова и знаменитого полотна Ильи Репина "Крестный ход в Курской губернии". И только сейчас я, ещё бодрая и свежая, заметила, что многие паломники, находящиеся в пути со вчерашнего дня, с трудом ступая полной ступней, опираясь на посох, передвигаются так, словно они "калики перехожие" с той самой картины Репина... Я стала выяснять причину - неужели возраст? Но примерно одинаково прихрамывали и женщины "бальзаковского возраста", и девушки от 18 до 30, а так же... доблестные казаки! Как только мой пристальный взгляд бывал замечен - тут же, преодолевая боль, идущие выравнивали шаг. Наконец, объявлен привал. Моим очам предстала трогательная картина. Словно ожившие персонажи "Крестного хода" из далекого 19 века с Курской губернии переместились в современную Волынскую! Ступни почти у всех повалившихся наземь паломников были перебинтованы. Быстроходная медсестра бинтовала и бинтовала всё новые и новые ступни. Многие несли свои фирменные, предназначенные для игры в мяч кроссовки, на плече, обувшись во что-то на подобие древних лаптей!

Наслаждаясь отдыхом в тени придорожных посадок, я заметила женскую фигуру в замечательном расшитом льняном сарафане с трудом, но все-таки приближающуюся к "сидящему шествию". Опускаясь на траву рядом с нами, подстелив плащ-дождевик, женщина попросила воды, как раз заботливо разносимой священниками. Её безупречная украинская речь свидетельствовала о столичной прописке и образовании филолога. Я не ошиблась - улыбчивая красавица, словно звезда телеэкрана, Марья Ивановна оказалась киевской пенсионеркой, преподающей иностранный язык в школе! Всю ночь из Киева провела она в дороге и сегодняшний день пути был для неё вторым, т.е. самым трудным. Но это замечали окружающие. Сама же Марья Ивановна, только что удачно "приковылявшая" к нашей группе, излучала столько радости от участия в Крестном ходе, что я не решалась вымолвить и слова сострадания в её адрес. Казалось, это может задеть её, исполненную оптимизма на предстоящие ещё 5 дней пути. Напротив, мы все вместе стали восхищаться в ручную шитым сарафаном, который она так элегантно носила! В ответ Марья Ивановна поделилась: "Вчера я даже безжала! Один мужчина отстал из-за ступней, так я его тащила за руку. А сегодня он уже Крест несет, возглавляя шествие!" А ещё от Марьяиванны я узнала о том, что бабушка её родом из деревни Ратновского района, на Успенье ходила пешком в Почаевскую Лавру. Малышкой Марьяиванна каждый раз просилась пойти вместе с бабушкой, и каждый раз утром просыпалась..., когда бабушка уже ушла. И всякий раз давала себе обещание, что в будущем году непременно рано утром проснется, чтобы идти вместе с бабушкой! И только на пенсии Марьяиванне представился случай идти с самым настоящим Крестным ходом в Почаев! Правда, наш Крестный ход изредка догонявшие автомобили принимали за... похоронную процессию и учтиво какое-то время следовали за пешими, пока не замечали наши с Марьяиванной улыбающиеся лица. С недоумением водители переспрашивали: "Это похороны?" Мы с Марьяиванной спешили разуверять автомобилистов, и те, успокоившись, смело обгоняли и нас, и радостно хромающий Крестный ход.

В итоге я и Марьяиванна с посохом, отстав от Крестного хода где-то на километр, были милостиво "подобраны" батюшкой на внедорожнике и быстро доставлены к месту обеда, где уже звучала молитва у добротных деревянных столов, заблаговременно расставленных стараниями отца Анатолия, настоятеля Казанского храма в близлежащем районном центре Иваничи. Об отце Анатолии я знала заранее из местной газеты, как о ценителе древности. Это батюшка разыскал в архиве данные о старинной иконе Благовещения из своей церкви, обнаружил икону в Харьковском музее и заказал с неё список. Когда я, обгоревшая и ничем не выделяющаяся, как и все (!) хромающая паломница, утолила жажду ломтиком арбузов, присланных кем-то из предпринимателей, узнавших о Крестном ходе - заметила хромающего священника, с обветренным и загоревшим лицом, опирающегося на обтёсанную палицу. Батюшка радушно приглашал отведать походной овсянки. В ожидании своей очереди за кашей обратила внимание на деятельного мужчину в джинсах и темных очках с зелеными "кошачьими" стеклами. "Вот, видимо, кто для паломников арбузы и дыни пожертвовал," - догадалась я. Но опирающийся на посох батюшка объявил: "За обед благодарим отца Анатолия", - указав на предпринимателя в "кошачьих" очках! Лишь в конце обеда, когда отец Анатолий принялся собственноручно грузить столы и скамейки, я поняла, почему батюшка не надел подрясник! Когда же, пристально оглядевшись на опустевшей площадке, "священник в джинсах" стал собирать оставшиеся

пластиковые тарелки и бутылки, я не могла удержаться, чтобы не припомнить эпизод из жизни митрополита Сурожского Антония с двумя ведёрками мусора и желанием именно служить людям!.. Батюшка, по-архиерейски опиравшийся на обтесаную палку, резюмировал: "Отец Анатолий и от мусора дивиденды получит!".

Тут интерес к посоху взял верх над моей учтивостью: "Никак, батюшка, Вы и есть местный Владыка?" "Так точно," - с выправкой военного отпартовал священник - "епархиальный секретарь, он самый - протоиерей Владимир, настоятель Георгиевского храма в Любомле, в прошлом танкист!" Проявляя заботу о каждом из более чем 300 пеших паломников, в их числе и о детях (!), на своём внедорожнике - то в качестве кареты "скорой помощи" неотложно медсестру привезти кому-то для продолжения шествия, а кого и самого уже побыстрее к месту ночлега доставить - отец Владимир, заметив мой интерес к истории, подарил брошюру о своём старинном 13 века Георгиевском храме, возведённом князем Владимиром Васильковичем, полюбившим Любомль более иных своих вотчин, отчего древнему поселению и досталось такое красноречивое название. Приведена в брошюре и расписка священника, перешедшего из унии (греко-католичества) в православие в 1796 году.

Когда Крестный наш ход миновал величественный, как-то даже несоразмерный с незначительностью деревни с апостольским названием Павловка, храм архистратига Михаила, в местном кафе уже гостеприимно были накрыты для паломников обеденные столы. А в санатории на берегу живописного озера - им оказался пионерский лагерь из моего советского богоборческого детства - приготовлены для паломников уютные комнаты и... душ с горячей водой! Самые юные участники шествия под зорким пастырским присмотром плескались в озёрной купальне, сопровождаемые наставлением: "В воду не прыгать, а входить медленно, после 8-часового пешего пути могут схватить судороги." В санатории также были выгружены рюкзаки и сумки участников Крестного хода. А тем временем все трапезничали, измученные телесно, но усмирившие свои страсти и воспрявшие духом, радостные от осознания того, что очередной отрезок в несколько десятков километров, пути, длиной в 200 км, во святую Почаевскую Лавру преодолен!

К концу моего однодневного Крестного хода отыскался и зонт, забытый на площадке дневной трапезы, когда присоединилась к отцу Анатолию в исполнении послушания собирания мусора. Зонт в тот чудесный день, несравнимый ни с чем ранее пережитым, не понадобился. Вручая мне его, епархиальный секретарь отец Владимир с улыбкой рапортовал: "Мы закупили дождевики для паломников. Но плащ не понадобится - ведь у Вас есть зонт!"

Вечерело. Паломники расположились в санатории. Я ожидала рейсовый автобус на Нововолынь, но его все не было. Сумерки сгущались. Внезапно ко мне неуверенной походкой подошел человек, вышедший из кафе, где только что с молитвой завершили трапезу паломники. С открытым после долгой молитвы в Крестном шествии сердцем, я прислушалась к голосу этого человека. Он был зол. Он обвинял в своих несчастьях весь мир, но не себя самого... И этот человек был нетрезв... Он искал разрешения своих проблем в стакане алкоголя. Но в его душе шла битва темных и светлых сил. Он как будто бы искал предлог попасть в Почаевскую Лавру. И тут, неожиданно для себя, я предложила пьянице присоединиться к Крестному шествию! И не искать повод кого-то там повидать или кому-то отомстить. А открыть душу Господу. Впустить Бога в своё истрадавшееся, сжавшееся от злости в комок, изначально большое сердце. Митрополит Сурожский Антоний когда-то сказал о таком человеке: "Как бы низко ни пал человек в своем грехе и отчаянии душевном – все равно он попадает в объятия Господа!" В тот вечер я дала себе обещание «оставить житейское попечение» и во что бы то ни стало в будущем году дойти с Крестным ходом в Почаевскую Лавру.

Путь к Богородице Почаевской

Что такое Крестный Ход, можно понять, лишь ощутив весь спектр состояний, присоединяясь к пешим паломникам. Свои ощущения Крестного Хода и в одночасье величие и общехристианское значение Крестных шествий пытались передать живописцы и литераторы. Безусловно, художник Илья Репин сам неоднократно бывал в числе пеших паломников и на месте тех "калик переходящих", которых изобразил в своём знаменитом полотне. Быть может, даже нёс, изнывая от жары, хоругвь или икону. Прежде всего, Крестный Ход - это непрерывная молитва: сперва молитвословие, постепенно переходящее в умную молитву, по определению святого Паисия Величковского, называемую ещё сердечной. Когда нет сил физических для пения молитв в пути в знойный день, вот тогда и рождается та самая молитва сердечная... Ибо шествие прервать невозможно, а до ближайшего привала, намеченного заботливым сопровождением из очередного благочиния, ещё несколько километров, часов, или шагов - так измеряют свой путь паломники.

В христианстве молитва не совершается в одиночку. Также невозможно сотворить милостыню одному: ибо милостыню подающий и принимающий - равны! Без участия принимающего, творение милостыни жертвующим невозможно. Так и с молитвой: в храме её совершают священнослужители, а прихожане как бы "принимают" эту молитву, принимая в ней участие либо личным присутствием, либо заказав определенное количество Литургий, когда и совершается проскомидия - вынимаются частички из

просфор во время поминовения наших близких: здравствующих и упокоившихся. Монахи молятся о всём мире непрестанно. Считается, что в душе монахом должен быть всякий православный христианин. Как это воплотить в жизнь?

Для осуществления этого стремления православных христиан издавна существовали длительные Крестные шествия. Во время Крестного Хода паломники как бы преображаются в монашеский облик. Именно поэтому считается, что принять у себя дома на ночлег пешего паломника, словно монаха, - великая благодать для принимающего. Крестный Ход даже для семейного православного батюшки - возможность испытать на себе подвиг монашеского жития. Впрочем, многие священники, чьё благочиние в этот день заботилось о благосостоянии паломников, отправлялись в путь вместе со своими матушками, которые старались пением молитв поддержать силу духа и испрашивали дарования сил физическим паломникам дойти к месту ночлега.

Следовать примеру отцов Павла и Марка, идущих всю дорогу вместе со своими прихожанами, решили и наши отцы из Полесья - пограничного с Беларусью района Волыни - протоиерей Иоанн и диакон Виталий, студент Почаевской семинарии. Число их прихожан-паломников такое же внушительное, как и польских. Отцы служат в Николаевском храме деревни Колодяжное, вотчины семьи Косач, где проживала поэтесса Леся Украинка. На мой вопрос на подступах к Берестечко - казаческому Бородино - о святых монахах, сражавшихся вместе с казаками Богдана Хмельницкого подобно Пересвету и Осяби по благословению преп. Сергия Радонежского ушедших на брань вместе с воинами Дмитрия Донского, отец Иоанн ответил: "Безусловно, имена этих монахов-воинов известны. Это игумен Павел и иеромонах Никифор из Лядовского монастыря с 1000-летней историей, близ Могилёв-Подольска. По благословению Иова Почаевского они сражались в поле близ Берестечко. Вопрос их канонизации вполне реален. Архиепископ Августин, будучи на Львовской кафедре, канонизировал святого Никифора, экзарха Царьградского, присутствовавшего на Соборе в Бресте и не подписавшегося под унией. Также известен своей мученической кончиной игумен Брестской обители Афанасий Филиппович, благословивший отправку казакам в Берестечко боеприпасов и наставлявший их перед битвой, подобно тому, как сейчас это делает военный священник - капеллан".

В течение всего дня в пути, не сбавляя шаг, священники попеременно служили молебны с чтением акафистов. Диакон Виталий, как бы в продолжение своего обучения в семинарии, охотно делился с юношами, желающими пономарить в храме, правилами чтения богослужебных текстов. Благодаря пономарившему в Крестном Ходу 16-летнему Дмитрию, я впервые увидела изображение Богородицы Ченстоховской. Юноша подошел ко мне в ожидании трапезы в кафе одного из гостеприимных городков и указал на свою грудь, где обычно паломники носят иконы на верёвочках: "Это и есть Непобедимая Победа - Богородица в шлеме древнерусских витязей - Ченстоховская!" Так я впервые повстречалась в пути с почитаемой польскими православными древнерусской Богородицей, покровительницей витязей - защитников древнерусского христианского государства. Когда 20 лет назад я посетила Ченстохов - приложиться к образу Богородицы было невозможно. Да и сейчас икона не часто доступна верующим для почитания. Отец Павел считает, что центр Православия Польши находится в Гайновке. Но батюшка верит в то, что через какое-то время Крестный Ход отправится в путь из Ченстоховы, под покровом Богородицы "Непобедимая Победа". Отец Павел Кучинский, как и отец Марк - выпускники Варшавской Духовной Академии.

Почаевская Лавра

Солнце клонилось к горизонту, когда взорам уставшего, но многочисленного Крестного Хода предстал на холме величественный храм, словно Казанский собор в Петербурге. В местечке Берестечко, как оказалось, и сейчас едва наберется 2 тысячи жителей... Когда хвост Крестного Хода очутился на площади, перед храмом уже служили молебен. Священник читал Евангелие на украинском языке. Многие паломники решили, что их встречают раскольники, или, по определению религиоведов - члены псевдоправославной секты во главе с именующим себя патриархом Филаретом, бывшим митрополитом Канонической православной церкви, ныне пребывающим вне Канонического Православия. По этой причине принимать ли участие в богослужении крестоходцы затруднились... После выяснилось, что местный протоиерей Дмитрий не раз подвергался нападениям тех самых псевдоправославных сектантов за то, что Литургии служил по-церковнославянски... Т.е. на том объединяющем всех православных славян языке, который принесли из Греции просветители болгар святые Кирилл и Мефодий. Оставили местного батюшку "в покое" воинствующие сектанты лишь с условием богослужений на государственном языке. Их теперь два, поэтому батюшка, не владея вторым, остался на прежнем. Это объяснение не вполне удовлетворило крестоходцев не только из Польши, но из Ратно, Ковеля, Владимир-Волынска, Нововолинска. Наутро Литургию отслужили по-церковно-славянски отцы Павел и Марк из Польши. Отцы просили принять их извинения за несовершенный украинский язык и выслушать проповедь на общедоступном русском, где звучали слова благодарности за возможность служить Литургию в таком величественном храме местечка со славным историческим прошлым.

Возводить обширный храм в Берестечко стали еще в начале прошлого века и... до наших дней церковь не отстроена. Для крохотного городка достаточно одного левого придела. Центральная часть с правым приделом вот уже более 100 лет остается без росписей и для богослужения не приспособлена. Путь на Радзивиллов, вотчину симпатизировавшего Православию старинного польского рода, пролегал через те самые поля, где дали бой своим притеснителям, защитники Православия - казаки Богдана Хмельницкого. Православному сенатору Речи Посполитой, воеводе Киевскому Адаму Киселю, чья вотчина с усыпальницей находится в современном Нововольнске, в сотне километров от Берестечко, тогда не удалось дипломатическими усилиями избежать этой битвы. Зато через год после мирной кончины православного Киевского воеводы, в чьем столичном замке на горе Киселёвке неоднократно гостил Белоцерковский гетман, - Богдан Хмельницкий с казаками присоединились к Каноническому православию, сохранившемуся в России после падения могущественной Православной Византийской империи.

С такими мыслями поднимали пыль до небес крестоходцы, шагая по тем самым полям, где в братоубийственной войне полегли христианские воины - и католики, и православные... "Да, было где развернуться..." - слышалось отовсюду. Теперь нам понятно, почему татарский мусульманский полк в решающий момент покинул битву: мечети в Белой Церкви нет и в наши дни, в то время как в Европе мечети выстроены во всех столичных городах... При этом в Саудовской Аравии до сих пор нет ни одного христианского храма.

К вечеру нас гостеприимно встречало местечко Радзивиллов. У храма Александра Невского были расставлены столы с кушаньем, словно "при дворе" древнерусского князя! На ночлег все крестоходцы были, что называется, "по-царски" приглашены к жителям городка, чтобы наутро продолжить 25-километровый путь к Почаевской Лавре. Как оказалось, в Радзивиллове существует своя традиция ночных Крестных Ходов в Почаев: если выйти в 3 часа ночи - к 8 утра уже в Лавре, где в день празднования иконы Богородицы Почаевской да еще в юбилейный год присвоения обители государем Николаем I статуса Лавры, яблоку негде упасть!

Вся территория Лавры, внешне напоминающая великолепный дворец-крепость, превращается в сплошной храм под открытым небом. Где именинница - Богородица Почаевская - словно по морю плывет над головами многотысячного Крестного Хождения от одного Святого престола к другому в сопровождении всех предстоятелей близлежащих славянских епархий: и украинских, и польских, и белорусских, и русских - тех, по чьим землям ступал 2000 лет назад - в 34-35 году - святой апостол Андрей Первозванный, по пути в Северные широты, откуда спустя 850 лет пришел к Новгородцам, а затем и Киевлянам Рюрик - создатель древнерусского государства. Словно в память о первом в истории человечества Крестном Хождении святого ученика Христова апостола Андрея Первозванного - в небе над крестоходцами в Почаев летчики ежедневно рисовали крест, по форме напоминающий тот крест, на котором был распят проповедник христианства в наших землях.

Из беседы Н. Пасечник с о. Павлом Кучинским

- Отец Павел, Вы, как и отец Марк, - выпускники Варшавской Духовной Академии. Это правда, что православные священники обучаются вместе с протестантскими пасторами? Расскажите об особенностях обучения православных священников в Польше - стране с сильными католическими традициями.

- В Польше и Духовная академия, и семинария находятся в Варшаве. Молодой человек, который решает пойти в семинарию, поступает и учится 3 года, после этого поступает в духовную академию, где учится еще 3 года. Но можно поступить в академию и, проучившись 5 лет, получить степень магистра. В Духовной академии есть студенты протестанты, есть евангелисты и другие, которые становятся пасторами в своих церквях. Но обучение их происходит отдельно от православных студентов. Бывает так, что те преподаватели, кто учат православных, читают лекции и протестантам, в соответствии с программой, которую предполагает академия.

- Легко ли живётся семейному православному священнику в католической славянской стране, где привычнее облик безбрачного священника? Священство традиционно в Вашей семье?

- Служим мы в стране католической, но мы с отцом Марком попали в центр Православия: Гайновка, Бельск-Подляский, Белосток, Семятичи - в этих городах большая часть населения православные и не чувствуется, что католики влияют как-то на православных. Но есть города, где всего лишь 30 православных, но батюшка служит своим верным в таком приходе. Я являюсь первым священником в своей семье, как и отец Марк. Ни дедушка, ни отец не был рукоположен и не служил ни в каком приходе. Служить приходится по-разному, но никто не стучит в двери и не гонит, и не пугает нас.

- Вы считаете, что центр Православия Польши - это Гайновка, где и находится Ваш приход. Каковы традиции Крестных Ходов в Польше, быть может во времена, когда Гайновка принадлежала Варшавской губернии?

- Перед войной люди боялись идти сообща, Крестным ходом. Но в частном порядке это было: моя пра-бабушка где-то в 30-е годы шла на Св. Почаевскую гору, но частным образом: где пешком, где немножко подъезжала на телеге, где поездом, но в основном пешком. Рассказывала прабабушка, что шла. Но после войны вышел первый Крестный ход в Почаев. Это случайно, что из Гайновки, а не из другого

места, потому, что в Гайновке работает братство и сестричество тех людей, которые соединяются, вместе молятся, вместе путешествуют, вместе колядуют, вместе славят Бога. И это братство и сестричество решило совершить паломничество - 38 человек по воле Божьей пришли в это Святое место поклониться и попросить заступничества Пресвятой Богородицы Почаевской.

- Возможен ли в ближайшие годы Крестный Ход с Украины, к примеру из Львова или Владимира-Волынского, в Ченстохов? Или из Ченстохова в Киево-Печерскую Лавру? Что необходимо для осуществления этого богоугодного дела?

- Всем известно, что в Ченстохове есть большой монастырь, но католический. И в этом монастыре находится Ченстоховская Богородица. И мы им говорим, что они молятся Православной иконе - Богородице Ченстоховской. В Ченстохове - большом городе, таком как Варшава, всего сотня православных поляков, и для участия в Крестном ходе к великой православной святыне Богородице Почаевской некоторые из них приехали к нам в Подляшье. В Ченстохове строится маленький православный храм в память Ченстоховской Богородицы, настоятель которого митрофорный протоиерей Мирослав Драбьюк. А если идти в паломничество из Львова или Киева, то в женский монастырь на Святую гору Грабарку. Там отслужить Божественную Литургию и идти Крестным ходом на Святую гору Почаевскую.

Критика

Павел Рейдов

Тема черного берета

«Белостокцы в черном берете» - под таким названием вышла в свет новая книга Юрия Шевченко, члена Союза писателей России, поэта, прозаика, баснописца, публициста, автора гимна морских пехотинцев «Слава Белостокского полка». Собрание очерков посвящено 70-летию 336-й Отдельной Гвардейской Белостокской Ордена Суворова и Александра Невского бригады морской пехоты.

Военный журналист газеты «Страж Балтики», «Красная звезда», автор статей журнала «Морской пехотинец», Шевченко соединил в сборнике 68 своих очерков. Главными героями его стали наши современники, судьбы которых оказались связанными с легендарным соединением, девизом которой всегда были слова, скрепленные мужеством и боевым братством: «Где мы – там победа!»

Виктор Чирков, Главнокомандующий военно-морским флотом РФ, в своей вступительной статье к книге заметил, что воин в черном берете – главный герой сборника – пользуется популярностью у российской молодежи и служит объектом подражания. В то же время незаслуженно мало внимания уделяют современные писатели героическим судьбам пехотинцев. Полтора десятка лет назад вышла книга «Морская пехота Балтики» В.Громака и О. Одноколенко. Часть книги «Балтийские судьбы» (2007) Л.Довыденко посвящена морским пехотинцам. Есть у морской пехоты свой сайт, где размещены статьи о жизни воинской части.

Но книга Юрия Шевченко, внука черноморца-катерника А.А. Мелентьева, участника морского десанта у Керчи во время Великой Отечественной войны, восполнила тот недостаток информации о «морских волках», который ощущается в современной отечественной литературе. Сборник написан «с глубоким уважением к морякам в черных беретах, названных народной молвой красой и гордостью флота».

Автор рассказал о том, как родилась идея - написать о морской пехоте - после встречи с одним из героев книги Андреем Гузиным, полковником, Героем России, который с сожалением произнес, что о них начинают писать, когда пехотинцы оказываются «навечно в строю». Тогда и созрело нелегкое решение – написать об особенных людях нашего времени, но трудность выполнения такой задачи заключалась в том, что по выражению писателя, герои его – «люди молчаливого подвига», «многих приходилось обхаживать годами», но результат стоит того.

Юрий Шевченко сделал мощный прорыв в направлении создания целой галереи красочных словесных портретов офицеров и матросов, которые своей доблестной службой продолжают традиции морской пехоты, заложенные на заре рождения русского флота, а затем – если посмотреть на боевую карту мира, пройдя от Норвегии до африканских джунглей. Хочется предположить, что, возможно, эти очерки станут основой для будущих захватывающих российских киносценариев, составив конкуренцию западному кино, где не жалеют средств на создание кинолент о героизме их десантников, постоянно спасающих от чего-либо мир, но довольно часто и вымышленных.

Ценность книги Шевченко в том, что она написана о реальных, живущих сегодня людях, наших Брюс Ли, в общении очень скромных, избегающих «ярмарки тщеславия», переживших столько всего, что рассказать пережитое – подвергнуть себя, свою жизнь новой опасности.

Его книга адресована широчайшему кругу читателей, интересующихся ратным недавним прошлым, опаленным Чеченской войной, трудными буднями повседневных боевых полигонных учений, свидетельствами воинской славы и отваги, представленных не только очерками, но и редкими фотографиями из личных архивов пехотинцев и музея Балтийского флота.

Элита вооруженных сил России – морская пехота Балтийского флота – представлена в книге Героями России, в том числе, и не получившими этого обещанного в «горячие ночи» звания, орденосцами, комбригами, комбатами - вплоть до гвардии старшин и рядовых матросов. Они отличаются не только особой физической подготовкой, но интеллектуальной способностью решать боевые задачи в самых сложных условиях, демонстрируя высочайшее военное мастерство.

Произведение Шевченко - это и попытка в коротком жанре очерка – найти истоки проявленной психологической силы, мужественного и оптимистического характера человека, у которого, конечно же, есть и семья, и свое хобби, свое увлечение, но роднее родных – гвардейцы бригады.

Невозможно перечислить в этой статье всех 68 героев книги, поэтому назову лишь некоторых из них. Многие скажут, что образ Алексей Мересьева – это из забытых школьных лет, и хромой Суворов, и одноглазый Кутузов, и одноногий адмирал Исаков – из учебников истории - и ошибаются. Среди

пехотинцев – заместитель командира первого десантно-штурмового взвода Михаил Родыгин, лишившись ноги, уверенно нес службу, лишь недавно уволившись в запас.

Александр Мендрик, гвардии майор, руководит минерами, которые только за последние два года обезвредили 26 000 мин, оставшихся на калининградской земле после войны.

Когда читаешь книгу Шевченко, то слова песни из кинофильма «Звезда пленительного счастья»:

Не раздобыть надежной славы,

Покуда кровь не пролилась, -

воспринимаешь совсем иначе, чем в фильме, охваченный тревогой и ощущением трагедии, которая за плечами таких, как ласково называемый подчиненными комбат Дарик – Герой России, Александр Даркович, под руководством которого, по несколько раз в день отстраняемого от должности, переправа через Сунжу «вошла в анналы» истории бригады.

Также и уникальный выход из окружения по болоту после четырехчасового боя гранатометно-пулеметного взвода под началом Валежана Абдусаттарова, кавалера Ордена Мужества. Читатель книги забирается в бронетранспортер, входит в госпитальную палату, отправляется на полигон, к минометной батарее, выполняет задание вместе с подрывниками, идет в роту связи, любуется четким, слаженным шагом под звуки оркестра, учится снайперскому искусству, узнает позывные, участвует в экипировке десантника, встречает корабли из походов...

Автор книги о пехотинцах уделил внимание и женщинам в черных беретах, уникальному явлению современности, подчеркивая, что писать портреты «верных дочерей Отечества» требуется «особенно тонко».

Герои книги Ю.Шевченко рожают то же чувство, какое испытывают жители Балтийска, столицы морской пехоты Балтийского флота, с почтением останавливаясь, ощущая перехватывание горла и «мороз» по коже, когда ежегодно гвардейцы в черных беретах возвращаются из Москвы, с парада Победы, и, чеканя шаг, проводят триумфальное шествие по майским улицам города.

Леонид Владимиров

«Беспокойное море» творчества Виктора Геманова

Прочитав три повести, составляющие книгу В.С. Геманова «Беспокойное море», думаю о том, какую океанскую глубину таланта носит в себе автор, какой огонь сжигает его беспокойную, как море, душу...Сборник открывает повесть, давшая название книге. Есть в ней блистательные эпизоды, раскрывающие величие и благородство человека, напряженно и честно служащего своему делу, и то ничтожное и печальное, что носят в себе тоже «человеки», звучащие горько.

Следователь, старший лейтенант Егор Умнов, покидая зал суда, где завершилось раскрытое им дело, охватывающее преступление границы, убийство работника прокуратуры и другие злоумышления теми, кто движим лишь материальными интересами, «никак не мог избавиться от мрачной мешанины оголтелей лжи и оговоров одних, изворотливости и холуйства других, хамелеонства третьих... И, чтобы избавиться от гадливости <...>, он решительно пошел на свое любимое место на берегу залива в Спортивной гавани».

Природа исцеляет, дарит силы для решения новых и сложных задач в беспокойном житейском море. А то, что пройдено, называется опытом, не только житейским, но и писательским, который ощущается в каждом слове автора. О нем можно сказать, что его художественная речь «сверкает в деталях, как золотые крупницы в морском песке». Когда его герой Умнов понял, что «найден верный след», автор приводит в пример чувство охотников, называемое «ощущением следа». Это чувство сродни писателю, который «находит верный след» в охоте за психологией героев, «ставящих на кон свою жизнь». Живописный дар писателя налицо: «двуногих зверей притягивали будто магнитом Владивосток и Находка, Уссурийск и Артем», «легкая кисея предрассветного тумана медленно ползла по стальной обшивке корабля», «скопище водяных валов», «парни будто сердцем, каким-то седьмым чувством поняли сказанное боцманом»... Художественный дар Геманова - столь редкий в наше время графомании - неоспорим.

В повести «Мечта моя» писатель от динамического сюжета «Беспокойного моря» переходит к неожиданному эпистолярному жанру, прибегая к письмам и дневниковым записям Виктора Петренко, мечтавшего стать моряком и осуществившего свою мечту. Автор и его герой – тезки, что позволяет думать, что это автобиографическая повесть. Хотя писатель определился с жанром повести, все же вспоминается знаменитая фраза В.Катаева: "Нет жанров. Есть жизнь". Действительно, повесть личностная, исповедальная и иногда даже фантазмагорическая. Но память его благодарная, и льется доброе слово о тех, кто был причастен к волнениям, тревогам, кто, может быть, немногословно, но учил действовать и анализировать, выдержке и трезвости в экстремальных условиях, и был тем, кому ничто человеческое, дружелюбное, сердечное не чуждо в редкие минуты отдыха в матросской службе.

Повесть говорит о том, что это проза поэта (Виктор Степанович – автор ряда поэтических сборников), мысль которого свободно перемещается от события к событию, от предмета к предмету, от впечатления к рассуждению. Знаменитая формула Маяковского "Я - поэт. Этим и интересен" полностью соотносима с повестью «Мечта моя». Герой выбирает сложный путь моряка, и выясняется, что именно это и прекрасно. Такое видение - священное право автора, как, впрочем, и обязанность, поскольку читатель ждет от него самовыражения, самовыявления, оригинального взгляда на избранную им тему. «Закон флотской жизни, - пишет Виктор Степанович, - крепкая флотская дружба, взаимовыручка и поддержка». Не воображаемое ли это или желаемое автором? – спросит кто-то сегодня недоверчиво. Писатель отвечает: «Горькое и смешное, тяжелое и приятное, но больше всего – правдивое».

Завершает сборник повесть о разведчиках, заброшенных в Восточную Пруссию в 1944 году, «Ход конем».

Название напоминает игру в шахматы, с которой часто сравнивают человеческие судьбы, воплотившиеся в повести в двух антиподах: эсэсовец Отто Ланс, получивший в детстве наставление отца быть умным, но главное - сильным, и Михаил Жарков, продемонстрировавший не только ум, выносливость, но и мощнейшую силу духа. Писатель ведет своего читателя по городским и лесным дорогам Восточной Пруссии, в довоенный Таллинн, в старинный замок с конным заводом под Кенигсбергом русского князя Безгубова, оставшегося в Пруссии после первой мировой войны. Внимательно, заинтригованные, вчитываемся мы в монологическую речь слуги князя - Ивана Птицына, вглядывающегося в небо на востоке, ностальгирующего по России.

С одной стороны, как писал О. Мандельштам, "все перепуталось" здесь сообразно законам жанра, именуемого жизнью, в которой рядом вышагивают добро и зло, благородство и коварство.

С другой, мне, как читателю, жаль прощаться с Михаилом Жарковым, бежавшим из плена и выполнившим задание, как и с другими героями повести. Как сложатся дальше их судьбы, одной ей, судьбе, лишь и известно, ведь она только прикидывается случаем, чтобы предопределенностью своей не совлечь нас

с пути вечных вопросов, которые так свойственно задавать русской литературе. А Ф.М. Достоевский говорил, что «здравый рассудок примолкает, как сирота, когда кончаются вопросы».

Проза Виктора Геманова увлекает и не отпускает, потому что она напоминает о том, что где бы читатель ни находился, как бы ни назывался, важно, чтобы было куда вернуться, хотя бы в мыслях и мечтах. Она зовет ощутить себя колечком бесконечной цепи жизни, призывает что-то понять, с кем-то повстречаться, чему-то возрадоваться, о чем-то пожалеть, смахнуть слезу или улыбнуться, разрешить себе океанское величие и глубину, избегая застоя, выбирая жизнь беспокойную, как море.

Обращаясь к поэтическому сборнику Виктора Геманова «Согреть теплом своим», следует отметить, что стихи Виктора Геманова, поэта известного и опытного, отличаются своеобразием поэтической манеры, определенной тематикой, вполне установившимся отношением к разного рода жизненным явлениям.

Неслучайно сборник назван «Согреть теплом своим». В него вошли стихи и шесть поэм, в которых личность поэта предстает благородной и великодушной, качества, относящиеся к вечным ценностям на земле:

... Равнодушья не приемля,
Готов обнять я всю страну, всю Землю:
Я написать стараюсь новый стих,
Чтобы согреть теплом своим других!

В сборнике географически широко отражен жизненный путь поэта: здесь стихи, навеянные местами и Янтарного края, и Ленинграда, и Дальнего Востока. Автор — человек непростой судьбы, вобравшей в себя множество впечатлений — от детских, безмятежных и радостных, до самых драматических и противоречивых.

Его темы - это, в основном, темы городской и флотской жизни. Через многие стихи проходят то светлые, то печальные раздумья о судьбе страны, раздумья о тех переменах, которые произошли в жизни родины на глазах автора. Значительное место принадлежит стихам на темы нравственно-этические. Примечательной чертой поэзии Геманова является ясно выраженный в них гуманизм, чисто человеческая доброта автора по отношению к людям — этой чертой обусловлена, в частности, манера доверительного разговора поэта с читателем, как с другом, как с человеком одной судьбы или как с человеком, только входящим в жизнь, которому у автора есть что сказать...

То, что стихи Виктора Геманова талантливы, вряд ли у кого может вызвать сомнение. Они глубоко впечатляют, завладевают сердцем и запоминаются, потому что это чистый и взволнованный голос русской лирической поэзии. Здесь мы имеем дело с поэзией живой и ясной. Ее особенности - полнокровность, многокрасочность, живописность стиха. Привлекает особое внимание и нередко просто очаровывает душу удивительно емкая, своеобразная, музыкальная ритмика его стихотворений, которая придает всему творчеству Геманова широкую, спокойную русскую напевность. Его ритмы идут не от литературы (хотя классики и оказали на него благотворное влияние), его ритмы возникают из самой жизни по требованию души, которая их и подсказывает.

Стихи отличает напряженность чувства, сила страсти, ясность настроений, об этом невозможно было не написать.

И море мне не по колени.
Мне б глубину – как кораблю:
В больших и малых проявленьях
Я жизнь и славлю, и люблю.

Необычайно важной поэту представляется тема человека как центра всего мироздания. Автор обращается к ней в контексте современного пространственно-временного соотношения и прямо отмечает, что человека окружает бесконечный круговорот проблем и задач. Ярко выражен мотив бурления человеческой жизни, попытки приостановить ход истории и вернуться к естественной прежде гармонии.

Поэзия нашего современника весьма многозначна и ассоциативна, стихотворения рассчитаны на наблюдательного и начитанного собеседника, с которым он ведет разговоры «за жизнь»:

Я солнца малую частичку
Хочу в своих стихах зажечь
И беспокойных в перекличку
Звенящей рифмою завлечь...

В стихах его «О Родине моей», «О море, флоте и о службе», «Но дорожить своим!», в его «Мыслинках и смешинках», в эпиграммах, баснях, стихах о детях и для детей, в поэме, например, «Мы состоялись!» выражена правда чувства, правда большой и сложной любви (часто в преодолении горечи) к человеку, миру и земле.

Виктор Каргатский

И форма, и содержание... (сердитые заметки)

Недавно мне несказанно «повезло»: я получил в подарок новую книжку стихов М. «Жизнь во все стороны». С первого взгляда книжка понравилась: твёрдый переплёт, семьдесят страниц текста, удобочитаемый шрифт, необычный формат... Правда, несколько озадачило изображение какого-то нагромождения букв кириллицей и латиницей на обложке. Ну да, подумал я, оставим это на совести автора и его художественного редактора, если таковой был. Мало ли что придумывают, лишь бы привлечь внимание: вон какие «фокусы-покусы» устраивает, к примеру, телевидение в своих шоу! И ничего, «проглатываем», хоть и чертыхаемся при том...

Однако вернёмся к книжке. И начнём со знаменитого изречения «Если звёзды зажигаются, значит это кому-то надо!» В общем, если уж книжка написана, она, видимо, нужна. Только хотелось бы знать, а кому, зачем и для чего она предназначена. Потому что изначально книга считалась вещью серьёзной, значимой, и писатель, равно как и поэт, во все времена был почитаем за то, что он пишет для общества, в котором живёт. Являясь «инженером человеческих душ», он полагает своим призванием помогать людям совершенствовать свою душу, прививать каждому человеку высокую нравственность и гражданственность, ибо такова главная задача цивилизации человеческой – самосовершенствоваться во имя добра, во имя правды, во имя мира и справедливости.

Орудием же достижения всего перечисленного писателю и поэту дан талант, с которым он и применяет свою грамотность, излагает мысли дельные и полезные для читателей соответствующими им формами. Так что форма и содержание литературных произведений – вот предмет наших рассуждений сегодня.

Что касается форм, они, в основном, остаются привычными, известными с незапамятных времён – классическими летописью и былиной, романом и повестью, поэмой и балладой, одой и басней. Вместе с тем эти формы, как жанры литературы, имеют ещё и внутреннюю форму, форму подачи. Главные её составляющие в поэзии – рифма и ритм. И можно спорить, что важнее из них – то ли рифма, то ли ритм. Это уже дело вкуса и пристрастий. Но в любом случае именно они придают произведению своеобразие, особенность, отличающую их от других. И об этом продолжают споры среди авторов и литературоведов.

Признаться, и мне доводилось не раз поднимать этот вопрос, рассуждать о путях поэзии, её проблемах, о понимании её сути. Выражал я своё видение проблемы, например, такими строчками:

Что есть поэзия? Ужели поиск слова
И больше ничего иного?
Я не согласен с этим! Как я мыслю?
Ищу слова не к рифмам, а по смыслу.
В рассудочности сложно ль обвинить?
Но и с бряцаньем рифмой как же быть?
...И не страшась нисколько укоризны,
Отчётливо я понимаю сам:
Я должное отдам, конечно, рифме,
Но...придаю значение словам!

Итак, форма поэтического произведения. Надо заметить, что многожды в истории литературы предпринимались попытки поиска новых её направлений, новых форм. Вспомните хотя бы классицизм и декадентство, символизм и модернизм, натурализм и романтизм... Соответственно им делались попытки изменения форм подачи произведений. Только жизнь отметала то, что не соответствовало глубинным, главным интересам общества. Но ведь чертополох всегда более живуч, нежели культурное растение. И видимо, потому ростки его то и дело прорезаются на литературном поле.

Возможно, я не прав, и пусть меня в том поправят, но, читая представленные М. стихи, я никак не мог отделаться от мысли, что они – из той же известной «поисковой» среды. Поэт, как мне кажется, пытается найти себя, найти присущую именно своим взглядам форму самовыражения. Только неизбежно теряет при этом почву под ногами.

Приведу хотя бы отдельные фрагменты его стихов. Так, в стихотворении «Техника речи» М. заявляет:

Переломать все кости в языке –
чтоб говорить свободно.

Одну всё-таки оставить –
чтобы не лукавить.

Уже не говорю я об имеющейся ломке ритма стиха и об отсутствии полной рифмы. Давайте обратимся к смысловой стороне. О каких таких костях в языке твердит поэт? Пусть даже говорит он это иносказательно. Допустим. Но тогда становится непонятно, а почему мы не будем лукавить, если одна косточка в языке всё-таки сохранится? И что это за косточка?

Давайте приведём ещё некоторые строчки, разумеется, сохраняя в неприкосновенности авторский текст – абсолютно точно.

снами уходим снами
ходим поодиночке
разлуками и размолвками
врозь умираем
с глаз долой и из сердца
а между тем из жизни
и средства передвижения
орудия быстрой смерти...

Как видите, - в тексте ни прописных букв, ни точек, ни запятых и иных знаков препинания! Удивительно ли, что в немалой степени от этого и смысл текста совершенно не понятен, не ясен. Ну, на кого он рассчитан?. Да и другие подобные стихи, носящие названия «Физика», «Ревнивый сон», «До», «Новое искусство умирать», «Поле пустыни», многие другие И такого рода творения составляют добрую половину книжки.

Однако вернёмся к форме стихов. Известно, что поэты разных лет и эпох твёрдо придерживались ритма и рифмы, обязательно соблюдая при этом смысловую составляющую. Они умело применяли множество форм, состоящих из четырёх-, шести- и многострочных строф, порой не гнушались «раёшника» - в зависимости от возможности ясно и чётко донести до читателя смысл произведения. В любом случае форма не была ради формы. И в этом свете не могу не остановиться на стихотворении «Новое искусство умирать». Прежде всего, вы уже сразу заметили, какой «прилив жизненных сил» вызвало само название стиха. Ну, а в тексте идут «новостройки» строк, которые я приведу без каких бы то ни было коррективов.

1.
альбом чужих фотографий
узнаю себя
вспоминая
2.
сердце болеть перестало
спросить его не успел
о ком
3.
казалось капель
так похоже стучали часы
всё тает

Вообще-то своей кажущейся многозначительностью стихи эти напоминают японские хокку. Но, спрашивается, причём здесь, в наших реалиях, японские формы и приёмы? Своих не хватает? Нам бы свои хотя бы прилично освоить! Тем более – предлагаем стихи эти школьникам, которым и на программные материалы времени и усидчивости не хватает.

Конечно, автор вправе поступать так, как он видит и понимает. Но ведь следует и учитывать предназначенность книги – для кого она? А в принципе подражать кому-то и чему-то не запрещено и не зазорно. Лишь бы при этом не забыть, что российские писатели и поэты, как и преподаватели русского языка и литературы призваны помочь школярам овладеть своим, русским, языком, приобрести русскую грамотность.

Впрочем, не слишком ли я вторгся в творческую лабораторию автора со своими взглядами?

Давайте обратимся теперь ко второй (не по значимости, а по счёту) составляющей литературы – содержанию произведений. Мы, вообще-то этой проблемы касались, но разберёмся поглубже. Отметим прежде всего, что книжка стихов М. издана по программе Правительства Калининградской области. Надо полагать, исходя из этого, что руководством предполагалось наличие в ней определённой полезности: ведь книжка должна была пополнить библиотеки школ и городов области. Стало быть, предназначена она, в основном, для учеников. И поскольку литература является письменной формой искусства слова,

художественно-образной формой отражения окружающей действительности, она должна помогать в практически-духовном освоении мира учениками. Ибо она, литература, создаёт свою форму из слов, из языка, имеющих воплощение в буквах и звуках, чтобы быть постигнутой не только в чувственном, но и интеллектуальном понимании.

Да, особое, своеобразное положение занимает при этом поэзия. Как говорил Виссарион Белинский, «Поэзия – есть высший род искусства...Поэзия выражается в свободном человеческом слове, которое есть и звук, и картина, и определённое, ясно выговоренное представление»...Но вот мне, как рядовому читателю, весьма трудно видеть ту самую картину на основе большинства стихов, представленных в книге. Уж очень она безрадостна, да и туманна. До смысла не добраться!

Правда, есть у автора и конкретные стихи, несущие конкретный образ. Скажем, в «Озёрной школе» можно прочитать:

Мы взяли пол-литру, орешков и пива,
И, всяк предвкушая законную треть,
Мы выбрали пруд и спустились с обрыва
К воде – на непуганых уток смотреть...
...Последний, с бутылкой, отмерил остаток
И бросил, пустую, в прибрежный тростник.
И, точно в траве наших тел отпечаток,
Вопрос растворился. Ответ не возник.

Оно конечно. Только у меня возник вопрос: конечно, читатели библиотеки Правительства вполне могут понять и принять такую картину с природы, а вот надо ли это детям школьного возраста? Или же у автора и распорядителей литературных грантов особое мнение по этому вопросу? Мне бы очень хотелось узнать это, ибо многие писатели и поэты, в том числе и я, грешный, пребывают в некоторой растерянности: а то ли они пишут, не сбился ли у них прицел, не устарели ли их взгляды на гражданственность, нравственность и прочие, видимо, изжившие себя ценности?

В этом свете хотелось бы обратить внимание на еще одно стихотворение с многообещающим названием «Живопись».

Проступает на кофте красная краска.
Откуда бы? Что такое с тобой случилось?
Это – от Жени, от художницы, от Жени,
Ты ещё помнишь её? Женя Голант:
Рассказывала про менструальное
 платье Глюкли,
возила тебя в Комарово на дачу,
картины свои показывала,
смущалась
.....
Краска на кофте;
живопись;
Женя.

Вот так вот – как говорят, «простенько и со вкусом»! А почему бы детишкам и не рассказать об этом, о том самом, от чего и взрослые-то смущаются, вспоминая. Пусть себе привыкают! Ведь в жизнь вступают детишки, особенно младшеклассники!

А мне, многогрешному, почему-то до сих пор кажется, что главная точка приложения художественных сил литературы – человек, причём человек, как носитель духовности. Я полагал, что всякое художественное произведение – акт духовно-эмоционального общения между людьми. Причём общения, ведущего от чувственно-практического созерцания до смылосозидания, до отображения бытия в духовно-мыслительных формах, помогающих самосовершенствованию человека. Или я не прав?

Тогда хотел бы получить толковое разъяснение по этой проблеме, такое, которое примирило бы мою непримиримую позицию в понимании места формы и содержания литературы в жизни человека с позицией автора книги стихов.

Наши авторы

Леонид Бондарь родился в 1988 году в Калининграде. Студент филологического факультета БФУ им. Канта, 4 курс. Принимал участие в проектах "Сквозняки. Калининградская поэзия вне форматов", "Лаборатория перформанса «+79062319859»", "El Patio Flamenco", а также в поэтических фестивалях "Slowwwо" (2009, 2011), "Майский фестиваль новых поэтов" (2011), «Эффективная поэзия» (2011), АВАНТ-2012.

Публиковался в альманахе "Borussia", в поэтических сборниках "Перотехника" и "Перотехника - 2" (2010, 2011, Калининград). Участник творческой группы "Эффект Доп(п)лера".

Николай Александрович Василевский – поэт, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, автор-исполнитель цыганских песен и романсов, Заслуженный работник культуры. Публиковался в журналах «Смена», «Дружба народов», «Студенческий меридиан», в альманахе «Подвиг». Автор книг: «Песня цыгана», «Дорога из табора», «Кочующий костёр», «Сломанный кнут», «Бричка», «Зов памяти»

Йорам Вольман родился в Тель-Авиве в 1942 году, живет там до сих пор. Целлюлярный биолог, закончил Институт Вайцмана в Израиле. В течение последних трех десятилетий работал над медицинскими исследованиями в Медицинском Центре в Тель-Авиве директором лабораторий. Женат, отец троих детей.

Дмитрий Павлович Воронин - член Союза писателей России, член Конгресса литераторов Украины, член Межрегионального Союза писателей Украины. Является автором трех сборников рассказов. Последние два года отдельные рассказы выходили в периодической печати Москвы, Берлина, Краснодара, Тулы, Воронежа, Липецка, Кишинева, Петрозаводска, Донецка, Чебоксар, Лобни, Таллинна и Калининграда. Является лауреатом международного конкурса «Согласование времен» - 2009 и 2011г.г. (Германия), лауреатом международного фестиваля «Славянские традиции» 2010 и 2013г.г. (Украина), лауреатом литературной премии им. Юрия Каплана (Украина), лауреатом национального конкурса «Золотое перо Руси» - 2011г., Гран-При международного конкурса «Гоголь-фэнтези» - 2011 (Украина), лауреатом «Гоголь-фэнтези»- 2012 (Украина), дипломантом международного конкурса «Русский Stil» - 2012 (Германия) и др.

Александр Константинович Гахов - член Союза писателей России, член Международной ассоциации писателей и публицистов, автор 8 опубликованных книг, лауреат премии «Филантроп» (Москва), 2012.

Виктор Степанович Геманов - Действительный член Академии военно-исторических наук, профессор Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, лауреат Всероссийской литературной премии имени Великого князя Александра Невского, автор 28 книг.

Александр Федорович Грибков родился в 1952 году, в городе Волгограде. После окончания средней школы и службы в армии учился в институте и в мореходном училище. Работал на севере в Траловом флоте и в московской Патриархии. Автор эзотерического трактата «Имя зверя (тайна слова)».

Алексей Захарович Дмитриевский – член Союза писателей России и Союза журналистов России, профессор кафедры зарубежной филологии и историко-сравнительного языкознания БФУ имени И.Канта, автор восьми сборников статей литературоведческого и культурологического содержания и 11 сборников стихов

Лидия Владимировна Довыденко - писатель, поэт, публицист, краевед, переводчик, общественный деятель, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук КИЭ, автор 16 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов: «Тайны Пиллау» -18 серий, «Морской город Балтийск», «Экскурсия в крепость Пиллау» и других, автор около тысячи теле- и радиопердач, журналистских статей, 30 научных работ. Лауреат Международного литературного конкурса «Славянские традиции», лауреат Международного литературного фестиваля «Русский стиль».

Игорь Васильевич Ерофеев - краевед, поэт, писатель, журналист, рок-музыкант. Член Союза журналистов России, Международного союза журналистов и Союза писателей России. Руководитель городского литературного объединения «Рассвет» и районного историко-краеведческого общества «Седьмая земля». Печатал свои стихи и прозу в местных газетах, журналах, коллективных сборниках. Публиковался в «Антологии калининградского рассказа», журналах: «Север», «Мозаика юга». Автор книг лирики: «Устоять» (Калининград, 2009) и «Неба тонкие узоры» (Калининград, 2010). Победитель конкурса «Человек года» в номинации «Мой город – моя судьба» (1999). Лауреат Международного конкурса малой прозы «Добрая Лира» (Санкт-Петербург, 2010). Награжден медалью «За вклад в наследие народов России».

Екатерина Александровна Котова - участница поэтических фестивалей «Slowwwо» (2011, 2012, 2013), «Эффективная поэзия» (2011), АВАНТ (2012). Сентябрь года - выпуск книги стихов «Версия для печати» на базе РЕН-центра(2010). Сборник стихов под музыку в альбоме "Audiotree" (первая наивная проба) (2011). Публикации в сборнике «На зимних поездах» (2012), в антологии «Эффективная поэзия» (2012). Участница творческой группы "Эффект Доп(п)лера".

Юрий Адамович Крупенич - член Союза писателей России, Лауреат международного литературного конкурса "И память сердца говорит" (Вена, 2010), Лауреат регионального конкурса на лучший рассказ-2009, финалист международных конкурсов «Белая скрижаль» и «Русский автобан», автор пяти опубликованных книг.

Неонила (Неля) Емельяновна Пасичник – автор и кинорежиссер научно-популярных и документальных фильмов, демонстрировавшихся в кинотеатрах Киева и Берлина (Германия), в телеэфире Украины, России (ТВ-«Культура», 1999 год), США; член национального союза кинематографистов Украины; лауреат и участник международных кинофестивалей «Молодость» (Киев 1993, 1995, 1998, 1999); Берлинале, официальная программа «Панорама мирового кино», с кинокартиной «Тысменица», (Берлин, 1996); МКДФ в Кракове (1996); МКДФ в Монреале (Канада, 1996); автор обзоров программы фильмов МКФД в Нионе (Швейцария, 2001, 2005), МКДФ (IDFA) в Амстердаме (Королевство Нидерланды, 2001), автор очерков, опубликованных в русских газетах и журналах на Украине, в России, США («Новый Журнал»)

Светлана Вячеславовна Супрунова. Три года работала медсестрой в Афганистане, проходила воинскую службу в Таджикистане. Окончила Калининградский государственный университет и Литературный институт им. М. Горького. Лауреат Международных конкурсов «Литературная Вена-2012» и «Согласование времён-2012» (Германия), член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников.

Виталий Евгеньевич Шевцов - калининградский писатель, председатель правления Калининградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союза писателей России» (Балтийская писательская организация), секретарь правления Союза писателей России; член Международной гильдии писателей (03. 10. 12). Родился 17.04.1952, Латвийская ССР, Рига. Лауреат литературной премии "Справедливый мир" (Москва), учрежденной Общероссийским движением "Россия" (2005), лауреат I Межд. литературного фестиваля "Славянские традиции–2009" (Крым), удостоен Почётного диплома «Победа» I Межд. литературного фестиваля "Славянские традиции–2009" (Крым), Межд. литературного конкурса "Перекресток-2009" Чеховского общества (Дюссельдорф, Германия), лауреат II Межд.конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого (Москва, 2009), лауреат Межд. литературного конкурса "Литературная Вена–2009" (Австрия), лауреат Межд. литературного конкурса, посвященного 65-летию Победы, "...И память сердца говорит" (Австрия, 2010); Диплом лауреата литературной премии имени С.Т. Аксакова (Оренбург, 2013год). E-mail: shevtsov39@mail.ru. ; <http://shevtsov39.ru> Адрес: 236041. Калининград, улица Куйбышева, дом 85, квартира 12.

Владимир Иванович Шемшученко - член Союза писателей России, член Союза писателей Казахстана. Кавалер ордена Святого благоверного князя Александра Невского «За заслуги и большой личный вклад в развитие и укрепление государства Российского». Лауреат Международной премии «Поэзия», международной премии Семёна Полоцкого, международной премии им. Михаила Матусовского и международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских, победитель Первого, Второго, Третьего и Четвёртого международного конкурса поэзии в Москве. Награждён Патриархом Московским и всея Руси Алексием II золотой медалью Сергия Радонежского I степени. Лауреат Всероссийских премий имени Н. Гумилёва, А. Прокофьева, Хрустальной розы Виктора Розова, «Югра», А. Дельвига, М. Лермонтова, лауреат Первого Всероссийского Православного конкурса поэзии им. А. Невского, лауреат премии журнала «Наш современник» в области поэзии за 2007 год, лауреат премии журнала «Москва» в области поэзии за 2008 год, лауреат премии журнала «Сура» в области поэзии за 2010 год, обладатель «Золотого пера Московии», победитель международного фестиваля поэзии «Славянские традиции» 2010 года, дипломант премии им. А. И. Бунина, действительный член Петровской Академии наук и искусств. Главный редактор журнала «Всероссийский собор», газеты «Небесный всадник», собственный корреспондент «Литературной газеты». Награждён Почётной грамотой Союза журналистов РФ «За большой вклад в развитие российской журналистики». Соучредитель Европейского конгресса литераторов. По итогам Второго открытого Всероссийского конкурса поэзии в доме-музее Игоря Северянина назван «Королём Поэтов». Участник шести антологий поэзии. Автор десяти книг стихов.

Олег Владимирович Щеблыкин – родился в селе Парусное Воронежской области. После срочной службы на Дальнем Востоке учился на факультете журналистики Львовского высшего военно-политического училища, служил в редакциях флотской и окружной газет в Калининграде и Санкт-Петербурге, ныне - преподаватель Военно-морской академии. Педагог высшей школы. Преподаватель высшей школы. Капитан 2 ранга. Ветеран военной службы. Общественный деятель. Лауреат и дипломант всероссийских и областных литературных конкурсов. Член Союзов журналистов (1993) и писателей (2013) России. Автор и автор-составитель пяти изданных книг поэзии и публицистики. Автор-составитель и участник коллективных сборников. Главный редактор исторического и информационно-аналитического журнала «Морское наследие».

Сергей Александрович Угренинов - автор двух сборников рассказов, трех повестей, романа и трех документально-исторических книг по истории казачества. Неоднократный победитель

Международного литературного конкурса "Триумф короткого сюжета" серии "Большой Финал - 2012". Обладатель Литературного Оскара в номинации "Проза" на конкурсе-фестивале литературы и искусств "Русский стиль - 2012". Лауреат Международного литературного конкурса "Согласование времен - 2011" (Франкфурт-на-Майне, Германия). Лауреат Каверинского литературного конкурса – 2012 (Россия). Финалист Международного литературного конкурса детского рассказа "Желтая гусеница: во сне и наяву" (Россия). Имеет награды: «Сибирский Казачий Крест» I и III степени, а также медаль «Атаман Ермак» за создание документально-исторических книг о казачестве и освоении русскими Казахстана и Средней Азии, вклад в развитие русской культуры за рубежом, укрепление дружественных связей между народами России и Казахстана.

Признательность

Редакция журнала выражает сердечную благодарность всем, кто поддержал издание, в том числе:

Александр Николаевич Кузнецову, депутату Калининградской областной Думы Игорю Александровичу Белову, директору ФГУ Калининградского центра стандартизации, метрологии и сертификации

Правила подачи материалов

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт – Roman, кегль 10, межстрочный интервал – 1). Текст необходимо пропустить через функцию – непечатаемые символы: между словами - только 1 пробел, не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

Главный редактор: Лидия Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru

Редакционный совет: Дмитрий Воронин, Игорь Ерофеев, Виктор Геманов, Юрий Крупенич, Светлана Супрунова, Валентин Черноухов, Олег Щеблыкин

Дизайн и верстка: ООО «Белая Ворона»

Печать:

Тираж: 200 экземпляров

Издание предназначено для лиц старше 12 лет. При распечатке материалов, в том числе использования их в электронных СМИ, ссылка на журнал «Берега» обязательна. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются